

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЛАДИМИРСКИЙ
ФИЛИАЛ

**РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
В ПЕРИОДЫ КРИЗИСОВ, ВОЙН
И РЕВОЛЮЦИЙ: ВЛАСТЬ,
ЦЕННОСТИ, ИНСТИТУТЫ**

(к 100-летию начала Первой мировой войны)

под редакцией Евстифеева Р.В.

**THE RUSSIAN STATEHOOD DURING
THE PERIODS OF CRISES, WARS
AND REVOLUTIONS:
THE POWER, VALUES, INSTITUTES**

(To the 100 anniversary of the beginning
of the First World War)

Владимир-2014

УДК 351 + 323

ББК 66.033.141 + 63.3(2)524

Р 76

Рецензенты:

Слатинов Владимир Борисович, доктор политических наук, доцент, директор Центра «Высшая школа регионального управления» Орловского филиала РАНХиГС.

Косов Геннадий Владимирович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международно-политических дисциплин, мировой экономики и международного права ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

Р 76 Российская государственность в периоды кризисов, войн и революций: власть, ценности, институты (к 100-летию начала Первой мировой войны). Под редакцией Р.В. Евстифеева. Владимирский филиал РАНХиГС. Владимир, 2014. – 399 с.

ISBN 978-5-906051-73-8

УДК 351 + 323

ББК 66.033.141 + 63.3(2)524

В коллективной монографии, подготовленной ведущими российскими учеными - политологами, философами, историками, впервые в отечественной науке с междисциплинарной точки зрения рассматриваются проявления феномена российской государственности в острейшие периоды российской истории. На широком историческом фоне от зарождения российской государственности до сегодняшнего периода развития показаны особенности формирования и развития основных властных институтов и ценностей российской государственной системы. Особое внимание уделено развитию важнейших политических институтов в рамках российской государственности, таких как демократия, политические выборы, парламентаризм, федерализм и другие.

Книга рекомендуется ученым, специалистам, политикам, государственным служащим, всем интересующимся историей и перспективами развития российской государственности.

ISBN 978-5-906051-73-8 © Владимирский филиал РАНХиГС, 2014

© Авторы, 2014

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Баранов А.В. – гл. 12, гл. 14, гл. 15; Баранов Н.А. – гл. 11; Бляхер Л.Е. – гл. 7; Давыдов М.И. – гл. 5; Евстифеев Р.В. – гл. 1, гл. 8; Глинчикова А.Г. – гл. 4; Гришин Н.В. – гл. 13; Коллеров А.Л. – гл. 8; Крупкин П.Л. – гл. 3; Летняков Д.Э. – гл. 2; Попов В.А. – гл. 9; Самойлов А.В. – гл. 8; Тихонов А.К. – гл. 6; Устинов А.В. – гл. 10.

Сведения об авторах

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

Баранов Николай Алексеевич, доктор политических наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург.

Бляхер Леонид Ефимович, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск.

Давыдов Матвей Ильич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Владимир.

Евстифеев Роман Владимирович доктор политических наук, заведующий кафедрой менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Владимир.

Глинчикова Алла Григорьевна, доктор политических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва.

Гришин Николай Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань.

Коллеров Александр Львович, независимый исследователь, г. Ковров.

Крупкин Павел Ливерьевич, кандидат физико-математических наук, научный руководитель Центра изучения современности, г. Париж.

Летняков Денис Эдуардович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва.

Попов Владимир Анатольевич, кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Москва.

Самойлов Андрей Владимирович, независимый исследователь, г. Ковров.

Тихонов Андрей Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История, археология и краеведение» Владимирского государственного университета, г. Владимир.

Устинов Алексей Валерьевич, аспирант Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, г. Кострома.

Авторский коллектив выражает благодарности нашим коллегам, руководителям и специалистам Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, без труда и участия которых подготовка и издание данной книги было бы невозможным: Картухину Вячеславу Юрьевичу, Илларионову Александру Ефимовичу, Серегинной Светлане Викторовне, Перегудовой Наталье Маратовне, Борисову Анатолию Витальевичу, Шкадовой Юлии Александровне и Фоминой Оксане Викторовне.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Введение. Российская государственность: Past Path Dependency и (или) веер альтернатив.....	9
Раздел I. Методологические проблемы исследования российской государственности	27
Глава 2. Существует ли «российская цивилизация»? Опыт критического анализа цивилизационных концепций.....	27
Глава 3. Особенности государственности и социального порядка в XXI веке: «гениальная власть» Кремля.....	62
Глава 4. Раскол и своеобразие российской социально-политической модернизации.....	101
Раздел II. Российская государственность в переломные эпохи.	129
Глава 5. «Безгосударное царство»: эпоха Смутного времени в исторической ретроспективе и современной политической конъюнктуре	129
Глава 6. Российская государственность и неправославное население России в предреволюционный период (конец XIX – начало XX вв.).....	152
Глава 7. «Золотой век» Приамурья: опыт взаимодействия государства с локальным сообществом в периферийных зонах (1870 - 1904 гг.).....	173
Глава 8. Российская государственность и I Мировая война: от мобилизации до финала	188
Глава 9. Февральская революция 1917 года: долгосрочные и ситуативные факторы крушения монархии в России.....	210

Глава 10. Переломные эпохи российской государственности в русской исторической романистике XIX века	231
Раздел III. Политические институты российской государственности в периоды войн, кризисов и революций.	265
Глава 11. Демократические институты и российская государственность.....	265
Глава 12. Российская государственность и развитие парламентаризма в начале XX и начале XXI вв.: сравнительный анализ	289
Глава 13. Российская государственность и институт политических выборов: трансформация электоральных институтов в периоды кризисов и революций.	319
Глава 14. Метаморфозы федерализма в России: имперский и советский инварианты	337
Глава 15. Метаморфозы федерализма в России: постсоветский инвариант	362
Abstracts.....	390

CONTENTS

Chapter 1. Introduction. Russian statehood: Past Path Dependency and (or) set of alternatives.	9
Part I. Methodological problems of research of the Russian statehood.....	27
Chapter 2. Whether does “Russian civilization” exist? The critical analysis of the civilizations’ approaches.....	27
Chapter 3. Features of statehood and social order in the XXI-st century: “the Ingenious power” of the Kremlin.	62
Chapter 4. “Raskol” and the originality of the Russian social and political modernization.....	101
Part II. The Russian statehood during critical epochs.	129
Chapter 5. “The Unsovereign Tsardom”: the Time of Troubles Age in Historical Retrospective and Contemporary Political Conjuncture.....	129
Chapter 6. Russian statement and nonorthodox population of Russian empire at the end of XIX to the beginning of XX centuries.....	152
Chapter 7. “Golden Age” of the territory along Amur-river ("Priamurie"): the experience of the interrelations of the state and local society on periphery (1870 - 1904).	173
Chapter 8. Russian statehood and the World War I: from mobilization to the end.	188
Chapter 9. February revolution of 1917: long-term and situational factors of wreck of a monarchy in Russia.	210
Chapter 10. Critical epochs of the Russian statehood in Russian historical novels of a XIX-th century.	231
Part III. Political institutes of the Russian statehood during the periods of wars, crises and revolutions.....	265

Chapter 11. Democratic institutions and the Russian statehood.	265
Chapter 12. The Russian statehood and parliamentarism development in the beginning XX and the beginning of XXI centuries: the comparative analysis.	289
Chapter 13. Russian statehood and institute of political elections: transformation of electoral institutions in the times of crises and revolutions.	319
Chapter 14. Federalism metamorphoses in Russia: Imperial and Soviet invariant.	337
Chapter 15. Federalism metamorphoses in Russia: Post-Soviet invariant.	362
Abstracts.....	390

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ. РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: PAST PATH DEPENDENCY И (ИЛИ) ВЕР АЛЬТЕРНАТИВ

В главе представлено обоснование научного проекта по исследованию российской государственности, описаны цели и задачи проекта, а также даны методологические пояснения относительно теоретических подходов, использованных в данной монографии, раскрыты логика и содержание разделов и глав, основные выводы, полученные авторским коллективом.

Ключевые слова: государственность, Past Path Dependency, альтернативы, политические институты.

Один из участников известной дискуссии о сущности российского государства¹, социолог Николай Розов, определил состояние отечественных интеллектуальных исканий в этой сфере как «печальный консенсус при дефиците теории».

Учтем, что данный диагноз был поставлен почти семь лет назад, но тем не менее согласимся, что за прошедшие годы ни печаль, ни указанный дефицит не исчезли, даже несмотря на торжественный и широко отмеченный на государственном уровне в 2012-м году юбилей российской государственности.

Что касается консенсуса, то он, по версии Николая Розова, весьма своеобразен, и в изложении социолога видится как пятнадцать позиций, по которым существует определенное согласие, причем эти позиции носят не просто грустный, а по-настоящему алармистский характер. (Прочитируем хотя бы вот такой пункт как «грядущий кризис – единственная надежда и смертельная опасность».)

Некоторым утешением для нас может послужить замечание немецкого философа Освальда Шпенглера, который в первом томе своего знаменитого труда «Закат Европы» в привычном для себя стиле писал, что магическое представление о «consensus» предполагает «наличие в каждом человеке *пневмы* как истечения божественной *пневмы*, вследствие чего в согласном мнении призванных пребывает непосредственная

¹ Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М., 2007. С. 493.

божественная истина». И далее, после такого пафосного объяснения, Шпенглер тут же остроумно напоминает, что «consensus omnium может доказывать не только всеобщую истину, но и всеобщее заблуждение»².

Мы не будем оспаривать выводы Н.Розова о степени печальности и консенсусности состояния проблемы изучения сущности российского государства, равно как и степень заблуждений участников этого консенсуса. Мы попробуем подойти к этой проблеме несколько с другой стороны и попытаемся начать не с определений сущности нынешнего российского государства, а с исследования российской государственности и ее особенностей в различные исторические периоды, обратив особое внимание на острейшие периоды войн, кризисов и революций.

Именно этому посвящена данная коллективная монография, которая является результатом научного сотрудничества большой группы ученых из различных регионов России - философов, историков, политологов, социологов, объединенных общими научными интересами и подходами, реализованными в рамках научного проекта по исследованию российской государственности. Центром этой работы стал Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, что, как нам представляется, не случайно и закономерно – город Владимир являлся одним из центров зарождения российской государственности, несколько столетий был столицей объединяющегося русского государства, именно во Владимире князем Андреем Боголюбским была впервые идейно и политически обоснована и опробована модель объединения Руси на основе сильной почти самодержавной власти князя³. Это та самая модель, которая несколько веков спустя стала образцом для развития Московского царства и, в итоге, российского государства.

² Шпенглер О. Закат Европы. М., Т. 2. 1998. С. 60.

³ См., например, изданную во Владимирском филиале РАНХиГС книгу: Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский / под ред. Р.В. Евстифеева и А.К. Тихонова. Владимир, 2011.

Данная монография продолжает и развивает серию публикаций и научных мероприятий, предпринятых во Владимирском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и посвященных исследованиям российской государственности⁴. Общая цель данного научного проекта может быть сформулирована следующим образом: концептуализация понятия «государственность» и комплексное междисциплинарное исследование феномена российской государственности как особой формы политической организации людей в пространстве и во времени, основных характеристик российской государственности, проблем и вызовов, встающих перед ней в XXI веке, выработка адекватных решений и ответов на эти вызовы.

Актуальность научной проблемы, лежащей в центре проекта, обусловлена быстрыми и глубокими изменениями, происходящими в современном мире, оказывающими трансформационное воздействие на сущность и особенности развития государственных систем. Возникающие при этом угрозы и вызовы российской государственности диктуют необходимость адекватных и своевременных ответов и действий.

Тысячелетняя история российской государственности и более чем двадцатилетняя история современного российского государства не привели пока к полному пониманию специфики российского варианта становления и развития государственной системы, к научному обоснованию ее особенностей и общих с другими системами характеристик. Противоречивость и неоднозначность результатов государственного строительства в условиях продолжающейся комплексной трансформации социально-экономической и политической жизни в мире и в

⁴ См.: Российская государственность: истоки, современность и перспективы развития // Сборник статей международной научно-практической конференции. г. Владимир, 14 октября 2011 г. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2011; Российская государственность: философско-политическое осмысление и реальность (к 130-летию И.А.Ильина) // Материалы международной научно-практической конференции 20.09.2013 г. - Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2013.

России, увеличивающаяся зависимость развития страны от глобальных тенденций, необходимость давать собственные ответы на вызовы времени рождают запрос на выработку четкого понимания и осознания сущности феномена государственности, основных возможностей и ограничений ее дальнейшего развития, определение подходов к решению встающих проблем, учитывающих внутренние, эндогенные, факторы и явления, общие для современных государств, включая вызовы современного глобального мира.

Выявление основных характеристик российской государственности и оценка перспектив ее развития являются актуальной проблемой сразу для нескольких областей знаний, таких как история, политическая наука, социология, экономика и других. Решение данной научной проблемы может быть значимым как в своей теоретической части, так и в практической, позволит получить методологические инструменты научного осмысления феномена российской государственности, будет способствовать приращению научного знания и выработке практических мер по решению актуальных проблем развития российской государственности.

Тектонические сдвиги во взаимоотношениях и сущности современных государств, ужесточение конкуренции между государствами, трансформирующие и не всегда позитивные воздействия противоречивых процессов на суверенность и суверенитет придают проекту особую научно-теоретическую и практическую актуальность.

В ходе реализации проекта создана широкая научная сеть исследователей российской государственности. Главными компонентами сети стали основные научные исполнители проекта, представляющие научные сообщества различных вузов из 7 субъектов Федерации от Хабаровска до Санкт-Петербурга.

Объединение усилий территориально удаленных друг от друга исследователей позволяет разработать и широко распространить современный научный взгляд на явление российской государственности, является основной для

формирования первого в России центра изучения российской государственности.

В мировой науке явление государственности в силу его сложности и многосторонности изучено пока явно недостаточно, хотя работ и исследований по этой тематике выходило и выходит немало. Только кратко перечислим основные имена и идеи в этой сфере.

Безусловно, значимыми представляются теории и выводы, сформулированные в трудах классиков (от Платона до К. Маркса), в теориях, объясняющих сущность государства монополией на насилие (М. Вебера), в работах специалистов в области теории развития и модернизации обществ (Ш. Эйзенштадта, Д. Растоу), политической транзитологии (С. Хантингтона, А.Ю. Мельвиля), теории глобализации (У. Бека, Дж. Ная, З. Баумана), мир-системного анализа и развития современных государств (И. Валлерстайна, Ч. Тилли, Дж. Арриги), сетевого подхода к управлению (М. Кастельс). Отметим также современные попытки описания государственности через понятие состоятельности - *stateness* (Х. Линц, Дж. П. Неттл, А. Степан), теории квазигосударств - *quasi-states* и несостоявшихся государств - *failed states* (Р.П. Джэксон), теории неинституализма, объясняющие сегодняшнее состояние мира сложностями перехода от «естественного государства» к «порядку открытого доступа» (Д. Норт, Б. Вайнгаст, Дж. Уоллис). Такое многообразие теорий государства и государственности позволяет даже некоторым исследователям делать вывод о том, что понятия «государство» и «государственность» не представляют собой единый предмет изучения, а являются разнородными явлениями, причем даже само государство является всего лишь маркером, который обозначает сущности, весьма отличающиеся и далекие друг от друга.

Перечисленные теории и многие другие только доказывают, что сложности с концептуализацией понятия «государственность» можно преодолеть лишь комплексными и междисциплинарными исследованиями.

В настоящее время существует несколько признанных центров исследования государств и государственности.

Проблема определения условий и принципов существования государства эпохи модерна в глобальном мире не раз становилась предметом рассмотрения в рамках мир-системной теории (И. Валлерстайн, Ш. Айзенштадт, Ч. Тилли и др.). В рамках этих исследований была выдвинута оппозиция государство/империя как два типа политической организации пространства. Неинституциональные исследования в последние годы обогатили теорию государственности эвристически ценной концепцией перехода от «естественного государства» к «порядку открытого доступа» (Д. Норт, Б. Вайнгаст, Дж. Уоллис). Данный подход требует серьезного отношения и обоснованной критики, поскольку российская полития выпадает в равной степени и из «естественных государств», и из «государств равного доступа».

Следует указать на серию исследований, предпринятых мощной «фабрикой мысли» - Rand Corporation, посвященных теориям нациестроительства (nation-building), несостоявшихся государств (failed states).

Серьезные исследования проблем государственности были предприняты в начале XXI века в связи с событиями, изменившими состояние современного мира - мировой терроризм, «цветные революции», «арабская весна» и др. Политолог Фрэнсис Фукуяма выдвигает концепцию «сильного государства» и обоснованно заявляет о необходимости своеобразного нового государственного строительства (state-building) в XXI веке. Американский неоконсерватор Роберт Кейган обосновывает тезис о «возвращении истории» как о состоянии, при котором в мировую политику вернулось противостояние различных государственных систем.

Нельзя не отметить группу российских из МГИМО (А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и др.), усилиями которых в 2007 году был разработан и издан политический атлас современности, в котором представлена классификация на основе многомерного статистического анализа политических систем современных государств. В настоящее время этот

творческий коллектив издает многотомную серию «Политические системы современных государств». В серии публикаций М. Ильина были развиты идеи Чарльза Тилли о разнородности современных государств и о том, что разнородные политии включаются в единый класс государств под воздействием мирового политического процесса иногда без особых на то оснований.

Несмотря на то, что термин «государственность» в настоящее время активно и часто используется как в научной (политологической, философской, исторической и иной) литературе, так и в публицистике, пока нельзя сказать, что существует какая-то общепринятая и однозначная трактовка этого термина.

На наш взгляд, можно выделить несколько точек зрения.

Во-первых, понятие государственности часто выступает синонимом понятия государства. В этом смысле слово часто используют, когда говорят об обретении государственности каким-либо народом, то есть о создании какого-либо государства.

Во-вторых, под государственностью нередко понимают государственно-правовую действительность или единый политико-правовой механизм. Такое понимание характерно, например, для правовой науки.

В-третьих, государственность также может быть определена как система политической организации общества, включающая в себя систему государственных властных органов. В этом смысле государственность, несомненно, предмет политической науки.

В-четвертых, государственность часто рассматривают как определенный исторически длительный этап состояния общества.

В-пятых, государственность часто рассматривают с точки зрения входящих в его состав элементов: государство-институт, государство-идея, образ государства, осознание государства, отношение к государству, общество, гражданин и т.д.

В-шестых, часто пишут о национальной государственности как особом качественном признаке исторического развития национально-этнических общностей, сумевших создать собственное государство.

В-седьмых, иногда подчеркивается и абстрактная, или виртуальная, сущность государственности как выражения связи между государственной волей и ее исполнением, в зависимости от того, насколько воля адекватна восприятию населения.

В целом можно выделить следующие аспекты данного явления:

- историчность государственности, ее непрерывность;
- связь с государством;
- связь с властью и правом;
- связь с компонентами неполитического характера: экономический строй общества, социальная, духовная, культурная организация общества, информационная система;
- важность взаимосвязи с гражданским обществом, взаимоподчиненность и взаимовлияние;
- зависимость от национальной самобытности страны.

Несмотря на столь широкое и многоаспектное понимание государственности, в целях данного исследования мы попытаемся свести это многообразие к видению государственности как определенной матрицы, воспроизводящей функционирование государства и установленный ход жизнедеятельности государственно-организованного общества.

С этой точки зрения государственность включает в себя следующие элементы.

1. Система органов государственной власти и особенности ее функционирования.
2. Существующая в стране форма государственного устройства.
3. Политический режим государства.
4. Характер взаимоотношений государственной власти и общественного самоуправления.
6. Цивилизационная принадлежность государства.

7. Экономическая основа.
8. Территориальная целостность.
9. Общественное восприятие народа, государства и государственной власти как целостных феноменов.
10. Обычаи и традиции, свойственные государственной и общественной жизни.
11. Климатико-географическая составляющая.
12. Информационное пространство.

Не все эти характеристики вызревали одновременно, скорее всего, процессы их развития носили сложный и нелинейный характер, не все значимые характеристики государственности здесь приведены, однако уже такое выделение создает некоторую рамку анализа исторического развития государственности.

Конкретная задача, которую авторы данной монографии поставили перед собой, - на основании междисциплинарного подхода рассмотреть российскую государственность в конкретно-исторических условиях, а именно в условиях кризисов, войн и революций, оценить, как менялась организация власти, что происходило с институтами, проследить изменение культурно-ценностной сферы, поддерживаемой и презентуемой государством.

Поскольку авторский коллектив данной книги не считает свой проект законченным, мы старались, скорее, сделать более понятным проявления российской государственности в сложные исторические периоды, чем формулировать четкие определения и делать окончательные выводы. Именно поэтому авторы согласились остановиться на наиболее общем определении государственности, вытекающем из понимания государства как особого социально-политического института. В этом смысле государственность – метаинститут, социальный каркас, скелет, формирующийся из повторяющихся взаимодействий, отношений и практик в ходе исторического развития конкретной территории и конкретного народа (народов), состоящий из набора ценностей, институтов, включая властные институты, оказывающих влияние на конкретно-историческое воплощение

метаинститута - то есть на конкретную форму государства. В этом смысле мы можем говорить, например, о нескольких государствах, существовавших во времени и приведших к нынешней России. Но в которых, несомненно, было и есть что-то общее, некоторый набор фундаментальных ценностей и институтов. Этот набор, сложенный в систему, каркас, скелет, на котором «нарастают» различные конкретные государства, мы и договорились называть государственностью в рамках первого этапа исследования.

Мы принимаем во внимание, хотя и не абсолютизируем, мнение многих уважаемых исследователей, что российская реальность не может быть понята в рамках языка, сформированного для изучения другой реальности.

Это, безусловно, существенный и даже критический фактор осмысления российской специфики. Однако его нельзя признавать в качестве причины непознаваемости России умом, без критического осмысления и верификации. Более того, принцип иного языка может сработать на некоторых явлениях, а в других случаях может и не сработать, и задача науки не только творить новый язык и терминологию, но еще и испытывать и верифицировать имеющиеся теории и концепции, прилагая их к реальности.

В данной монографии во главу угла положен конкретно-исторический подход, который означает, что любые обобщения и рассуждения о «государственности вообще» будут иметь смысл только тогда, когда они опираются на описание конкретной исторической реальности, именно поэтому основу книги составляет ряд исторических кейсов, связанных единой идеей.

Постараемся теперь кратко изложить логику монографии и основные результаты работы авторского коллектива, представив структуру книги и общие выводы.

Представляемая монография состоит из трех разделов, последовательно раскрывающих программу исследования,

начиная с теоретико-методологических подходов к изучению российской государственности, и, далее, представляя конкретные исторические кейсы, анализирующие особенности российской государственности в сложные периоды войн, кризисов и революций, а также рассмотрение судеб основных политических институтов в рамках российского государства.

Методологические вопросы исследования российской государственности стали главным содержанием первого раздела. Открывается раздел главой, в которой делается попытка ответить на актуальный вопрос о том, насколько применим концепт «российская цивилизация», сложившийся в отечественном и зарубежном философском дискурсе, к анализу современного состояния российской государственности. Критическое рассмотрение оснований цивилизационных теорий позволяет прийти к выводу, что концепт «российская цивилизация» является скорее идеологическим конструктом, нежели инструментом строгого научного и философского исследования.

Пример плодотворного методологического подхода, не стоящего на зыбкой почве цивилизационных концепций, представлен в следующей главе (гл. 3), в основе которой - рассмотрение религиозного Раскола XVII века и его роли в модернизации российской социально-политической системы. Выделение особого типа индивидуализации личности в этот период позволяет создать научную объяснительную модель Раскола и обосновать исходя из этой модели незавершенность процесса оформления национального гражданского государства, имеющую далеко идущие последствия для российской государственности вплоть до современности.

В заключительной главе первого раздела предложено описание социального и политического порядков постсоветской Российской Федерации с позиций институционального подхода. Институциональная перспектива позволяет увидеть неомогенность российского общества, идентифицировать значительный социально-культурный отрыв правящей группы от управляемых людей, выявить и описать основные принципы

функционирования государственной системы современной России, включая базовые ценности и институты.

Второй раздел монографии целиком посвящен рассмотрению нескольких исторических кейсов, связанных с проявлениями особенностей российской государственности в периоды войн, кризисов и революций. На примере ситуации, сложившейся в период Смутного времени, в пятой главе исследуются пути эволюции политических практик в тогдашней России. Важным для понимания сущности российской государственности представляется вывод о том, что активное вовлечение в общественно-политические процессы широких слоев населения в условиях крайне нестабильной ситуации Смутного времени привели к глубокому кризису легитимности и государственности в целом, а также породили такие новые для страны феномены как самозванчество и земское движение, в целом способствовали формированию, пусть и в зачаточном виде, национального самосознания.

В шестой главе представлен важный кейс, связанный с описанием организации системы взаимоотношений между государственными органами власти в Российской империи и неправославным населением на рубеже XIX – XX вв. Кейс демонстрирует наличие целенаправленной осознанной политики российского государства в отношении неправославного населения, основанной на базовой ценности – сохранении единства государства, которое в тех условиях должно было опираться на титульную народность и исповедуемую основной ее частью веру. Однако политика российского государства, направленная на достижение лояльности религиозно-национальных лидеров нетитульных народностей в местах их компактного проживания (территория российской Польши, Кавказ, Средняя Азия и ряд районов Поволжья), не смогла справиться с проявлениями разрушительного национализма на более низких уровнях. В итоге носители именно этих идей стали во главе многих смут и катаклизмов в Российской империи начала XX в.

В следующей главе раздела рассматривается специфический кейс взаимодействия государства и регионального сообщества, сложившийся на Приамурской окраине Российской империи в конце XIX – начале XX века. Важно отметить, что в данном кейсе удалось выявить и описать структуры, возникающие и развивающиеся помимо государства, но во взаимодействии с государством, ставшие основой для процветания региона в рассматриваемый период.

В восьмой главе раздела рассмотрен интересный аспект функционирования российской государственности в период Первой мировой войны. Методологически глава основана на анализе основных событий и боевого пути двух полков Российской армии. Среди важнейших выводов главы можно назвать положение о том, что в период Первой мировой войны российская государственность показала свою эффективность в деле мобилизации и организации военных действий, однако политический кризис и его распространение на военные формирования нивелировали эту эффективность и в итоге привели к распаду государства.

Содержательная и методологическая важность девятой главы обусловлена особенностями рассмотрения событий Февральской революции 1917 года как результата каузального влияния долгосрочных и ситуативных факторов. В главе показано, что стратегическая уязвимость государственной власти была обусловлена хроническим кризисом легитимности режима принуждения, который сложился в начальный период становления Российской империи, непоследовательностью при проведении реформ 1860-х годов, неспособностью к длительной мобилизации во время затяжных военных столкновений. Государство пыталось преодолеть этот кризис путём идеологических заимствований, использования религии в качестве фактора легитимации, однако Первая мировая война стала переломным событием в судьбе самодержавия. Непредвиденное затягивание войны, управленческий хаос, денежная инфляция, дефицит продовольственного снабжения крупных промышленных городов в качестве ситуативных

факторов были наложены на факторы долгосрочные, что привело к революционному взрыву и к краху политического режима.

Заключительная глава раздела посвящена специфическому кейсу, рассматривающему отражение переломных эпох российской государственности через призму русской литературы. Изучение особенностей русской исторической романистики XIX века показывает, что чаще всего в жанре русского исторического романа объектами художественного осмысления становились: формирование Московского государства XV-XVI веков, Смутное время начала XVII века, период петровских преобразований рубежа XVII-XVIII веков, национальный подъем Отечественной войны 1812 года. При этом исторические романы выступали в качестве своеобразной лаборатории, в которой приобретали форму, содержание и апробировались идеи народности, патриотизма, истории и предназначения российского государства.

Третий раздел монографии посвящен рассмотрению действующих в рамках российской государственности основных политических институтов. В главе, открывающей раздел, рассмотрены формы народовластия, развивавшиеся в Древней Руси и в России Нового времени, включая вечевые традиции древнерусского государства. Важным представляется то, что на протяжении веков демократические институты в целом усложнялись, развивались и являлись составной частью различных проявлений российской государственности. Таким образом, формирование представительных институтов в России происходило параллельно с европейскими странами, медленно эволюционируя в сторону большего вовлечения жителей в политико-управленческие процессы. Однако эти процессы сопровождались консолидированным противодействием со стороны доминирующих властных группировок, что в итоге и предопределило противоречивую судьбу взаимоотношений российской государственности и демократии.

Следующим институтом, попавшим под наше рассмотрение, стал институт парламентаризма (гл. 12). В главе

определены исторические условия и факторы становления парламентаризма в позднеимперской и постсоциалистической России. При этом раскрыта роль «импорта институтов», проведено сравнение различных проектов парламентаризма, определена «тропа зависимости» (path-dependence) в институционализации российского парламента. Подробное описание историко-политических событий, связанных со становлением парламентаризма в России, позволяет увидеть особенности этого процесса, нелинейность и прерывистость развития данного института, неопределенность его будущих перспектив в рамках российской государственности.

Сложные взаимоотношения российской государственности и института политических выборов рассмотрены в следующей главе (гл. 13). Выборы играли значительную роль для российской государственности на протяжении всей ее истории. Как видно из нашего кейса, выборы могут иметь как демократический, так и авторитарный эффект. Институт выборов в России имеет двойственное значение – одновременно, безусловно, несет в себе определенное демократическое содержание, но с другой стороны, способствует сохранению имеющейся характера распределения политической власти. Таким образом, парадокс заключается в том, что выборы, призванные демократизировать политические отношения, могут также способствовать устойчивости недемократических практик, позволяя элитным группам вкладывать в формально демократические формы неформальные недемократические элементы содержания.

«Главным героем» следующих двух глав является многострадальный российский федерализм. Метаморфозы федерализма в России анализируются в двух этих главах на широком историческом промежутке от самого начала российской государственности до современности. В главе определены основные измерения российского федерализма, такие как: степень централизации власти, порядок легитимации, симметричность/асимметричность статусов субъектов Федерации, баланс этнического и административно-территориального принципов. В главе показан циклический

характер российского федерализма, его «вынужденный» характер, а также выявлены адаптационные характеристики федерализма относительно повестки дня политического процесса.

Таков в целом краткий обзор нашей книги.

Предпринятая авторским коллективом попытка посмотреть на критические исторические события в виде войн, кризисов и революций и определить степень их влияния на особенности развития российской государственности, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, государственность – сложное и текучее понятие. Оно существует как нелинейное сложение и противоречивый результат взаимодействия, конкуренции и взаимопроникновения множества социальных институтов и, следовательно, исходя из данного понимания, не может рассматриваться без учета теоретических наработок, осуществляемых в русле институциональных направлений в социальных науках.

Особо отметим, что авторы монографии не увидели большого потенциала в так называемых цивилизационных концепциях, в соответствии с которыми Россия – это отдельная и полностью отличная от других цивилизация со своими особенными характеристиками, в том числе и в формировании и развитии государства. Это не означает, что российская государственность не уникальна, она уникальна, но ее уникальность не герметична, не закрыта от влияния извне и не отменяет возможности и даже необходимости обобщений и сравнений с другими государственными системами.

Во-вторых, наше исследование не показало жесткой исторической обусловленности и необратимости пути развития российской государственности. Напротив, часть изученных кейсов прямо показывают, что перед российской государственностью всегда стояло несколько альтернатив, особенно в периоды критических исторических событий, таких как войны и революции. Предопределенность пути развития

российской государственности, по всей видимости, сильно преувеличена.

В-третьих, изучение судьбы политических институтов показало, что российская государственность на широком историческом промежутке не отторгает полностью общеизвестные институты, такие как парламентаризм, демократия, выборы, федерализм. Однако в критические исторические периоды эти институты часто оказываются как бы «лишними» для некоторых политических сил, объявляются этими силами «тормозом» для выхода российской государственности из кризисной ситуации, отсюда их кажущийся «факультативный», необязательный и «мерцающий» характер. Некоторые исследователи для описания такого характера вводят понятие «спящий институт», которое не кажется нам удачным. Изученные нами кейсы не подтверждают «спящего» или какого-то иного скрытого характера развития основных политических институтов, скорее, демонстрируют их живую, непростую, наполненную борьбой, победами и поражениями судьбу.

В-четвертых, результаты взаимодействия государственности с другими социальными институтами, включая общество, экономику и др., носят всегда конкретный и даже прикладной характер. Иными словами, оставаясь научно честными, у нас нет оснований делать обобщенный вывод о благотворном или разрушительном влиянии государства на какую-то сферу. Например, мы не можем однозначно утверждать, что влияние государства на экономику носит только позитивный или только негативный характер. В нашем арсенале, например, есть кейсы благотворного влияния ухода государства из частной сферы, но также есть и, безусловно, позитивные результаты вмешательства государства в экономику и общественную жизнь, например, в периоды войн и кризисов.

И, наконец, самое, на наш взгляд, главное, в-пятых: исходя из представленных исторических кейсов, а также из описанных в главах книги «российских приключений» основных политических институтов мы можем сделать важный вывод о том, что **специфика и особенности российской государственности обуславливались не столько конкретными историческими испытаниями, в изобилии выпавшими на ее долю, включая действия конкурентов и**

откровенных врагов, сколько комплексной трансформационной реакцией российской государственности на фундаментальные изменения в процессе нескольких важнейших переходов протекания государствогенеза в значимые исторические эпохи.

Или, как в наиболее общем виде выразился известный российский исследователь М. Ильин: разные условия и способы ответа на хронополитические вызовы дают разные институциональные результаты. Таким образом, возможно, мы выходим на одну из сущностных составляющих и направляющих процесса государствогенеза в России – на специфику институциональной реакции на важнейшие вызовы, причем, на наш взгляд, сами эти вызовы являлись и являются общими для государственных систем, развивающихся в едином хронополитическом пространстве, тогда как институциональные реакции как раз и создают уникальность того или иного государства.

Оговариваясь, что это не было предметом специального изучения в данной монографии, сугубо предварительно можно было бы выделить следующие важнейшие переходы – хронополитические вызовы.

Во-первых, генезис государства, то есть переход от догосударственного состояния к первым формам государства, очагам зарождения государственности и к попыткам объединения в единое государство. Во-вторых, переход к централизованному феодальному государству и первые попытки создания международных систем государств. В-третьих, переход к государству Нового времени, к построению национального государства/империи, включая процессы рационализации и индивидуализации веры. В-четвертых, переход к государству модерна, «открытие» общества. В-пятых, переход к позднему модерну и кризис государства модерна, кризис суверенитета, «исчезновение» и «возвращение» государства.

По всей видимости, изучение особенностей российской государственности и ее ответов на вызовы указанных переходов, как и само научное обоснование этих переходов – дело уже следующего этапа нашего научного проекта.

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ГЛАВА 2. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»? ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ⁵

Глава посвящена анализу концепта «российской цивилизации» в отечественном и зарубежном философском дискурсе, в ней рассматриваются все основные теории, которые постулируют наличие некоторых «цивилизационных» особенностей России по отношению к остальному миру - начиная от концепций русских мыслителей XIX в. (Н.М. Карамзина, славянофилов, Н.Я. Данилевского и пр.) и заканчивая некоторыми западными, а также современными российскими авторами (О. Шпенглером, А. Тойнби, С. Хантингтоном, В.Л. Цымбурским и т.д.).

Изучение самих указанных теорий, а также обстоятельств их возникновения позволяет сделать вывод о том, что концепт «российской цивилизации» является скорее идеологическим конструктом, нежели инструментом строгого научного и философского исследования. Об этом свидетельствует, прежде всего, спорность и противоречивость многих положений мультицивилизационного подхода (произвольность выделения тех или иных обществ в качестве отдельных цивилизаций, представление о некоем внеисторичном «культурном коде», лежащем в основе каждой цивилизации, и пр.), а также тот факт, что цивилизационные теории в России, как правило, возникали в качестве реакции на политические или геополитические события – они актуализировались в ситуации, когда наша страна либо испытывала какую-то угрозу с Запада, либо, напротив, когда Россия начинала с Западом тесно взаимодействовать, перенимая европейские институты и порядки. Все это позволяет считать

⁵ Глава написана при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Контракт № МК-3478.2014.6 «Постхристианский мир и ислам: динамика культурных и цивилизационных различий».

цивилизационный подход малопродуктивным для социальных наук.

Ключевые слова: цивилизация, Россия, прогресс, консерватизм, славянофилы, Н.Я. Данилевский, С. Хантингтон.

В сегодняшней России цивилизационный подход явно в моде. С. Хантингтон с его концепцией «столкновения цивилизаций» стал едва ли не самым цитируемым западным политологом в нашей стране, книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» выдержала не одно переиздание за последние годы, а понятие «культурно-цивилизационный код России» входит уже в официальные документы⁶. Представление о том, что мир состоит из совокупности локальных цивилизаций, т.е. устойчивых, замкнутых общностей людей, которые объединены единой системой ценностей, «культурным кодом», какими-то фундаментальными особенностями жизненного уклада, мышления, социальных отношений и т.д., уже как будто бы и не подвергается сомнению. Но на самом деле разделение человечества на отдельные цивилизации – отнюдь не аксиома, но вещь, требующая серьезной критической рефлексии. Особенно учитывая тот факт, что теория локальных цивилизаций автоматически ставит перед нами довольно сложный вопрос о цивилизационной идентичности России. Нужно ли вести речь о русской/российской цивилизации? Или надо брать шире и говорить о единой славянской, православной или евразийской цивилизации? А может быть, Россия и вовсе – часть цивилизации европейской, ее своеобразное ответвление?

Российская история и география как будто бы специально решили по максимуму усложнить ответ на этот вопрос: изначально развиваясь на периферии Европы, Россия после завоевания Сибири становится уже страной евразийской, да и вообще тесное соприкосновение с Азией проходит через всю нашу историю; принятие Русью христианства вроде бы сблизило

⁶ См.: Проект «Основы государственной культурной политики», разработанный Министерством культуры РФ. URL: <http://izvestia.ru/news/569016>.

ее с европейскими государствами – в этом смысле показательно, что один только Ярослав Мудрый сумел породниться с французским, норвежским, венгерским, шведским и саксонским королевскими домами, однако после раскола церковей в 1054 г. византийский вариант христианства стал важным фактором разделения между православной Русью и католическим Западом, а в дальнейшем – уже в московский период – сформировал представление об особой миссии России в мире как единственной защитницы истинной веры; русская элита, по крайней мере, с Ивана III тянулась к Европе, стремилась заимствовать оттуда технические, военные и культурные достижения; высокая русская культура в лице Пушкина, Толстого, Чайковского – это культура, бесспорно, европейская, которая не могла бы возникнуть без тесного взаимодействия с Европой, в то же время европейские путешественники или дипломаты, приезжавшие в Россию, и русские люди, побывавшие на Западе, всегда констатировали, что это два разных мира, которые отличаются устройством жизни, отношениями между людьми, институтами и т.д. Да и вообще было бы странно сказать про Россию с ее Северным Кавказом, мусульманским Поволжьем, Якутией и Чукоткой, что это просто «европейская страна». Россия, по удачному выражению историка М.Я. Гефтера, – это «страна стран», включающая в себя разные культурные и религиозные традиции, уклады жизни, уровни развития общества.

Подобные противоречия и парадоксы можно перечислять и дальше, но и так понятно, что все они страшно запутывают спор о том, к какой цивилизации принадлежит Россия, поскольку дают козыри в руки и европеистам, и самобытникам, и евразийцам, и сторонникам других точек зрения. Не потому ли мы так мало продвинулись в разрешении этой проблемы со времен знаменитой полемики между западниками и славянофилами? Прошло более ста пятидесяти лет с тех пор, как мы ходим, по сути, вокруг одних и тех же вопросов и идей, в большинстве своем высказанных еще в московских кружках и салонах

Хомяковым, Белинским, Герценым и другими интеллектуалами николаевского времени.

В данной главе я не претендую на то, чтобы поставить окончательную точку в этом роковом споре русской интеллигенции. Скорее, моя задача – выйти за рамки этой дискуссии и обратить внимание на бесперспективность дальнейшей философской полемики по данному вопросу по причине большого количества слабых мест, противоречий и откровенных несуразностей в самом мультицивилизационном подходе, делающих концепт «российской цивилизации» скорее *политико-идеологическим конструктом*, нежели научной категорией и элементом политического и философского знания.

Первая часть главы будет носить преимущественно историко-философский характер – мы поговорим о том, когда и почему ряд отечественных интеллектуалов стал мыслить Россию в качестве особой цивилизации, какими аргументами они оперировали, как менялось с течением времени понимание этой проблемы. Вторая часть главы – критическая, в ней будет рассмотрен вопрос о продуктивности теории локальных цивилизаций для анализа социальных процессов и явлений, о том, насколько эффективно она выполняет свою объяснительную функцию, а также о том, какую философию истории предлагает эта концепция.

-1-

Классический цивилизационный подход, в рамках которого Россия представляется особой цивилизацией, отделенной, прежде всего, от Запада, возникает в русской философии лишь во второй половине XIX в. – после выхода книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». До этого момента слово «цивилизация» употреблялось чаще всего в том смысле, какой мы вкладываем обычно в выражение «цивилизованный человек», т.е. под цивилизацией подразумевалось состояние человеческого рода, противоположное варварству, некультурности. Тем не менее с идеями о том, что Россия определено отличается от остального человечества какими-то

сущностными чертами своей истории, культуры и социальности, мы встречаемся задолго до Данилевского.

Первым подобную мысль ясно выразил, пожалуй, Н.М. Карамзин. Правда, в его интерпретации русская особенность ограничивается политической сферой: в Европе государства образовались в результате завоеваний, поэтому там в основе отношений между властью и обществом лежит конфликт; неудивительно, что в Новое время европейские государства прошли через череду революций, которые и являются выражением этого внутреннего конфликта. В России же власть утвердилась с согласия граждан (призвание варягов), она имеет «отеческий» характер, поэтому русское общество никогда не стремилось ограничить самодержавие, наоборот – оно видело в царе своего защитника, гаранта интересов. Практический вывод Карамзина состоял в том, что России не нужна конституция и любые ограничения царской власти, революция – это чисто европейская проблема, не имеющая никакого отношения к русской действительности. Это был самый первый, пока еще осторожный шаг к созданию философии «особого русского пути».

Следующая важная фигура – это П.Я. Чаадаев. В своих «Философических письмах» он сформулировал мысль о какой-то странной аномальности России по сравнению со всеми остальными народами мира. В «Письмах» постоянно акцентируется внимание на том, что «мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода», что русские «никогда не шли вместе с другими народами», что они «не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру»⁷. Одиночество России в мире связано с тем, что она не имеет принципов, начал и институтов, присущих Западу или Востоку. С последним нас разделяет отсутствие глубокой духовности, каких-либо укорененных традиций, восточного консерватизма в общественной жизни. В отличие от Китая или Индии с их

⁷ Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое. URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml.

многотысячелетней историей, «наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня... Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно... Прежние идеи выметаются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда»⁸. Что касается принадлежности к Западу, то здесь принципиальный момент состоит в том, что, хотя Россия и является христианской страной, тем не менее византийское православие не выполнило у нас ту культурную, цивилизаторскую миссию, которую осуществило в Европе католичество. Чаадаев связывал все достижения Запада в культурной, социальной и экономической сфере с католической церковью, которая, будучи важным социальным актором, воспитывала, облагораживала европейское общество, создавала учреждения и традиции, определенные правила общежития, «необходимые рамки жизни», «мысли о долге, справедливости, праве, порядке»⁹. Православная же церковь была слишком отстраненной от общественной жизни, чересчур пассивной и сервильной, чтобы оказывать аналогичное влияние на развитие русского общества. Поэтому Россию обошли стороной все великие процессы, происходившие в Европе – развитие наук, искусств и философии, великие географические открытия и т.д.

Таким образом, в отличие от представителей цивилизационного подхода, Чаадаев времен «Философических писем», во-первых, воспринимает исключительность России не как благо, а как серьезную патологию – нашу страну от Запада и от Востока отличает *пустота* социальной и духовной жизни, отсутствие внутренних импульсов для развития. Во-вторых, что логично следует из предшествующего тезиса, Чаадаев не предлагает охранять русскую особость, потому что охранять-то здесь просто нечего. Россия, если она не хочет оставаться в ее нынешнем жалком положении, должна усваивать западный опыт и достижения европейской цивилизации. Другой

⁸ Там же.

⁹ Там же.

цивилизации, кроме западной, для Чаадаева и не существует, Запад – это синоним цивилизованности вообще.

Как известно, идеи Чаадаева стали исходной точкой для появления знаменитой полемики между западниками и славянофилами, в основе которой лежал один базовый вопрос: нужно ли все различия между Россией и Западом сводить к русской отсталости (т.е. продолжать логику автора «Философических писем») или это показатель наличия неких принципиальных (и обязательно позитивных) особенностей нашего общества по отношению к европейскому? Первая точка зрения принадлежала западникам, которые полагали, что специфика России вызвана неблагоприятным историческим развитием, влиянием Византии и «татарщины», соответственно задача русского общества – идти по пути, указанному Петром I, т.е. активно заимствовать и переносить в свою страну европейские порядки и институты: политическую свободу, право, науки и просвещение. Никакого особого «русского пути» нет.

Славянофилы же были уверены, что дело вовсе не в отсталости. Россию сделали непохожей на Европу определенные свойства славянского характера (аполитичность, мягкость и пр.), а также особенности нашего исторического пути вроде принятия христианства из Византии. В результате мы видим различия *ментальные* (русская соборность в противоположность европейскому индивидуализму, нестяжание вместо буржуазного мещанства, подлинная духовность против западного рационализма, жизнь по «внутренней правде», а не по «бездушным» правовым нормам), *институциональные* (сохранение поземельной крестьянской общины и патриархальный характер власти в России – священность принципа частной собственности и постоянный конфликт между властью и обществом на Западе) и *религиозные* (в Европе искаженное христианство, у нас – истинная православная вера). Задача русского общества при таком раскладе – всячески укреплять эти традиционные формы национальной жизни, по возможности ограждать их от европейского влияния.

Очевидно, что в учении славянофилов уже заложены многие элементы будущей цивилизационной теории, в том числе такой важный аспект, как защита исконных русских начал и ценностей, а также критика Запада. Поэтому в известном смысле славянофильство можно считать предтечей цивилизационного подхода. Но только в известном смысле, потому что у ранних славянофилов (А.С. Хомяков, братья Киреевские и Аксаковы) не было еще того *радикального* изоляционизма и антизападничества, которое впоследствии станет характерной чертой всех подобных теорий в России.

Противопоставляя Европу и славянский мир, русские самобытники 1840-х гг. исходили из того, что русская культура, основанная на «цельной» христианской вере, призвана духовно обновить современный Запад, погрязший в мещанстве и рационализме, освободить его от «ложного» развития, при котором обратной стороной материального прогресса и развития науки является утрата духовности. Таким образом, России и всему славянству приписывалась задача не узконациональная, не локально-цивилизационная, а всемирно-историческая. Кроме того, первые славянофилы вовсе не призывали отринуть всю западную культуру ради сохранения своего, национально-русского. Речь шла скорее о продуктивном *синтезе* русского и европейского, при доминировании православной культуры и наших национальных основ. Вот как писал об этом И.В. Киреевский в одной из своих статей: «одного только желаю я, чтобы те начала жизни, которые хранятся в учении Святой Православной Церкви, вполне проникнули убеждения всех ступеней и сословий наших, чтобы эти высшие начала, *господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие* (курсив мой. – Д.Л.)¹⁰». Поэтому представление о России как о замкнутой цивилизации, развивающейся по собственным законам и

¹⁰ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. URL: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_prosv_evrop.html.

существующей исключительно для самой себя, поначалу было все-таки чуждо славянофильству.

Перелом наступает в 1869 г., когда была опубликована широко известная сегодня работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Этот весьма объемный труд был написан в сущности лишь для того, чтобы обосновать две главные идеи:

1) европейская цивилизация не может претендовать на универсальность, это одна из многих цивилизаций, существовавших в мировой истории (цивилизация «частная», а не «общечеловеческая», по выражению самого автора);

2) Россия не принадлежит Европе, у нас нет *ничего общего* с европейской цивилизацией (для славянофилов все-таки были важны общие христианские корни, связывающие Россию и Запад); в основе наших отношений с Западом лежит вражда, ведь естественное желание любой цивилизации – это экспансия, расширение сферы своего влияния, что неизбежно ведет к конфликтам с соседними цивилизациями.

Таким образом, в концепции Данилевского история человечества впервые стала рассматриваться как процесс развития отдельных, никак не связанных между собой «культурно-исторических типов» (цивилизаций). Философ специально подчеркивает, что один из главных законов развития культурно-исторических типов – это «принцип непередаваемости культурных начал и ценностей». Другими словами, система ценностей, лежащая в основе каждой цивилизации, может быть искажена или уничтожена под воздействием другого культурно-исторического типа, но ни о каком синтезе, взаимовлиянии различных культур речи идти не может.

Слово «цивилизация», как видим, приобрело у Данилевского новое значение. Цивилизацию образует один народ или группа народов, говорящих на одном или нескольких родственных языках. Всего он выделяет десять культурно-исторических типов, существовавших в истории: египетский, китайский, ассирийско-вавилоно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, германо-

романский. Специфический облик каждой цивилизации формируется из двух факторов: особенностей ее духовной природы («психического строя», «народного характера» составляющих ее народов), а также внешних условий ее жизни (геополитических факторов, как бы мы сказали сегодня). В результате каждая цивилизация формирует свой самобытный тип религиозного, социального, бытового, политического и культурного развития. В такой ситуации не может идти речи о передовых или отстающих обществах, а также о каком-то едином для всех народов критерии прогресса. Сам разговор об универсальном, общечеловеческом кажется Данилевскому европоцентристским стереотипом: «до сих пор... не было ни одного одновременного общечеловеческого события, да, вероятно, никогда и не будет»¹¹.

Где же место России в этом множестве цивилизаций? По мнению мыслителя, наша страна должна стать во главе отдельной славянской цивилизации: «Славянство есть термин одного порядка с Эллинизмом, Латинством, Европеизмом, – такой же культурно-исторический тип, по отношению к которому Россия, Чехия, Сербия, Болгария должны бы иметь тот же смысл, какой имеют Франция, Англия, Германия, Испания по отношению к Европе, какой имели Афины, Спарта, Фивы по отношению к Греции»¹². Однако создание славянской цивилизации – дело будущего. Для ее появления должны реализоваться, по крайней мере, два условия. Первое из них состоит в преодолении опасной болезни «европейничанья», заразившей Россию еще с петровских времен. Этот социальный недуг заключается в упорном желании части русского общества подражать романо-германской цивилизации, заимствовать ее сущностные черты, в привычке оценивать русскую жизнь сквозь «европейские очки». Другим важным условием Данилевский, как идеолог панславизма, считал возникновение «всеславянской федерации» с центром в Константинополе. Центральное место в

¹¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Благословение, Институт русской цивилизации, 2011. С. 100.

¹² Там же. С. 151-152.

этом политическом образовании должно принадлежать России как самой мощной части славянского мира, кроме того, в него войдут все остальные славянские народы, а также греки и румыны – народы, хотя и не относящиеся к славянам, но тесно связанные с ними общей исторической судьбой и религией. Если же славянство не сумеет образовать «самостоятельную культурную единицу», которая станет противовесом европейскому политическому и культурному влиянию, тогда оно растворится в романо-германском мире, будет им ассимилировано.

Таким образом, альтернатива исторического развития России состоит в следующем: либо мы станем основой для формирования самостоятельной и могучей цивилизации, противостоящей Западу, либо сойдем на уровень «этнографического материала» для чуждой нам Европы. Стать ее органической частью России не дано.

Одним из крупных последователей Н.Я. Данилевского был К.Н. Леонтьев. Он также рассматривал взаимоотношения между Россией и Европой в логике вражды и противостояния. Запад, на котором «эгалитарно-либеральный» прогресс уничтожает самобытные национальные культуры, сословное неравенство, монархии, влияние церкви и, таким образом, ведет общество к всеобщему смешению в серую и безликую массу, угрожает своим «гниением» и России, поэтому ей необходимо всеми силами отгородиться от духовного и политического влияния европейской цивилизации. Осуществить это Россия может, только вернувшись к традиционным русским началам в политической, культурно-бытовой и духовной сферах, которые Леонтьев объединял в понятие «византизм», поскольку эти начала были заимствованы из Византии или сложились под ее влиянием. Коротко говоря, византизм в государстве означает неограниченное самодержавие, в религии – подлинное христианство, в моральной сфере – аскетизм, понимание невозможности счастья на земле. Именно византизм определял

особенности жизни русского общества и государства и привел Россию к величию и могуществу¹³.

Отсюда знаменитый призыв Леонтьева «подморозить хоть немного Россию, чтобы она "не гнила"». «Подморозить», т.е. законсервировать русское общество в форме абсолютной монархии с сословным строем, могущественной церковью и крепкой крестьянской общиной, в которую не проникает яд европейской образованности. Такая патриархально-деспотическая Россия, возможно, сумеет избежать всеевропейских тенденций «смешения» и «упрощения» общества, а также деградации культуры и сможет продлить свой период «цветущей сложности».

Однако одного «византизма» мало, и для успешной борьбы с Западом Леонтьев выдвигает идею создания новой цивилизации под эгидой России – «славяно-восточной», политической основой которой станет «царьградская Русь» со столицей в Константинополе. Здесь просматриваются параллели с «всеславянской федерацией» Данилевского, но есть и существенные отличия: в новое объединение у Леонтьева должны войти не только славянские и православные народы, но также и те восточные народы, которые «еще не пропитались европеизмом» и сохранили свою самобытность и деспотические формы правления (турки, персы и, возможно, египтяне). Такой альянс православных и исламских народов (иногда в число союзников Леонтьев включал Индию с Китаем) станет эффективным в борьбе против «либерально-космополитического» Запада и поможет незападным народам сохранить свое национальное своеобразие.

Кстати сказать, Леонтьев один из первых обратил внимание на азиатский компонент российского общества – он писал о русских как о «славяно-туранцах»; о том, что «назначение России не было и не будет чисто славянским», что русский народ – самый азиатский из всех славянских и именно поэтому «из него может выйти нечто духовно независимое от Европы». 1 марта

¹³ См.: Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. URL: http://lib.ru/FILOSOF/LEONTIEV_K/wisantzizm_slawyanstwo.txt.

1881 г. стало для Леонтьева символом окончательного разрыва с западническим этапом русской истории – убийство царя на улице самого европейского из русских городов показало тупиковость этого вектора развития: «Конец петровской Руси близок... И слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятник и еще скорее отойти от него, отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв!»¹⁴ Создание славяно-азиатской политической и культурной общности сможет обновить петербургскую Россию, выработать самобытный «нововосточный» культурный тип, тем самым появится шанс остановить или хотя бы отсрочить движение России и всего мира по пути окончательного «усреднения» и космополитического смешения человечества.

Знамя цивилизационной школы, упавшее было после смерти К. Леонтьева, подхватили в 1920-е гг. евразийцы. Это течение, возникшее среди русской эмиграции, сделало леонтьевскую идею о европейско-азиатской составляющей России главным нервом своей теории. В представлении евразийцев Россия – «особый континент», самостоятельная цивилизация, которая по своему значению равна таким цивилизационно-географическим образованиям как Европа или Азия. Не существует России европейской и азиатской с границей по Уралу, есть целостный географический и исторический мир России-Евразии, единая евразийская культура, не принадлежащая вполне ни Западу, ни Востоку, хотя и имеющая ряд сходств и с тем и с другим.

Соответственно русские, как и другие народы «российского мира» – ни европейцы, ни азиаты, они «евразийцы». Н.С. Трубецкой в работе «О туранском элементе в русской культуре» писал, что через всю нашу историю проходит «сожительство» русских с «туранцами» (азиатами), и трудно найти великоруса, в жилах которого не текло бы какое-то количество туранской крови, с другой стороны, продвижение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда азиатских племен. В итоге

¹⁴ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0120.shtml.

образовалось тесное единство этносов, соединяющих в себе «арийский» и «туранский» компонент и объединенных общей исторической судьбой в «многонародную евразийскую нацию». Поэтому у русских гораздо больше общего с азиатскими этносами «российского мира», чем с чехами, сербами или какими-то другими славянскими народами, проживающими за пределами России.

Евразийцы подчеркивали, что Киевскую Русь неправильно называть «колыбелью русской государственности», т.к. она была лишь одним из множества государств, расположенных на гигантских евразийских территориях (в это же время существовал Хазарский Каганат, Волжская Булгария и т.д.). Подлинными создателями российской государственности – это не киевские князья, а монголы, которые впервые объединили под своей властью огромные просторы Евразии. Московские правители впоследствии осуществили лишь реинтеграцию бывшей империи Чингисхана, но в отличие от монголов русские действовали не только военно-политическими методами, они несли другим евразийским народам великую духовную традицию, выраженную в православии, что и позволило создать по-настоящему прочную и великую государственность, наследником которой стала затем Российская империя и Советский Союз. Идеи евразийцев впоследствии развивал и популяризировал Л.Н. Гумилев в своей теории этногенеза.

В советском обществоведении цивилизационный подход по понятным причинам был не востребован – в науке господствовала марксистская схема понимания истории. Шанс на реабилитацию теория локальных цивилизаций получила только в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда после крушения идеологической монополии марксизма возник большой интерес к отечественному интеллектуальному наследию, в том числе к консервативной его части. Тем более что фактическая потеря Россией статуса великой державы после распада СССР и болезненные для страны трансформации 1990-х гг., проводимые современными «западниками», не могли не актуализировать антизападнические настроения и почвеннические интенции

возвращения «к корням», к «традиционным ценностям» среди определенной части интеллигенции, политического класса и всего российского общества.

Надо сказать, что большинство апологетов цивилизационного подхода в постсоветской России являются лишь эпигонами «цивилизационщиков» прошлого – евразийцев, Данилевского, Леонтьева и пр. Например, А.Г. Дугин в уже знакомых нам терминах определяет Россию как «евразийскую цивилизацию», соединившую в себе славянские и тюркские народы, православную культуру с исламским традиционным обществом: «начиная с Византийской эпохи, с раскола Церквей, восточная Церковь пошла по совершенно иному пути [чем Запад] – пути сохранения изначальной традиции. Русь двигалась к Востоку, сливалась с татарскими массами, интегрировалась с тюркскими народами, в процессе чего эта евразийская цивилизация окончательно выработала свой самостоятельный, неповторимый лик. Это наша миссия – нести миру особую истину особый свет – свет с Востока»¹⁵. Другой автор, А.С. Панарин, является сторонником идеи России как «православной цивилизации». Он полагает, что идентичность русских, по крайней мере, с XV в. строилась на идее «народа - защитника православного идеала, который больше никому охранять»¹⁶. В свою очередь, С.Г. Кара-Мурза предлагает концепцию «советской цивилизации», которая зародилась «в недрах общинного крестьянского коммунизма» и которой присущ «особый взгляд... на человека, на хлеб и власть»¹⁷. Кара-Мурза видит в Советском Союзе одну из ипостасей исторического российского государства и соответствующего ему типа общества (оно определяется им как традиционное). Противопоставление России-СССР и Запада принимает у Кара-Мурзы характер цивилизационный, ведь в основе русского общества лежит соборность, в основе западного – индивидуализм, русское общество всегда строилось по модели семьи, западное – по типу

¹⁵ Дугин А.Г. Беседа на радио «BBC». 17.10.2002. URL: <http://vse-uchebniki.com/geopolitika/prilojenie-tsivilizatsiya-edinstvennom-ili-29324.html>.

¹⁶ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 7.

¹⁷ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. С. 4.

рынка, в России господствовал идеал сакрального патерналистского государства, на Западе – представление о государстве как «ночном стороже» с минимумом функций и т.д.

В отличие от Панарина, Дугина и С. Кара-Мурзы философ В.Л. Цымбурский создал свою оригинальную концепцию «острова России»¹⁸. «Остров Россия» – это особая цивилизация, отделенная от соседней, «евро-атлантической», т.н. «территориями-проливами» (сюда относится Прибалтика и Восточная Европа). Последние представляют собой «около- и межцивилизационные обитаемые пространства», которые не принадлежат к русской «этноцивилизационной платформе», но в то же время не являются и частью «коренной» Европы. По мнению Цымбурского, для формирования отдельных цивилизаций важны не только особые ценности, религиозные идеи и этническая однородность, но и наличие определенных геополитических факторов, благоприятствующих цивилизационному конституированию. Для России главным геополитическим фактором стало ее существование в виде «гигантского острова внутри [евразийского] континента, русского острова с иноэтническими вкраплениями». Русская цивилизация равно чужда и Западу, и Востоку. Поэтому имперское развитие, заданное Петром I, – это стратегическая ошибка, ведь вместо освоения и обустройства русской «островной» территории вся мощь страны была направлена на поглощение «территорий-проливов», цивилизационно чуждых России (Польши, Крыма, Белоруссии, Бессарабии, Финляндии и пр). Неудивительно, что Цымбурский позитивно оценивал распад СССР как событие, которое дает России шанс наконец-то вернуться к себе, сбросить имперский балласт и заняться собственными проблемами.

Завершая эту часть, нужно сказать несколько слов о том, как зарубежные классики теории локальных цивилизаций подходили к вопросу о цивилизационной идентичности России. О. Шпенглер, автор знаменитой книги «Закат Европы», называл послепетровскую Россию историческим «псевдоморфозом»,

¹⁸

Цымбурский

В.Л.

Остров-Россия.

URL:

http://www.intelros.ru/2007/08/27/vadim_cymburskij_ostrov_rossija.html.

который возник в результате того, что русскому народу, не дозревшему еще до исторического существования и не успевшему развить собственную самобытную культуру, в ходе подражательной европеизации Петра I была навязана «искусственная и неподлинная история» и чуждая культура. Шпенглер сравнивает эту ситуацию с таким же поверхностным и потому непрочным проникновением греческой культуры на Восток в эпоху эллинизма¹⁹. В результате Россия не имеет ясной цивилизационной идентичности, она существует между Европой и Азией, сочетая в себе «русскость», православную набожность и светскую западноевропейскую культуру. Западное влияние в России распространилось только на «верхи» общества, народ же продолжал жить по своим традициям, внутренне не принимая навязанную ему европеизацию и ощущая ее как чуждую себе. В будущем, полагал немецкий философ, Россия сможет освободиться от западного псевдоморфоза и создать собственную высокую культуру, которая придет на смену угасающей европейской культуре.

Английский историк А. Тойнби в своем фундаментальном труде «Постижение истории» определял Россию как «православно-христианскую цивилизацию», истоки которой следует искать в Византии. Византийское влияние на Россию предопределило враждебность России и Запада, вечное противостояние друг другу западно- и восточно-христианской цивилизации. По мнению Тойнби, отличия одной цивилизации от другой во многом определяются религией, а также характером вызовов, с которыми сталкивается данное общество, и теми ответами, которые оно дает на эти вызовы. Два главных вызова в истории России – это давление монголов на русские границы начиная с XIII в., в результате которого возникло Московское государство с принципиально иной социальной системой, нежели Киевская Русь, а также наступление Запада в XVII – начале XVIII в., следствием которого стали петровские реформы и создание Российской империи.

¹⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 2. С. 198-201.

Наконец, С. Хантингтон в статье «Столкновение цивилизаций?» относит Россию к «православно-славянской цивилизации». В то же время Россия, наряду с Турцией и Мексикой, – это «расколота страна», т.е. такая, где не наблюдается консенсуса относительно цивилизационной идентичности: существует элита, которая стремится войти в западный мир вопреки тому, что «история, культура и традиции этих стран ничего общего с Западом не имеют»²⁰ (здесь напрашивается аналогия со шпенглеровским псевдоморфозом). В будущем, прогнозирует американский политолог, отношения между Россией и Западом будут определяться тем, войдет ли все-таки Россия в западный мир как его составная часть, либо же мы увидим другую Россию – «традиционалистскую, авторитарную, националистическую».

Итак, мы рассмотрели различные варианты ответов на вопрос о цивилизационной идентичности России. Как можно было убедиться, теоретики цивилизационного подхода имели одну главную задачу – отделить Россию от остального мира (в первую очередь, от Запада), указав на наличие неких ее уникальных черт и особенностей развития. При этом у разных авторов акцент мог делаться на славянском происхождении русских (Данилевский), на византийском влиянии на Россию (Леонтьев, Тойнби), на синтезе азиатского и европейского компонента в российском обществе (Леонтьев, евразийцы), на православии (этот фактор отмечают практически все), на особом геополитическом положении России (евразийцы, Цымбурский). Кроме того, некоторые мыслители указывали на несформированность российской цивилизации, на отсутствие у нас четкой цивилизационной идентичности, полагая, что появление отдельной цивилизации под эгидой России – дело будущего (Шпенглер, Данилевский). Таким образом, сколько-нибудь однозначного ответа на вопрос о том, что есть Россия с цивилизационной точки зрения, не существует. Более того, в начале главы я уже заметил, что, оставаясь в этой логике,

²⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>.

подобные споры можно продолжать бесконечно. Однако стоит ли в ней оставаться?

Когда-то А.И. Герцен, размышляя о славянофильстве, писал, что в этом течении нужно видеть, прежде всего, «оскорбленное народное чувство» – реакцию на навязанную сверху европеизацию, на унижение всего русского, на повальную галломанию среди российского дворянства, не имеющего прочных связей с собственной культурной традицией и т.д. При этом славянофильство, считал Герцен, не может рассматриваться в качестве полноценной социальной теории, т.к. отстаиваемые самобытниками идеалы во многом мифологизированы, аргументы нерациональны. То же самое можно сказать и в отношении цивилизационной школы.

Вполне объяснимы причины ее появления в России. С одной стороны, для этого существовали вполне объективные факторы: евразийская география России, православная вера, оторванность России от многих социокультурных процессов, происходивших на Западе, явная непохожесть русского и европейского обществ, которая никуда не исчезла, а в чем-то даже усилилась после петровской вестернизации – все это заставляло многих русских мыслителей делать вывод о наличии каких-то фундаментальных различий между Западом и Россией, и цивилизационный подход стал лишь логическим следствием интеллектуальных рефлексий на эту тему.

С другой стороны, был и ряд субъективных, даже сугубо конъюнктурных и идеологических, причин, которые способствовали появлению подобных концепций. Дело в том, что антизападнические и изоляционистские идеи часто становились особенно популярными в ситуации, когда Россия либо испытывала какую-либо угрозу с Запада (это могло быть военное противостояние или же политическое, вызванное страхом перед революционными и либеральными идеями, распространявшимися из Европы), либо, напротив, начинала с Западом тесно взаимодействовать, перенимая европейские институты и порядки.

Яркий пример первой ситуации – консервативные идеи Карамзина, ставшие реакцией на Французскую революцию, или книга Данилевского, написанная по горячим следам Крымской кампании. Одна из первых ее глав называется очень показательно: «Почему Европа враждебна России?», в тексте много рассуждений о том, что в ходе Восточной войны Россия столкнулась с военным и дипломатическим противодействием всей Европы, которая предпочла поддержать мусульманскую Турцию, а не христианскую Россию. Поведение европейских держав, многих из которых еще вчера Россия считала своими близкими союзниками, стало неприятной неожиданностью не только для Данилевского. Крымская война вызвала резкий рост антизападных настроений внутри России, соответственно возник соблазн осмыслить противостояние с Европой не в геополитической, а именно в цивилизационной логике, объявив, что вражда между Россией и Западом – вещь естественная.

Что касается второй ситуации, то хорошей иллюстрацией тут является развитие консервативной мысли в пореформенной России. Преобразования Александра II привели к глубоким переменам в русском обществе – уходила в прошлое старая сословная, крепостническая Россия, происходила ломка общественных отношений, которая сопровождалась усилением противостояния между интеллигенцией (как либеральной, так и радикальной), недовольной половинчатостью большинства реформ, и властью, полагавшей, что интеллигенция, выражаясь современным языком, «раскачивает лодку». Жизнь в эпоху перемен – серьезное испытание для любого консерватора, поэтому многие из них крайне болезненно воспринимали происходившее в стране. Отсюда их попытки защитить те основы русской жизни, которые они считали фундаментально важными для сохранения «старого порядка» – неограниченное самодержавие, сословный строй, православную церковь и пр.

Задача сохранения «национальных начал» не могла не иметь антизападнического пафоса, ведь именно Европа воспринималась русскими консерваторами как источник революционной и либеральной «заразы», угрожающей России.

Надо было убедительно показать, что требования конституции, парламентаризма, гражданского равенства, политических свобод и пр. – лозунги, враждебные самим основам русской цивилизации, что они подрывают ее самобытность и тем самым толкают Россию к гибели. Писал же К.П. Победоносцев на полном серьезе о том, что парламент – это «изобретение народов англо-саксонских», оно соответствует их национальному характеру, для славянства же представительные учреждения крайне опасны²¹. Сродни этому – страх Леонтьева перед «эгалитарно-либеральным» прогрессом Запада, проникающим в Россию вместе с буржуазными преобразованиями. Кстати, похожую функцию мультицивилизационные концепции часто выполняют на сегодняшнем Востоке, являясь реакцией на процессы модернизации, которая стремится выровнять, унифицировать социокультурное пространство различных обществ. Разговор об индийской, конфуцианской или африканской цивилизации – это попытка «сохранить лицо» перед Западом, ответить на примитивный европоцентризм, который утверждает, что неевропейские народы просто отсталые, неразвитые, их единственной целью должно быть «догоняющее развитие».

Однако, понимая *чувства*, которые движут сторонниками цивилизационной школы, нельзя отделаться от стойкого ощущения научной бесперспективности данной парадигмы, которая скорее порождает множество вопросов, нежели дает приемлемые для исследователя ответы. Здесь самое время перейти к критическому разбору различных теорий локальных цивилизаций.

Первое, что обращает на себя внимание при разговоре о слабых местах цивилизационной теории, – это *абсолютная произвольность выделения тех или иных обществ в качестве отдельных цивилизаций*. Совершенно непонятно, почему одним народам (группе народов) дается право считаться цивилизационным образованием, а другим нет. Порой создается

²¹ См.: Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439882>.

впечатление, что единственный критерий здесь – это авторский произвол.

Данилевский, например, выделяет десять цивилизаций, а в основу своей классификации кладет языковое родство. При этом никак не конкретизируется, насколько близкими должны быть языки для того, чтобы разные народы составили один культурно-исторический тип, ведь европейцы, объединенные Данилевским в одну цивилизацию, говорят на германских, романских и кельтских языках, которые, если верить специалистам, довольно сильно отличаются друг от друга. Кроме того, к романской языковой группе относится румынский язык, носителей которого Данилевский тем не менее предполагал включить в состав будущей славянской цивилизации как народ православный. Тогда непонятно, какой же маркер цивилизационной принадлежности все-таки сильнее – язык или религия?

Шпенглер выделяет не десять, а восемь «великих культур», и различаются они не языками, а тем, что в основе каждой из них лежит некий «прасимвол», определяющий самобытность культуры, ее «душу». Для русской культуры таким прасимволом является бесконечная равнина. В свою очередь, Тойнби насчитал уже двадцать одну цивилизацию в мировой истории. Интересно, что у него находится место сирийской, хеттской и другим цивилизациям, о которых ни Шпенглер, ни Данилевский, ни Хантингтон даже не упоминают, зато последний выделяет Японию в качестве отдельной цивилизации, хотя этого не делал никто из его предшественников.

Для Хантингтона и Тойнби главным критерием принадлежности к определенной цивилизации является религия, которая порождает непреодолимые различия в ценностях. Однако остается невыясненным, почему у Хантингтона конфессиональное разделение между восточным и западным христианством явилось достаточным основанием для появления двух отдельных цивилизаций (западной и православной), а столь же непримиримые противоречия между католиками и протестантами почему-то не привели к цивилизационному расколу внутри западной цивилизации. Так

же как многовековая вражда между шиитами и суннитами не мешает Хантингтону говорить о единой исламской цивилизации. И почему существует отдельная латиноамериканская цивилизация, если на территории Иберо-Америки проживает гораздо больше ревностных католиков, чем в Западной Европе?

Остается и еще один немаловажный вопрос: можно ли класть религию в основание цивилизационной классификации в наше время, когда в большинстве стран глобального Севера, во-первых, уверенно растет число секулярно мыслящих людей, индифферентно относящихся к религии, во-вторых, постоянно увеличивается доля населения, прибывшего из исламских государств. Мы автоматически продолжаем связывать религиозную и национальную идентичность, по умолчанию считая, что быть русским – значит обязательно быть православным, быть испанцем или французом – значит быть католиком, быть англичанином или шведом – значит быть протестантом и т.д., в то время как западные общества (в России эти тенденции пока не столь очевидны) все в большей степени становятся мультикультурными, и сохранение христианской религии в символической сфере (кресты на флагах некоторых европейских государств, упоминание религии в конституции и пр.) становится рудиментом уходящей эпохи. А раз так, то возникает серьезная проблема эмпирической фиксации отдельных цивилизаций. Неясно, а где же предмет изучения?

Но даже если брать шире и говорить не столько о религиозных различиях, лежащих в основе той или иной цивилизации, сколько о различиях ценностных, культурных, то это тоже не решает проблему, поскольку *весьма спорно утверждение о том, что система ценностей, «культурный код» какой-то цивилизации является инвариантом, независимой переменной общественного развития*, т.е. в каждый момент времени определяет различия в социально-политической, экономической и других сферах жизни, а сам, в свою очередь, не меняется под воздействием социально-экономических и политических трансформаций.

Какую *внеисторическую* систему ценностей мы можем сформулировать, говоря о России как об отдельной цивилизации (в любом из существующих вариантов – славянской, православной, евразийской и пр.)? Славянофилы, первые пытавшиеся развернуто ответить на этот вопрос, называли такие вещи как духовность, православная вера, соборность, патриархальные отношения между властью и обществом. Тут нельзя не вспомнить язвительную ремарку Б.Г. Капустина о том, что, по странному стечению обстоятельств, сторонники цивилизационной школы приписывают «своей» цивилизации только хорошие черты, а все негативные относят на счет цивилизаций-конкурентов²². Тем не менее давайте разберем предложенные славянофилами ценностные константы и посмотрим, насколько убедительными они кажутся сегодня.

Первой по порядку была духовность. С ней сложно, потому что уровень духовности в отличие от объема ВВП или количества ядерных боеголовок проблематично измерить. Но если посмотреть на некоторые косвенные признаки, которые хоть как-то можно связать с этим понятием, например, на статистику убийств и других тяжких преступлений в современной России, на количество абортот или на уровень участия россиян в благотворительности, то данные – в сравнении с тем же «бездуховным» Западом – будут совсем не в нашу пользу.

Дальше идет православие. Формально Россия и сегодня страна с подавляющим большинством православного населения, если смотреть на то, как сами люди идентифицируют себя во время социологических опросов. Но еще Л.Н. Толстой сетовал на то, что для русского мужика православие обычно сводится к обрядоверию – крещению детей, хождению к причастию на большие церковные праздники, суеверному поклонению иконам и т.д., суть же христианства не проникла глубоко внутрь народной массы, народ плохо понимает смысл самой христианской веры. Об этом же писал В.Г. Белинский: «Приглядитесь попристальнее, и Вы увидите, что [русские] это по

²² Капустин Б.Г. «Цивилизация» как идеологический конструкт // Русский журнал. Осень. 2008. С. 155.

натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности»²³. Ничто не указывает на то, что в современной России, прошедшей через 70 лет государственного (и народного) атеизма, что-то принципиально изменилось. Могло ли православие при такой поверхностной религиозности «перепахать» душу русского человека и сформировать какие-то его ментальные особенности?

Следующая ценность – это соборность. Но она предполагает коллективизм, солидарность, т.е. готовность к взаимопомощи, единство людей, а мы вместо этого видим, что российское общество является разобщенным, атомизированным, социальный капитал находится на крайне низком уровне, люди мало кому доверяют за пределами узкого круга их родственников, друзей и знакомых. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на цифры одного из социологических опросов: только 18% россиян считают, что «большинству людей можно доверять», объединяться с другими людьми для решения общих проблем согласны те же 18%, готовность помогать друг другу проявляют 25% респондентов²⁴. Это не соборность, а крайняя форма взаимной отчужденности.

Патриархальный характер власти? Все славянофилы были свято убеждены, что революция – это «призрак западного мира», которому имманентно присущ конфликт между властью и обществом, в России же царь – национальная святыня, отец народа. Сегодня, имея перед глазами историю XX в. с тремя революциями и цареубийством, трудно уже всерьез воспринимать политическую концепцию славянофилов. Думается, что отношения между властью и обществом в России *сущностно* ничем не отличаются от других государств, в т.ч. от стран Запада, с той только разницей, что западные народы смогли создать определенные механизмы контроля за властью, в России же в силу ряда причин это не удалось.

²³ Белинский В.Г. Письмо Н.В. Гоголю. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0040.shtml.

²⁴ Мерсиянова И.В. Российское гражданское общество в региональном измерении. URL: [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/92/2009_4\(92\)_3_Mersyanova.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/92/2009_4(92)_3_Mersyanova.pdf).

Таким образом, тот набор русских ценностных констант, который и сто пятьдесят лет назад вызывал много вопросов, сегодня окончательно потерял свою актуальность. Однако ничего нового, по сути, придумано не было, а потому современные российские самобытники в основном продолжают пересказывать славянофильские идеи, слегка модернизировав их под текущий момент. Получается не слишком удачно. Вот, например, некоторые «характерные черты русской ментальности» от казанского философа В.И. Курашова: «постановка вопроса о смысле жизни и постоянный поиск ответа на него; установка на решение принципиальных жизненных вопросов нетрадиционным способом; приоритет силы духа над силой физической; значительно более высокая ценность общения, любви, верности заветам старших, сострадания к людям и животным по сравнению с богатством и властью»²⁵. Нетрудно заметить, что перечисленные здесь характеристики никак нельзя назвать уникальными и принадлежащими только русскому народу.

Не лучше обстоит дело и с западными теоретиками рассматриваемой концепции. Хантингтон пишет: «В исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства»²⁶ (ирония Капустина относительно того, что «своей» цивилизации всегда приписывается все положительное, уместна и тут). Но давно ли западной цивилизации стали присущи все эти замечательные ценности? Вспомним Запад 200-300-летней давности с постоянными войнами, работорговлей, деспотическими режимами, угнетенным положением женщин, расизмом, колониализмом и пр. По-моему, он немного не соответствует той благостной

²⁵ Курашов В.И. Что есть Россия? // Развитие и экономика. 2014. № 9. С. 18-19.

²⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>.

картине, которую нарисовал американский политолог, что не мешает Хантингтону вопреки явным фактам выдавать толерантность и уважение к правам человека за исконные западные ценности.

Замечу, что, аналогичным образом, ценности, которые мы привыкли сегодня отождествлять с исламской цивилизацией: религиозность, патриархальность, интолерантность к сексуальным меньшинствам, нетерпимость в вопросах веры, негативное отношение к женской эмансипации и пр., свойственны в такой же степени консервативно настроенным людям, воспитанным в православной, западной, индийской и любой другой культуре. Так же как среди современных мусульман есть немало сторонников секуляризма, женского равноправия и пр.

Поэтому утверждение об «истинных ценностях», «культурных архетипах», лежащих в основе той или иной цивилизации и устойчиво воспроизводящихся на протяжении всей ее истории, – вещь довольно сомнительная. Что объединяет русских начала XXI в. с русскими, которые сражались с Мамаем на Куликовом поле? По-моему, только исторический миф, осознание нас сегодняшних в качестве наследников наших далеких предков, но никак не ментальная и ценностная преемственность. Ясно же, что культурные установки, смыслы и ценности, разделяемые обществом, меняются, серьезно трансформируются под влиянием различных процессов, они всегда ограничены конкретными социальными и историческими условиями, а потому не являются неподвижным, внеисторическим феноменом. Кроме того, нельзя забывать и о том, что в каждый момент времени в обществе обнаруживается, как правило, целый ряд ценностных блоков, которые *существуют* вместе, а порой и прямо противоречат друг другу. Можем ли мы утверждать, что система ценностей образованной московской молодежи сегодня идентична ценностям их сверстников из какой-нибудь воронежской деревни или ценностям пенсионеров из моногорода советской формации? Разумеется, нет – эти люди по-разному социализировались, у них разный кругозор,

социальный опыт, они по-разному смотрят на многие вещи. Между тем апологеты «российской цивилизации» полагают, что всем им присущ некий единый «культурно-цивилизационный код».

Опять же, что более соответствует русскому «цивилизационному коду» – «Домострой» или концепция «новой женщины» Александры Коллонтай, новгородское вече или опричнина Грозного; кто есть лучший выразитель русского «национального духа» – Константин Леонтьев или Александр Герцен, Валентин Распутин или Виктор Пелевин? Все это – часть русской культуры, сложной и многогранной. Так же как костры инквизиции, трансатлантическая работоторговля, газовые камеры Освенцима и ядерная бомба над Хиросимой – неотъемлемая часть истории западной цивилизации, какую бы идеалистичную картину ни пытался нарисовать Хантингтон. И если мы пытаемся предъявить некий набор «истинных ценностей», лежащих в основе той или иной цивилизации, то мы неизбежно должны отринуть всю совокупность явлений и фактов, которые не влезает в прокрустово ложе заданного «культурно-цивилизационного кода», мифологизированной «изначальной традиции» и которые приходится поэтому истолковывать как «чужеродные», «враждебные» нашей цивилизации, «занесенные извне».

Другой важный момент критики цивилизационного подхода состоит в следующем: все его теоретики исходят из презумпции о том, что процессы в мире определяются, в первую очередь, взаимоотношениями между цивилизациями; межцивилизационные различия – якобы самые существенные. В очередной раз сошлюсь на Хантингтона: он пишет, что после окончания холодной войны «важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой... Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов»²⁷. Следуя этому тезису, американский политолог рассматривает в цивилизационной логике вообще все конфликты, начавшиеся после распада СССР:

²⁷ Там же.

действия США на Ближнем Востоке, вооруженное противостояние между осетинами и ингушами в России, войну между армянами и азербайджанцами за Нагорный Карабах и пр.

Возникает справедливый вопрос: *если различия между отдельными цивилизациями наиболее фундаментальные, то почему цивилизационные противостояния не имели место раньше* – во время холодной войны или до ее начала? Почему культурные различия «дремали» в неактуализированном состоянии, а наружу вылезали столкновения сначала между нациями-государствами, а потом между идеологиями? Почему в западный военный блок НАТО вступила мусульманская Турция и преимущественно мусульманская Албания, православная Греция, Болгария и Румыния? Неужели в этих государствах был заменен «цивилизационный код»? Почему противоречия между США и Китаем или Россией и ЕС должны обязательно трактоваться именно как цивилизационные, а не экономические или геополитические? То, что делали в последние годы американцы в Ираке или Афганистане, сто лет назад называлось колониализмом или «политикой великих держав», а теперь почему-то анализируется в логике «столкновения цивилизаций». Может быть, изменилась не природа конфликтов в мире (чаще всего это по-прежнему конфликты за ресурсы и влияние), а всего лишь оптика, с помощью которой их рассматривают?

У представителей цивилизационной школы получается, что Запад враждебен России или исламскому миру только потому, что Россия – это Россия, а Восток – это Восток. Конфликтогенна *сама природа* межцивилизационных отношений, «европейскость» эссенциалистски враждебна «русскости» и т.д. Но ни Данилевский, ни Хантингтон, ни Тойнби, ни кто-либо еще не смогли убедительно доказать, что одна страна или группа государств противостоят другим государствам именно по причине принадлежности к разным цивилизациям, а не потому, что имеет место столкновение *конкретных интересов*.

Таким же *голословным* остается и тезис о том, что *цивилизационная идентичность является доминирующей* для представителей разных культурных типов: Данилевский считал,

что для каждого славянина ничего не может быть выше идеи славянства, Хантингтон настаивал, что «цивилизация — это самый широкий уровень общности, с которой он [человек] себя соотносит»²⁸. Действительно, люди могут идентифицировать себя как православные или как мусульмане, как славяне или европейцы, однако эта идентификация является *одной из многих*, присущих человеку. И надо еще доказать, что она превалирует над остальными. В то время, когда Данилевский писал свою книгу, панславистские идеи были широко распространены как в России, так и среди балканских народов, находившихся под гнетом Турции и смотревших на русских как на своих защитников. Сегодня от славянского единства мало что осталось – вместо политического союза с Россией многие из славянских народов уже вступили в ЕС и НАТО или хотят туда вступить. Напомню, что во время бомбардировок Югославии натовской авиацией в 1999 г. православная Болгария предоставила войскам альянса свою территорию и воздушное пространство. Так же и исламские государства часто конфликтуют между собой, призывая на помощь державы «чуждой» себе западной цивилизации – Саудовская Аравия является многолетним союзником США и противником Ирана, столь же сложные отношения у Турции с Ираном и Сирией. Конечно, порой фактор «славянского единства» или защиты единоверцев-мусульман играет важную роль в каком-то конфликте, но из этого совершенно неправильно делать вывод, что этот фактор работает *всегда* и тем более является главным.

Прав был А.А. Гусейнов, когда отмечал, что «современные цивилизации не могут функционировать как целое, подобно древним племенам... Они проникают, перетекают друг в друга столь многообразно и глубоко, что между ними невозможно прочертить разделительные линии... Взаимодействуют не цивилизации, а люди (индивиды, народы, государства), принадлежащие к разным цивилизациям» и почти всегда «не по поводу своих цивилизационных различий, а по поводу

²⁸ Там же.

конкретных проблем»²⁹. Цивилизация как социальный феномен действительно не поддается строгой фиксации.

Не будем забывать и о том, что какая-то общность людей, извне представляющаяся однородной, спаянной общими ценностями и интересами, при более близком знакомстве таковой не оказывается. Это убедительно показал В.С. Малахов на примере европейских мусульман. Он, в частности, отмечает, что «среди людей, относимых бюрократическими процедурами [ЕС] к "мусульманам", много неверующих, а количество тех, кто считает себя верующими, но при этом никогда не бывает в мечети, превышает количество тех, кто мечеть посещает»³⁰. Таким образом, перед нами уже две группы внутри общности, которую по умолчанию относят к агентам «исламской цивилизации» в Европе – это группа мусульман «номинальных» и «практикующих». Причем вторая группа заметно уступает первой по численности. Кроме того, те, кого мы привыкли объединять под именем «мусульмане», «отделены друг от друга национально-этническими, конфессиональными, идеологическими и статусными барьерами»³¹, не позволяющими говорить о каком-то внутреннем единстве. Так, довольно сложные (если не сказать враждебные) отношения между турками и арабами, курдами и иранцами, суннитами и шиитами, социалистами и кемалистами, сторонниками ношения хиджаба и его противниками и т.д. Доходит до того, что выходцы из Турции и Марокко, живущие в Голландии, часто отказываются посылать своих детей в одну школу. Как видим, реальность гораздо сложнее теоретических спекуляций цивилизационной школы.

Вся предыдущая критика мультицивилизационной концепции в этой главе строилась на поиске некоторых ее теоретических несообразностей и натяжек. Однако у меня есть и одна чисто мировоззренческая претензия к данной теории – мне кажется бесперспективной та философия истории, которую

²⁹ Гусейнов А.А. О чем мы говорим, когда говорим о диалоге цивилизаций? // Гусейнов А.А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб, 2012. С. 718.

³⁰ Малахов В.С. Грозит ли Европе исламизация? // Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: НЛО, 2014. С. 151.

³¹ Там же.

создает теория «локальных цивилизаций», иначе говоря, ее ответ на вопрос о смысле исторического процесса вообще и о смысле существования России как отдельной цивилизации в частности.

Цивилизационный подход призывает нас отказаться от разговора об общечеловеческом – об универсальных ценностях, о прогрессе в мировой истории, от самого понятия всемирной истории, вместо этого предлагая иметь дело с неким набором локальных историй отдельных обществ, каждое из которых уникально, а потому не может сравниваться с другими. Проблема в том, что, *исповедуя такую философию, мы теряем всякие стимулы к дальнейшему развитию*, поскольку каждая цивилизация хороша уже сама по себе, в ее наличном виде, и мы должны принимать ее такой, какая она есть. Тогда любые ее пороки – человеческие жертвоприношения, рабство, деспотизм и т.д. – можно объявить самобытной чертой, не требующей исправления. И на это нечего возразить, ибо не существует универсального мерил хорошего и дурного, прогрессивного и реакционного, гуманного и жестокого. Следуя мультицивилизационной логике, мы не имеем права вносить в историю моральные принципы и осуждать массовое использование рабского труда в Древнем Риме, обычай инфантицида в средневековом Китае или русское крепостничество. Когда Хантингтон в цитированном выше отрывке пишет, что суть западной цивилизации составляют права человека, равенство, свобода, верховенство закона и демократия, это означает, что для всех незападных обществ он считает более органичными авторитаризм, неравенство, коррупцию, правовой произвол и прочие малоприятные вещи. Незападные цивилизации как бы не имеют полного права на все перечисленные блага, или, во всяком случае, нарушение человеческих прав и свобод за пределами Запада не должно считаться аномалией. Самое удивительное, что так часто рассуждают и российские самобытники, утверждая, например, что демократия и политические свободы нам не нужны, поскольку это продукт чуждой нам цивилизации.

Поэтому теория локальных цивилизаций – сугубо консервативный проект. Как верно заметил Б.Г. Капустин, в нем «нет потенциала создания будущего»³², вместо этого он обращен назад, в прошлое, т.к. ставит главной целью пестование неких «истинных оснований», «традиционных ценностей» своей цивилизации. Для него не существует истории как процесса саморазвития и самовоспитания человечества, а вместо этого есть только бессмысленная череда возникновения и разрушения культур, империй и цивилизаций. Конечно, я не собираюсь с оптимизмом Кондорсе утверждать, что человечество непрерывно прогрессирует, его жизнь становится только лучше, счастливее и разумнее. Однако было бы слишком мрачным и несправедливым взглядом на вещи считать, что от времен египетских фараонов и древних шумеров человечество просто топталось на одном месте, и что впереди у него такая же фатально предопределенная цепь рождений, расцвета и гибели новых цивилизационных образований, каждое из которых будет ничем не лучше предыдущих.

Да и нужно ли, в самом деле, отказываться от разговора об общечеловеческом? На мой взгляд, ограничение нашей идентичности лишь цивилизационным уровнем значительно обедняет наше существование, поскольку делает чуждыми и совершенно ненужными для нас культурные достижения других «локальных цивилизаций». Если мы *только* русские, *только* славяне или *только* православные, тогда не для нас писали Сервантес или Омар Хайям, не для нас строили пирамиды, возводили Собор Парижской Богоматери и мавзолей Тадж-Махал. В лучшем случае мы можем смотреть на все это как на заморские диковинки, которые лично к нам не имеют ровно никакого отношения. Сегодня, когда глобализация делает гораздо более прозрачными границы между странами, народами и культурами, когда все больше рассуждают о феномене гибридизации человеческих идентичностей, такая позиция выглядит ограниченной и откровенно местечковой. Да и

³² Капустин Б.Г. Критика политической философии. Избранные эссе. М.: Территория будущего. С. 201. URL: www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874645.

не только в глобализации дело – можно вспомнить, как фундаментальная наука, право и принципы политической свободы, впервые возникнув и развиваясь на Западе, стали впоследствии достоянием всего человечества; как модернизация, в авангарде которой опять-таки стояли западные общества, стала всемирно-историческим феноменом. Вопреки спекуляциям «цивилизационщиков» взаимопроникновение культурных традиций и взаимодействие между различными обществами существовало на протяжении всей человеческой истории. Знаем ли мы хоть одну великую культуру, которая развивалась изолированно от остальных и дошла до нас в «чистом» и неизменном виде?

Кроме того, неужели такие вещи как свобода, справедливость, уважение человеческого достоинства, борьба против различных институтов господства и угнетения не могут рассматриваться как универсальные, значимые для всех людей? Ведь за эти ценности боролись в разное время люди в самых разных странах и частях света – европейцы, русские, индийцы, африканцы. Как пишет В.М. Межуев, «можно по-разному трактовать ценности истины, добра и красоты, но сами по себе они существуют в любой культуре. Нет в мире культуры, которая истине предпочитала бы ложь, добру – зло, красоте – безобразию. И нет на свете людей, для которых рабство предпочтительнее свободы»³³.

Поэтому мы можем сказать, что *человечество имеет общую задачу* – создавать более гуманный мировой порядок, в котором отдельные люди и целые общества смогли бы более или менее гармонично сосуществовать друг с другом; освобождаться от различных форм угнетения, развивать подлинно человеческое в человеке. Проще говоря, это цель дальнейшего движения человечества от варварства к подлинной цивилизации, в классическом понимании этого слова, идущем от эпохи Просвещения. Если мы признаем, что такая задача все-таки существует (хоть, возможно, и выглядит несколько

³³ Межуев В.М. Диалог между цивилизациями и Россия. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5870>.

идеалистично), тогда нельзя не согласиться с тем, что *различные народы мира все-таки тесно связаны общей судьбой*, а значит, есть не только «локально-цивилизационная», но и более широкая человеческая солидарность.

Разумеется, критикуя цивилизационный подход, нужно отходить и от чересчур упрощенной линейной логики. Следует принимать в расчет религиозное, культурное и историческое своеобразие отдельных обществ, помнить о многовекторности развития мировой истории, ведь каждое общество – не только российское! – по-своему уникально (вернее сказать, оно сочетает в себе типичное и особенное), не случайно в социальных науках существуют концепции вроде «множественных современностей» (multiple modernities) Ш. Эйзенштадта, которые как раз и пытаются охватить это человеческое многообразие, в данном случае – описать особенности вхождения разных народов в Современность. Но, помня об опасностях примитивного европоцентризма, важно не впадать в крайность партикуляризма и изоляционизма, подобно литератору николаевской эпохи Наркизу Отрешкову, доказывавшему в одной из своих сомнительных брошюр, что Россия настолько самобытная страна, что ей не нужны железные дороги. А именно такими крайностями часто и грешит цивилизационная школа.

Таким образом, российской гуманитаристике полезно было бы, наконец, осознать, что концепция «уникальной российской цивилизации» (в любой ее вариации) намного лучше подходит для идеологических баталий на внешне- и внутривнутриполитическом фронте, нежели для строгого научного исследования. Хотя бы потому, что, делая акцент только на русской «особости», замыкаясь в вымышленных цивилизационных границах России, мы ослабляем свои возможности сопоставлять, сравнивать, выводить закономерности и рационально объяснять социальные процессы и явления, т.е. заниматься тем, что призван делать любой ученый.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В XXI ВЕКЕ: «ГЕНИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ» КРЕМЛЯ

Глава посвящена обзорному описанию социального и политического порядков постсоветской Российской Федерации с позиций институционального обществоведения. Учитывая тот факт, что носителем социальных институтов являются коллективные идентичности, особое внимание уделено политическим идентичностям общества. Показано, что РФ идентичностно негомогенно, то есть правящее сообщество осуществляет свою гегемонию с сохранением значительного социально-культурного отрыва от управляемых людей. Обсужден механизм сохранения данного отрыва и то, как наличие такого отрыва сказывается на макростратификации социума в поле власти и на структуру гегемонии правящего сообщества.

Показано, что социальный и политический порядки РФ структурируются по типу «сверху вниз», так что в части контроля над российскими социальными институтами принцип «воля суверена» превалирует над принципом «общее благо». Обсужден введенный формулирующий принцип «воля суверена». Проанализированы особенности устройства социальных институтов в РФ, включая те из них, которые обеспечивают оборот административной ренты в обществе. Показано значительное место техник управления риском «цветной революции» в политике правящего сообщества РФ.

Ключевые слова: Россия, институты, коллективные идентичности, политическая гегемония, политический порядок, социальный порядок, элита.

Введение: «Гениальная власть» Кремля

Российская Федерация (РФ) вышла из исторического события «крах СССР» с политическим режимом, описание которого в понятиях, развиваемых вокруг изучения политических

систем, складывающихся на основе так называемых рациональных бюрократий, оказывается существенно неполным.

С одной стороны, данный режим реализует многие свои функции через различного рода корпорации³⁴, с другой – взаимодействие этих корпораций на самом верхнем уровне³⁵ является существенно неформализованным, и это оказывается очень важным свойством режима, фактически определяющим его основные свойства. Подтверждение данному тезису можно увидеть, например, при властном транзите от президентства Б.Н. Ельцина к президентству В.В. Путина в 1999-2000-м, когда задействованные в управлении страной корпорации остались практически все теми же, а вот политические режимы этих правлений оказались отличающимися существенно. Более того, и во время последних пятнадцати лет, связываемых с именем Путина, политический режим тоже уже менялся несколько раз. И это все происходило опять же при практически одном и том же наборе задействованных в управлении страной корпораций.

Неформальность этого самого «верхнего» взаимодействия «дает воздействующие реплики» далеко «вниз» по иерархии уровней государственных корпораций, влияя среди прочего и на низовые социальные институты³⁶. При этом многие институты

³⁴ Корпорация – это формализованная социальная структура, в которой: 1) социальные места/должности отделяемы от тех индивидов, которые данные места занимают, делая исполнение соответствующих функций корпорации независимым от жизненного цикла участвующих в ней людей, 2) социальные места/должности формализованы в некоей организационной структуре – штатном расписании, 3) взаимоотношения и действия индивидов, занимающих социальные места/должности, в значительной своей части определяются формализованными текстами – должностными инструкциями, стандартами поведения, и т.д. Корпорации государственного управления обычно создаются под определенные уже осознанные вызовы, составляющие их миссии. Под свое функционирование корпорации имеют ресурсы, определяемые в их бюджетах и штатных расписаниях.

³⁵ Как и везде, основой взаимодействия государственных и около-государственных корпораций является борьба за подконтрольные бюджеты/ресурсы. При этом основным «инструментом» в данной борьбе со стороны корпораций является продвижение/«реклама» тех угроз/вызовов/«услуг», с которыми «работает» данная корпорация. (Данный момент хорошо описан в монографии [Кордонский С.Г. Россия: поместная федерация. М.: Европа, 2010. С. 51, 71].) Потому – бюджетирование является одним из главных способов управления государственными корпорациями с «верхнего уровня». Другой такой способ – выделение «зоны ответственности» в подконтрольном ландшафте, а также соответствующего инструментария (обычно нормативных неясностей) – для «кормления» корпораций.

³⁶ «Институтами... обычно называют всю совокупность правил и норм, которые определяют поведение человека, как формальных (конституции, законы, стандарты, нормы), так и неформальных (обычаи, привычки, «понятия», традиции, внутренние системы мотивации

становятся неопиcуемыми – их просто невозможно выразить вербально ввиду общепринятых в мире стандартов теории организаций. Например, очень трудно формализовать в должностных инструкциях неформальное требование для каждого конкретного рабочего места «брать по чину», а потом объяснить все это сторонним наблюдателям³⁷.

Отчеркивая отмеченную неформальность организации социально-политического взаимодействия на самом верхнем управленческом уровне, будем называть участвующих в этом взаимодействии людей термином «Команда»³⁸. Для непосредственного окружения Команды, т.е. для сообщества высших корпоративных управленцев РФ вместе с объединяющими их институтами, применим термин «Система»³⁹. Система включает в себя как руководителей

людей)» [Крупкин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта, Наука, 2010. С. 71]. «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике» [Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд «Начала», 1997. С. 17].

³⁷ В общем случае можно представить себе ситуацию, когда для элиты страны мнение о ней элит других стран совершенно неважно. В такой ситуации вполне можно себе позволить формализовать все те «странные» институты, которые наличествуют на практике, и приблизиться тем самым к стандартам рациональных бюрократий – с возможностью рационализировать и оптимизировать описанное. Однако это точно не наш случай. Элите РФ мнение элит других стран о ней очень важно, потому многие действующие институты остаются неопиcанными, многие моменты функционирования социальных структур оказываются необсуждаемыми, а в том, что вербализуется в самоописаниях структур социального и политического порядка, обнаруживается много «идеальностей» презентационного толка, которые не соответствуют никакой действительности. Этот момент будет рассмотрен в настоящей работе позже под названием «несогласованные институциональные поля».

³⁸ Термин из «околокремлевского жаргона» - см., например, монографии [Павловский Г.О. Система РФ в войне 2014 года. М.: Европа, 2014; Ledeneva A.V. Can Russia Modernize? Sistema, Power Networks, and Informal Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, p.33]. Для данного социально-политического объекта в докладе [Минченко Е., Петров К. Большое правительство Владимира Путина и Политбюро 2.0. Доклад. «Минченко консалтинг», Январь-Февраль 2013] предложено использовать термин «Политбюро», который кажется мне менее удачным, поскольку «прототип» метафоры в этом случае все же был существенно ближе к корпорации, чем принимаемая здесь в рассмотрение социальная структура.

³⁹ Термин «Система» унаследован из административного жаргона советских времен и зачастую используется для общей характеристики специфичностей устройства государственного администрирования в РФ – см., например [Ledeneva, *ibid*]. В определенном здесь «узком смысле» феномен обсуждался в [Крупкин, там же]. В книге [Павловский, там же] использовал для того же чуть модифицированный вид термина – «Система РФ». В общем же следует отметить, что многое

структур государственного управления и силового блока страны, так и руководителей различных достаточно крупных финансовых и промышленных корпораций страны.

Наводимое Системой институциональное поле на нижних уровнях иерархий ее корпораций также оказывается далеко от того, что обычно связывается с бюрократической рациональностью и/или с общепринятым пониманием права⁴⁰. Характерным моментом здесь является не только значимость неформальных институтов, но и зачастую никогда до конца не исчезающие противоречия в имеющихся формальных нормах и правилах. Вследствие последнего многим руководящим служащим корпораций Системы просто не удается быть «совсем ни в чем не виноватыми» – каждый оказывается «сидящим на крючке», и на этом, в частности, в существенной степени отстраивается лояльность людей, служащих режиму. Этому же способствуют и довольно частые потоки изменений формальных норм, постоянно генерируемые корпорациями Системы в рамках активностей по их реформированию. К тому же слишком многие функции Системы оказываются осуществляемыми лишь в режиме так называемого «ручного управления», что также дает свой вклад в ее «нестандартность».

В сфере взаимодействия корпораций Системы с населением страны довольно частым является наличие разрывов между формальными нормами и обычными (т.е. отражающими обычаи какого-то социального сообщества в каком-то фиксированном месте) институтами. Данные «разрывы» позволяют служащим соответствующих корпораций

из того, что обнаруживается авторами исследований Системы «в широком» смысле, остается верным и для Системы «в узком смысле».

⁴⁰ Следует признать, что на некоторых участках деятельности (например, таможенные услуги или государственные услуги населению) вовлеченным корпорациям в последние годы удалось достигнуть стандартов рациональной бюрократии. Это, в общем-то, оставляет шанс считать, что наличествующий «хаос в институтах» является именно что следствием сложности управляемого объекта – РФ, – дополненного некомпетентностью вовлеченных в управление работников, а отнюдь не «злого умысла» последних. С другой стороны, активное использование «нестыковок» для извлечения служащими корпораций Системы административной ренты ставит предыдущий тезис под большой вопрос. По-видимому, «истина» находится где-то посередине, и отношение корпорации к формальным нормам своего функционирования зависит от расклада сил вовлеченных в деятельность корпорации социальных агентов с разными их мотивациями в плане извлечения «дополнительных доходов».

организовать извлечение так называемой административной ренты, которая во многих корпорациях по факту превышает легальную зарплату служащих, и это тоже надо бы принимать во внимание при описании наличествующего в РФ политического режима.

Обсуждаемая неформальность «верхнего» взаимодействия помимо прочего является источником дополнительных вызовов к тем, что даются обычным событийным фоном жизни страны. Она порождает связанный с собой «хаос», она же этот самый «хаос» «ставит в рамки», предлагая прочим «игрокам на поле» соответствующую «страховку». Многочисленные успешные импровизации по «разруливанию неприятностей» позволили ввести для Команды метафору «Гениальная власть»⁴¹, которая была использована в заглавии данной главы.

В настоящей главе в рамках номиналистической парадигмы⁴² институционального обществоведения рассматриваются некоторые особенности сложившихся в стране институтов и поддерживающих данные институты сообществ и социальных структур.

Базовые понятия используемой парадигмы

Начнем описание системы категорий, используемых для представления социально-политических систем в этой главе, с понятия **антропокров**, который представляет собой людей на территории со всеми своими взаимосвязями и «накоплениями» в виде материальных и идеальных артефактов. Социальный порядок в антропокрове во многом определяется имеющимися социальными институтами. Сами же эти институты обычно не одинаковы как в разных географических местах, так и в разных

⁴¹ Данная метафора была введена в работе [Павловский Г.О. Гениальная власть. М.: Европа, 2012].

⁴² Социальный номинализм – метод теоретической работы, в рамках которого все социальные объекты/феномены «выводятся» только из людей и их взаимодействий между собой. В рамках номиналистических теорий – в отличие от развиваемых на основе социального реализма – нет места, например, понятию эмерджентности социальных систем. Логически можно показать, что номиналистические теории всегда могут быть переинтерпретированы в реалистические, но не наоборот.

сообществах одного места⁴³, что позволяет говорить об **институциональном поле** как составной части антропокрона⁴⁴.

Люди в антропокроне обычно объединены в сообщества/группы разных видов и различают друг друга по некоторым принятым ими формальным категориям. В конечном итоге каждый индивид имеет идентификационные «привязки» к нескольким из таких категорий – и это не говоря еще о богатстве других аспектов его персональной идентичности. В части ассоциирования индивидов очень важную роль играют коллективные идентичности. **Коллективная идентичность** (social identity) – это психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе/общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения их из нее, критерии различения «свой/чужой» для данной группы, и т.д.⁴⁵ В группе с коллективной идентичностью определяющий данную идентичность комплекс должен присутствовать в психике каждого ее участника, будучи согласовываемым между членами группы во внутригрупповой интерперсональной коммуникации. Каждый индивид характерен каким-то своим «пучком» коллективных идентичностей, «завязанных» на разные сообщества, к которым он имеет отношение. Практически в каждом таком «пучке» можно выделить семью, расширенную семью/родню, круг друзей, коллег по обеспечивающему сообществу (трудовому коллективу). Индивиды также могут входить в профессиональные ассоциации, соседские общины, территориальные (локальные и региональные) общности,

⁴³ Например, в части семейных нравов европейская галантность требует от мужа брать заботу о переноске семейных тяжестей на себя, в то время как в мусульманском поведенческом стандарте семейными тяжестями занимается жена. И оба этих стандарта могут сосуществовать в одном географическом месте.

⁴⁴ Крупкин П.Л. К теории институциональных полей: Общие моменты // Научный эксперт. 2010. № 10. С.98-109.

⁴⁵ Крупкин П.Л. Россия и Современность. С. 122.

партии, этносы, нации и т.д. Важно, что именно коллективные идентичности являются «носителями» социальных институтов⁴⁶.

При взгляде на антропокров «сверху» там оказываются видны вполне различаемые политико-социальные «целостности», для которых можно использовать термин «социальные организмы» (**социоры**)⁴⁷. Характерными свойствами социоров являются их устойчивость во времени и четкость в определении принадлежности к социору отдельных индивидов. При этом каждый индивид может быть участником нескольких разных социоров, так что социоры могут как входить один в другой целиком, так и пересекаться лишь какими-то своими частями. Обычно социор «создает» в психике «захваченных» собой людей связанную с собой коллективную идентичность. Простейшим элементом данной идентичности является интериоризация индивидами «знания о своей принадлежности» к социору, которое является общим для всех вовлеченных людей.

Во многих случаях социоры являются **социальными субъектами**, т.е. они могут «осознавать» свои цели и интересы и следовать им. Данные субъекты взаимодействуют как с другими социорами, так и с индивидами: они кооперируются, объединяя ресурсы и усилия в соответствии с достигнутыми соглашениями, или конкурируют за ресурсы, за влияние на другие социоры и индивидов (**социальных агентов**). Ту часть социора, которая ответственна за формирование его целей и интересов, а также за моделирование и оценивание окружающей его действительности, будем называть **политической системой** социора. Для еще одной части социора, той, которая ответственна за его действия по достижению своих целей и следованию своим интересам в соответствии с установками, получаемыми от политической системы, может быть использован термин **«органы управления»**. А для их

⁴⁶ Крупкин П.Л. Коллективные идентичности и социогенез: К теории социального единения // Вопросы национализма. 2014. № 1(17). С.128-145.

⁴⁷ Понятие введено автором работы [Семенов Ю.И. Общество как целостная система // Социальная философия: курс лекций / под ред. И.А. Гобозова. М.: Издатель Савин С.А., 2003. С. 61-79].

объединения (политическая система + органы управления) будем использовать термин «**полития**».

В настоящее время в мире существует вполне определенный и фиксированный набор социоров, обозначаемых термином «**страны**». Каждая страна характерна наличием общепризнанной территории, относимой именно к этой стране. Общепризнанные территориальные границы сертифицируются еще одним социором – корпорацией под названием «Организация Объединенных Наций» – ООН.

Для тех социоров и индивидов, которые претендуют на контроль за какой-то частью антроподрома в каком-то географическом месте, можно еще использовать термин «**центр силы**» (ЦС). Каждая страна представима в виде ассоциации ЦС, взаимодействующих между собой. Взаимодействие ЦС на территории есть не что иное, как **политическая деятельность** (в узком смысле)⁴⁸.

Центр силы, институты которого общепризнано имеют приоритет в данном месте, осуществляет в этом месте географического пространства свой **суверенитет**. Для поддержания приоритета своих институтов ЦС-суверен должен иметь так называемую **правовую систему**⁴⁹, к которой могут обращаться **социальные агенты** (люди и социоры) в случае необходимости – обычно конфликтов между собой. Правовая система суверена при этом должна: 1) установить картину «как оно все было на самом деле»⁵⁰, которая будет являться основой последующего решения, 2) выработать (правовую) оценку для этой картины события, 3) назначить санкции тем, кто «нарушил

⁴⁸ Политическая деятельность в широком смысле включает любые действия социальных агентов по достижению своих целей/продвижению своих интересов, что существенно расширяет узкое понимание политики, включая туда такие действия, как продвижение своей кандидатуры на вакантную должность, или уговоры семейного партнера в своем стремлении изменить семейный бюджет, и т.п.

⁴⁹ Свои правовые системы могут иметь и другие ЦС данного места, причем данные правовые системы могут функционировать как в кооперации с правовой системой ЦС-суверена, так и конфликтовать с ней. Пример последних – «правилки»/«разборки» криминальных групп/«крыш».

⁵⁰ Данная картина произошедшего в принципе может отличаться от того, что случилось в действительности. Однако все правовые последствия возникают именно на основе этой юридически утвержденной картины события. Понятно, что в идеале правовая система суверена должна стремиться смоделировать произошедшее как можно ближе к тому, как оно все было в действительности.

институт», 4) осуществить назначенные санкции. При этом типовые случаи, обрабатываемые правовой системой ЦС, могут быть формализованы/кодифицированы в виде некоего «свода законов» и формальных норм других типов – стандарты, инструкции, и т.д.

Фиксация внимания на таком социальном действии, как «оценивание случившегося», которое может производиться в рамках разных сообществ/ЦС, вводит в рассмотрение так называемые «формулирующие принципы»⁵¹. **Формулирующие принципы** сообщества/ЦС – это то, с чем соотносятся как сами институты этого сообщества/ЦС, так и поведенческие случаи, выпадающие из существующей системы институтов (т.е. происходящие первый раз или достаточно редко), с тем, чтобы выработать во мнении сообщества/политической системы ЦС моральную оценку по отношению к этим случаям. Формулирующие принципы в какой-то своей части могут быть выражены формально, но в большей своей части они «конструируются» неформально – через чувство осознаваемой несправедливости⁵² членов сообщества, через их ощущение «правильности» происходящего.

В общем случае для встречающихся на практике формулирующих принципов выделяются два идеальных типа, образующих полюса в их множестве: «**общее благо**» и «**воля суверена**»⁵³. Общее благо характерно для сообществ, «отстраиваемых» снизу вверх, участники которых во многом равноправны. В этом случае индивиды-участники «примеривают

⁵¹ Крупкин П.Л. О контроле за изменением институтов в социорах различного типа // Российская государственность: философско-политическое осмысление и реальность. Владимир: РАНХиГС, 2013. С.71-93.

⁵² Справедливость – это характеристика качества управления неравенством в человеческих сообществах [Крупкин П.Л. Россия и Современность. С. 106]. Данное понятие лучше понимаемо и осмысляемо через свое обратное, через несправедливость. Чувство несправедливости, по-видимому, входит в состав наиболее базовых социальных аффектов человека, отстраиваемых по архетипическому дизайну: есть некая врожденная форма, которая заполняется конкретным содержанием при социализации индивида. Ощущение несправедливости вполне суммируемо по сообществу, так что справедливым решением/устройством дел для сообщества будет такое, которое минимизирует общее чувство несправедливости всех значимых его участников. Поиск подобного оптимума и является целью тех процедур коллективного обсуждения принимаемых решений, которые иногда называют словом «делиберация».

⁵³ Крупкин П.Л. О контроле за изменением институтов.

на себя» оцениваемое, обсуждают между собой различные несоответствия в своих ощущениях, делятся своими чувствами/рассуждениями/заклЮчениями с партнерами, примеривают ощущения тех «на себя» – и, в конце концов, приходят к какому-то общему для всех выводу по поводу оцениваемого.

Воля суверена обычно наличествует в «вертикальных» иерархических сообществах, «выстраиваемых» сверху вниз. В этом случае при оценивании чего-то выпадающего из рутин участники сообщества применяют свое понимание того, к какому выводу по поводу требуемой оценки пришел бы тот индивид, который занимает самую верхнюю позицию в сложившейся иерархии. Тут во многом свою роль играет опыт функционирования ЦС, куда дают вклады и восстания/умиротворения в контролируемом ЦС антропохроме (особенно в части анализа их причин), и наказания/ненаказания отдельных участников сообщества по обработанным ими случаям, приведшим к эскалациям «наверх», и распространение/тиражирование успешного опыта управления разрешением сложных ситуаций.

В отличие от формующих принципов институт всегда имеет в качестве «базы сравнения» определенный предписанный нормативный паттерн. Формующие же принципы «обрабатывают» поведенческие случаи без готовой «базы сравнения». Также следует отметить, что формующие принципы могут «обработать» и сами институты, и лишить их в случае негативной оценки общественного признания/общественной легитимации. Далее, санкция по негативным оценкам случаев зачастую уже вполне определена в институтах, в то время как для формующих принципов выработка санкции является именно что дополнительным независимым социальным действием для каждого случая, принимаемого сообществом к рассмотрению. Таким образом, институты в своей социальной функции являются некой рутинизацией, «постановкой на поток» функции формующих принципов для обработки тех случаев, которые уже стали для сообщества типовыми.

Наличие у сообщества/ЦС формулирующих принципов ставит вопрос о той социальной структуре, которая завершает процесс оценивания события/института и формулирует окончательный вердикт сообщества/ЦС. Будем называть структуру, ответственную за обозначенную функцию, «интеллектуальной службой» (*ИС*).⁵⁴ Функции ИС традиционно могут исполняться разными структурами, например, в англо-саксонских странах данную роль зачастую выполняют суды. В РФ таковой является Администрация Президента (АП) РФ.

Наличие у ЦС формальных законов и инструкций задает еще одну дихотомию для различения институциональных полей подконтрольного антропокрова: *институциональные поля* могут быть *согласованными* и *несогласованными*⁵⁵. Для согласованных социальных полей формальные законы и инструкции не допускают существенных отличий от обычных институтов, практикуемых людьми. В случаях же, когда законы пишутся, например, в целях демонстрации внешним референтным группам, институциональное поле в зоне контроля ЦС может стать несогласованным. «Разрывы» между формальными и неформальными институтами порождают интересные моменты в поведении социальных систем, часть из которых будет обсуждена ниже применительно к правовой системе РФ.

В настоящее время в большинстве развитых стран существует выделенный набор ЦС, которые среди прочих своих функций обладают монополией на легальное насилие. *Государством* обычно называют такой социор, который включает в себя как все подобные ЦС, так и некоторые другие социоры, считающиеся в него входящими⁵⁶. Государства определяют специальный подкласс в том, что ранее было названо политиями. В дополнение к этому следует отметить, что

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Крупкин П.Л. К теории институциональных полей.

⁵⁶ Замечу, что такое определение государства, в общем-то, довольно узко и охватывает лишь достаточно развитые современные государства. Например, в Средние века возможность использовать насилие в своих целях была распределена в антропокрове достаточно широко – вплоть до права любого социального агента на войну.

все государственные социоры обычно определяются вполне формально, выпуском неких нормативных актов, определяющих их сферу деятельности, штатное расписание, бюджет. То есть государственные социоры обычно являются именно что **корпорациями**.

Наряду с государственными социорами в развитых странах существуют как социоры экономические (которые включают в себя финансово-промышленные корпорации), так и социоры, объединяемые термином «гражданское общество». Если органы управления страной всегда входят в государство, то политическая система страны состоит в основном из социоров гражданского общества, хотя может включать в себя также и некоторые государственные социоры.

Если поглядеть на историю государств какой-то выбранной страны в «большом времени»⁵⁷, то иногда можно обнаружить некий комплекс качеств государства, который будет относительно инвариантен во времени. Будем называть такой комплекс качеств **государственностью** данной страны⁵⁸. Следует отметить, что характерные качества государственности иногда начинают просматриваться и в случаях догосударственных политий «линии политического наследования» данного государства.

Идентичностно гомогенные и негомогенные социоры

Рассмотрение всего множества известных истории социоров-стран позволяет ввести одно очень интересное различие, которое определяет для них два больших класса⁵⁹. В основе данного различия лежит **степень гомогенности**

⁵⁷ Большое время – понятие, используемое рядом исторических школ, которое было введено для описания событий, чьи изменения не замечаемы в обычном времени: рост гор, опустынивание ландшафта, урбанизация, изменение доминирующих в обществе систем взглядов, и т.д. Более подробно концепция большого времени обсуждена, например, в работе [Крылов К.А. Нация как субъект конфликта // Вопросы национализма. 2010. № 3. С. 7-23] на с. 23.

⁵⁸ В качестве примеров теоретического представления государственности, связываемой с суверенными ЦС на Восточно-Европейской равнине, можно привести концепцию «Русской Системы» [Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. 1999, №4. С. 176-197], или концепцию милитаризационных циклов [Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2013].

⁵⁹ Крупкин П.Л. Об одном общем различии социально-политических систем: Системы идентичностно гомогенные и негомогенные // VI Всероссийский конгресс политологов. Материалы. М.: РАПН, 2012. С. 268-269.

политической системы социора, то, насколько сильно политический класс рассматриваемого социора идентичностно отделяет себя от управляемых людей. При этом выделяется достаточно большая группа социоров, в которых политический класс общества позиционирует себя и социально, и идентичностно достаточно далеко от управляемых масс, вплоть до провозглашения своего биологического отличия. Классическими **негомогенными социорами (НГС)** были все королевства «старых режимов» – монархии позднего средневековья и начала Нового времени, знать которых зачастую настаивала именно что на своей биологической особости. В то же время в противовес НГС-монархиям в том же средневековье существовали и города-государства, в которых не было столь сильного идентичностного самоотделения политического класса от управляемых сограждан. Другим примером идентичностно гомогенных социоров могут служить современные западные национальные государства/либеральные демократии, политический класс которых четко позиционирует себя антропологически как «плоть от плоти народной».

На всей глубине писаной истории мы можем найти как НГС, так и идентичностно гомогенные социоры. При этом к первым обычно тяготеют монархии и автократии, а ко вторым – города-республики и национальные государства. Обычно соответствующая политическая мысль легитимирует негомогенное устройство государственности через два базовых мифа. Во-первых, это постулирование «войны всех против всех» в качестве основного состояния людей при отсутствии внешнего управляющего воздействия на них⁶⁰. И, во-вторых, миф о патернализме, о том, что низы не смогут выжить без заботы о них верхов. При этом основа политической мысли гомогенной традиции – мудрость коллективного разума человеческой общины – в случае НГС-традиции обычно «вытеснена за пределы», что порождает критерий идентификации

⁶⁰ Известное бытие охотников-собирателей показывает, что в «естественном состоянии» антропокрыв обычно состоит из групп по 15-30 взрослых плюс их дети (см. детали в работе [Крупкин П.Л. Коллективные идентичности и социогенез]. При отсутствии ресурсных ограничений эти группы особо не враждуют между собой.

негомогенного устройства наличествующего социального порядка, заключающегося в ответе на вопрос: насколько обычное социальное место рядового обывателя в социоре изоморфно месту «овцы в стаде при пастухах»? Именно такая дегуманизирующая практика, как низведение социальных низов в представлениях верхов до «скота в ландшафте», и фиксация этого в повседневных рутинках социального порядка четко позволяют определить негомогенное устройство рассматриваемого социума. Например, в СССР обыватели были не только практически полностью подобны «овцам в стаде», но и, более того, от них требовалось быть именно что «овцами-автоматами», поскольку им (в отличие, например, от классических НГС) не позволялось даже «взбрыкнуть» при случае, что есть обычно «прошитое» в социальности неотъемлемое «право» всего живого⁶¹.

Подобные же дегуманизирующие практики продолжают определять социальный порядок и в РФ⁶².

Особенности макростратификации антропокрова в НГС

Естественная социальная стратификация любого социора (то, что возникает по итогам властных отношений⁶³) приобретает дополнительные черты в случае реализации в социуме с социальным порядком, характерным для НГС.

Рассмотрим сначала стратификацию, определяемую лишь одним властным отношением⁶⁴. В любом обществе имеется группа людей, основной деятельностью которых является управление другими людьми. Данные люди формируют так называемый общественный **актив**. Для остальных людей, принимающих наличествующий социальный порядок, будем использовать термин **масса**. В активе дополнительно выделяется слой тех, кто принимает участие в разрешении стратегических

⁶¹ Напомню про одну важную характеристику живого: «Жизни свойственно вопрошать свои пределы».

⁶² Детали по элитной ментальной границе в российском общественном сознании можно посмотреть в [Крупкин П.Л. Россия и Современность. С. 307-321].

⁶³ Один социальный агент находится во властном отношении к другому социальному агенту, когда он способен навязать подвластному свою волю. Подвластный агент легитимирует властное отношение своим подчинением. См. детали в: [Крупкин. Указ. соч. С. 99-105].

⁶⁴ См. детали в: [Крупкин. Указ. соч. С. 87-89].

вопросов общества. Обычно данный слой называют политической *элитой*. При этом известно, что так вводимая элита является достаточно трудно фиксируемым на опыте социальным объектом, и потому практические элитологические исследования обычно подменяют изучаемый объект на *«генералитет»* – людей, занимающих формальные верхние социальные позиции общества. Очевидно, что элита во многом пересекается с генералитетом, однако в то же время понятно, что как бывают и генералы, которые не включены в цепочки принятия и согласования особо важных решений, так бывают и не генералы, которые включены в данные цепочки⁶⁵.

Итак, можно видеть, что в любом социоре только из-за наличия политической сферы возникают указанные выше социальные страты: элита, включенная в актив общества, и масса. Если же еще принять во внимание и политическую гегемонию, осуществляемую элитой, то по отношению к ней в обществе можно вычленить и базу ее поддержки, то, что в рамках естественной стратификации обычно называется *средним классом* и состоит из внеэлитного актива и верхнего слоя массы. Так же вычленяется и социальная страта «всегда и безусловно ни с чем не согласных», которую можно определить термином *«коагулят»*⁶⁶. Различные социологические исследования дают оценку численности актива текущего российского общества на уровне 8-10% от взрослого населения, для среднего класса – 20-25%. Численность коагулята может быть оценена на уровне 3-5%. Численность политической элиты РФ – примерно 5 тыс. человек (менее 0,005%).

Перейдем теперь к рассмотрению социора, «отягощенного» социальным порядком негомогенного типа. Как уже говорилось выше, данный социальный порядок характерен тем, что «высшие слои» общества начинают отделять себя от управляемых антропологически, формируя сильную ментальную

⁶⁵ Крупкин П.Л. Об особенностях мотивации действующего российского актива // Научный эксперт. 2010. № 6. С. 63-72.

⁶⁶ Социальный коагулят обладает очень интересными характеристиками, которые, однако, не важны для темы настоящей работы. С этими свойствами при желании можно ознакомиться в [Крупкин П.Л. Россия и Современность. С. 92-97].

границу в общественном сознании. Очевидно, что в общем случае данные «верхние слои» основных выгодоприобретателей социального устройства (будем далее называть их словом **«небожители»**) включают в себя: 1) политическую элиту общества, 2) генералитет, 3) всех остальных, признаваемых первыми двумя группами в качестве «своих», заслуживающих специальной заботы о себе. Группу 3 главным образом слагают члены семей и еще не деклассированные потомки бывших представителей слоев 1 и 2. Плюс сюда еще одна группа – 4) инкорпорированные люди «из низов»⁶⁷. На другой социальный полюс от небожителей оттесняется большинство представителей массы, которые в сознании небожителей слабо отличаются от «скота в ландшафте». И в промежуток между небожителем и народным полюсами попадают те, кто берет на себя основную нагрузку по обеспечению гегемонии небожителей в обществе⁶⁸. Эти люди, не являясь небожителями сами, тем не менее стремятся ментально «быть рядом» с небожителями, быть полезными им, «обслуживать их». Они же главным образом и оттесняют прочее «быдло» (и других менее удачливых своих собратьев по антропокрову) «вниз», «подальше» от небожительского мира, тем самым обслуживая и поддерживая поляризацию на небожительской ментальной границе. Будем называть данную социальную группу **«сервильной стратой»**, или **«обслужой»**.

Идентичноно служба достаточно сильно сплочена перед лицом отталкиваемой ими «вниз» народной массы, что не мешает им внутри себя быть крайними индивидуалистами. Их атомизация обусловлена тем, что небожители инкорпорируют к себе лишь незначительную часть жаждущих, вследствие чего среди избравших путь сервильности царит предельный социал-дарвинизм. Система отбора «сервиллов» закрепляет практики гипертрофированной услужливости по отношению к «верхним» по иерархии, зависти и ревности по отношению к

⁶⁷ Все известные истории элитные сообщества имели работавшие процедуры инкорпорации «подходящих» людей из неэлитных социальных слоев.

⁶⁸ Т.е. в НГС-социорах средний класс перестает быть целиком базой гегемонии, хоть в лице некоторых своих представителей может все же к данной страте принадлежать.

«одноуровневым», пренебрежения по отношению к «нижним», в общем, все то, что обычно характеризуется метафорой «куриный насест». Именно данный слой общества наиболее полно воплощает в себе и «войну всех против всех», и «патернализм», который закрепляется как пассивностью его представителей из-за высокой цены риска от «неправильного действия», так и постоянным ожиданием подачек и прочих «благодарностей» от начальства⁶⁹.

Идеологически обслуга пытается адаптировать себе представления небожителей, но делают они это в меру своего понимания и на основе своего жизненного опыта, потому результат у них получается сильно разжиженным цинизмом и ханжеством. При этом осознание своей «чуждости» миру небожителей, куда они сильно и постоянно жаждут попасть «своими», закладывает в основу их итогового этоса значимый комплекс неполноценности, который они обычно компенсируют, «отрываясь» на нижних по иерархии.

Нетрудно видеть, что в своих социальных и этических отношениях мир обслуги сильно замешан на том, что А.А. Зиновьев называл коммунальностью⁷⁰.

Обслугу, в общем-то, можно обнаружить практически во всех слоях общества. Таковыми является значительная часть актива, многие представители среднего класса, многие из коагулята. И даже в массе обывателей значительное количество хотели бы оказаться на жизненном пути сервилов. В то же время тот же актив содержит и тех, кто резко отстраивает себя от этой страты. Много подобных людей также наличествует в среднем классе, и еще больше – в основной народной массе.

Еще одним общим свойством негомогенного социального порядка являются следующие моменты. При взгляде «вниз» из своего социального места небожитель практически всегда видит одних только сервилов, ближние к себе и очень сплоченные их слои. Для того чтобы увидеть кого-либо из народа, небожителю

⁶⁹ Можно заметить, что основные базовые мифы легитимации социального порядка НГС (см. предыдущий раздел) напрямую связаны с теми качествами обслуги, которые наводятся занимаемыми этой стратой социальными местами.

⁷⁰ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994.

надо сильно постараться. Соответственно все представления небожителей о народных массах формируются лишь на основе наличествующей у них информации о нравах и повадках представителей сервильной страты. Справедливо и обратное – народ при взгляде «вверх» видит все ту же обслугу, слагающую нижние слои начальства. Более того, основная масса обслуги также никогда не видела небожителей: поле их зрения ограничено «сверху» лишь теми, кто занимает чуть более высокие «жердочки» по иерархии. Все это имеет смысл иметь в виду при анализе письменных источников «о народе» – ведь народ сам, увы, «говорить» не умеет.

Применяя обозначенную выше схему к РФ, мы можем видеть, что и Команда, и Система – это именно что небожительские социальные места. Других небожительских социальных мест в стране, пожалуй что, и нет⁷¹. Так и получается, что в РФ элита/генералитет является существенно более широкой стратой, чем «небожители», что выводит РФ в обустройстве верхов за рамки «естественной стратификации», описанной ранее: элита не погружена в небожительский класс общества, а в большинстве своем состоит из обслуги.

⁷¹ В работе [Павловский Г.О. Система РФ] для данной страты было использовано название «премиальный класс», и его численность была оценена в одну-две тысячи человек: «Небольшой густеющий слой распорядителей, бенефициаров, предпринимателей, откуда вышли доверенные миллиардеры, я для краткости называю премиальным классом. Эти люди обогащаются, будучи монопольными посредниками в торговле ресурсами и прокладке газопроводов. Под надзором Путина они обслуживают глобальную финансовую сеть РФ. Но деньги не предоставлены им в полную собственность. Не дозволено им и управлять капитализацией доверенного. ...Есть защищенный ансамбль людей, правящих конвертацией сырья и власти. Этот класс пророс из Москвы вглубь страны, в нем более тысячи человек. Вместе с Путиным они играют роль неизбираемого элитного круга РФ, подобно истеблишменту Евросоюза. Реальные решения принимаются на недостижимом для избирателя уровне. Роль фейс-контроля играет президентская Администрация, подводя страх перемен к немыслимости самой идеи переизбрания» [Там же. С. 46]. Интересно отметить, что 1 тыс. – это примерная численность тех, кто задекларировал в 2013 г. доход более пятисот миллионов руб. («Согласно итогам декларационной кампании-2013, о доходе свыше 10 млрд. руб. заявили лишь 10 россиян. Годом ранее таким доходом могли похвастаться 13 человек в стране, сообщил журналистам начальник Управления налогообложения имущества и доходов физических лиц ФНС Михаил Сергеев. Более миллиарда рублей за то же время заработал 361 россиянин, что на 12% меньше, чем в предыдущем году. Число мультимиллионеров также сократилось. Заработать от 500 млн. до 1 млрд. руб. удалось 528 россиянам (-15%), доход от 100 млн. до 500 млн. руб. получили 3856 человек (-5,12%), от 10 млн. до 100 млн. руб. - 25380 человек (-0,08%)» [РБК: Россиян, зарабатывающих по 10 млрд. руб. в год, осталось всего десять // РБК (сайт). 27.09.2013. URL: <http://top.rbc.ru/economics/27/09/2013/879439.shtml>].

Отмеченная узость небожительский страты делает ее незначимой в части производства «повседневных практик», которые могли бы повлиять на социальный порядок страны, потому можно считать небожительский полюс практически отсутствующим. То, что обслуга теряет позитивную перспективу, оставляет ее представителям лишь негативную мотивацию – «полюс народа» и желание уйти от этого полюса как можно дальше – зачастую не только в социальном пространстве, но и географически. Наряду с унаследованной с советских времен ментальной структурой «хороша жизнь на Западе, но не каждому дана» это определяет важность для сервилов «выехать за рубеж» «хоть тушкой, хоть чучелком», занять там себе «жизненную базу»⁷².

Наряду с теми, кто стремится в сервильную страту, существуют также и другие субъектные люди, которые отвергают институты, воспроизводимые данной стратой, по моральным основаниям. Не являясь «своими» для обслуги, эти люди естественно рассматриваются сервилами как «ресурс кормления», потому они вынуждены постоянно от внимания обслуги «ускользать». Практики выживания в одном пространстве с сервилами сходны с партизанскими на захваченной врагом территории (социальная маскировка/мимикрия, способность действовать нестандартно, «поперек правил» и т.п.), потому можно использовать для этих людей термин «партизаны». Для несубъектных индивидов массы, не входящих в обслугу, будем использовать термин «населенцы»⁷³.

⁷² Другие особенности мотивации «верхних» социальных слоев РФ в деталях рассмотрены в работах [Крупкин П.Л. Об особенностях мотивации], [Крупкин П.Л. Российское общество и его политический класс // Вопросы национализма. 2012. № 9. С. 42-53], где приведена также и общая мотивационная модель для этого типа людей.

⁷³ Данный термин в рассматриваемом значении был введен в книге [Павловский Г.О. Система РФ. С. 39-40]: «Одним из устоев советской системы было (сохранное с Октября 1917 года) право слабых на жалобу. Его позволяли негромко возглашать и отчасти удовлетворяли. Право слабых перекечевало в Российскую Федерацию как ропщущее большинство. Большинство никогда не было источником власти в РФ, но лишь ее ограничителем. Властям дано безумствовать, если не затронуто право жалких быть в большинстве и роптать на несправедливость. ...Коммунистам и левоцентристским коалициям не удалось превратить ропщущее большинство в силу, которая хочет взять власть. Население отпиралось от власти, добываясь взамен признания его слабым навсегда. Формальный суверен Государства РФ требовал для себя статуса политического

Для оценки сверху численности в РФ «партизан» можно воспользоваться высказыванием одного вице-преьера РФ, рассказавшего о «потере» Правительством из своего видения 38 млн. человек⁷⁴. По отношению ко всему взрослому населению это составляет примерно 34%. В треть населения была оценена данная величина на основе результатов некоторых социологических исследований⁷⁵. Что касается оценки численности сервильной страты – как в субъектной, так и в несубъектной ее части, то ее можно получить, посмотрев на долю в населении тех, кто до сих пор продолжает «страдать по СССР». Сейчас это примерно 20%. Из общих соображений можно расщепить эту величину между основными частями взрослого населения примерно так: «начальственная» часть obsługi – это примерно 5% населения (из 8% социального актива, т.е. тех, кто занимается управленческим трудом все свое рабочее время), средний класс – примерно 10%, прочие – 5%. Партизаны при этом распределяются следующим образом: 3% в активе, 10% в среднем классе, 20% в прочих слоях взрослого населения. Последняя цифра, кстати, согласуется с оценкой численности социальной страты, называемой «отходниками»⁷⁶.

инвалида. // В жалобной позиции различимо, как, отрекаясь от прав, слабак рассчитывает этим привязать власть к себе. ... «Нет, мы не власть! Мы не так гадки, как она! Мы чужды власти и жалки – зато, жалкие, мы чисты!» // Система РФ опирается на государственно ничтожное большинство, отказывающееся быть источником власти, притязая зато именоваться «народом». // Человека учат, лечат и выплачивают пенсию, поскольку он помещен в административных координатах пространства РФ. Местные чиновники отбирают часть его ренты, что и их также подключает к социальному государству. (Чтобы расхищать социальные фонды, надо иметь учтенное место в пространстве – делаясь видимым для Команды.) Гражданин РФ поддерживает местные власти, выбирает Президента, и тот обещает ему повышение выплат. // Из слабых слагается сила Системы РФ: голосующий народ как нетребовательное население. Каждый населенец верит, что он представляет «народ», но лишь в отдельности от других населенцев».

⁷⁴ Вице-премьер РФ О. Голодец (03.04.2013): «В России из 86 млн. граждан трудоспособного возраста только 48 млн. человек работают в секторах, которые нам видны и понятны. Где и чем заняты все остальные, мы не понимаем» [ОПЕС: Социальная сфера в поиске денег и идей // Open епопоту. Экспертный портал ВШЭ (сайт), 4.04.2013. URL: <http://www.opes.ru/1523115.html>].

⁷⁵ См. работу: [Крупкин П.Л. Российское общество и его политический класс. С. 53].

⁷⁶ Отходники: Феномен российского «отходничества» в современном прочтении: проект и его реализация (фрагменты исследования Ю. Плюснина, Я. Заусаевой, Н. Жидкевич, А. Позаненко и С. Кордонского) // Гефтер (сетевое издание), 22.11.2013. URL: <http://gefter.ru/archive/10587>.

Генералы / Элита ≈0,005%	Богатые ≈0,5%	Небожители ≈0,001%
Актив ≈8%	Средний класс ≈20-25%	Сервильная страта ≈15%
Масса ≈90%		Остальные ≈75-80%

Рис. 1. Три разных аспекта макросоциальной стратификации в РФ, рассмотренные в настоящей работе.

Наряду с рассмотренным выше идентичностным разрывом «в поле власти», в обществе РФ присутствует еще один политически важный разрыв, который «наводится» условным «Западом». В головах части людей страны закрепилась мысль о том, что основная масса жителей РФ несет угрозу «западному миру», и потому они избрали себе путь услуги этого воображаемого собой «Светлого Града на холме», которому угрожают «дикие орки с востока». Сервильную страту данного идентичностного разрыва, чтобы отличить ее от услуги разрыва, продуцируемого социальными «верхами», будем называть словом «либинтерн» («либеральный интернационал»). Небожители для представителей либинтерна не существуют внутри страны – они являются теми воображаемо идеальными жителями «Светлого Града», которые несут в жизнь человечества «все самое доброе, хорошее и разумное». Поэтому

представители либинтерна видят себя стоящими на страже «у границы разума» – в своем пожизненном служении.

Следует особенно отметить то, что либинтерну удается удерживать монополию на трансграничную коммуникацию, вследствие чего на Западе в качестве основного является именно что либинтерновское описание России.

Представители либинтерна в заметных долях наличествуют в низах актива и верхах среднего класса. В малых долях они присутствуют в элите/генералитете, и в массе. Самая же высокая доля либинтерна – в социальном коагуляте, который содержит в себе основное ядро данной страты.

До недавних пор существование либинтерна фундировалось в Системе «продажей» угроз и вызовов, связанных с западным интервенционизмом⁷⁷. При этом в последнее время (после так называемой «оранжевой революции» на Украине 2004 г., и особенно процесс ускорился после «болотных демонстраций» в Москве в 2011-2012 гг.) Система предприняла ряд действий по сокращению «базы кормления» данной социальной страты.

Оценки численности либинтерна дают для его участников 2-3% населения. Но следует помнить, что в политике и культуре РФ это очень значимая по влиятельности группа (производители контента многих СМИ, работники вузов, знаковые для Запада общественные деятели), потому ее психосоциальные характеристики остаются различимыми на политической карте РФ.

Система РФ как фактор «наведения» социальных стратификаций

Основной «машиной» текущего стратифицирования антропокрова РФ является политэкономия распределения «наработанного продукта» в стране. Даже по официальной статистике, верхние по доходам 10% в РФ получают 35-40% всех

⁷⁷ Либеральный интервенционизм – направление политики развитых стран, основанных на убеждении, что «прогрессивное человечество» имеет право «встать между диктатором и угнетаемым им народом», помогая последнему «освободиться». Поддержка «цветных революций» в странах с авторитарными политическими системами – часть данного направления международной деятельности стран «первого мира».

доходов страны, притом отношение их доходов к низкодоходным 10%, по данным Росстата, составляло в 2012-2013 гг. чуть более 16. Для сравнения: в конце 2000-х среднее такое отношение по странам OECD было около 9, с минимумом в Скандинавских странах на уровне 5-6⁷⁸. А верхнедоходные 20% (средний класс и богатые) в РФ получали в 2012-2013 гг. около половины всех доходов страны⁷⁹. И это только по официальным данным Росстата⁸⁰.

⁷⁸ Income inequality: The rise of income inequality amongst rich countries // Inequality watch (Web Site), 6.02.2012. URL: <http://inequalitywatch.eu/spip.php?article58>.

⁷⁹ В общем-то «откачка ресурсов от социальных низов является неизменной характеристикой всех последних государств на Русской равнине. В Российской империи такое распределение доходов было обусловлено традицией, в СССР «откачиваемые» от низов ресурсы направлялись в основном на расточение – главным образом связанное с экспортом коммунизма и с содержанием силового блока, в РФ «победители последней революции» «отжали» в свою пользу значительную долю этих ресурсов, заменив собой и «международный коммунизм», и ВПК. «По данным Global Wealth Report, на долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех личных активов в России. Для сравнения: в следующих за Россией (среди крупных стран) по этому показателю Индии и Индонезии 1% владеет 49% и 46% всего личного богатства. В мире в целом этот показатель равен 46%, в Африке – 44%, в США – 37%, в Китае и Европе – 32%, в Японии – 17%. Россия лидирует в мире и по доле самых состоятельных 5% населения (это 82,5% всего личного богатства страны), и самых состоятельных 10% населения (87,6%), и по коэффициенту Джини распределения богатства (0,84). // Лидирует Россия и по такому показателю, как богатство миллиардеров в отношении к богатству остального населения. В среднем на каждого миллиардера в России приходится \$15 млрд. накопленного домохозяйствами. В мире на каждого миллиардера приходится \$194 млрд. богатства домохозяйств. Другими словами, в России отношение богатства миллиардера к богатству обычного россиянина выше в 13 раз, чем в среднем по миру. Российские миллиардеры (а их всего лишь 96!) владеют 30% всех личных активов российских граждан. В среднем по миру миллиардеры владеют лишь 2% всех личных активов. Другими словами, в России этот показатель в 15 раз выше среднемирового» [Гуриев С., Цывинский О. Россия – лидер по неравенству распределения богатства // Ведомости (сайт издания), 6.11.2012. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/5739241/pervaya_sredi_neravnyh].

⁸⁰ Даже в официальных цифрах по экономике РФ «сидит» поправка 16% на теневой оборот – с трудовым вкладом 13 млн. человек [Смолякова Т. Обратный отсчет. Интервью с руководителем Росстата А. Суриновым // Российская газета. 2011. 1 апреля. URL: <http://www.rg.ru/2011/03/31/surinov-site.html>]. В то же время правительственные эксперты оценивают теневой рынок труда в 22 млн. человек [Кукол Е. Сбежали в тень. Опрос экспертов // Российская газета. 2013. 24 апреля. URL: <http://rg.ru/2013/04/24/nsektor.html>]. И это не считая результатов «управления денежными потоками», которые осуществляются довольно массово крупными и средними корпорациями в пользу основных своих бенефициаров через ничтожные сделки (одна часть таких сделок связана с так называемой «обналичкой», другая обеспечивает лже-импорт услуг и завышение/занижение трансфертных цен по импортно-экспортным операциям). Кроме того, есть еще каналы финансирования Системы, один из которых (неправомерные возвраты налогов) недавно был вскрыт оглаской деталей деятельности представителей силовых и налоговых корпораций РФ вокруг так называемого «дела Магницкого».

Если сравнить структуру распределения ВВП страны между основными экономическими агентами в РФ (Росстат, 2012-13 гг.: домохозяйствам примерно 50%, государству примерно 20%, корпорациям примерно 30%) и ближайшими к РФ по уровню неравенства доходов США (2005 г.: 75%, 8%, 17% соответственно)⁸¹, то бросается в глаза особая роль корпораций в «механике производства неравенства» РФ. И действительно, влияние корпораций на структурирование антропокрона страны прослеживается последние сто лет достаточно видимо⁸². Данный инвариант отечественной политэкономии, унаследованный РФ, можно охарактеризовать словами: «вне корпораций в стране жизни быть не должно». Данный факт социальной жизни на Русской равнине, в общем-то, понятен: сильно иерархизованная корпорация – это практичная форма реализации «куриного насеста» – естественного структурирования обсуждавшейся выше услуги – той самой сервильной страты, которая воспроизводит и поляризует идентичностный отрыв элиты/генералитета страны от ее социальных «низов».

Если посмотреть на корпорации, «примыкающие» к Системе РФ, то можно выделить следующие их основные классы: 1) государственные/бюджетные корпорации: 1.1) федеральные государственные корпорации, 1.2) региональные государственные корпорации, 1.3) этнокорпорации; 2) политические корпорации – партии, движения, 3) финансовые корпорации/крупные банковские группы, 4) промышленные корпорации. В части вне-Системного доступа к созданию корпораций видится следующее: относительно свободная организация корпораций возможна лишь для экономической и неполитической некоммерческой деятельности. При этом успехи экономических корпораций, делающие их «заметными», немедленно приводят к интеграции такой корпорации в Систему – с прежними владельцами или без них (для интеграции всего

⁸¹ Крупкин П.Л. Россия и Современность. С. 270.

⁸² Вспомним высказывание Ю.С. Пивоварова со ссылкой на В.О. Ключевского: «в России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений» [Пивоваров Ю.С. Партия власти: от идеи к воплощению // Независимая газета. 2005. 12 октября. URL: http://www.ng.ru/ideas/2005-10-12/7_party.html].

«экономически интересного» в распоряжении Системы есть специальные группы, специализирующиеся на рейдерских захватах предприятий), а некоммерческие организации, начинающие привлекать ресурсы из-за рубежа, столь же немедленно ставятся на соответствующий учет. Так что институциональное поле РФ в части «доступа к корпорациям» пока еще далеко от того, что соответствует «порядкам открытого доступа»⁸³. Да и функционирование всего массива корпораций РФ более похоже на «эксплуатацию унаследованного индустриального ландшафта методами, характерными для аграрного общества». Вот так и получается, что воспроизводство в рамках Системы РФ распределения «наработанного» обществом продукта в соответствии с тем, что было свойственно королевствам старых режимов, оказывается вполне естественным⁸⁴.

Система также не противится и воспроизводству идентичностного отрыва «верхов» от «низов», который в основном обеспечивается активностью сервильной страты. Сравнивая то, что имеется сейчас в этом месте, с соответствующими рутинными советского времени, можно увидеть, что все те рутины и практики практически сохранились, и более того, если в советское время о неравноправии людей публично говорить было нельзя, то в РФ данный запрет снят. Основной «двигатель» машины воспроизводства отрыва верхов в РФ связан с «прогрессорским мифом»: мол «мы тут наверху умнее, толковее и лучше знаем, как все надо делать». Однако изменилась легитимация «толковости» избранных – если ранее

⁸³ См. детали по «порядкам открытого доступа» в монографии [Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Ин-т Гайдара, 2011].

⁸⁴ Для полноты картины необходимо отметить, что неравенство в доходах осознается Командой как один из вызовов, стоящих перед РФ. Более того, Команда предприняла определенные усилия в этом направлении – так официальная доля домохозяйств в распределении ВВП с начала президентства Путина возросла с 40% до 50% – главным образом за счет корпораций, доля которых снизилась с 40% до 30%. Однако действия Команды по подъему зарплат работников социальных низов не поддерживаются частью Системы (один из наличествующих политических «разрывов» в РФ), которая довольно регулярно организует агитационные кампании под общим лозунгом «зарплаты не должны расти быстрее роста производительности труда». И данный тезис, в общем-то, верен, если не принимать во внимание сильное смещение в сторону корпораций начального положения по распределению доходов в стране.

«правильные кадры» отбирала Партия⁸⁵ – через систему номенклатур разного уровня, то сейчас «управленческие таланты» отбираются в основном «баблом»⁸⁶, и лишь при занятии позиций около-Системного уровня свой вклад в судьбу индивидов дает АП РФ.

В части поляризации идентичностного отрыва «верхов» прогрессорский психосоциальный комплекс усиливается наличием еще ряда почти неосознаваемых людьми ментальных комплексов. В качестве примера можно упомянуть то, что отражается мифом «тысячи цветов нашего сада»: «РФ – цветник, где вольготно цветам = корпорациям; цветам нужен навоз, которым определяются люди, не участвующие в корпорациях; притом: цветы из навоза не лепятся!» Данный миф – именно что поработящий, поскольку «быть целью» в РФ возможно лишь для корпораций и их бенефициаров, а «навоз» (вне-корпоративные индивиды) – он целью быть не может, он навсегда обречен быть лишь средством.

Формующие принципы Системы РФ и ее корпораций

Поскольку сообщество людей, объединяемых Системой и связанными с Системой корпорациями, в институциональном плане обустроивается «сверху вниз», то институты данного сообщества находятся под действием формующих принципов из класса «воля суверена»⁸⁷. Основные моменты данной «воли суверена» на просторах РФ можно представить в виде следующих положений⁸⁸.

1. Территориальная целостность страны священна.
2. Те, кому позволено мнить себя общественной целью (т.е. кому допускается «играть в человеческое достоинство»), – могут быть только в корпорациях. Настоящие же люди – это те, кому

⁸⁵ Имеется в виду ВКП(б)/КПСС – доминирующая политическая структура советского времени.

⁸⁶ В мифологии актива/«верхов» РФ «бабло»/«очень большие деньги» – это магическая субъектная субстанция, которая сама отбирает себе «своих» – тех, кто достоин иметь действительно большие деньги в РФ. См. детали в работах: [Крупкин П.Л. Об особенностях мотивации...], [Крупкин П.Л. Российское общество и его политический класс...], [Панюшкин В.В. Рублевка. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013].

⁸⁷ См. обсуждение понятия «формующие принципы» выше, во втором разделе главы.

⁸⁸ Крупкин П.Л. О контроле за изменением институтов.

корпорации дают «бабло». Вне корпораций только те, кому всегда «терпеть», те, кто есть всегда лишь средство.

3. У людей и корпораций есть государство.

4. Для жизни людей и корпораций нужны ресурсы. Таким ресурсом являются автохтоны Русской равнины. Борьба за права используемого ресурса могут только самые страшные экстремисты, потому их нужно бить, и бить сильно!

5. В стране есть (и должен быть) порядок: «Каждый сверчок да знает свой шесток». Шесток определяется статусом корпорации и статусом индивида в корпорации.

6. «Бабло» решает все, кроме некоторых «дел государевых». Если не решает, то значит – «разворовали».

7. Воровать могут лишь те, кому это по статусу «позволено» (см. также пп. 2 и 4).

8. «Терпилам»: «Дома сидеть надо!», «Больше двух не собираться!», «Долго в общественном месте не стоять!».

9. «Заграничный» – он всегда человек – в отличие от «местного» – от «терпилы».

10. Американцы как «заграничные» – они всегда хорошо, а вот «их наймиты» – это безусловное зло.

11. «Нет невиновных, есть недоработанные!» «Не нравится? – Граница открыта, вали отсюда!»

12. «Раз «наших» бил – и выжил при этом – то человек!» «Кавказцы – это люди!»

В целом получается, что правящее сообщество РФ по своим ценностным установкам и наводимым им институтам может поддерживать лишь такую государственную машину, которая принадлежит классу государств «raison d'état». Текущее государство РФ уже в достаточной степени централизовано и гомогенизировано, оно понимает и реализует довольно однородную по стране «волю суверена», силовые корпорации находятся под полным контролем политической системы. В то же время институты правящего сообщества еще далеки от тех, которые свойственны правовым государствам.

Государственная машина закрыта для общего блага не только вне-корпоративных сообществ, но и не воспринимает

общее благо своих же корпоративных низов. Более того, любые низовые ассоциации, которые могли бы проявить политическую субъектность, в РФ «прессуются» вплоть до «посадок». Как уже отмечалось, низам можно лишь жаловаться, и некоторые жалобы учитываются в проводимой РФ политике. Как результат, социальные качества антропокрона в зоне контроля РФ находятся вне каких-либо европейских классификаций, главным образом в силу отсутствия у низовых сообществ сколь-либо заметной политической мощи⁸⁹. Именно в силу этого в стране отсутствует внутреннее политическое и институциональное давление на правящий класс и на государственные корпорации в направлении защиты достоинства и прав представителей вне-корпоративного люда. Притом вся институциональная внутренняя политика ограничивается «возней» корпораций вокруг их статусов в корпоративной иерархии страны⁹⁰.

Несогласованность российского институционального поля

Свойство несогласованности институционального поля возникает в ситуациях, когда формальные нормы, поддерживаемые центрами силы социора, сильно отличаются от институтов, которым люди следуют в силу своих обычаев.

⁸⁹ Для сравнения: в европейской истории низовая субъектность демонстрировалась, например, городскими общинами. Были там также различимы и различного рода братства – как религиозные, так и профессиональные.

⁹⁰ Выяснение «ранговых отношений» между корпорациями – это очень важная часть новостной ленты РФ. Очень многие «странные аресты» различного рода «генералов» укладываются именно что в эту тему. Соответственно Команда была вынуждена реформатировать судебную функцию страны с тем, чтобы иметь возможность «управлять корпоративными статусами» с минимальными для себя издержками. В соответствии со сложившимися юридическими институтами в РФ (см., например [Шклярук М.С. Уголовное следствие в России: теория и практика: лекция // Полит.ру. 2013. 12 февраля. URL: <http://polit.ru/article/2013/02/10/shklyaruk/>]) в основной массе дел публичного обвинения виновность человека устанавливается следователем еще до возбуждения уголовного дела (т.е. уголовное дело без уже наличествующего «виноватого» обычно не возбуждается). Институт «суд» по таким делам лишь только подтверждает то, что приходит к ней через прокуратуру из Следственного комитета: доля оправдательных приговоров в судах не превышает 1%. Получается, что действительным судом орган «Суд РФ» по таким делам не является, а важнейшая судебная функция «утверждение юридически истинного описания того, как все происходило при совершении преступления» осуществляется именно что работниками органа «Следственный комитет РФ», где и следует организовывать свою защиту еще до возбуждения уголовного дела, если индивид действительно хочет избежать осуждения. Следует, однако, отметить, что другие типы дел, например, частные судебные споры граждан или арбитражные дела юридических лиц (последние – даже с участием государственных органов) пока еще рассматриваются в соответствии с законодательством не только по форме, но и по духу.

Несогласованность институциональных полей создает в антропокрове ряд особенностей, отличающих такие социальные порядки от других, управляемых согласованными институциональными полями:

1. Существенное отличие актуального институционального поля от формальных норм приводит к состоянию «перманентного произвола». Осознание социальными агентами неизбежности произвола в стране, чему способствуют оппозиционные и внесистемные активисты, сказывается на легитимности сложившейся системы центров силы не лучшим образом.

2. Дефицит легитимности общественного устройства требует резервирования дополнительных ресурсов для отражения соответствующих атак, т.е. приводит к возрастанию затратности системы управления, ее склонности к насилию.

3. Возникают более высокие требования по квалификации управленцев для каждого уровня общественной иерархии, чем это требуется при нормально легитимной бюрократии, действующей в согласованном институциональном поле. Данный фактор приводит к дефициту управленцев вследствие их неэффективного расположения по иерархии и/или к некомпетентности бюрократии на низовых уровнях при обычном копировании бюрократических структур из обществ с согласованными институциональными полями.

4. Возникает эффект незащищенности бюрократа вследствие всегда имеющейся возможности его наказания из-за творимого им по существующим «правилам игры» произвола. Этот же фактор способствует инфильтрации в бюрократию людей специфического морального склада, которые могут существовать в таких условиях.

5. В более широком плане несогласованное институциональное поле приводит к раздвоению сознания всех участников «игры», при котором в общественном сознании формируются слои «небесного» и «земного». «Небесное» связывается с недостижимой на практике утопией красивых демонстрационных формальных норм, а «земное» – с творимым

центрами силы произволом. При этом также возникает стресс от необходимости терпеть произвол в виду «небесного» идеала, которому творящие произвол регулярно клянутся в верности. Разрыв между «небесным» и «земным» усиливает проблемы социализации юношества и создает проблемы социальной интеграции людей рационального склада.

6. Несогласованные институциональные поля поддерживают в обществе правовой нигилизм, ибо при наличии хоть одного закона, созданного лишь для демонстрации, трудно убедить кого бы то ни было, что другие формальные правила не таковы⁹¹.

Первым источником несогласованности институционального поля в РФ является склонность ее «верхов» к демонстрационному законодательству, когда законы устанавливаются не столько вследствие наличия конфликтных зон в обычной части институционального поля, сколько следуя логике пропаганды своей «цивилизованности» среди сторонних агентов. Как результат, образуются те самые институциональные «разрывы», которые начинают обильно эксплуатироваться уже обсуждавшейся выше сервильной стратой для 1) усиления влияния своих социальных позиций через «отработку» возможности произвола по отношению к «посторонним», попавшим в ситуацию «разрыва», и 2) для извлечения административной ренты. При этом возможность извлечения ренты создает еще один источник институциональных «разрывов», следующий из логики данного «бизнеса».

Структура политической гегемонии Команды/Системы

Команда/Система продолжает унаследованные традиции воспроизводства в антропокрове населенцев и сервиллов как желаемых составляющих базы своей гегемонии. При этом по отношению к населенцам функционирует демобилизующая депривационная фрагментирующая «машина», навязывающая людям «жалкость» как способ относительно безбедного существования и ликвидирующая любое поползновение на

⁹¹ Данные особенности обсуждались в работе [Крупкин П.Л. К теории институциональных полей...].

субъектность в данном социальном слое. Это «основное производство» данной машины дополняется еще одним фрагментом, обеспечивающим сбор и удовлетворение жалоб, который создает для населенцев ощущение, в общем-то, эффективности такой формы политического действия, как «жалко жаловаться». Происходит стабилизация данной части массы в ее «жалком» состоянии через принятие людьми своего такого положения.

По отношению к сервилам/обслуге «верхами» проводится политика «лояльность в обмен на кормление», которая подстрахована легальным «подвешиванием» участников соглашения: «нет невиновных, есть недоработанные». При этом последнее усиливается произволом и случайностью производимых репрессий: всегда есть небольшая вероятность того, что то, что было позволено индивиду вчера, сегодня уже «не пройдет», и есть опять же небольшая вероятность того, что индивида не «отмажут», несмотря на все его прошлые заслуги.

В части же самой покупки лояльности Команда не доверяет никакой идейности – без освящения «баблом» в вертикали доверия нет. Причем «бабло» должно выступить в деле «конкретно»: в сделке купли-продажи «сторонника». Без конкретности в определении цены покупки магия «бабла» не является и «освящения» не происходит. «Система, имеющая поддержку большинства избирателей, предпочитает опираться не на них, а на группки наемников. Такие группы никогда не состоят из идейных волонтеров. Их труды втайне оплачиваются, и платную услугу считают залогом лояльности»⁹². «Привыкнув к платной лояльности, они подсели на допинг к наемным недосубъектам, и те борются за финансирование как залог порядка. Устоем Системы считают смету на лояльность предателей. Власть не убеждена ни в ком, кроме тех, кому тайно доплачивает за смену позиций»⁹³.

Следующая страта – партизаны – не является желаемой частью антропокрова эксплуатируемого Командой ландшафта:

⁹² Павловский Г.О. Система РФ. С. 102.

⁹³ Там же. С. 104.

Команда их не знает, она их не понимает, и она с ними не работает. Команда РФ партизан попросту не видит⁹⁴, и те партизаны, которые по каким-то причинам становятся общественно заметными, проходят у нее по разряду «выпендривающихся населенцев» – с применением соответствующих санкций, зачастую довольно жестких⁹⁵. Поэтому основным жизненным правилом для партизан является их незаметность, неразличимость в «ландшафте». Партизаны являются естественной «кормовой базой» для низов обслуги, как корпоративной, так и околокорпоративной/криминальной ее части. Соответственно в борьбе за выживание партизаны «дрейфуют» в область социальной аномии: стараясь «быть незаметными», они в то же время готовы к действиям «вне и поперек правил», к гибкому использованию в своих целях обычных институтов, принятых сервилами.

И вся эта конструкция дополнительно стабилизируется наблюдаемым за последние 15 лет ростом благосостояния людей всех социальных страт: никогда прежде люди на территории страны не жили в материальном плане так, как они живут сейчас.

Управление риском «цветных революций»

Застабилizировав себя в качестве верха социальной пирамиды, поставив под свой политический контроль весь подвластный антропокров, Команда РФ получила в качестве

⁹⁴ Следует отметить, что те редкие случаи, когда Команда находит неожиданную для себя поддержку партизан при отработке критических вызовов, остаются в ее памяти надолго. См., например, остановку рейда чеченского полевого командира Басаева в Дагестане в 1999 г., или «Крымское восстание» в 2014 г.

⁹⁵ См. в качестве примеров случаи, когда детали производимых расправ получили огласку: 1) «Сагра»: поселок, поспорившийся с «задиравшим свой статус» цыганом, был подвергнут карательной атаке отрядом местного криминала; особенно интересным там было поведении милиции; 2) дело Д. Константинова, политического активиста, сидящего в тюрьме уже более двух лет в процессе «расследования» вменяемого ему уголовного преступления; по его словам – месть за отказ от тайного сотрудничества; 3) «Болотное дело», когда людей, осмелившихся противодействовать действиям милиции во время разрешенной демонстрации, «упаковали» в колонию на 4-5 лет – «выхватив» их случайным образом из «возбужденной толпы» и определив им сроки, которые обычно дают за непреднамеренные убийства. Здесь следует также отметить, что возрастание уровня политических репрессий в РФ в 2012 г. было отмечено в докладе 2013 г. организации Human Rights Watch [Russia: Worst Crackdown Since Soviet Era. // Human Rights Watch (Web Site), 31.01.2013. URL: <http://www.hrw.org/news/2013/01/31/russia-worst-crackdown-soviet-era>].

основного вызова для своего политического существования/доминирования вмененный риск всех НГС – риск так называемой «цветной революции»: ведь идентичностная оторванность элиты/генералитета делает социальные «низы» безразличными к перспективе их свержения/замены. И если еще совсем недавно стоимость организации такого свержения была относительно велика, так что процесс мог быть запущен лишь при удачном стечении множества обстоятельств, то в настоящее время накопленное богатство западных стран делает «революционные затраты» относительно небольшими для них, и это резко снижает барьер для входа в революцию в тех случаях, когда условный Запад оказывается заинтересованным в смене правящей группы какой-либо страны. Среди уже апробированных методов снижения социального барьера входа страны в революцию – блокировка силовых корпораций правящего слоя, в том числе через так называемое «прицельное баблометание», дополненное шантажом лидеров международным преследованием.

До недавних пор Команда/Система пыталась уменьшить вероятность цветной революции в стране путем своего встраивания в Запад с тем, чтобы «стать своими» для элиты/генералов западных стран. Западный бизнес был допущен к эксплуатации ресурсов страны, сами политические и экономические «верха» покупали западную недвижимость, хранили деньги в западных банках, отправляли детей учиться в западных университетах и сами переезжали жить на Запад, вживаясь в западные общества.

Правящий слой РФ при своих попытках встроиться в возникший после краха СССР «новый мировой порядок» (НМП) в течение постперестроечных лет пошел даже на существенную десоверенизацию страны⁹⁶. Однако, как показала реакция

⁹⁶ В следующем фрагменте своего интервью Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс 4.09.2013 Президент РФ В.В. Путин четко показал, чьи институты он считает более приоритетными на подконтрольной себе территории: «Д.ДАНИШЕВСКИ: Я думаю, что часто считают, что госдепартамент США заинтересован в том, чтобы ослабить своего соперника и породить беспокойность в России. // В.ПУТИН: Иногда у нас такая мысль возникает, говорю Вам откровенно, я и своим американским коллегам говорил. Не знаю, хорошо ли об этом говорить в средствах массовой информации, но в принципе это и так понятно, поэтому я скажу. Я с трудом

западных лидеров и во время протестов 2011-2012 гг., и во время кризиса на Украине 2013-2014 гг., статус и Команды, и Системы в целом в НМП оказался не очень высок. Хотя соответствующие люди и были включены в цепочки принятия решений, тем не менее наличествует довольно очевидный тренд на локализацию их влияния в международных делах: РФ не продавали «интересные» предприятия и технологии, РФ вытесняли с постсоветского пространства, военные решения Запада ухудшали безопасность РФ. Более того, Запад патронировал создание и деятельность антиправительственных социальных структур, в том числе и на территории РФ, – организовывая условия функционирования и воспроизводства уже обсуждавшегося выше либинтерна вместе с обслуживаемым данным слоем идентичностным разрывом в обществе РФ по линии «орки с востока» – «светлый и прогрессивный Запад».

Вследствие обозначенной неуспешности стратегии уменьшения риска «цветных революций» через интеграцию с Западом, которой Команда исключительно придерживалась до недавних пор, она решила «включить» в качестве основной стратегию повышения лояльности себе социальных низов через создание общестрановой политической идентичности, повышения низового «чувства принадлежности», включение себя в «своё» для масс населения страны. Данная стратегия была запущена к исполнению в 2012 году. В рамках данной стратегии было инициировано широкое общественное обсуждение таких

себе представляю, чтобы посол Российской Федерации в Вашингтоне активно работал с представителями движения «Occupy Wall Street». Я просто не могу себе такого представить, потому что роль посла заключается в том, чтобы наладить межгосударственные связи. Это тонкая работа. При всей совокупности сложных проблем должен быть человек или люди с обеих сторон, которые умеют обходить острые углы, ищут компромиссы, добиваются договорённостей. Ну а как мы видели, сотрудники вашего посольства вели себя именно в таком направлении, это всё равно что мы бы работали, повторяю, с представителями «Occupy Wall Street». Мы этого не делаем, но некоторые сотрудники посольства США считают, что это нормально. Я думаю, что это не соответствует дипломатической практике. Но мы не стали по этому поводу раздувать какую-то истерику, мы так посмотрели со стороны: ну что, если так, такая манера, ну ладно. Но это не привело к каким-то негативным последствиям в наших отношениях. Я думаю, что эта практика неправильная и вредная, но таков, видимо, стиль у некоторых руководителей соответствующего ведомства. Люди приходят, люди уходят, а интересы таких огромных государств, как Россия и Соединённые Штаты, остаются, и надо работать» [Путин В.В.: Интервью Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс 4.09.2013 // Стенограмма на сайте Президента РФ, 4.09.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19143>].

понятий, как «патриотизм», «духовные скрепы», «страна-цивилизация», «гражданская нация», «идентичность» и т.д.

Основным дизайном того социального конструкта, который «назначено возвести» в рамках этой программы, видится расширение некоторых аспектов «начальственной идентичности», уже фактически созданной в корпорациях Системы, на все общество. И данное расширение включает в себя прежде всего темы лояльности и вовлеченности⁹⁷.

При этом в отличие от наций развитых стран⁹⁸, обеспечивающих «порядки открытого доступа», «российская гражданская нация»/«россиянство» не предполагает низовой субъектности участников. Не предполагает данная коллективная идентичность также и действительного равноправия людей⁹⁹. Данную идентичность полагают к устроению иерархически, «сверху вниз», вокруг сакрального центра, состоящего из РФ/России/Родины, Президента РФ и некоторых других сакральностей вроде «территориальной целостности страны». Россиянство, по большому счету, запущено в производство по лекалам идентичностей, характерных для династических корпораций абсолютных монархий старых режимов¹⁰⁰.

⁹⁷ Следует отметить, что солидарность коллективной идентичности, созданной Командой в активе страны, оказалось довольно-таки крепкой. В элитных слоях РФ в последнее десятилетие не только не возникло ни одного раскола элит по внутренним причинам, но и внешние воздействия в этом плане, активизировавшиеся в рамках, например, «украинского кризиса» 2014 г., пока остаются безуспешными.

⁹⁸ Основные характеристики «развитых наций» логически непротиворечиво описаны в работе: [Крупкин П.Л. Нация и этнос: идентичностные модели // Общество и этнополитика. Новосибирск: СибАГС, 2011. С. 8-15].

⁹⁹ В принципе «равноправие»/изономия присутствует: и на презентационном уровне самоописания страны, и в психологических установках социальных низов. Однако «верха» РФ оказываются очень эффективными в «затирании» данных установок при интеграции индивидов в себя, так что в итоговых институтах, поддерживаемых «россиянством», изономии не наблюдается.

¹⁰⁰ В литературе для данного типа идентичностей иногда встречается термин «цивилизационная идентичность» (см., например, работу [Малинова О.Ю. Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте // Фонд «Либеральная миссия» (сайт), 17.07.2012. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5797>]), что, возможно, наведено темой «страна-цивилизация», ставшей актуальной последнее время.

Таблица 1. Отличия «россиянства» от классических наций.

	Нация	«Россиянство»
Субъектное сообщество?	Да	Нет
Устроение	Снизу вверх	Сверху вниз
Институциональный контроль	Общее благо	Воля Президента
Равноправие	Каждый участник – один из равных юридически и политически	Каждый участник занимает свой «шесток в системе корпоративных иерархий, отражающих справедливость нашего мира
Суверенитет	Каждый участник – хозяин; все вместе тут «главные»	Президент – хозяин; все остальные служат Президенту / Родине

Основные отличия «россиянства» от классических наций сведены в табл. 1. При этом пока еще остается открытым вопрос о том, смогут ли облеченные доверием Команды люди создать на основе данных принципов широкую лояльность Команде РФ с выходом за пределы сервильной страты¹⁰¹? Основная проблема, которую придется решать социальным конструкторам, хорошо отражается старым советским мемом: «Как бы сделать так, чтобы у каждого возникло бы «чувство хозяина», при том, что сам хозяин продолжал бы находиться в Кремле?»

Современная российская государственность

Приведем схематичное описание некоторых общих черт сложившейся под руководством Команды государственности РФ. Знаком (*) будем обозначать те новые моменты, которые появились в ней по сравнению с поздним СССР.

¹⁰¹ Собственно для структурирования «небожителей» и «обслуги» династических корпораций и возникла обсуждаемая коллективная идентичность в эволюции соответствующих социоров.

Общие принципы социально-политического устройства: РФ – негомогенный социор (НГС), организуемый сверху вниз, с сильно несогласованным институциональным полем. Формующие принципы: воля суверена/Президента. Суверен расположен «над прочими властями». Системные решения по интеграции в политическое понимание «верхов» мотивов/пожеланий общего блага низов отсутствуют. Ближайший класс партий классической политологии: полития «raison d'état». Притом, однако, носители легального насилия уже а) монополизированы в «силовых» корпорациях, б) находятся под общим контролем правящего слоя.

Интеллектуальная система (ИС) РФ организована вокруг АП РФ и региональных администраций (*). В СССР эту роль исполняли ЦК и обкомы КПСС.

Государственные функции исполняются соответствующими корпорациями. «Рациональность бюрократии» сильно искажена неформальными практиками, включая «административные ренты». Степень искажения сейчас больше, чем это было в СССР.

В политическую систему включены лишь те, кому «разрешено». Включение в политическую систему производится решением «сверху». Исключение из политической системы не сопровождается значимыми репрессиями против личности и имущества исключаемого (*). Конкурентные выборы были интегрированы в практику политической системы, став для нее довольно-таки значимым ритуалом (*).

Некоторые важные функции суда переданы Следственному комитету РФ (*).

Экономика в «верхней/крупной своей» части сильно интегрирована с политической системой – и на федеральном, и на региональном уровнях. В «низовой части» экономика относительно свободна (*). Система обеспечивает страхование рисков «верхней экономики» на уровне социализма.

Государство РФ предпринимает специальные усилия по десубъективизации подвластного населения. Политэкономия устроена так, что «внизу» общества ресурсов остается мало, степень расслоения по доходам поддерживается очень высокой.

В то же время советское милитаристское и идеологическое расточение уже изжито (*), и людям позволено достичь самого высокого уровня жизни в истории страны.

Международные отношения: Система РФ сильно интегрирована в «новый мировой порядок» (*). Страна фактически не суверенна (*).

Приведем также некоторые моменты, связанные со сложившимся социальным порядком РФ. Начнем с основной массы населения: люди атомизированы и десубъективированы. Им навязана роль «жалких», однако притом «чистых и честных». Доступное политическое действие – жалоба. Жалобы довольно часто удовлетворяются.

Партизаны характерны трудолюбием, находчивостью в «ускользании от обслуги Системы». Они выживают в «разрывах и разряжениях властной «вертикали», и потому им вменено «быть незаметными».

«Верха» объединены идеей своей избранности и отличности от «низов». В самом верху избранность обеспечена «баблом» (сакральной субъектной субстанцией «больших денег с политическим весом»), «пониже» наличествует еще и достижительный фактор: индивид может быть «избран» через некоторые свои достижения – создание и раскрутку бизнеса, успешное завершение «значимого» «проекта», электоральный успех. В качестве типовых поведенческих паттернов для данной страты характерны «вольпинизм»¹⁰² и предельный социалдарвинизм – и соответственно напрочь отсутствует правосознание. У людей в психике совершенно отсутствует «будущее», у них короткий горизонт планирования. В личной мотивации индивидов данной страты стремление «уйти социально как можно дальше от места, где сгрудились

¹⁰² Термин Б.А. Березовского, происходящий из слов «воля» и «альпинизм». Подчеркивает веру в то, что сильное желание человека преобразует мир. Например, по мнению автора термина, если вдруг люди массово поверят, что Земля квадратная, именно такие снимки Земли начнут поступать с околосемных аппаратов. Детали – в [Крупкин П.Л. Российское общество и его политический класс...].

лохи/терпилы» занимает одно из важнейших мест. Этим людям, в частности, оказывается очень важным «выехать зарубеж», заиметь там «базу», что само по себе заявляется как одно из значимых жизненных достижений.

Заключение

В завершение следует отметить, что социальная архаизация в РФ зашла уже достаточно далеко, и в стране уже почти не осталось подсистем или социальных страт, которые осмеливались бы легитимировать свои существование, миссию, цели и деятельность лишь в рамках рациональности¹⁰³. В настоящее время основной легитимирующей идеей в РФ является «наличие аналога» тому, что рассматривается, на Западе. Фактически РФ можно считать первым социором, который действительно «преодолел Модернити», выйдя из советского варианта Современности, в рамках которой Традиция была полностью «раскорчевана», обратно в Архаику. Потому РФ может считаться оказавшейся сейчас именно что в пост-Модернити. По основной практике легитимации «своих самостей» социальными агентами получившееся в РФ по итогам позднесоветского и постсоветского развития социальное время имеет смысл называть Карго-Модерном¹⁰⁴/Карго-Архаикой.

Интересно также отметить, что возврат в Современность в РФ, вероятнее всего, будет происходить через «обрезание»/«ограничение» карго в мышлении социальных агентов страны, т.е. через их отстранение от условного Запада, и возврат «к себе», к своему разуму в обработке и рационализации своей ситуации, поиске своего пути «вперед». И этому наверняка будут сильно противиться те люди, которые совместили себя в своем мышлении с Западом-лишь-по-форме.

¹⁰³ Интересно отметить, что Команда и АП РФ – это одни из немногих сообществ Модернити, которые еще остались в стране. Примеры других таких сообществ – некоторые отделения западных финансово-экономических корпораций.

¹⁰⁴ Крупкин П.Л. Россия и Современность. С. 373.

ГЛАВА 4. РАСКОЛ И СВОЕОБРАЗИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В главе рассматривается роль религиозного Раскола XVII века в модернизации российской социально-политической системы в сопоставлении с социальной ролью европейской Реформации. Своеобразие «русской Современности» связывается с особым типом индивидуализации личности, а также фиксацией общества на стадии патерналистской политической культуры, вызванной драмой Раскола. Это обусловило незавершенность процесса оформления национального гражданского государства и одновременно позволило осуществить частичную секуляризацию и модернизацию политической системы, породившую глубокий социальный раскол.

Ключевые слова: Раскол, политическая модернизация, индивидуализация личности, секуляризация, национальное государство, политическая культура.

Общеизвестна роль Реформации в трансформации западноевропейского общества. В этом смысле было бы интересно рассмотреть роль русского религиозного Раскола в модернизации российской социально-политической системы в сопоставлении с той ролью, которую в модернизации европейской системы сыграла Реформация.

Как сопоставлять Раскол и Реформацию?

Русский религиозный Раскол и западную Реформацию можно сопоставлять только как две различные формы близкого по своему значению социального явления - индивидуализации веры. Между европейской Реформацией и русским Расколом нет прямого очевидного формального сходства. Однако мы можем говорить об определенном сходстве той социальной роли, которую сыграли оба эти события в социально-политической модернизации Европы и России. И то и другое выступают как результат и попытка выхода из кризиса индивидуализации

личности позднего Возрождения¹⁰⁵. В основе того и другого лежит стремление сделать веру сферой индивидуальной ответственности личности. Отталкиваясь от подхода М. Вебера¹⁰⁶, который на примере протестантизма показал роль трансформации духовно-ценностной сферы в общем ходе европейской модернизации, можно поставить вопрос о старообрядчестве как форме индивидуализации веры, о причинах и социально-политических последствиях срыва процесса индивидуализации веры в России в ходе Раскола и о влиянии этих событий на характер социально-политической модернизации российской системы.

Социально-экономическая и политическая эволюция русского общества накануне Раскола. Зарождение гражданской тенденции в эпоху Смуты.

Анализируя эпоху Смуты, мы можем говорить об определенном кризисе теократической патерналистской системы власти и формировании гражданской тенденции. В этом смысле накануне Раскола назревает столкновение имперского и гражданского векторов развития. Кризис легитимации теократически-патерналистской власти в ходе Смуты не нашел разрешения при установлении новой династии. В ходе преодоления Смуты проявились элементы гражданской политической активности, свидетельствующие о нарастании нового - гражданского качества российского общества.

Специфика кризиса патерналистского типа государственности в России в этот период состояла в вынужденном гипертрофированном, по сравнению с экономическими возможностями, расширении территории, вымывании промышленного класса за счет военно-служилого, вытеснении промышленных городов военными, обезлюдении центра страны и вытеснении населения на периферию, росте кочевого и полукочевого элемента в социальной структуре общества - нарастании социально-экономической

¹⁰⁵ Глинчикова А.Г. Индивидуализация личности в преддверии Современности. М., 2012.

¹⁰⁶ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990.

неравномерности. Опираясь на исследование С.Ф. Платонова¹⁰⁷, можно говорить о нарастании роли военно-служилого сословия и снижении значения торгово-промышленного и свободного земледельческого социального слоя по мере расширения колонизации. Так в первой половине XVII века зарождаются два вектора дальнейшего развития российской системы: гражданского, связанного с промышленным, торговым оседлым населением городов, и колониально-патерналистского, представленного служилым сословием и казачеством. Серьезная угроза государственности в ходе Смуты подтолкнула общество к новому типу социального действия – самодеятельному, гражданскому, которое отразилось на изменении его качества. Новое гражданское качество общества нашло свое отражение в формировании нового индивидуализированного типа нравственно-религиозной ценностной среды, способствовавшей процессу гражданской общественной консолидации, самодеятельному «сетевому» типу интеграции, самостоятельной военно-хозяйственной политике городов. Это привело к формированию нового типа войска – наемного гражданского и формированию нового типа власти – избранной с опорой на гражданское представительство. Речь идет о реальных зачатках нового гражданского типа легитимации власти. Среди них: новый механизм формирования власти – всеобщие выборы; новое основание легитимации власти – соборное посословное признание¹⁰⁸; новая социальная база, источник власти – общество, сословно-представительный принцип; несвязанность новой власти с сакральным центром, местом, наследованием «стола» (ярославское правительство)¹⁰⁹, с династией и даже с фигурой царя (ярославское правительство существовало без царя и эта власть была более легитимна, чем власть шуйских, Годуновых, Лжедмитриев и пр.). Все это свидетельствует о том,

¹⁰⁷ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995.

¹⁰⁸ Революционные решения собора 1613 года: не избирать иностранца (национальный лидер), не элита, а общество – опора власти. Собор не избирает царя, а лишь выдвигает кандидата, который затем предлагается на утверждение общества (народное «обиранье»).

¹⁰⁹ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995. С. 353.

что в старую форму (бояре, дума и пр.) облекается новое гражданское политическое качество.

Тем не менее столкновение гражданских и негражданских элементов системы в ходе Смуты, по ее окончании не приводит к победе ни той ни другой тенденции, оставляя ситуацию открытой и процесс социально-политической модернизации незавершенным. Причины, по которым гражданская власть не оформилась как новая, сохранив старую форму, были связаны с новизной качества власти (первый беспрецедентный опыт политической гражданской трансформации), с тем, что сама новизна типа власти была скрыта необходимостью восстановления национальной власти как таковой после иностранного вторжения. По итогам Смуты страна только начала выходить из кризиса легитимации теократической власти - новое качество общества породило новый тип власти, но не зафиксировало его в новых формах и не осмыслило свое новое гражданское качество и место в социально-политической системе. Незавершенность процесса модернизации системы в ходе Смуты была связана с нарастанием социальных противоречий между военно-служилым дворянским и тяглым крестьянско-промышленным сословиями. Эти силы представляли собой прямо противоположные тенденции модернизации: имперско-крепостническую и национально-гражданскую. Хотя в восстановлении власти важнейшую роль сыграли тяглые слои, вопрос о том, на какой вектор дальнейшего развития сделает ставку власть, так и оставался открытым. Это зависело от того, сумеет ли общество сохранить свою консолидацию, упрочить и оформить политически свой суверенитет и новое положение в системе. После небольшого топтания на месте неразрешенное противоречие двух векторов развития нарастает. Соборное уложение 1649 года открывает эпоху повторного закрепощения. Власть делает ставку на военно-служилое сословие и имперски-колониальный, крепостнический вектор развития.

Срыв индивидуализации веры в ходе русского Раскола, как власть «переиграла» общество.

Рассмотрим ту политическую и религиозную стратегию, с помощью которой новой династии удалось не допустить формирования новых гражданских форм интеграции общества и легитимации власти. Речь идет, прежде всего, о политике в сфере религии, спровоцировавшей религиозный Раскол, позволившей не допустить индивидуализацию веры, скомпрометировавшей русскую церковь в глазах общества и затем превратившей ее в свой политический идеологический инструмент.

На первом этапе в период Михаила Романова общество и земские соборы продолжали играть важную роль в политике, а выборный тип легитимации власти продолжал оставаться базовым. На этом этапе этактистская и гражданская православные тенденции развиваются параллельно, пока еще не вполне сознавая свои глубинные различия. В первом случае речь шла о православии как об идеологическом религиозном инструменте элиты в ее господстве над обществом (патриарх Филарет). Во втором – о православии как основе внутренней свободной консолидации общества с опорой на общность религиозно-нравственных принципов (Иван Неронов). Эта же тенденция сохраняется некоторое время и при Алексее Михайловиче. Для этого периода характерно позитивное развитие гражданской православной тенденции, когда молодой царь еще не определился с политикой в отношении общества. Это период иллюзий относительно возможности опоры теократической власти на новые модернизированные элементы общественной политической и религиозной культуры. Нарастают противоречия между традиционной церковной иерархией и низовым духовенством, и царь стремится усилить свою власть в противовес могущественной церковной иерархии с опорой на религиозное общественное движение боголюбцев. Опираясь на народную поддержку и используя боголюбцев, власть проводит первую экспроприацию части церковных земель. Но при этом продолжается нарастание противоречий между гражданским и имперским векторами, между обществом и военно-бюрократической служилой элитой.

Переломным моментом становится восстание в Москве 1648 года, когда власть осознает опасность со стороны сильного и политически активного общества и делает окончательную ставку на служилое сословие (дворянство), заинтересованное в наращивании имперского вектора в противовес гражданскому. На соборе 1649 года взамен видимости поддержки общества против иерархов власть законодательно фиксирует крепостное право, одерживая первую экономическую победу над обществом в интересах военно-служилого сословия и раскалывая при этом общество¹¹⁰. Иерусалимский патриарх Паисий подбрасывает царю идею всеправославной империи для отвоевания Константинополя у турок, а геополитическая ситуация в связи с возможностью присоединения Украины (где распространены новогреческие книги и обряды) подталкивает правящую верхушку к идее унификации религиозного обряда и богослужбных книг по новогреческому образцу с опорой на исторический авторитет греков. Так формируется идея соединить в единое целое присоединение Украины, изменение российского московского православного обряда и богослужбных книг в соответствии с новогреческими и основанными на них украинскими, подчинение собственных иерархов и народа абсолютной имперской власти.

Проводником и реальным исполнителем этой политики становится патриарх Никон (1652 – 1658), с помощью которого делается следующий шаг в ослаблении общества. Смысл этой политики состоял в дискредитации церкви в глазах общества, во внесении раскола между церковью и обществом с помощью греческих патриархов, оказавшихся в этот период удобным инструментом для политических манипуляций в руках царской власти¹¹¹. В результате конфликта в церкви, спровоцированного грубыми реформами Никона, боголюбцы¹¹² (сторонники общественного религиозного возрождения) были ослаблены, а поддержавшие Никона церковные иерархи дискредитированы в

¹¹⁰ Деяния собора 1649 г. / под ред. С.А.Белокурова // ЧОИДР. 1894. Т. IV. С. 33-41.

¹¹¹ Николаевский П.Ф. Из истории сношений России с Востоком в половине XVII века // Христианское чтение. СПб., 1882. Т. I. С. 155-158.

¹¹² Иван Неронов, протопоп Аввакум, Стефан Вонифатьев и их сподвижники.

глазах общества. Начинаются первые репрессии против старообрядцев как подготовка к воссоединению с Украиной. Становится все более очевиден антиобщественный и антирусский курс Никона, боголюбцы-старообрядцы выступают против реформ. В 1655 году Никон добивается от греков анафемы против старообрядцев и объявления русских православных обрядов ошибочными, результатом невежества русской церкви¹¹³. Одновременно нарастают политические амбиции патриарха, что вызывает настороженность царя и светской иерархии, которые после польских походов 1654-1656 гг. объединяются против Никона, и в 1658 г. Никон уходит с патриаршего поста, а собор 1660 года под давлением царя лишает Никона власти.

Последний этап драмы Раскола связан с собором 1666-1667 годов¹¹⁴. По итогам Собора 1666-1667 гг. царь добился победы и над иерархами, и над обществом в лице лидеров старообрядчества. Избрание патриарха отныне оказывается в юрисдикции царя, царь признается наместником Божиим, который может судить о праведности патриарха и иерархов и даже смещать патриарха с престола по мере необходимости. В этом своем новом религиозно-политическом качестве государь фактически оказывается выше законов нравственности, принципов добра и зла. Устанавливается некий теократический абсолютизм. Террор становится главной формой интеграции общества и защиты нового обряда. Церковь превращается в идеологический инструмент государства. Прерывается процесс гражданской трансформации общества на основании индивидуализированного типа веры. Народ со своей верой

¹¹³ Впоследствии Е.Е.Голубинский и Н.Ф.Каптерев доказали, что русские обряды не были искажением, а были еще более древними греческими обрядами, сохранившимися с дотатарских времен. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I. Сергиев Посад, 1909. С. 213-215; Голубинский Е.Е. К нашей полемике со старообрядцами // ЧОИДР. 1896. Т. I (176). С. 42-50.

¹¹⁴ О соборе 1666-1667 гг. см.: Деяния Собора 1666 – 1667 гг. // ДАИ (Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные императорской Археографической комиссией. Т. I – XII. СПб., 1846-1875. Т.V. С. 443-444; Дело о патриархе Никоне... С. 251 -262; Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. Репринтное воспроизведение. М., 1995. С. 290-305.

оказывается вне церкви и вне государства. Дворянство принимает новый тип власти. Общество восстает¹¹⁵.

Индивидуализация веры в концепциях идеологов русского Раскола. Аввакум. Федор. Лазарь.

Исследование текстов изначальных идеологов и вождей старообрядчества¹¹⁶ позволяет раскрыть индивидуализирующий и новаторский характер основных идей боголюбцев. Открывается новое, индивидуализированное понимание веры как сферы личного выбора и личной ответственности перед Богом. В «Житии протопопа Аввакума», написанном им самим, сквозит идея личной ответственности за веру, за его время и за место человека в нем¹¹⁷. Противостояние злу и активное воздействие на мир с этой целью выступает как его личная обязанность¹¹⁸. Позиция верующего есть позиция религиозно и социально активного и ответственного человека, Аввакум выражает эту мысль через противопоставление «смиранных» («потаковников») и «смиреномудрых» (самостоятельно мыслящих людей)¹¹⁹.

Новый тип мировоззрения Аввакума проявляется в его понимании соотношения разума и веры. Здесь нет фанатизма, напротив, в своих посланиях он предстает как сторонник просвещения, обучения, обмирщения веры¹²⁰. Разум необходим для формирования собственного суждения по вопросам веры, Аввакум требует доказать ему, объяснить, почему надо принять

¹¹⁵ Духовное сопротивление: движение старообрядцев, религиозно-просветительская деятельность пустозерских узников (протопопа Аввакума, инока Епифания, дьякона Федора, попа Лазаря), восстание Соловецкого монастыря. Социальное сопротивление тенденции закрепощения – восстание С. Разина.

¹¹⁶ Речь идет о текстах протопопа Аввакума, дьякона Федора и попа Лазаря.

¹¹⁷ Аввакум Петров. Житие Аввакума // Пустозерская проза: сборник / сост., предисловие, комментарий, переводы отдельных фрагментов М.Б.Плюхановой. – М., 1989. С. 38–94. С. 47; Из книги

бесед // Пустозерская проза: Сборник... С. 95–107. С. 99.

¹¹⁸ Аввакум Петров. Послание «Стаду верных» или «Кораблю Христову» // Пустозерская проза: Сборник... С. 170–173.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Аввакум Петров. Нравоучение // Аввакум Петров. Послания и челобитные. (Серия «Литературное наследие русских мыслителей») / Вступительная статья А.Ф.Замалева. СПб., 1995. С. 41–50. С. 44, 49; О Святой Троице, богообразности и философе Платоне // Там же. С. 25–33. С. 26.

новые обряды, и не принимает слепо то, что не убеждает¹²¹. Он различает формальную и содержательную стороны веры, выступает против имитации веры (сохранения церкви как института и исчезновения истинной религиозности)¹²². Для этической позиции Аввакума характерно уважение к пространству веры человека, насилие в вопросах веры он рассматривает как преступление. Вера – личное взаимоотношение человека с Богом, которое не может разорвать ни религиозный, ни мирской институт¹²³. Каждый человек драгоценен, его нельзя унижать. Можно спорить, не соглашаться, даже порицать, но надо уважать¹²⁴. Грех порицается с целью вызвать у человека искреннее раскаяние, а не страх наказания¹²⁵. В своем новом понимании любви Аввакум подчеркивает связь земного и религиозного проявлений любви. Любовь связывает земное и божественное начала в человеке. Он подчеркивает значение родственной, семейной любви и брака для формирования христианской любви к людям. Религиозное чувство рассматривается как продолжение любви к близким, как расширение их ареала. Любовь к ближнему понимается как дар и долг перед Богом¹²⁶. Вера и свобода для Аввакума неотделимы друг от друга. Миссия Христа есть миссия освободителя, но без веры нет свободы, и защита веры есть защита свободы¹²⁷. Аввакум связывает отказ от веры и нравственности с наступлением социального рабства. Для него это – царство антихриста¹²⁸.

Новое понимание политического начала у Аввакума связано с осмыслением нового типа легитимации власти – общественно-религиозной (не гражданский, но и не теократический тип). По мнению Аввакума, власть коренится в

¹²¹ Аввакум Петров. Житие Аввакума // Пустозерская проза: Сборник... С. 38–94.. С. 38.

¹²² Там же. С. 39.

¹²³ Там же. С. 70.

¹²⁴ Аввакум Петров. Письма и послания Симеону // Аввакум Петров. Послания и челобитные. С. 97–98.

¹²⁵ Аввакум Петров. Послание Борису и прочим рабам Бога Вышняго // Пустозерская проза: сборник... С. 157–162.

¹²⁶ Аввакум Петров. Нравоучение // Аввакум Петров. Послания и челобитные... С. 41-50.

¹²⁷ Аввакум Петров. Из книги бесед // Пустозерская проза: сборник... С. 106-107.

¹²⁸ Там же. С. 98.

обществе, легитимность определяется не санкцией церковного института, а свободной моральной санкцией общества, общественным признанием. Основание общественного признания тоже религиозное, но это уже другая индивидуализированная религиозность¹²⁹. Аввакум вплотную подходит к осознанию национальной основы легитимации власти, однако защита национального суверенитета приобретает не национально-политическую, а религиозно-социальную форму¹³⁰. Царь должен блюсти интересы своего народа. Народ имеет право на сопротивление неправой власти, нарушившей его законы¹³¹. Главное обвинение царю – в неуважении к интересам собственного народа, его вере, религиозной традиции, нравственным нормам¹³². Царь, возвышаясь над обществом, политически не перестает быть «рабом Божиим» наряду со всеми своими согражданами¹³³. Аввакум ставит вопрос о границах власти царя в отношении подданных. Власть необходима, и она должна заслуживать уважения и свободного подчинения. Но подчинение власти не есть подчинение произволу лица¹³⁴. Святость власти не делает святым лицо, осуществляющее власть. Но есть святость личная, она в свою очередь определяется не причастностью к институту, а зависит от личных качеств человека, его образа жизни. Царь не может владеть церковью и менять догматы по своему произволу. Царь утрачивает легитимность, когда подменяет служение высшему закону своим произволом¹³⁵. Основание легитимности церковной и светской власти – законность. Границы политической власти – личное пространство совести граждан. Цари не властны над пророками, принимаемыми народом¹³⁶. *Аввакум принципиально разделяет религиозное и*

¹²⁹ Аввакум Петров. Житие Аввакума // Пустозерская проза: сборник... С. 38–94. С. 71.

¹³⁰ Аввакум Петров. Обращение к чтущим и слышащим // Пустозерская проза: сборник... С. 94.

¹³¹ Аввакум Петров. Житие Аввакума // Пустозерская проза: сборник... С. 38–94 С. 65.

¹³² Аввакум Петров. Из книги толкований // Пустозерская проза: сборник... С. 108–126, 122–123.

¹³³ Там же. С. 117; Аввакум Петров. Челобитная царю Алексею Михайловичу (V) // Пустозерская проза: сборник... С. 127–133, 127.

¹³⁴ Аввакум Петров. Из книги толкований // Пустозерская проза: сборник... С. 108–126, 116.

¹³⁵ Аввакум Петров. Челобитная царю Алексею Михайловичу (V) // Пустозерская проза: сборник... С. 127–133, 127.

¹³⁶ Там же. С. 129, 131.

политическое. Для него это взаимодействующие, но разные начала, разные виды общности, они не выстраиваются в единую иерархию. Неправда царя связана с отказом коррелировать политику нравственностью, христианской моралью. Это ведет к авторитарной, абсолютной бесконтрольной власти личного произвола, которую Аввакум называет «неправой». Церковная власть утрачивает свою легитимность, если принимает на себя функции орудия светской власти, в особенности – не правой. Церковь и институты священства нужны. Но основа легитимности церковной власти – общественный авторитет, достигаемый ценой личной святости иерархов¹³⁷.

В понимании социальных отношений Аввакум также исходит из нового социального и индивидуализированного типа религиозности. Ответственное отношение к работе, принцип добросовестности в труде – важное качество ответственного в вере человека¹³⁸. Хотя он признает неизбежность существования социальной иерархии и неравенства, они не должны быть основанием для непризнания в другом человека¹³⁹. В основе отношений должен лежать принцип добровольности и взаимного уважения, независимо от места в социальной иерархии. Тем самым он как бы соединяет необходимую для Современности социальную структурность и сохранение взаимной любви и христианского принципа универсальности человеческой природы как основы общественного единства. Именно разрушение этого духовного единства народа он видит в Расколе, который повлечет за собой не только религиозную, но уже более масштабную катастрофу. Для Аввакума Раскол – не просто религиозное, а *социальное явление, имеющее общенациональное значение*, от которого зависит и политическое выживание народа. Следствием для власти станет ее неустойчивость, отчуждение от общества и опора на насилие¹⁴⁰. Следствием Раскола для общества станет утрата

¹³⁷ Аввакум Петров. Из книги толкований // Пустозерская проза: сборник... С. 108–126, 118.

¹³⁸ Аввакум Петров. Нравоучение // Аввакум Петров. Послания и челобитные... С. 41–50, 46.

¹³⁹ Там же. С. 48.

¹⁴⁰ Аввакум Петров. Послание к неизвестным // Аввакум Петров. Послания и челобитные... С. 33–35, 34.

свободы в собственном государстве¹⁴¹. Раскол ставит общество перед выбором между двумя способами существования в государстве: в качестве христианского народа со своей мерой ответственности за страну и веру или в качестве простого средства для расширения несправедливой, антихристианской власти¹⁴². Власть антихриста он рассматривает как власть лицемерия, которая будет стремиться подменить собой Бога и сделать Бога излишним.

Тему наступающей новой власти (власти «антихриста») развивает младший современник и сподвижник Аввакума дьякон Федор¹⁴³. Он подчеркивает обязанность неприятия «неправой» наступающей власти и противопоставляет «несправедливому самовластию» власть «справедливую» и «подлинную» - коллегиальную, власть свободных людей, придерживающихся общего нравственного закона¹⁴⁴. Для Федора – это закон христианский, церковь же должна противостоять самовластию, а не служить ему. Для разрешения конфликтов нужны не репрессии, а «диспуты»¹⁴⁵. «Власть антихриста», по мнению Федора, будет характеризоваться следующими чертами: возвращение язычества; подмена Бога и его закона; главным орудием подмены будет феномен «сходства»; лицемерие и обман станут основой господства¹⁴⁶. Трудность же преодоления этой власти Федор видит в угасании различия между добром и злом в сердцах людей, которым не на что будет опереться в противостоянии злу¹⁴⁷. На смену человеческому достоинству придет гордость и попрание сильным слабого. Федор полагает, что антихрист придет с

¹⁴¹ Там же. С. 34, 36, 38.

¹⁴² Аввакум Петров. Послание братии на всем лице земном // Аввакум Петров. Послания и челобитные... С. 80–85, 170.

¹⁴³ Федор (дьякон). О познании антихристовой прелести // Пустозерская проза: сборник... С. 251–258.

¹⁴⁴ Федор (дьякон). Послание из Пустозерска к сыну Максиму и прочим сродникам и братьям по вере // Пустозерская проза: сборник... С. 222–250, 232, 235, 241–242; Федор (дьякон). Письмо дьякона Федора к семье протопопа Аввакума // Пустозерская проза: сборник... С. 220–221, 220.

¹⁴⁵ Федор (дьякон). Послание из Пустозерска к сыну Максиму и прочим сродникам и братьям по вере // Пустозерская проза: сборник... С. 222–250. С. 229, 236.

¹⁴⁶ Федор (дьякон). О познании антихристовой прелести // Пустозерская проза: сборник... С. 251–258. С. 251, 252.

¹⁴⁷ Там же. С. 253.

Запада, но храм себе выстроит в России, а главной его целью будет поглощение добра и развитие любви к злу¹⁴⁸. Цели и средства в деятельности людей перепутаются, и материальное начало станет доминирующим во всех сферах жизни. Даже вера будет использована для служения злу. Из христианского народа общество превратится в царскую челядь¹⁴⁹.

В своей концепция народной теократии поп Лазарь отстаивает новые ценности - право общества на индивидуализированную веру и религиозный суверенитет – как старые, исконные истинно православные ценности, подчеркивает высокую ответственность власти перед народом и Богом¹⁵⁰. У Лазаря появляется важная догадка о значении аутентичного типа развития, связи между общественной религиозной традицией и сохранением национального суверенитета¹⁵¹. Особенность России он видит в том, что от нравственного состояния общества («крепости и надежности веры») зависит ее политический успех. Залогом политического успеха власти в России, по его мнению, является связь морали, религии и политики¹⁵². Там, где общество уважает свои нравственные законы, там оно уважает и защищает государство, считая его своим. В противном случае общество противостоит государству. Поэтому царь, предавая народную веру, отказывается и от опоры на общество в своей политике¹⁵³. Главная задача праведной власти состоит в реализации и защите общественного интереса. Власть, пекущаяся о своих частных интересах в противовес христианскому общественному закону, лишается божественной санкции в глазах христианского общества¹⁵⁴.

Индивидуализация веры на Западе и в России. Лютер и Аввакум.

¹⁴⁸ Там же. С. 254, 256.

¹⁴⁹ Там же. С. 257.

¹⁵⁰ Лазарь (поп). Челобитная царю Алексею Михайловичу // Пустозерская проза: сборник... С. 206–219. С. 208.

¹⁵¹ Там же. С. 209, 210.

¹⁵² Там же. С. 211.

¹⁵³ Там же. С. 212.

¹⁵⁴ Там же. С. 214.

Рассмотрим сходство и различие процессов Раскола и Реформации как двух форм индивидуализации веры. Реформация совпала с *тенденцией национально-политического самоопределения* европейских государств. К XVI веку становится очевидным, что противостояние папскому Риму под лозунгами новой веры способно консолидировать раздираемое социальными противоречиями общество и даже найти поддержку у части элиты. В России же обновление религиозного начала в ходе Раскола происходит в условиях уже существовавшего национального (хотя и патерналистского) государства и автокефалии Русской православной церкви. Поэтому здесь не было политических сил внутри правящего слоя, заинтересованного в подобном развитии событий.

Тенденция повторного закрепощения, характерная для всей Восточной Европы после великих географических открытий, есть также черта сходства. Эта своеобразная внутренняя колонизация, направленная против собственного общества, рождает социально-религиозных пророков. Но если Германия была повторным закрепощением расколота по территориально-экономическому принципу на Восточную и Юго-Западную части, то Россия оказалась расколота на две культуры, две цивилизации в рамках единого политического пространства по социальному признаку.

Необходимо отметить также различия в типах социальной интеграции. Россия пошла по пути формирования тотального политического контроля над социальным пространством, в то время как Европа развивалась в рамках фрагментарного политического контроля над сопоставимым по масштабам пространством. Этот «лоскутный» характер политической интеграции европейского пространства обеспечивал лучшие шансы для сохранения и развития новых прогрессивных тенденций, в то время как в России они легче подавлялись из центра и не имели шансов дать социально-политические всходы на ином политическом пространстве. Дополнительные препятствия к взаимодействию тенденций религиозного обновления создавал и общий конфессиональный раскол

христианской церкви на православную и католическую, отрезавший на долгое время Россию от Европы.

И Реформация, и старообрядчество возникли на волне мощного общественного импульса, национально-религиозного подъема с готовностью поддержать и откликнуться на призывы новых пророков. Их сближает стремление к обмирщению христианских нравственных ценностей. И то и другое поколение – дети смутных эпох, когда рухнувшие религиозно-нравственные авторитеты ввергли общество в состояние бесконечных братоубийственных войн. Но следует отметить различия культурных истоков. Лютер был по образованию юрист, развивался под влиянием классических античных текстов, имеющих гражданское содержание, и антично-религиозного дуализма Аврелия Августина. Аввакум – священник, сын священника, развивался под влиянием восточно-христианского монистического принципа Дионисия Ареопагита и социального христианства Иоанна Златоуста.

Важные сходства и различия отмечаются в вопросах соотношения содержания и формы процессов индивидуализации веры в России и Европе. Для Лютера индивидуализация веры была его личным открытием (которое он понимал как возвращение к евангельским истокам)¹⁵⁵, поскольку в Европе Реформация была результатом определенной трансформации изначально отчужденного религиозного начала, его адаптации к новому индивидуализированному типу личности (структурному, гражданскому). Для Аввакума индивидуализация веры - это возвращение изначально принципа русской православной религиозности, преданного иерархией в угоду политическим амбициям власти¹⁵⁶. Поэтому обоснование нового по сути типа религиозности в России приобретает форму защиты традиции. Но это не было просто возвращение к истокам. Ведь для старообрядцев было важно превратить этот внутренний тип

¹⁵⁵ Лютер М. О свободе христианина // Мартин Лютер. 95 тезисов / сост., вступ. ст., примеч. и коммент. И.Фокина. СПб., 2002. С. 87-107. С. 89.

¹⁵⁶ Аввакум Петров. Житие Аввакума // Пустозерская проза: сборник... С. 38–94. С.71,92; Обращение к чтущим и слышашим // Там же. С. 94; Из книги бесед // Там же. С. 95–107. С. 107.

религиозности в основу общественной нравственности, сделать его совместимым с ценностями мирской жизни всего общества. С этим же связано различие в отношении к обрядности. У Лютера новая индивидуализированная вера, новый институт и новый более естественный обряд. У Аввакума, напротив - защита прежнего, индивидуализированного типа веры, прежнего соответствовавшего ему обряда и института. В Европе провозглашение нового института и нового обряда стали важнейшим основанием для общественной интеграции и консолидации европейских народов. В России дискредитация старого обряда и института и провозглашение новых, напротив, стали важнейшим инструментом деморализации и дезинтеграции российского общества, прелюдией к его вторичному закреплению. А защита старого обряда – символом сохранения религиозного и нравственного достоинства общества и основанием для его эффективной социально-экономической консолидации в исключительно трудных условиях последующих гонений.

Для Аввакума, как и для Лютера¹⁵⁷, защита веры – есть важнейший момент защиты национального достоинства христианского общества, но для Аввакума и его сподвижников таким противником выступало собственное выродившееся государство и национальная церковная иерархия. Поэтому для старообрядцев национальный суверенитет общества выступал не в религиозно-политической, а в религиозно-социальной форме.

Перечисленные сходства и различия в протекании этих близких по своему содержанию процессов породили разные социально-политические последствия. В Германии - частичное поражение Реформации в XVI-XVII вв. обернулось задержкой в модернизации системы, а в России - за поражением

¹⁵⁷ В работе «К христианскому дворянству немецкой нации» у Лютера Реформация прямо выступает как духовная основа консолидации немецкого общества. Лютер противостоял папскому Риму, поэтому для него проблема национального и религиозного суверенитета германского общества выступала как проблема религиозно-политическая (Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства // Мартин Лютер. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520 – 1526 гг. X., 1994. С. 9 – 82).

старообрядчества в XVII веке последовала эпоха повторного закрепощения (по существу, внутренней колонизации), расколовшей страну и не позволившей ей двинуться по пути формирования национальной гражданской социально-политической системы наряду с европейскими государствами.

От теократического государства к патерналистской империи. Секуляризация «по-русски».

Говоря о социальных последствиях Раскола, мы не можем не коснуться раскрытия темы «секуляризации сверху», осуществленной уже при сыне Алексея Михайловича Петре I. В ходе подобной секуляризации окончательно складывается та самая конфигурация светской империи и патерналистского общества, которая и легла в основу незавершенной модернизации российской социально-политической системы. Таким образом, соединяются три взаимосвязанных пласта событий, породивших феномен российской Современности: социально-исторический, религиозно-духовный (ценностный) и политический.

Решение Петра заключалось в том, чтобы ввести такой принцип организации церкви, который позволил бы осуществить секуляризацию земель, подчинить церковь государству, развязать руки абсолютистской власти и при этом не допустить модернизации общества и развития гражданских форм интеграции и институтов контроля за властью на смену религиозным. Петр обращается к Феофану Прокоповичу и ставит перед ним задачу создать новую идеологию легитимации власти путем соединения элементов протестантизма, теории естественного права (опираясь на Гуго Гроция и Пуффендорфа) и традиционных основ легитимации власти, характерных для патерналистской теократической системы, законсервированных в сознании русского общества. Новый принцип легитимации власти обосновывается в работе Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей»¹⁵⁸, написанной в 1722 году. В концепции

¹⁵⁸ Правда воли монаршей во определении наследника державы своею Уставом державного Государя нашего Петра Великого отца отечества Императора и Самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая. Сего 1722 году, февраля в 2 день публикованым утверждена и

Прокоповича, с одной стороны, появляется вполне современное «право собственности», но появляется оно вовсе не затем, чтобы защитить суверенитет граждан в их отношениях с властью, а с прямо противоположной целью – чтобы обосновать право государя на бесконтрольное распоряжение государством как... своей собственностью, дарить его, завещать его тому, кому он сочтет нужным. Задержка модернизации политической культуры привела к тому, что политические отношения не выделились, не была зафиксирована их специфика по отношению к сфере морали, экономики. И именно этот рудимент патерналистского сознания при соединении с модернизированной абсолютистской властью открывает перспективы для дальнейшей эволюции в направлении не гражданской тоталитарной системы. Итогом подобной частичной модернизации становится секуляризованная система, опирающаяся на патерналистский традиционный тип морали и политической культуры. Государство здесь не моральное лицо, а вместе с подданными есть собственность монарха, которую он может по своему произволу передать любому лицу, вплоть до представителя иностранного государства, а тот может использовать эту «собственность» по своему усмотрению, что, собственно, отчасти имело место в дальнейшем.

У Феофана Прокоповича государство, как и в XV, XVI, XVII веках, есть собственность монарха, в которую входят и земля, и люди. Не случайно, доказывая право монарха безраздельно и бесконтрольно распоряжаться всем природным и человеческим «материалом» государства, Прокопович ссылается на западное право неприкосновенности частной собственности! Так, доказывая, что царь может лишить престола наследника по своей воле (кстати, действие, несовместимое с теократическим сознанием), Феофан Прокопович пишет: «Бесчисленные суть тако рещи, книги от многих Авторов сочиненныя о уставах и законах гражданских, и нигде в них не полагается сумнительство о сем, может ли родитель сына лишити своего наследия... И тако

всенародною присягою свидетельствована. Зде пространне, простосердечных ради, но мало ведущих человек показуется (М.: Московская типография, 1722).

весь честный мир, есть нам свидетель»¹⁵⁹. Да, гражданские законы защищают право частной собственности. Но государство не является собственностью! Таким образом, соединение нововременной идеи частной собственности с теократическим типом политического сознания ложится краеугольным камнем в фундамент будущей системы. Вот вам и европеизация! Да это просто татарщина какая-то. Да Алексей Михайлович по сравнению с Петром просто англичанин. При нем хоть какие-то дискуссии были, диспуты. А людей хотя и жгли в срубах, но как-то все больше тайно, стыдливо, без цивилизаторского апломба. Не стоит идеализировать европейскую историю вообще и историю XVI–XVII веков особенно, но переиначивая известную фразу Гоголя насчет народности, важно понимать, что европеизация не в платьях и не в бородах заключается. Она заключалась, прежде всего, в открытии и утверждении новых принципов взаимоотношения власти и общества, в основе которых лежала идея гражданства, не имеющая ничего общего с вырыванием бород и ноздрей у своих подданных. Конечно, и в Европе в те времена много было всякого, но Европа шла от этого «всякого», а Россия, увековечивая и освящая свое варварство ссылками на европейские авторитеты, двигалась от кризиса к кризису. Такова логика всех революций на троне. Для нас важно отметить, что определяемая данной идеологией стратегия новых отношений власти и общества имела своим естественным продолжением экономическую, политическую и социокультурную структуру русского общества последующих двух столетий. Итог – ликвидация теократического общественного контроля в лице народной веры и церкви и недопущение гражданского контроля благодаря сохранению теократической структуры личности и общества. В результате общественная структура приобрела следующий характер. Российское общество включило в себя две проекции. Первая – проекция со стороны власти: это то, как и чем руководствуется власть. В этой проекции моральная составляющая если не полностью отсутствует, то, по крайней мере, занимает

¹⁵⁹ Там же. С. 5.

третьестепенное место. Это чисто макиавеллиевская модель, совершенно не теократическая и в этом смысле по форме похожая на западную модель гражданской власти, где главным является забота о земном. Но есть и другая проекция – со стороны общества. Она несет в себе во многом неизжитые, не преодоленные черты теократического общества, базирующегося на не индивидуализированной структуре личности. Эта проекция резко отличается от западного типа общества по трем важнейшим параметрам: она мирится с отсутствием форм контроля со стороны общества за властью; она рассматривает власть в качестве внешнего морального арбитра и оценивает власть прежде всего по моральным критериям; она не имеет традиции внутренней активности и самодеятельной интеграции. Система эта на редкость удобна для власти (на первых порах), но структура ее такова, что она полностью исключает мирную взаиморегуляцию общества и власти и, следовательно, эволюционный путь развития. Развитие подобной системы может носить лишь катастрофический характер. Это опасно всегда, но особенно в те времена, когда трансформация общества приобретает характер перманентного процесса. Именно эта искусственная задержка общества на теократической, патерналистской стадии и стала важной причиной доминирования в России именно непосредственно-общественных форм публичной активности и неприятия ею гражданских форм.

Впрочем, не следует думать, что эта своеобразная трансформация государства прошла бесследно для структуры личности и структуры общества в России. Если не осуществился переход от теократической структуры к гражданской, это вовсе не значит, что общество и структура личности не претерпели изменений. Претерпели и очень существенные. В теократической системе морально-общественных координат некритическое послушание власти не означает отказа от своего общественного и человеческого достоинства, так же, как не означает отказа от своего человеческого достоинства подчинение верующего воле Божьей. Ведь и теократический

правитель так же относился к своей власти. Да, он не имел формальных обязанностей перед подданными, но он сознавал свои обязанности перед Богом, включавшие в себя справедливый суд над своими подданными и заботу об их благе, защиту и поддержание нравственных норм христианства, пронизывавших все общество. Конечно, очень часто теократические правители нарушали эти обязанности, но это было именно *нарушение*, а не норма. Так это воспринималось ими и народом. За это нарушение они могли быть признаны недостойными власти, т.е. потерять теократическую легитимацию. Несомненно, есть некоторая разница в том, чтобы чувствовать себя инструментом Бога (или проводника его воли) и инструментом человека, заботящегося о своем частном брэнном благополучии, каковыми и стали новые секуляризированные властители России. Второй вариант напрочь исключает какое бы то ни было человеческое достоинство. Самое главное заключалось в том, что нарушилась, умерла органическая связь между обществом и государством. Вместо институциональной формы общественного единения государство стало объективно – независимо от доброй или злой воли правителей – органом подавления, разрушения, разложения общества, его внутреннего единства. С этого момента государство стало противником общества, что не исключало, впрочем, их взаимной потребности друг в друге. А русская история превратилась в историю затяжного конфликта между обществом и государством. Каждый раз, когда исчезала внешняя угроза, сплывавшая на время этих противников, конфликт между обществом и государством либо выливался в кровавые, жестокие и беспощадные столкновения, либо тлел в форме вялого неприятия на общественном и индивидуальном уровне государственных постановлений и начинаний.

В политике очень важно восприятие власти, ибо одно и то же действие может рассматриваться – в случае его добровольности и осознанного выбора – как акт любви и согласия и, следовательно, как высшее проявление человеческого достоинства или же, в случае недобровольности, как акт насилия и, следовательно, попрания человеческого

достоинства. Если же подобное действие осуществляется не просто по отношению к отдельной личности, а по отношению к обществу в целом, то мы как раз и имеем существенное отличие теократического типа взаимодействия общества и власти от гражданского. В рамках теократического типа развития общество отрекалось от своих частных интересов, подчинялось государству по собственному нравственному выбору, в основе которого лежала реальная живая народная вера, разделяемая всеми его членами, в том числе и теми, кто стоял у власти. Поэтому в идеале в этом сознательном подчинении не было того, что появилось позже в результате Раскола – попрания веры, церкви и человеческого достоинства целого народа. В результате подобного прямого политического насилия над общественной совестью, осуществленного в ходе Раскола и последующего жесточайшего подавления нравственного сопротивления, государство оперлось на ту идеологию, которая уже не являлась народной верой и потому никак не могла быть принята добровольно. Конечно, потом государство было бы не прочь, чтобы народ не просто пассивно принял, а даже заново полюбил эту новую, полицейски навязанную веру (тем более что и отличия-то были вроде совсем не существенные). Но это несущественно для людей неверующих. А вот для верующего человека и для верующего народа есть большая разница между верой внутренней, спасенной, своей родной, идущей из глубин народной души, и «верой» навязанной. Ибо вторая это вовсе не какая-то другая вера, а это просто никакая не вера, это – ложь. И принятие такой веры означает не смену веры, а отказ от всякой веры, отказ от своих убеждений, от своей политической субъективности, согласие на превращение в объект социальных, религиозных и политических манипуляций, т.е. согласие с попранием своего человеческого и гражданского достоинства как народа. А человек, лишенный человеческого достоинства, не может быть нравственным. Ибо нравственность всегда предполагает субъективность, без которой невозможен ни моральный выбор, ни моральная ответственность. Таким образом, лишенное в результате Раскола веры общество стало

просто деморализованным объектом политической манипуляции. Теократическая нравственность исчезла, а гражданская индивидуализированная так и не появилась. Но общество не может существовать без морали и нравственности. Такое общество исключительно опасно, т.к., не имея внутренних сдерживающих и объединяющих механизмов, оно чревато самоистреблением. Вот тут-то и выступает на арену новое государство. В этих условиях государство оказывается уже «вынуждено» цементировать общество своими политическими средствами. Так развивается необходимость государственного контроля абсолютно всех сфер жизни общества в условиях абсолютной аморальности, т.е. внутренней неспособности индивидов к добровольному самостоятельному конструктивному социальному взаимодействию. Политика берет на себя функции морали, и путь к тоталитаризму оказывается открыт. Разрывается прежняя органичная связь между общественно-всеобщим и государственным, а новая не возникает. Аввакум был прав, это действительно была центральная трагедия русской истории Нового времени.

На Западе атомизация общества и кризис позднего Возрождения были преодолены в ходе Реформации. Именно индивидуализация веры открыла путь к новому типу морали – индивидуализированной морали – и стала вторым важнейшим этапом формирования современности. Мораль как внутренне добровольное следование общим нравственным нормам стала тем стержнем, вокруг которого началась внутренняя добровольная общественная интеграция, превратившая общество из объекта в субъект политического и экономического процесса. Эта социальная роль индивидуализированной протестантской морали в формировании западного общества хорошо описана Максом Вебером. Если кризис западной индивидуализации для своего преодоления требовал возрождения и индивидуализации божественного начала, то кризис восточной индивидуализации требовал как раз возрождения и реабилитации личностного, индивидуального начала в религиозной и общественной жизни. Русская инди-

видуализация веры, связанная сначала с движением нестяжателей, а затем – лидеров русского старообрядчества, была направлена на возрождение сознательного и добровольного, инициативного характера веры. Интересно, что если на раннем этапе (нестяжатели) она еще была связана с идеалами монашеского аскетизма, то уже в период Раскола материальный, физический аскетизм уходит на второй план, появляются элементы социальной ответственности верующего, идеи о сознательном построении общественных отношений и хозяйственных связей на основе интериоризированных нравственных принципов христианства. Не случайно купеческое, торгово-промышленное сословие России было столь привержено старообрядческой идеологии. Эта идеология так же, как и протестантизм, формировала внутренний стержень для общественного доверия и общественной интеграции, без которых невозможна гражданская интеграция и современная капиталистическая хозяйственная деятельность.

Проблема России заключалась в том, что процесс индивидуализации веры, проявившийся в ходе русского Раскола, был остановлен, разрушен и подавлен силами государства. В результате в России был сорван очень важный этап социально-политической модернизации – этап индивидуализации веры. Лишенное внутреннего морального стержня общество стало легкой добычей государственной и церковной бюрократии, которая очень быстро использовала это «духовное преимущество» и повела атаку на экономические и политические права общества. Уже через 30 лет после начала Раскола и казни идейных вождей старообрядчества большая часть деморализованного российского общества была реально обращена в крепостное рабство и фактически исключена из реального экономического процесса эпохи Современности. Конечно, русские крепостные участвовали в том международном рынке зерна, в который активно включилась Россия к XVIII-XIX векам, но не в качестве субъекта, а в качестве объекта колониальной политики со стороны собственного государства. Роль же субъекта взяла на себя узкая прослойка

бюрократической элиты, приступившая к очень своеобразной вестернизации в эпоху Петра I. Суть этой «вестернизации» в политическом плане заключалась в секуляризации государства. На Западе этот процесс стал результатом «движения снизу». Опираясь на новый тип индивидуализации и интегрированное с помощью внутренних форм религиозности, общество уже не могло удовлетворяться традиционным, патерналистским типом легитимации власти, характерным для позднего теократического государства. Трансформация общества из патерналистского, теократического, внешне интегрированного в гражданское вступила в противоречие с устаревшими формами власти. Буржуазные революции XVII-XVIII веков в Европе положили начало этому перевороту. В итоге начался процесс превращения государства из субъекта в объект, инструмент для реализации обществом своего общественного интереса. Превращение государства из патерналистски-теократического в гражданское принципиально изменило направление вектора контроля. Контроль «сверху вниз, от власти к обществу» дополняется контролем «снизу вверх, от общества к власти». Возникает система разделения властей. Общество начинает вводить свои инструменты контроля за властью в виде институтов представительной демократии. В результате в ходе европейской секуляризации на смену одним формам социального контроля (теократический контроль Церкви) приходит другой, действительно общественный тип социального контроля – контроль через гражданские представительные институты. С секуляризацией государства и превращением государства из патерналистского в гражданское завершается переход к эпохе Современности.

В России секуляризация государства тоже произошла, примерно тогда же, когда и в Европе, – конец XVII – начало XVIII века. Но произошла она иначе и с иными последствиями для общества и государства. Срыв индивидуализации веры в ходе Раскола остановил процесс трансформации общества из патерналистского в гражданское. В результате кровопролитных репрессий, последовавших за событиями Раскола и

направленных на искоренение свободы совести, деморализованное общество было подвергнуто тотальному закреплению. Народ поднялся на войну с властью. Но крестьянско-казаческое восстание под руководством Степана Разина было жестоко подавлено, а лишенное объединяющего нравственно-религиозного начала общество не смогло интегрироваться изнутри, чтобы поставить перед властью вопрос о защите своих собственных прав. Следует отметить очень точные шаги московской власти, наученной и напуганной кровавым опытом своих английских «коллег». Используя все имеющиеся в ее распоряжении средства и резервы (от идеологических до экономических, религиозных и даже геополитических), российская власть в XVII веке сделала все для того, чтобы не допустить модернизации России от теократически-патерналистского к национально-гражданскому государству. Вместо этого страна была направлена по пути разорительного для общества имперского расширения. Однако это была своеобразная империя. Так и не ставший субъектом политического и экономического процесса в своей собственной стране, так и не сформировавший механизмы и институт демократического воздействия на власть, народ России стал главным объектом эксплуатации и главным средством для удовлетворения имперских амбиций правящей военно-бюрократической верхушки. Народ и не заметил, как в XVII веке у него украли его государство.

Но для завершения и упрочения своего нового, практически колониального господства над собственным народом правящая военно-бюрократическая верхушка должна была навсегда покончить с той своеобразной ролью, которую играл сложный институт Русской православной церкви в политической жизни русского национального теократического государства. При всей сложности и неоднозначности институт русской православной церкви до Раскола выполнял очень важную функцию общественного контроля за властью с точки зрения соответствия ее действий нравственным христианским нормам. Русская православная церковь, еще не отчужденная до

конца от общества и не превращенная в простое министерство и идеологический инструмент антинародной власти, в лице своих святых – иногда патриархов, иногда пророков – имела огромный вес и авторитет в русском обществе и признавалась как заступница перед неправыми действиями власти. Не случайно в ходе Раскола определенная часть русской церкви стала колыбелью новых индивидуализированных форм нравственности и религиозности. И не случайно именно по этой части Русской церкви пришелся главный удар со стороны власти. Поражение боголюбцев разрушило возможность внутренней гражданской интеграции и позволило власти не допустить формирования новых гражданских форм общественного контроля взамен теократических. Социальный смысл русской секуляризации государства принципиально отличался от западного аналога. В ходе секуляризации политической власти в России, осуществленной «сверху», военно-бюрократическая правящая элита избавилась от религиозно-теократической формы общественного контроля церкви и не допустила формирования новой гражданской формы общественного контроля. В результате страна осуществила переход от национального теократического государства к патерналистской светской империи, минуя стадию национального гражданского государства. Процесс модернизации социально-политической системы остался не завершен, страна оказалась расколота на две неравные части – относительно модернизированную дворянскую элиту и патерналистскую по своей природе большую часть общества – крепостное крестьянство.

Таким образом, Россия вступила в эпоху Современности с очень своеобразным типом индивидуализации личности – восходящей индивидуализацией, плохо приспособленной к четкой фиксации социальных границ между индивидами, обществом и государством. Россия не смогла в XVII веке осуществить второй важный этап на пути к модернити – этап индивидуализации веры, что не позволило своевременно сложиться внутренним гражданским формам интеграции, вызвав искусственную фиксацию общества на стадии патерналистской

политической культуры. Последнее не замедлило сказаться и на экономическом (крепостное право) и политическом (полное бесправие) положении народа в рамках своего государства. В результате Россия миновала опасную для патерналистского типа власти стадию национального гражданского государства. И наконец, секуляризация власти в России была осуществлена не в ходе преобразования власти из патерналистской в гражданскую, а в ходе преобразования власти из теократически-патерналистской в светскую патерналистскую имперскую власть. Для общества был сохранен прежний патерналистский тип подчинения, а власть добилась полного освобождения от какой бы то ни было моральной, экономической и политической ответственности за свои действия перед обществом.

В развитии любого общества огромное значение имеет степень его социальной гармоничности. Всякий глубокий раскол, будь то социальный, экономический или духовный, рано или поздно оборачивается тяжелейшим политическим и моральным увечьем, которое одни называют революцией, другие – смутой. И создавать этот раскол гораздо проще, чем потом веками преодолевать его тяжелые последствия.

РАЗДЕЛ II. РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ПЕРЕЛОМНЫЕ ЭПОХИ

ГЛАВА 5. «БЕЗГОСУДАРНОЕ ЦАРСТВО»: ЭПОХА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЕ

В главе рассматриваются пути эволюции политических практик в России периода Смутного времени в контексте 10-летней годовщины установления празднования Дня народного единства.

Традиционная для средневековой России модель политической культуры во второй половине XVI – начале XVII в. подверглась серьезной трансформации — благодаря развитию, с одной стороны, самодержавных тенденций, а с другой — принципа «соборности» во взаимоотношениях верховной власти и подданных. Активное вовлечение в общественно-политические процессы широких слоев населения в условиях крайне нестабильной ситуации Смутного времени и отсутствие реальной опоры трона у преемников царя Федора не только привели к глубокому кризису легитимности и государственности в целом, но и породили такие новые для страны феномены как самозванчество и земское движение, способствовали формированию, пусть и в зачаточном виде, национального самосознания.

Ключевые слова: Смутное время, легитимность, самодержавие, земское движение, самозванчество.

В декабре 2004 г. решением Государственной Думы РФ было установлено празднование 4 ноября Дня народного единства¹⁶⁰. По прошествии 10 лет это памятное событие уже не только прочно «прописалось» в календаре исторических дат России, но

¹⁶⁰ О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 201-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50993/#p23 (дата обращения: 10.06.2014).

и в решающей степени обусловило настоящий всплеск общественного и исследовательского интереса к событиям Смутного времени¹⁶¹.

Профессиональных исследователей, конечно, несколько смущает как сама дата, выбранная для праздника, так и, в особенности, трактовка событий, произошедших в этот день, в качестве «финального аккорда» Смутного времени, ознаменовавшего возвращение страны к мирной жизни¹⁶². Впрочем, на наш взгляд, российских законодателей подобные нюансы интересовали далеко не в первую очередь: День народного единства изначально задумывался как более «совершенная» замена празднованию годовщины Октябрьской революции, по традиции отмечающейся на рубеже XX-XXI вв. как День согласия и примирения, но своих основных задач (консолидация общества, укрепление идеи государственности) уже не выполнявшей.

В свете сказанного вполне уместен вопрос о соответствии идеологической подоплеки нового праздника историческим реалиям. Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать через рассмотрение событий Смутного времени сквозь призму развития и форм практического проявления русской средневековой политической культуры.

Прежде всего обратимся к характеристике состояния страны накануне Смуты. Преемникам Ивана Грозного досталось противоречивое наследие. С одной стороны, нельзя не отметить развитие «демократических»¹⁶³ тенденций, подразумевавших активное вовлечение в общественно-политическую жизнь широких слоев населения, в том числе и простолюдинов. Земская реформа середины XVI столетия, хотя и не смогла

¹⁶¹ Прямое свидетельство тому — появление только в самые последние годы нескольких десятков новых научных исследований, посвященных данному периоду русской истории; а если добавить к ним и так называемые «датские» работы (то есть специально приуроченные к широко праздновавшемуся в 2013 г. 400-летию освобождения Москвы Вторым народным ополчением), их общее число приблизится к двум сотням наименований.

¹⁶² Подробнее см.: Назаров В.[Д.] 4 ноября. Злоключения одной российской даты // Вокруг света. 2005. № 11.

¹⁶³ Берем это слово в кавычки, поскольку вопрос о выравнивании правового статуса представителей различных сословий правительством, разумеется, даже не ставился.

полностью покончить с крайне неэффективной системой кормлений, тем не менее способствовала распространению на значительной части территории страны начал самоуправления, причем на низовом уровне — в городских и сельских общинах — ключевые властные функции (фискальные, полицейские, административно-надзорные и т.д.) вручались непосредственно местным жителям, выходцам из податных сословий. Посему неудивительно, что последним нашлось место и на вновь учрежденных земских соборах, которые по своей репрезентативности выгодно выделялись даже на фоне современных им аналогичных западноевропейских учреждений — благодаря открытости доступа на соборы для представителей черносошного крестьянства и казачества¹⁶⁴.

В то же время параллельно набирали силу крепостнические мероприятия, ставшие своеобразным ответом правительства на рост социальной мобильности в регионах, наиболее пострадавших от боевых действий в период Ливонской войны, а также опричных и дворовых экспериментов Ивана IV. Резкий отток населения из северо-западных, в меньшей степени центральных уездов в южные районы страны, с одной стороны, способствовал распространению русского влияния в новоприсоединенных областях — Среднем и Нижнем Поволжье и Черноземье, однако с другой — привел к депопуляции, а местами полному запустению ранее освоенных территорий, ослаблению боеспособности городских служилых корпораций (и как следствие армии в целом) и подрыву складывавшейся десятилетиями фискальной системы государства. В сложившейся ситуации прикрепление крестьян к земле, а жителей городов к посадам было, в общем-то, необходимой, хотя и непопулярной мерой; в то же время негативные последствия ее реализации, прежде всего в плане влияния на умонастроения податного

¹⁶⁴ Столь широкое сословное представительство наблюдалось разве что в кастильских кортесах периода Реконкисы. Впрочем, участие в работе соборов депутатов от черносошных крестьян можно трактовать как своеобразное свидетельство неразвитости русских средневековых городов и особой городской культуры в целом, а присутствие на них казаков — как показатель слабой освоенности государством степного фронта.

населения, почти никак себя не проявляли вплоть до начала Великого голода 1601-1603 гг.

Наиболее значимые успехи в социально-политическом развитии страны в XVI столетии были достигнуты в сфере централизации органов управления государством. В этой связи необходимо отметить и становление приказной системы, и резкое сужение автономии отдельных регионов, находившихся под властью служилых князей и царевичей, и процесс иммедиатизации основной массы служилых людей, и инкорпорирование почти всех титулованных аристократов в структуры Государева двора. Указанные мероприятия, в свою очередь, не только способствовали скорейшему исчезновению большинства «атавизмов» эпохи удельной раздробленности, но и в решающей степени ускорили становление феномена самодержавной власти.

Хотя становление абсолютизма на русской почве уходит корнями в XV в., до поры до времени его проявления носили сугубо придворный и, по сути, эпизодический характер — вроде запрета боярских отъездов на службу к другим сюзеренам, беспричинных опал на высших сановников, мелочного контроля за младшими представителями правящего дома и т.п. В начале самостоятельного правления Ивана Грозного возможности его влияния даже на свое ближайшее окружение также были в значительной степени ограничены¹⁶⁵, однако спустя всего четверть столетия ситуация кардинально изменилась. Самой лучшей иллюстрацией произошедшей перемены, на наш взгляд, является собственно молчаливо-отстраненное отношение общества к многочисленным авантюрам и сомнительным начинаниям царя — будь то, к примеру, его многочисленные брачные союзы или политический маскарад с передачей престола бывшему касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу.

¹⁶⁵ В этой связи обращают на себя внимание данные монарху боярской думой в 1549 г. неоднократные рекомендации «примириться» с нежеланием прибывшего в Москву на переговоры литовского посольства признавать за ним царский титул, а в еще большей степени — знаменитый эпизод «своеволия» целой группы бояр, далеко не сразу согласившихся присягнуть малолетнему царевичу Дмитрию во время тяжелой болезни Ивана Грозного в марте 1553 г. (подробнее см.: Хорошкевич А.Л. Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // Отечественная история. 1994. № 3. С. 27–29, 35–38).

Столь стремительно набравший обороты процесс абсолютизации царской власти таил в себе вполне очевидную для стороннего наблюдателя опасность отрыва фигуры монарха, персонифицировавшей в своем лице саму идею автократического правления, от государственной машины, поддерживавшей этот почти сакральный статус самодержца; и если самому Ивану IV, сумевшему еще в доопричный период сконцентрировать в своих руках всю полноту власти, вполне удавалось «усмирять крамолу» с помощью периодических аппаратных чисток и акций устрашения, то для всех его куда менее харизматичных ближайших преемников наиболее острым и, добавим, так до конца и не решенным оставался вопрос определения социальной опоры трона.

В свете последних замечаний следует обозначить и другие потенциальные угрозы, с которыми пришлось столкнуться царю Федору Ивановичу и, в особенности, его преемнику Борису Годунову. Прежде всего речь идет о так до конца и не изжитой четко выраженной клановости в среде придворной элиты; более того, на смену старым фамилиям, исчезнувшим в горниле опричных репрессий, на исходе XVI в. пришли новые, «худородные» (например, те же Годуновы), что только обострило местнические споры и борьбу за политическое влияние. Одновременно все заметнее проявлял себя конфликт интересов аристократии и городского дворянства¹⁶⁶. По большому счету, именно эти два феномена сыграли ключевую роль в деле развала сначала армии, а затем и структур гражданского управления на начальном этапе Смутного времени.

Непосредственным прологом к Смуте послужила смерть бездетного царя Федора. И хотя мы, вслед за современниками описываемых событий, не склонны включать в рамки Смутного времени царствование Бориса Годунова, тем не менее назвать

¹⁶⁶ См., например, наши наблюдения над ростом антагонизма во взаимоотношениях князей Шуйских с дворянством их родового Суздальского уезда во второй половине XVI в.: Давыдов М.И. Князья Шуйские и суздальское общество накануне и во время Смуты (к вопросу о предпосылках измены 1608–1610 гг.) // Суздаль в истории России. Материалы Всероссийских научно-краеведческих чтений (г. Суздаль, 2 ноября 2012 г.). С. 39–42.

его правление полностью легитимным, конечно же, нельзя. Сам факт получения трона «зятём Малюты, вчерашним рабом» не мог не обескуражить его коллег-думцев, и это несмотря на то, что фактическим правителем страны Борис являлся, по меньшей мере, ещё с конца 1580-х гг. И дело тут вовсе не в том, что Годуновы не имели никаких законных прав на престол¹⁶⁷, — отмеченная нами выше быстрота становления абсолютизма в России, по сути, не оставляла возможности превращения в «принцев крови» и потенциальных наследников выморочного царства даже таким родовитым аристократам как Мстиславские, Воротынские или Шуйские. Просто получение короны представителем любого из влиятельных в думе кланов автоматически влекло за собой усиление позиций его сородичей, а для членов конкурирующих группировок — «потерьки» (невыгодные служебные назначения) и опалы. Тот же Борис Годунов ещё при жизни царя Федора добился выдвижения на видные посты нескольких родственников, а придя к власти, не только последовательно расправился с Романовыми и Шуйскими, но и увеличил общую численность группировки Годуновых в думе до семи человек. Схожим образом чуть позже поступали и Лжедмитрий I, возвысивший Нагих, и Василий Шуйский, вручивший важнейшие рычаги управления страной своим бесталанным братьям. Посему неудивительно, что при обсуждении кандидатуры будущего царя на Земском соборе 1613 г. симпатии думцев первоначально и вовсе склонялись на сторону иноземцев — принца Карла-Филиппа и королевича Владислава; когда же под нажимом казаков и городских дворян выбор был ограничен только соотечественниками, круг претендентов на получение короны фактически сузился до трех человек — Федора Мстиславского (бездетен), Ивана Воротынского (боковых родственников не имел) и Михаила Романова (из родственников мужского пола у

¹⁶⁷ Единственный формально законный наследник царя Федора — упоминавшийся выше Симеон Бекбулатович, к тому времени уже окончательно ушел из «большой политики» и тихо-мирно доживал свой век в селе Кушалино под Тверью.

него имелись только отец — будущий патриарх Филарет, томившийся в польском плену, и дядя).

Иными словами, солидарная позиция тогдашнего истеблишмента заключалась как раз в стремлении сохранения сложившегося порядка вещей, поскольку принятие царского венца любым (неважно кем) из его представителей неминуемо нарушало десятилетиями складывавшуюся иерархию отношений в придворной среде, не только обостряя соперничество между отдельными группировками аристократов, но и как следствие существенно ослабляя особый статус Государева двора как своего рода закрытого элитарного «клуба»¹⁶⁸.

Необоснованность или, по крайней мере, сомнительность претензий Бориса Годунова на наследование престола в определенном смысле подтверждает и ведущаяся историками вот уже два столетия дискуссия о количестве крестоцеловальных присяг (одной или двух), данных населением царю Борису¹⁶⁹. На наш взгляд, противоречивость на сей счет мнений источников и как следствие разногласие специалистов по данному вопросу уже сами по себе красноречиво свидетельствуют об отсутствии единодушной поддержки в широких слоях общества кандидатуры нового государя.

Обретение верховной власти Борисом Годуновым имело еще одно, как вскоре выяснилось, исключительно важное для судеб страны последствие. Захват трона выходцем пусть из старинной, но захудавшей фамилии (фактически же — возвысившимся в опричную пору временщиком) полностью девальвировал в глазах просвещенной части общества сакральное значение царского венца, могущего принадлежать, как принято было считать в то время, лишь достойному

¹⁶⁸ В этой связи уместно заметить, что именно «разбавление» Государева двора новыми, «неродословными» людьми (вроде тех же Стрешневых, Милославских, Нарышкиных, в разное время роднившихся с царствующим домом) и предопределило, в конечном счете, падение престижа традиционных дворовых структур, закат феномена местничества и постепенное внедрение в России принципа личной выслуги.

¹⁶⁹ Подробнее см.: *Солодкин Я.Г.* Из истории воцарения Бориса Годунова (сколько раз и когда ему «целовали крест»?) // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2010. Вып. 4.

обладателю¹⁷⁰. И уже самому Борису вскоре после начала Великого голода 1601-1603 гг. пришлось столкнуться с тем, чего не довелось испытать ни одному из его предшественников на русском престоле, — острым дефицитом народной поддержки. Сначала тот проявился в охватившем центральные районы страны крестьянском восстании Хлопка Косолапа, затем — в стремительно разгоревшемся и тем самым, скорее всего, ускорившем кончину царя движении Лжедмитрия I. Еще более трагичной оказалась судьба других членов монаршего семейства: не прошло и двух месяцев с момента ухода Бориса из жизни, как его жена и сын были умерщвлены, а дочь сделалась наложницей Самозванца. Столь жестокая расправа и последовавшее за ней посмертное поругание над Годуновыми (их тела погребли на кладбище при Варсонофьевском монастыре, где находили свое последнее пристанище бродяги и самоубийцы) окончательно ознаменовали наступление в стране эпохи полного беззакония, ибо этим актом было нарушено вековое табу — неприкосновенность особы государя. Отныне почти на десятилетие никто из обладателей царской короны уже не мог быть до конца уверенным в преданности своих «приятелей», и ни щедрые пожалования, ни выгодные назначения, предоставлявшиеся фаворитам, — ничто не гарантировало сколь-нибудь прочного будущего носителям шапки Мономаха. Так что и Лжедмитрий I, и Василий Шуйский, и некоронованный Лжедмитрий II, в разное время павшие жертвами заговоров, с полным основанием могли применить к

¹⁷⁰ С предельной прямоотой эта мысль доносится до читателя в одном из самых знаменитых сочинений, посвященных Смуте, написанном непосредственным участником описываемых событий — «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева, текст которого как раз открывается витиеватыми рассуждениями на тему святости царской власти, вpletенными в контекст панегириков «благочестивым самодержцам» Ивану Грозному и его сыну Федору; далее же, переходя к характеристике нравственных качеств и стиля правления «властолюбца», «раба» и «убийцы» Бориса Годунова, «расстриги» и «антихриста» Лжедмитрия, «безумного самовенчника» Василия Шуйского, автор обрушивает на них весь свой запас гневного красноречия; см.: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л. 1951. С. 10, 11, 24–35, 43–46, 51–78, 80–92, 100–105. Благоговейное отношение россиян к царскому титулу отмечали и современники-иностранцы, см.: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: тексты, комментарии, статьи. М., 2007. С. 122, 123.

себе знаменитую фразу «кругом измена, трусость и обман», занесенную Николаем II в свой дневник в день отречения.

С поразительной быстротой «шатость» охватила все слои русского общества; ее наиболее заметным проявлением стали так называемые «перелеты» (порой неоднократные) служилых людей из одного противоборствующего лагеря в другой, что только подчеркивало ничтожное значение данной ими ранее присяги. В войсках усилилось дезертирство; оно приобрело настолько массовый характер, что иногда расположение армии покидали сразу целые уездные корпорации феодалов — в грамотах, изданных правительством Василия Шуйского, даже появилась специальная клаузула для обозначения подобных происшествий: «<имярек> нам, государю, своровал (изменил. — М.Д.), съехал с Москвы с городом вместе». В провинции, где почти повсеместно наблюдался настоящий кадровый голод, «шатость» приняла, как в анекдоте советских времен, форму «колебаний вместе с генеральной линией партии», так что даже несмотря на радикальные изменения общественно-политической обстановки в стране местные управленцы продолжали занимать свои должности десятилетиями, оказываясь востребованными при любом режиме — будь то Борис Годунов, самозванцы или Михаил Романов¹⁷¹.

На фоне всеобщего «воровства» лишь очень немногим удавалось не запятнать свою честь изменой. Прежде всего сказанное следует применить к героям смоленской обороны, продолжавшейся в условиях полной блокады города польскими коронными войсками более 20 месяцев — с сентября 1609 г. по июнь 1611 г. Именно здесь осенью 1610 г., после отказа руководителя гарнизона боярина Михаила Борисовича Шеина исполнить формально законный приказ Семибоярщины о сдаче крепости Сигизмунду III, впервые был дан толчок развитию

¹⁷¹ Весьма показательной в этом плане является карьера владимирского губного старосты Василия Борисова сына Сущева, исполнявшего (кажется, совсем без перерывов) свои обязанности в период по меньшей мере 1595–1614 гг. и фактически «пересидевшего» на этом посту четырех законных царей и еще большее число руководителей городской администрации; см.: *Давыдов М.И.* Вновь обнаруженное известие о деятельности приверженцев Лжедмитрия II во Владимире // Материалы XVII Межрегиональной краеведческой конференции (20 апреля 2012 г.). В 2 т. Владимир, 2013. Т. I. С. 28–29.

земского движения, позднее во всей своей полноте проявившегося в деятельности Первого и Второго ополчений. Также нельзя не упомянуть и о выдающейся роли предстоятелей русской церкви — патриарха Иова, неоднократно и во всеуслышание обличавшего «царя Дмитрия Ивановича» как расстригу Григория Отрепьева и за то подвергнутого ссылке, и патриарха Гермогена, ставшего подлинным духовным лидером освободительной борьбы и не пощадившего своей жизни ради скорейшего избавления страны от интервентов. Однако подавляющая часть и служилых людей, и представителей духовенства вели себя отнюдь не столь прямодушно и последовательно.

Своеобразной визитной карточкой Смутного времени стал феномен самозванчества. В настоящее время исследователям известно о существовании, по меньшей мере, полутора дюжин лжецарей и лжецаревичей, объявившихся как собственно в Смуту, так и уже по ее завершении¹⁷². Такого количества действовавших одновременно, а порой и сообща авантюристов мировая история не знала ни до, ни после. В чем же причина столь высокой «активности» самозванцев? Конечно, немалую роль здесь сыграли отмеченные нами выше изменнические и своекорыстные настроения основной массы служилых людей и сильная зависимость обладателей короны и претендентов на трон от их поддержки; в этой связи вполне уместно провести параллели между ситуацией в России начала XVII столетия и эпохой «солдатских императоров» в Древнем Риме. Однако в том же Риме непрочность «вертикали власти», а также множественные гражданские войны и дворцовые перевороты отнюдь не привели к наводнению империи самозванцами (их общее количество за время почти полувекового кризиса III в. исчислялось единицами).

Поэтому истоки самозванчества представляется более правильным искать в особенностях русской средневековой

¹⁷² Последним по времени появления самозванцем был беглый приказной подьячий Тимофей Анкудинов, выдававший себя за разных лиц, но чаще — за последнего представителя рода князей Шуйских. Почти 10 лет он скитался по Европе, однако в конце концов был выдан русскому правительству и в 1654 г. казнен.

политической культуры. Ведущей формой ее проявления на рубеже XVI-XVII столетий выступал отмеченный нами выше автократизм, подразумевавший помимо прочего сближение и в определенном смысле отождествление понятий «государь» и «государство» с их противопоставлением термину «безгосударство» («безгосударство»), обозначающему не столько само состояние безвластия, сколько слабость «управленческой вертикали»¹⁷³. Однако неверно было бы думать, что именно монарх выступал центральным элементом и мерилom сложившейся в стране системы общественных отношений; подобная «самодержавно-этатистская» концепция окончательно оформилась лишь в Петровскую эпоху. Напротив, как царствующему миропомазаннику правителю скорее отводилась роль высшего земного арбитра, защитника изначально (то есть свыше) заданных нравственно-религиозных устоев.

Таким образом, «не царь творил существующий порядок, а порядок порождает царя, и последний выступал в роли его хранителя», и именно «стабильность установленного Богом порядка возводилась в высшую ценность... Картина станет еще более ясной, если добавить к ней представления о сакральности династической власти в ущерб власти выборного монарха, не успевшей, несмотря на все усилия Бориса Годунова, стать общим местом политической культуры. Именно принцип непрерывности, наследственного характера власти московских государей доминирует в русском политико-правовом сознании не только во времена Ивана Грозного, но и позже...»¹⁷⁴ В этих словах, как нам кажется, и заключается ответ на поставленный выше вопрос. Все известные самозванцы выдавали себя за представителей прежней, «законной» династии, тем самым апеллируя к ностальгическим воспоминаниям населения о

¹⁷³ См., например, любопытные наблюдения на сей счет М.М. Крома в контексте изучения им борьбы придворных группировок в годы малолетства Ивана IV: *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI в. М., 2010. С. 236–239.

¹⁷⁴ *Ананьев В.Г.* «Трудности перевода»: Речь Посполитая и Московское царство на рубеже XVI–XVII веков. К вопросу об особенностях политической культуры // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1. С. 63, 64.

«старых добрых временах», закончившихся с приходом к власти царя Бориса. (Как раз поэтому, добавим, никому из них, конечно, и в голову не приходило объявлять себя чудесно «воскресшим» Федором Годуновым.) Иными словами, россияне столь страстно и явственно жаждали появления фигуры, способной восстановить «старый порядок», можно даже сказать — мессии, что лжеспасители не заставили себя долго ждать.

В этой связи считаем необходимым чуть более подробно остановиться на исходной точке в развитии традиции самозванчества — образе царевича Дмитрия Ивановича, излюбленной личине авантюристов эпохи Смуты (достоверно известно, по крайней мере, о пяти Лжедмитриях — трех «номерных», одном «нenumерованном» — так называемом «астраханском воре» и еще одном «промежуточном», роль которого некоторое время исполнял беглый московский дворянин, один из ближайших сподвижников первого Самозванца Михаил Молчанов). Итак, общеизвестно, что царевич Дмитрий был сыном Ивана Грозного то ли от шестой, то ли от седьмой (в любом случае — невенчанной) жены Марии Федоровны Нагой, после смерти отца жил с матерью в Угличе, где и погиб 15 мая 1591 г. Теперь зададимся вопросом: имел ли он хотя бы чисто теоретические права на получение короны? Ответ тут вполне очевиден — по причине рождения Дмитрия вне законно заключенного брака тот автоматически исключался из очереди престолонаследников. Собственно, этого простого умозаключения многим поколениям специалистов было достаточно для того, чтобы считать вопрос закрытым и далее к нему уже не возвращаться. Парадоксально, но факт: никто из исследователей даже не попытался глубже взглянуть на обозначенную нами проблему, хотя она, несомненно, заслуживает внимания.

Дело вот в чем: Дмитрий Иванович носил весьма необычный титул царевича и князя Углицкого. По сути, за всю историю Русского царства и Российской империи он был единственным отпрыском действующего правителя, удостоенным титула царевича, но при этом никогда официально

не именовавшимся великим князем. Принимая во внимание ту щепетильность, с которой русское правительство в XVI в. относилось к вопросам титулования, полагаем, такое «упущение» не являлось случайностью; наоборот, оно служило укреплению позиций пусть больного и несамостоятельного, но, безусловно, законного царя Федора Ивановича, на корню пресекая любые попытки «подсидеть» его в будущем, под прикрытием имени младшего сводного брата государя. Стало быть, с самого младенчества царевичу Дмитрию вовсе не находилось места в царской семье (и, если говорить шире, — в установленном «порядке вещей»), а сам он низводился до уровня не более чем одного из многих облагодетельствованных высшей властью аристократов¹⁷⁵.

В свете сказанного становится понятным, что и при благоприятном для царевича варианте развития событий (будь то ранняя кончина царя Федора или достижение самим Дмитрием зрелых лет) перспективы занятия им престола в любом случае были более чем ничтожны. А если еще напомнить, что у кормила русской церкви тогда находился консерватор и традиционалист патриарх Иов, то даже самую возможность возведения им на царство бастарда следует решительно отвергнуть.

Все эти аргументы подводят нас к вполне логичному выводу (кстати, разделяемому — на основании целого ряда иных соображений — подавляющим большинством современных исследователей) о том, что для Бориса Годунова на его пути к трону царевич Дмитрий никакой угрозы не представлял и что убийство последнего ничуть не приближало Бориса к получению царской короны. Скорее даже наоборот, негативные последствия подобного шага (возможность разоблачения, обретение ореола цареубийцы) только ухудшали его шансы в

¹⁷⁵ Несмотря на скудность известий, можно уверенно говорить о том, что углицкий удел Дмитрия представлял собой типичную опричнину — в исходном смысле этого термина как вдовьего наследства. Помимо немногочисленных слуг-делопроизводителей, личной охраны и нянек у царевича не было ни своего двора, ни армии — важнейших атрибутов суверенитета, а его «администрацию» и вовсе возглавлял специально для того присланный из Москвы соглядатай дьяк Михаил Битяговский. В этом смысле положение Дмитрия было куда как менее завидным и самостоятельным, чем у современных ему татарских служилых царевичей.

протекавшей пока еще латентно предвыборной гонке за титул государя, в которой на момент гибели Дмитрия Борис и так являлся безусловным фаворитом. В этой связи более полное объяснение получают и причины назначения главой думской следственной комиссии по угличскому делу давнего недруга Бориса Годунова боярина князя Василия Шуйского (будущего царя), который так и не смог собрать сколь-нибудь убедительных доказательств причастности ненавистного многим временщика к насильственной смерти царевича.

Однако, как всем хорошо известно, именно на Бориса — «виновника» всех бед эпохи правления царя-праведника Федора и узурпатора трона, — общество возложило ответственность за угличское происшествие. Еще более показательным дальнейшее развитие легенды о царевиче; сначала, играя на контрасте между «убийцей» и «убиенным», массовое сознание постфактум легитимизировало статус последнего до уровня полноправного члена династии, а там уже было и рукой подать до возникновения слухов и пересудов о его чудесном якобы «спасении». Можно утверждать почти наверняка, что такого рода мифотворчество тайно поддерживалось и направлялось кем-то из «сильных мира сего» (благо у Бориса Годунова хватало явных и мнимых врагов); тем не менее полагаем, основная роль в этом процессе принадлежала все же социальным низам, наиболее страдавшим от неурядиц, знаменовавших наступление XVII столетия. Поэтому и ставший расхожим афоризм В.О. Ключевского, что Лжедмитрий I «был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве», который сам автор истолковывал лишь в русле конспирологических теорий¹⁷⁶, уместнее, кажется, понимать в более широком смысле — как своего рода «срез» социальных настроений и ожиданий, характеризовавших последние годы пребывания царя Бориса у власти.

Оправданность такого подхода весьма красноречиво подтверждается собственно самой непродолжительностью нахождения у власти первого Самозванца. Выражаясь словами

¹⁷⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1908. Ч. 3. С. 36, 37.

героев гайдаевских комедий, он не просто не оправдал оказанного ему «высокого доверия», но и благодаря своему самонадеянному поведению, неприличествующему русскому монарху¹⁷⁷, менее чем за год заставил всех окружающих убедиться в том, что «царь — ненастоящий». Этот урок был очень хорошо усвоен последующими авантюристами. Во всяком случае, они не только не пытались строить из себя «реформаторов», но и, напротив, старались (по крайней мере внешне) соответствовать в своих поступках общепринятой политической практике.

Помимо бурного развития феномена самозванчества еще одной заслуживающей внимания особенностью Смуты следует назвать некоторую либерализацию самого характера взаимоотношений государя со своими подданными, прежде всего — служилыми людьми. Старая парадигма, не без надменной гордости озвученная однажды Иваном Грозным и, несомненно, являвшаяся его жизненным кредо, — «а жаловати есмь своих холопей вольны, и казнити вольны же есмь»¹⁷⁸, — еще в правление Бориса Годунова уступила место новой, основанной на компромиссах идее о своего рода «классовом единстве» сословия феодалов в целом перед лицом разнообразных внутренних и внешних вызовов.

Однако во всей полноте эта тенденция к ограничению, точнее даже к самоограничению самодержавной власти проявила себя лишь при Василии Шуйском. В первый же день царствования, 19 мая 1606 г., он целовал крест населению страны, гарантируя подданным справедливый суд, а также полный отказ от методов внесудебной расправы и практики

¹⁷⁷ Здесь можно отметить и ношение Лжедмитрием I немецкого платья, и редкое посещение бани, и устройство на Москве-реке «ада» (своего рода аналога западноевропейской дьяблерии — театрализованной мистерии с участием «бесов» и «чертей»), и собственноручное подписание им государственных документов (кстати, последний «грех» вошел и за Лжедмитрием II), и все это — далеко не полный список «нововведений», учрежденных Расстригой. Таким образом, самозванец в противовес заранее приложенному к нему образу «законного» царя как будто нарочно вел себя «не по обычаю», резко порывая с привычным для россиян укладом жизни. Окончательно же чашу терпения москвичей переполнила женитьба авантюриста на католичке Марине Мнишек и ее коронация.

¹⁷⁸ Первое послание Ивана Грозному князю Андрею Курбскому (2-я пространная редакция) // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 74.

конфискации имущества у родственников осужденных¹⁷⁹. Уже сам факт принесения присяги правителем своим подданным (впервые более чем за 300 лет¹⁸⁰) и заключения с ними некоего подобия общественного договора весьма показателен. Конечно, его необходимо рассматривать в контексте общего ослабления управленческих рычагов и авторитета верховной власти, как своего рода инструмент социального партнерства, направленного на обретение поддержки со стороны имущих слоев населения.

В то же время, давая оценку поступку царя Василия, нельзя обойти вниманием следующий любопытный момент. Именно договорные начала в отношениях короля и шляхты, скрепленные целым рядом взаимных обязательств, являлись краеугольным камнем и высшей ценностью государственного строя Речи Посполитой. В этой связи рискнем предположить, что одним из плодов короткого правления Лжедмитрия I, ознаменовавшегося резким расширением контактов страны именно с ближайшим западным соседом, могло стать ознакомление и в определенной степени усвоение россиянами отдельных элементов политической практики, принятой в Польско-Литовской державе; таким образом, «внезапное» возрождение обычая государева крестоцелования необходимо понимать в том числе и как свидетельство признания самой верховной властью смены мировоззренческих установок, произошедшей в массовом сознании подданных.

То, что эти изменения носили не сиюминутный характер, а напротив, способствовали дальнейшей артикуляции и агрегации социально значимых интересов, то, что соборный (основанный на солидарном волеизъявлении монарха и народа) принцип принятия решений общенациональной важности стал на

¹⁷⁹ См. текст этой крестоцеловальной записи: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. № 141.

¹⁸⁰ В землях Северо-Восточной Руси этот традиционный институт легитимации власти полностью исчез вскоре после установления ордынской зависимости, то есть еще в XIII столетии. С тех пор крестоцелование князей сохраняло свое юридическое значение лишь в соглашениях с равностатусными субъектами (другими князьями, Новгородом и Псковом — до потери ими независимости, главами иностранных государств), но никак не с субъектами неравноправными (то есть собственными подданными).

некоторое время нормой государственного строительства, подтверждают позднейшие события царствования Василия Шуйского вроде амнистии подданным за нарушении присяги, данной ими Борису Годунову, или судебного процесса над лжецаревичем Петром Федоровичем¹⁸¹. Еще более отчетливо (и, добавим — в контексте оценки масштаба влияния политических практик Речи Посполитой на русскую действительность, — под непосредственным влиянием положений Литовского статута 1588 г.) договорное начало во взаимоотношениях (потенциального) суверена и подданных проявилось в переговорах тушинцев с Сигизмундом III (февраль 1610 г.), а затем и правительства Семибоярщины с польным гетманом Станиславом Жолкевским (август 1610 г.) об условиях принятия московской короны королевичем Владиславом¹⁸².

Однако в наиболее законченном виде принцип соборности воплотился во вновь установившемся при Василии Шуйском обычае периодической рассылки по городам грамот от имени царя или патриарха с уведомлением местных сообществ о ходе дел в государстве и наиболее важных происшествиях, случившихся в последнее время. Эти грамоты адресовались «миру» и торжественно зачитывались на народных собраниях в соборах и на площадях. Вполне очевидно, что помимо осуществления основной своей цели — информирования населения страны о ходе текущих событий, указанная мера в решающей степени способствовала усилению чувства причастности жителей даже самых отдаленных регионов к общему «государеву и земскому делу» и формированию у них основ гражданской культуры.

И все же, полагаем, было бы неверным упрощать ситуацию, связывая появление первых ростков гражданственности исключительно с инициативами верховной власти и влиянием суровых испытаний Смутного времени. Нет, эти всходы набирали силу на уже подготовленной и удобренной почве, а живительной средой для них являлось наследие

¹⁸¹ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 156, 157.

¹⁸² Там же. С. 157–159, 162–166.

земских реформ середины XVI столетия, предоставивших населению страны начатки самоуправления. Кстати, во многом именно поэтому после низложения Василия Шуйского и оккупации Москвы поляками вместо полного разрушения русской государственности произошла лишь ее автономизация, проявившаяся в скорейшем формировании и дальнейшей самоорганизации сразу нескольких новых очагов сопротивления самозванцам и иностранным интервентам.

В свете прозвучавших выше замечаний об истоках, особенностях развития и формах проявления договорного (соборного) начала, считаем необходимым подробнее остановиться и на вопросе о дальнейшей эволюции этого феномена в рамках земского движения. Не ставя под сомнение общепринятую точку зрения об освободительной направленности последнего и его опоре на идею защиты православной церкви от «прелестей латинства», мы в то же время склонны рассматривать оное еще и как движение национальное. При этом, добавим, более правильной нам представляется трактовка обозначенной национальной компоненты не в узком, этноориентированном аспекте (хотя, на первый взгляд, именно такое ее прочтение вроде бы предлагают дошедшие до нас источники¹⁸³), а, наоборот, в ее широком смысле — как гражданского сообщества.

В этой связи обратим внимание на весьма показательное (по случаям употребления) сочетание двух клаузул, нашедших широчайшее применение в текущей делопроизводственной практике эпохи Первого и Второго ополчений. Первая из них — «по совету Всея Земли» — почти неизменный атрибут исходящих служебных распоряжений лидеров освободительного движения. Как видим, авторитет «мира», пусть даже и в несколько формализованном виде, осознавался участниками политического процесса в качестве значимого фактора легитимации управленческих решений; при этом сами

¹⁸³ Своего рода общим местом в дошедших до нас от эпохи Смуты документах и литературных произведениях является последовательное противопоставление «православных крестьян» польским и литовским людям, казакам (донским), черкасам (запорожцам) и «русским ворам».

ополченцы выступали скорее выразителями общей воли, нежели ее средоточием.

Вторая клаузула — «Великие Российские державы Московского государства боярам и воеводам <имярек> челом бьет», — появившаяся на свет в июле 1610 г. где-то в недрах столичных приказов в силу вполне очевидной «производственной необходимости»¹⁸⁴, первоначально исполняла функцию своеобразного адреса правительства Семибоярщины. Однако по мере падения авторитета и превращения последнего в беспомощную группу коллаборационистов это устойчивое выражение было подхвачено и поднято на щит его основными антагонистами — правительствами Первого и Второго ополчений. Пикантность и парадоксальность возникшей ситуации заключалась в том, что если бояре-«сидельцы» территориально действительно располагались в Москве и подчинялись «законному» государю королевичу Владиславу, то их противники не только не имели единого общепризнанного лидера, но и не могли овладеть столицей вплоть до конца октября 1612 г.

Впрочем, основной наш интерес к рассматриваемой клаузуле обусловлен совсем иными причинами. Дело в том, что само выражение «Великая Российская держава», а также его реже встречающийся вариант «Великой России держава» являлись, по большому счету, неологизмами; по крайней мере, их никак нельзя отнести к общеупотребительной части тогдашнего политического лексикона. Более того, если в Западной Европе и Византии понятие «Великая Россия» было известно самое позднее с XII в. — как обозначение сначала Киевской Руси, а затем по преимуществу Руси Северо-Восточной, то собственно в Русском государстве оно стало использоваться, причем весьма ограниченно, лишь с середины XVI в. и только спустя столетие, в связи с принятием царем Алексеем Михайловичем в марте 1654 г. титула «Всея Великие и Малые

¹⁸⁴ Традиционная форма *inscriptio* (то есть протокольного обращения) — «царю государю и великому князю» — после свержения Василия Шуйского и перехода верховной власти в руки боярской думы, разумеется, уже не могла более использоваться и требовала скорейшей адекватной замены.

России самодержца», окончательно вошло в повседневный обиход¹⁸⁵. Этимология выражения «Московское государство» тоже ведет нас на Запад, конкретно — в Литву и Польшу, где кабинетный термин «Московия» (а также его производное «московиты» — наименование жителей страны) не только зародился, но и активно использовался, еще с конца XV в., в ориентированной на Европу антирусской пропаганде, сопровождавшей ожесточенный спор Москвы и Вильны за обладание наследием Киевской Руси¹⁸⁶.

В свете сказанного возникает закономерный вопрос: что же сподвигло лидеров освободительного движения на использование этих, добавим, совершенно незнакомых до той поры большинству россиян понятий? Ответ на него, как нам кажется, лежит на поверхности. С началом открытой интервенции традиционный обобщающий термин «Вся Русь», доселе являвшийся лишь геополитической химерой в воображении русских и польско-литовских дипломатов — первые подразумевали под ним в том числе претензии России на обладание белорусскими и украинскими землями, вторые против этого яростно протестовали, — неожиданно стал не просто фактом политической действительности, но и реальным козырем в руках польской короны, стоявшей в одном шаге от действительного объединения всех русских земель под властью своего скипетра. Поэтому для ополченцев апеллирование ко «Всей Руси» было в определенной степени даже опасным. Зато выражение «Вся Земля» четко и лаконично пропагандировало преимущества общественно-государственного устройства живущей по принципу «соборного согласия» свободных сословий Московской Руси в сравнении с Русью Литовской, где подобные «вольности» распространялись лишь на шляхту.

Термины «Великая Россия» и «Московское государство» выполняли иную функцию. Они обозначали пределы

¹⁸⁵ Соловьев А. [В.] Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7 (в особенности см.: С. 25, 28, 31, 34–38).

¹⁸⁶ Подробнее см.: Хорошкевич А.Л. Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-slavica: Rocznik poświęcony kontaktom słowiańsko-bałtyjskim w dziedzinie historii, językoznawstwa i kultury materialnej. Warszawa, 1976. Т. X.

территориальных притязаний освободительного движения, а равно и его культурно-конфессиональную основу. Иными словами, ополченцы тем самым заявляли населению разоренной страны, что не собираются воевать «до победного конца»; их конечная цель — лишь освобождение столицы и восстановление целостности государства. Не менее значим и другой подспудно формулируемый посыл — «русские» Речи Посполитой (белорусы и украинцы), принявшие самое активное участие в интервенции, а чуть ранее, в 1596 г., в большинстве своем вступившие в унию с католиками, отныне уже не могут претендовать на право называться «своими» в «Великой России».

Конечно, произошедшее во время кульминационного этапа Смуты переосмысление привычной картины мира, отказ от идеи «русского единства» носили в значительной степени имманентный характер и потому, например, не привели к окончательному оформлению национального самосознания у жителей будущей Великороссии «по горячим следам» описываемых событий. И все же отдельные эпизоды из русской истории XVII в. вроде полувековой напряженной борьбы за возвращение Смоленска (напомним, тот являлся своего рода символом противостояния интервентам) или уже упоминавшегося выше факта принятия Алексеем Михайловичем титула сначала «Всея Великие и Малые России самодержца», а затем и «Всея Великие и Малые, и Белые России самодержца», свидетельствуют, что определенные перемены в умонастроениях общества по сравнению с началом столетия, несомненно, имели место.

Заслуживающим особого разговора событием Смутного времени является «обирание на царство» Михаила Романова. Само по себе оно, разумеется, не привело к быстрому окончанию гражданских неурядиц¹⁸⁷ и иностранной

¹⁸⁷ Марину Мнишек и ее сына Ивашку Воренка правительственным войскам удалось нейтрализовать лишь к лету 1614 г., а казацьи «рейды» и вовсе продолжались вплоть до рубежа 10–20-х гг. XVII в.

интервенции¹⁸⁸, однако имело очень важное символическое значение. В этой связи следует, прежде всего, указать, что Михаил Федорович стал первым после Бориса Годунова царем, избранным полноценным Земским собором, и это в решающей степени упрочивало его положение на троне. Однако если мы посмотрим на Собор 1613 г. в контексте развивавшихся в предшествующее десятилетие демократических тенденций во взаимоотношениях между государем и народом, то окажется, что общенациональное (или близкое к таковому) представительство являлось, пожалуй, единственным подлинным достоинством интересующего нас совещания. В грамоте, утвердившей Михаила на престоле, уже не видно никаких следов договорного начала; напротив, ее текст наполнен пышными эпитетами с выражением «верноподданнических чувств» и предостережениями о недопустимости возвращения страны к «безгосударному» (то есть к отличному от режима автократии) правлению, а основным фактором легитимации власти нового монарха обозначено его близкое родство с «благодарным» царем Федором Ивановичем. Поражает также общий объем рассматриваемого документа, превышающий в печатной публикации полсотни страниц (и это без учета еще 20 страниц подписей участников собора)¹⁸⁹; по сути, он «представляет собой историко-политический трактат, прославляющий самодержавие как строй, освященный христианской (православной) церковью. Доказывается его исконность в России и дается официальная концепция Смутного времени как кризиса самодержавия...»¹⁹⁰.

К сожалению, приходится только гадать, чем было обусловлено столь резкое изменение направления развития политического дискурса. Конечно, свою роль тут сыграло родство

¹⁸⁸ Если Столбовский мир (1617 г.) действительно знаменовал собой полное окончание противостояния между Швецией и Россией, то Деулинское соглашение с Речью Посполитой (1618 г.) было лишь перемирием, причем весьма унижительным лично для русского государя — ввиду закрепления в тексте документа права королевича Владислава именоваться русским царем.

¹⁸⁹ См. публикацию источника: Утверженная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / сост. С.А. Белокуров. М., 1906.

¹⁹⁰ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 191.

вновь избранного царя с полностью законной династией «самодержцев», что давало ему своего рода карт-бланш на восстановление прежних порядков. Также нельзя отрицать влияния на умонастроения общества конкретных обстоятельств, сопровождавших ход Собора 1613 г.¹⁹¹ Как бы то ни было, реставрация автократической модели правления стала свершившимся (и, добавим, общепринятым) фактом, а ее дальнейшая эволюция после возвращения из польского плена патриарха Филарета привела к формированию в 20-е гг. XVII в. такого необычного способа реализации старого византийского принципа симфонии властей как «самодержавный тандем» главы государства и главы церкви.

Подводя итоги, еще раз вернемся к вопросу, озвученному нами в начале главы. Итак, соответствует ли идеологическая подоплека Дня народного единства историческим реалиям? Ответ будет и «да», и «нет». «Да», потому что именно идеи восстановления государственности, сплочения россиян ради «земского дела» и позволили, в конечном счете, преодолеть Смуту. И в то же время «нет», потому что, в итоге, из всего многообразия возможных вариантов дальнейшего развития страны был выбран как раз тот, который знаменовал возвращение к старым политическим практикам с их полным отказом даже от самой идеи о допустимости диалога между верховной властью и подданными, вследствие чего уже очень скоро по историческим меркам, в середине – второй половине XVII столетия, негативные последствия этого шага во всей полноте проявили себя в целой череде народных восстаний.

¹⁹¹ На этом совещании тон задавали представители казачества, выступавшие резко против любых попыток ограничения власти нового государя (в обмен на гарантии дальнейшего сохранения казацкой «вольницы»). Им оппонировали члены боярской думы и дворянского ополчения, однако авторитет первых сильно пострадал от их сотрудничества с интервентами в предшествующее время, а вторые не только не имели на совещании заметного представительства (большинство участников освобождения столицы к тому моменту уже разъехались по домам), но и в значительной мере были деморализованы резкой сменой модели поведения недавних вождей освободительного движения — князей Трубецкого и Пожарского, — которые вместо ожидавшегося от них «бережения вдовствующего царства» от разного рода авантюристов сами активно включились в избирательную гонку.

ГЛАВА 6. РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И НЕПРАВОСЛАВНОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Глава посвящена организации системы взаимоотношений между государственными органами власти в Российской империи на рубеже XIX –XX вв. и неправославным населением. Рассматриваются наиболее многочисленные его группы – католики и мусульмане. Показана вся система выстраивания этих отношений до издания закона о веротерпимости 17 апреля 1905 г. Проанализировано, что успели и что не успели сделать власти к этому времени и каким образом религиозный фактор оказал свое воздействие на дальнейшее политическое развитие Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, православное население, католики, мусульмане, мечеть, веротерпимость, законы.

Период российской истории последней четверти XVIII - начала XX в. является весьма показательным для развития российской государственности. В этот период страна достигла максимальных размеров, усложнилась структура государственных органов и включала многие религиозные конфессии.

Успешно управлять таким государственным образованием можно было только выработав эффективную политику в отношении основных неправославных исповеданий. Поэтому и интерес к ним в стране был всегда высоким из-за постоянной напряженности на протяжении последней четверти XVIII - начала XX в. в отношениях с мусульманским миром (Османская империя, Персия, Кавказ), римским престолом из-за судьбы католического населения России, особенно в Царстве Польском, и нерешенностью проблем с иудеями в западных губерниях. Так,

французский литератор Франсуа Ансело, посетивший Россию летом 1826 г. в составе французского посольства для участия в торжествах по случаю коронации Николая I, обратил внимание на старое стрелецкое знамя. «На нем изображены ад и рай. В аду помещаются евреи, татары, турки, поляки - словом все чужестранцы»¹⁹².

Во многом от решения вопроса взаимоотношения между государственными органами и этими неправославными исповеданиями зависела судьба наиболее многоконфессиональной страны того времени – Российской империи. Анализ разнообразных документов позволяет нам проследить ход выработки решений по этим важным проблемам.

Основные принципы отношений с конфессиями были отражены в проводимой властями национальной политике. Известный исследователь национального вопроса в Российской империи В.С. Дякин отмечал, что: «Термин «национальная политика» используется условно, так как, строго говоря, у самодержавия не было должного единства в этом вопросе...»¹⁹³ Другой исследователь Б.Н. Миронов отмечает: «...Территориальная экспансия привела к тому, что Россия превратилась в многонациональную империю, в которой «титულიная» нация оказалась в меньшинстве. В 1646 г. на долю русских приходилось около 95% всего населения страны, к 1917 г. – 44,6%. В составе империи насчитывалось около 200 больших и малых народов, различных по религии, языку и культуре, на долю которых приходилось 55,4% населения... С народами, имевшими государственность, заключался формальный договор. С теми же, кто ее не имел, дело ограничивалось принесением присяги на верность русскому царю. При добровольном присоединении отношения между государствами строились в соответствии с договором, который, однако, не создавал федерации: присоединение осуществлялось в форме

¹⁹² Ансело Ф. Шесть месяцев в России... М., 2001. С. 64.

¹⁹³ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX-начало XX в.). СПб., 1998. С. 11.

протектората, переходившего со временем в полное подчинение. Иначе решался вопрос при завоевании. В этом случае административное и общественное устройство завоеванных областей зависело от воли России, которая обычно предоставляла завоеванной области широкую автономию, однако не приводившую к ее обособлению в отдельное государство. Степень автономии зависела от многих обстоятельств. Но первым основным принципом политики на инкорпорированных территориях являлось сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. При лояльности к центральной власти автономия увеличивалась, как это было с Финляндией, при проявлении враждебности и сепаратизма автономия сужалась, как это было с Польшей после восстаний 1830 и 1863 годов. Проходило несколько десятилетий, иногда столетий, прежде чем вводились общероссийские порядки, но вплоть до 1917 г. полной административной, общественной и правовой унификации в так называемых национальных окраинах и великороссийских губерниях не произошло... Вторым, после уважения статус-кво, краеугольным принципом национальной политики являлось широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, что облегчало для центральной власти управление новой территорией. Типичный пример дает Левобережная Украина, присоединение которой произошло без особых осложнений благодаря тому, что украинская элита вошла в состав российского дворянства на равных с ним правах. Третий основной принцип национальной политики состоял в создании некоторых преимуществ в правовом положении нерусских сравнительно с русскими: [они] не закрепощались, не рекрутировались в армию наравне с русскими, имели налоговые льготы и др. Согласно четвертому принципу национальной политики этнические и национальные категории не служили определяющими для продвижения по социальной лестнице.

Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными, включавшими протестантов-немцев и финляндцев, татар-мусульман, католиков-поляков и представителей многочисленных нерусских народов... Составной частью многонациональной правительственной политики являлось то, что правительство с помощью налоговой системы намеренно поддерживало такое положение в империи, чтобы материальный уровень жизни нерусских, проживавших в национальных окраинах, был выше, чем собственно русских, нерусские народы всегда платили меньшие налоги и пользовались льготами... Перечисленные принципы национальной политики оставались общими для всего периода империи, но их реализация в существенной степени зависела от отношения к русскому господству со стороны элиты инкорпорированного народа и других факторов. Во-первых, важную роль играли традиции государственности и высокоразвитой культуры, т.е. имел или не имел народ до присоединения свою территорию, границы, признаваемые мировым сообществом, администрацию, писанные законы, письменность, искусство, литературу и т.д. Эти традиции влияли как на политику российского правительства, так и на поведение национального меньшинства. Яркий пример – Польша и Финляндия. Польша имела традиции государственности, Финляндия – нет. В результате в одном случае – непрерывная война, закончившаяся разрывом, во втором – сотрудничество, закончившееся мирным разводом. Во-вторых, существенное значение имело сходство или различие религий и культур. Сравнительно мало проблем русскому правительству доставляли Грузия, Армения, Украина, Белоруссия и Молдавия и очень много – мусульманские народы. Христианские народы, за исключением поляков, оказывали несравненно меньшее сопротивление русской экспансии, чем исламские»¹⁹⁴.

¹⁹⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). Т. 1. СПб., 2000. С. 25, 30, 31, 32, 33, 35.

В работе «Толерантность» отмечается: «...на территории России сохранились этносы, не превышающие в своем числе нескольких тысяч и даже сотен человек, в то время как в Западной Европе давно исчезли с лица земли такие многочисленные народы, как бретонцы, гасконцы, бритты, пруссы и т.д. ...В процессе становления российской цивилизации между историческими деноминациями России сложились, хотя и не сразу, в целом достаточно лояльные отношения, основанные на взаимоуважении и веротерпимости. Традиционные религиозные организации – Русская православная церковь, организации мусульман или буддистов – не занимались взаимным прозелитизмом, до сегодняшнего времени не вторгались на «религиозную территорию» доминирующей в данном этносе или регионе религии с агрессивной проповедью своей веры, равно как и доминирующая Русская православная церковь не препятствовала исповеданию и отправлению культа других религий на своей канонической территории... В настоящее время, напротив, наблюдаются попытки перевести межэтнические и политические конфликты в религиозную сферу, подорвать целостность России, в том числе и по религиозным основаниям»¹⁹⁵.

Во многих регионах Российской империи преобладало именно неправославное население, что подталкивало власти к выработке политики по включению таких анклавов в структуру государственного управления, существующего на территории остальной России. При этом государственная власть должна была учитывать сложившуюся специфику межконфессиональной ситуации в таких регионах и обеспечить плавное их вхождение в общероссийские структуры. Процесс выработки такой политики, ее внедрения на местах, положительные и отрицательные моменты – все это является бесценным опытом для инициаторов сегодняшних реформ.

Большое значение имеет для решения вопроса межконфессиональных отношений взаимосвязь центра и провинции, верховной власти и регионов дореволюционной

¹⁹⁵ Толерантность / Общ. ред. М. П. Мчедлова. М., 2004. С. 256, 257.

России, где аккумулировались многие межконфессиональные проблемы нашей страны. Опыт изучения решения таких вопросов может оказаться чрезвычайно ценным и полезным в современной России.

В 80-е гг. XIX в. в России назрела необходимость решения проблем католического населения в Польше¹⁹⁶. В этом плане можно выделить две характерные записки, направленные в департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, которые отражали взгляды большей части православного населения России. С.Т. Зленкин из Житомира от 1 марта 1886 г.: «Проект мер для разрешения польского вопроса в смысле единения польского элемента Привислинского края с русскими и Польши с Россией в духе общеславянском». Вторая записка принадлежит статскому советнику Н. Ковалевскому из г. Красностава Люблинской губернии, датируемой 20 января 1887 г. под названием «Необходимые мероприятия в Привислинском крае»¹⁹⁷.

В своей записке С.Т. Зленкин пишет: «Необходимо привести к полному согласию между собой и единению двух отраслей одного и того же славянского корня. Профессор-патриот Погодин в своем сочинении о польском вопросе говорит: поляки должны искать спасение своей национальности в общеславянском православии. Польский патриот Чайковский (бывший турецкий Садык-паша) в письмах к знакомой пишет, что враждебно относится к русским и правительству не полонизм, а польский католицизм. Поэтому поляки вне православия славянского, оставаясь при романско-римском католичестве, останутся вечно враждующими и ненавидящими русских и Россию. Все это вредно действует на весь славянский элемент Западной и Восточной Европы и в будущем принесет много хлопот и вреда для России, а для самих поляков уничтожение их

¹⁹⁶ Во многом такое положение было вызвано желанием новой коронной администрации выработать эффективную политику для достижения полного усмирения российской части Польши и лояльности католиков российской власти. В итоге серьезное внимание стали обращать на мнение населения страны в решении этих вопросов.

¹⁹⁷ Остальные письма в департамент духовных дел иностранных исповеданий намного уступают им по объему, но по сущности практически не отличались.

национальности и языка и польской земли по развитию в ней немецкого элемента все отойдет к Германии»¹⁹⁸.

Далее он дает развернутый план решения «польского вопроса»:

«1. Предоставить самим полякам Польши стремиться к сближению и единению их с русскими. Для этого необходимо образовать в Привислинском крае славяно-польское православие и предоставить ему средства вытеснения из польского элемента чуждого и непонятного латинского католичества. Книги церковные и гражданские для православных поляков должны быть, как и письменность, не из латинских букв, а из букв русского алфавита.

2. Обеспечить быт православного духовенства в крае так, чтобы священники не нуждались и не делали дополнительных поборов.

3. Православные церкви ни по внешнему виду, ни по внутреннему убранству не должны отличаться от католических костелов. В результате католики будут легко переходить в православие.

4. Развивать миссионерскую деятельность в православном духовенстве. За что награждать священников за распространение православия в крае.

5. Открыть для православных поляков в г. Варшаве два органа периодической печати на польском языке с русскими печатными буквами.

6. В низших и средних учебных заведениях необходимо разрешить первоначальное преподавание польского языка по два урока в неделю обязательно для поляков православных и католиков. Учебники польские должны быть отпечатаны русскими буквами печати и преподаваться по тем же русским буквам. Все польские учебники, отпечатанные латинскими буквами, изъять из печати.

7. Государственное делопроизводство, переписки духовных консисторий, метрические свидетельства должны производиться на государственном русском языке.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 103. Л. 43.

8. Римско-католическим ксендзам ни под каким видом и предлогом не разрешать производить богослужение по костелам из латинского в польский язык. Латинский язык чужд славянскому племени и непонятен польскому народу, а если вместо него разовьется польский язык, то переход в православие народа затормозится. В костелах северо-западных и юго-западных губерний не следует допускать русского языка, т.к., по мысли Каткова, русские крестьяне, которые ходят в польские костелы там, будут делать это чаще и их легче будет обдурить ксендзам.

9. За противодействие к распространению православия ксендзов штрафовать.

10. Правительство должно отдавать предпочтение православному польскому элементу перед католическим, но без стеснения и принуждений.

11. Государственный крестьянский банк должен скупить все продаваемые помещиками имения и заселять на них русских православных переселенцев.

12. Порочных лиц с семейством (конокрады, воры, поджигатели) ссылать в губернии Великороссии, а на их место водворять православных¹⁹⁹.

Н. Ковалевский называет следующие причины российских трудностей в Польше, предлагая свои меры к их разрешению. Он пишет: «Причина тяжелого положения землевладельцев в Польше после восстания 1863 г. кроется в непомерных долгах, сделанных в большей части для поддержания восстания и бегства за границу нежелавших явно принимать участие в нем. Опыт 1863 г. дорого стоил полякам и не прошел совершенно бесследно: они кое-чему научились и пришли к убеждению, что Европа им не поможет в их затеях. Мечтательность вообще присуща полякам, и чем выше стоит поляк-шляхтич (вообще сюртучник) в умственном и материальном отношении, тем мечтательность его увеличивается. К их полной характеристике следует добавить, что они также замечательно дисциплинированы, почему у них так легко устанавливается и

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 103. Л. 43 об., 44, 44 об., 45, 45 об., 46.

разносится во все концы общественное мнение, нужное для вожаков. Неоказание защиты гонимым за русский дух очень дурно отражается на мыслящем латинском клире. Главным врагом России является не полонизм, а именно католицизм, дающий тон всей польской стране. Без него идеи независимой Польши будут занимать умы только высшей польской аристократии. Можно фактами заставить признать пользу и разумность распоряжений правительства и тем самым поселить уважение к русским. Хотя особых симпатий и любви поляков этим и не приобретешь, но самый факт уважения, обусловливаемый беспристрастными и честными действиями русских властей на пользу общества, был бы залогом сдержанности польских агитаторов и отчасти служил бы отрезвляющим и воспитательным средством.

Правительство должно озаботиться, чтобы удержать в народе Польши ту благодарность и веру, которые он чувствует к русским за оказанные ему благодеяния, а равно влиять на интеллигентные классы отрезвляющим образом. Цель эта может быть достигнута при следующих мероприятиях: 1) увеличить число православно-русских землевладельцев, которые действительно проживали бы в своих имениях и вели бы свое хозяйство; 2) покровительство всякому русскому предприятию, склонному к распространению в польских обществах исторических познаний о себе и католической вере; 3) облегчение перехода фольварковых земель в руки крестьян для разделения на мелкие участки; 4) реформа католических семинарий; 5) действительная защита и награждение орденами тех ксендзов, которые оказывают какую-либо услугу органам правительственной власти; 6) ограничение пожалований придворными титулами польских помещиков; 7) уменьшение, по мере возможности, чиновничьего персонала вообще, а польского в особенности. При реформе католических семинарий обратить серьезное внимание на усиление преподавания догматического богословия и всеобщей истории; прибавить как особые курсы историю Польши и историю распространения и утверждения католичества в Польше и его влияния на судьбы

польского государства и польского народа. Кроме школы воспитательное значение имеет отношение к народу чиновников, в которых народ видит агентов православия. Особенно чиновники административного и судебного ведомства – так как они чаще всего сталкиваются с народом. Административные должности переполнены поляками, которые часто сознательно стараются вызвать в народе неудовольствие»²⁰⁰.

В итоге политика, которую проводило российское правительство в Польше после восстания 1863-1864 гг., во многом было созвучно духу записок. Таким образом, делая вывод из всего вышеизложенного, следует сказать, что к обсуждению судьбы Польши проявило интерес, прежде всего, население Западного края как ближайшие соседи региона. Главная их идея состояла в следующих положениях: оторвать поляков от католического влияния, которое всецело враждебно России и ее интересам, так как подталкивает поляков-славян к немецкому влиянию и будущему поглощению Германией. В качестве мер предлагалось ввести в Привислинском крае славяно-польское православие, ведущее богослужение на книгах, основанных на русском алфавите. Богослужение проводить в православных храмах, которые по внешнему виду и убранству не должны отличаться от католических, постепенно переводить все делопроизводство в крае на русский язык. Среди наиболее часто встречающихся можно выделить и проблемы заселения польского края православными землевладельцами, которые помогут укрепить основы православия в крайне западных землях Российской империи. Провести реформу католических семинарий, где усилить преподавание догматического богословия и всеобщей истории. Особое место уделив истории Польши, распространению и утверждению там католичества и его влиянию на судьбу польского государства и польского народа.

Таким образом, подводя итоги рассмотрению деятельности правительства в Российской империи в отношении подданных-

²⁰⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 103. Л. 47, 47 об., 50, 50 об., 53, 54 об., 55, 55 об., 56, 65 об., 77.

католиков, следует отметить, что главной задачей российской власти начиная с конца XVIII в. являлась идея создания собственной католической церкви в России, полностью независимой от римского престола. Такая позиция руководства страны находит понимание если исходить из защиты государственных интересов России. К этому следует добавить в целом враждебную позицию римского католического руководства к православию, олицетворением которого служила Российская империя. Высшим католическим руководством в Риме в XIX в. православие рассматривалось как раскол, который следует рано или поздно устранить и вернуть заблудших в единую христианскую семью, воплощением ее и служил католицизм. Поддержка униатов (греко-католиков) являлась стержнем этой политики.

Со своей стороны, российское руководство стремилось оторвать католиков своей страны от Рима, обоснованно видя в них в таком случае «пятую» колонну в Западном крае. Однако посягательств на свободу вероисповедания католиков России руководство империи не предпринимало. Ограничения касались лишь вопросов распространения католической веры на православное население. Создание собственной российской католической церкви решало две задачи: сохранение свободы вероисповедания католиков в православной стране и защита государственных интересов России. Для XIX в. такая позиция представлялась наиболее здравомыслящей. Сравнение положения с религиозными свободами в других странах в то же время позволяет говорить о принятии правительствами государств целого пакета мер по поддержанию именно титульной религии.

С апреля 1905 г. правительство России изменило свой курс по отношению к российским католикам – пошло на фактическое уравнение положения католической и православной церкви. Однако это привело не к замирению, а к ещё большему обострению отношений между католической церковью в России и государством, выявив очевидное: римско-католическое

духовенство Западного края всегда стояло на позиции полной своей независимости от российской власти.

В последней четверти XIX в. Российская империя приросла еще одним мусульманским регионом Средней Азии. Тем самым произошло окончательно размежевание с Англией в этом регионе мира.

Большую роль в жизни этой территории выполняла религия. Поэтому от руководителя мусульман Средней Азии, – муфтия, - зависело спокойствие региона. Главная цель в выборе высших чинов мусульманского духовенства состояла в их лояльности российской власти, которая определялась овладением мусульманами теми же культурными ценностями, что и православное население России. Следующей задачей являлась идея максимального ограничения контактов российских мусульман с их зарубежными единоверцами, особенно в Османской империи. При этом российская власть разделяла мусульман империи по степени «фанатизма» в вере, и потому предлагались различные меры к последователям ислама в различных регионах.

После присоединения Средней Азии и закрепления в Казахстане (в XIX - начале XX в. – назывался Киргизским краем) своеобразно складывалось управление мусульманами. Российская администрация в лице туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана стала проводить реформы местного управления, суда, организацию землепользования и налогообложения в крае. При этом старались соблюдать две особенности: лояльное отношение к местному туземному населению и полное невмешательство в религиозную, домашнюю и внутреннюю жизнь казахов. Основную массу населения Казахстана составляли кочевники-скотоводы, но имелось и незначительное количество земледельческого населения – сарты. Каждая из этих категорий населения сохраняла свои особенности жизненного уклада, которые учитывались русской администрацией в вопросах организации их местного управления.

Таким образом, влияние русской военной администрации на местное управление имело двоякий характер. Во-первых, предпринимались попытки привнести в местные специфические условия демократические институты в управление снизу, которые уже стали появляться в самой России. С другой стороны, разрушение вековых укладов управления привело к хаосу и низкой эффективности местной власти, росту коррупции и неисполнения законов государства. Центральная власть Российской империи в среднеазиатском регионе подчинила местное население гражданским общероссийским законам, которые одновременно учитывали исламскую специфику региона. В вопросах веры мусульманам в Средней Азии давалась полная свобода, но запрещалось распространение ислама на новые слои населения, прежде всего, переселенцев из российских провинций.

К концу XIX в. российская власть увидела еще одну назревшую проблему во взаимоотношениях с мусульманами империи – начало распространения идей панисламизма. Сама эта идея стала обсуждаться еще в первой половине XIX в., а в Османской империи и в некоторых арабских странах - с конца 60-70-х гг. XIX в. начались выступления в пользу единения «мира ислама» в рамках халифата. На самом Востоке это движение называлось халифатским, в публицистике и литературе на европейских языках – панисламским.

С 70-х годов XIX в. эта идея была подхвачена правительством Османской империи. Главного своего сторонника панисламизм нашел в лице султана Абдул Хамида II (1876-1909). Панисламизм устраивал его прежде всего тем, что учение о халифате подкрепляло османо-имперские амбиции относительно остального «мира ислама»: ведь согласно суннитской традиции начиная с 1517 г. султан Турции считался халифом. Кроме того, с помощью панисламской пропаганды ее мусульманское население (турки, арабы, курды и др.) натравливалось на немусульманское, чем вносился раскол в освободительную борьбу народов.

В 1880-х годах в Россию проникают идеи пантюркизма как культурно-либерального течения, которое сначала охватило и впоследствии стало распространяться татарской интеллигенцией. Тот же путь проделал и панисламизм, который складывался как некая общая гуманистическая идея мусульманской солидарности. При этом идеология панисламизма считалась более традиционной, тогда как пантюркизм в конце XIX в. считался некоей идеологической новацией. В то же время, провозглашая идею единой «мусульманской нации», многие мусульманские деятели дореволюционной России легко перешли на позиции «единой тюркской нации». Именно эта тенденция, на наш взгляд, доминировала в настроениях российских мусульман в начале XX в.

По мнению крупнейшего исследователя тюркизма Р.Ф. Мухамметдинова, в России тюркизм обязан своим возникновением идее политической свободы тюркских народов через их единение. Он же подчеркивает, что тюркизм в России возник также как реакция на панисламизм. Предпосылками возникновения и становления тюркизма в Российской империи стали пьесы азербайджанского драматурга Ф. Ахундова, деятельность публициста и просветителя из крымских татар И. Гаспринского, труды татарского религиозного деятеля, философа и историка Ш. Марджани, и в целом обновленческое движение джадидизма²⁰¹.

Один из наиболее авторитетных исследователей наследия И. Гаспринского А. Беннигсен пишет: «Гаспринский суммировал свои мысли о необходимости объединения тюрков-мусульман

²⁰¹ Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1996. С. 43. Казанский мулла-историк Ш. Марджани (1818-1889) призывал к светскому обучению мусульман, против исламской схоластики и зазубривания. Такие же идеи до него выдвигал бухарский религиозный ученый Абунаер-эль-Курсави, но не нашел социальной опоры в обществе и был казнен в Бухаре в 1813 г. (См. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 9.). И. Гаспринский (1851?-1914) основал джадидистские школы в Бахчисарае. С 1883 г. начал выпускать там же газету «Тарджиман» («Переводчик») на тюркском наречии, которая была направлена против кадимистов (сторонников старо-методического схоластического медресе). Также И. Гаспринский выдвигал идеи пантюркизма, которые понимал как движение от культурного самоопределения к политическому возрождению, а в экономическом плане – как противопоставление тюркской торговой и либеральной буржуазии русской, с которой они не выдерживали конкуренции. Идеи И. Гаспринского к началу XX в. распространились в Казани, Астрахани, Средней Азии и Азербайджане. (Там же. С. 12.)

Российской империи в одной фразе: «Единство в языке, вере и труде» или «Единство в языке, мыслях и действиях»²⁰². С точки зрения И. Гаспринского, всеобщее и всеисламское единение являлось единственным средством, которое могло спасти не только его маленький крымско-татарский народ, но и все тюркские народы империи от ассимиляции. В то же время он видел реальную перспективу прогрессивного развития тюркских народов только внутри российской государственной целостности, в союзе и согласии с русским народом.

В 1881 г. в своей работе «Русское мусульманство» И. Гаспринский заявил: «...Мне кажется, что в будущем, быть может недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»²⁰³. Тем самым, его «панисламизм» носил чисто культурническую направленность, не затрагивая политику и тем более геополитическую сферу. Более того, «для того времени попытки газеты «Тарджиман» выдвинуть для официальных властей России идею равного союза тюрко-мусульман с русскими выглядели совершенно новым подходом в политике, своего рода оригинальным методом к решению проблем тюркского мира в России»²⁰⁴.

Большое влияние на современников имели и казанский татарин Юсуф Акчурин (Акчура) (1876-1935). Деятельность Ю. Акчурина ознаменовала переход пантюркизма в новую фазу: от культурно-просветительского к политическому движению. Его статья «Три вида политики», опубликованная в 1904 г. в «Каирской газете», была первой теоретической работой по тюркизму, в которой рассматривалась возможность применения тюркизма в политической сфере.

Основным пропагандистом этих идей выступило мусульманское духовенство с его возможностями влияния на

²⁰² Цит. по: Червонная С. М. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 155.

²⁰³ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // Этнографический обзор. 1992. № 5. С. 97.

²⁰⁴ Мухамметдинов Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1996. С. 96.

единоверцев. Оно выражалось в следующем: подстрекании сторонников ислама не выполнять предписания властей (о переписи населения, воинской повинности, соблюдении численности мусульманского населения и количества мечетей и т.п.), использование хаджа для привития паломникам идей радикального ислама, поддержка всех внешнеполитических начинаний Османской империи как главного мусульманского государства в мире, развитие исключительно духовного образования у детей магометан. В начале XX в. власть не могла не осознавать и не учитывать тот факт, что наиболее продвинутые в идеях панисламизма и пантюркизма поволжские мусульмане на протяжении нескольких столетий неизменно оказывались в сфере крестьянских войн, восстаний, прочих антиправительственных выступлений, потрясших Российскую империю²⁰⁵. Не случайно в конце XIX в. министерство просвещения запретило чтение спецкурса «История Среднего и Нижнего Поволжья» в Казанском университете, подчеркивая, что «прошлое этого края отличается своими односторонними и мятежными проявлениями... постоянно шло вразрез с культурной деятельностью русского правительства»²⁰⁶. В результате российские власти старались проводить осторожную линию по отношению к мусульманам особенно этого региона и как можно меньше затрагивать религиозную сферу взаимоотношений.

В высших правительственных кругах Российской империи в начале XX в. стала утверждаться идея введения в государственную практику принципа равноправия и широкой

²⁰⁵ Здесь можно указать на восстание 1573 г., в котором участвовали марийцы, татары, чувашы, удмурты и башкиры. В 1582-1584 гг. в Среднем Поволжье произошел бунт против миссионерской деятельности властей. В 1592 г. население 12 волостей мари и татар вышло из повиновения правительства. Коренное население региона активно участвовало в выступлении И. Болотникова. Против жесткой налоговой политики правительства в 1616 г. выступили татарские, чувашские, башкирские, марийские и удмуртские крестьяне. Массовое неповиновение властям охватило огромную территорию от Сарапула до Муромы и вошло в историю как «еналеевское восстание». В период движения С. Разина в 1670-1671 гг. Среднее Поволжье превратилось в один из центральных районов неповиновения властям. Активно участвовал регион и в пугачевском движении. Впоследствии в XIX в. очаги недовольства в регионе возникали на религиозной почве (1874, 1897 г.).

²⁰⁶ Алишев С. Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI - начало XIX в. М., 1990. С. 20.

веротерпимости. Большое значение для движения в этом направлении имел указ 12 декабря 1904 г., обещавший пересмотр законодательства об инославных и иноверных исповеданиях и постановлений, «ограничивающих право инородцев и уроженцев отдельных местностей империи, с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и явной пользой русского народа»²⁰⁷.

Проведение в жизнь намеченных преобразований было поручено Комитету министров. На заседаниях 25 января, 1 и 8 февраля и 15 марта 1905 г. Комитет министров занимался пересмотром постановлений законодательства о вере. По словам С.Ю. Витте, все члены Комитета, а также приглашенные члены Государственного Совета «единогласно считали необходимым в отношении веротерпимости принять решительные меры»²⁰⁸. В целом деятельность Комитета обозначила изменения в представлениях части правительственных кругов о национальном вопросе. Так, члены Комитета подчеркивали, что «...наилучшим средством объединения с Россией многочисленных входящих в состав ее народностей являлось бы такое законодательство, которое, наряду с соблюдением общегосударственной пользы, в достаточной степени обеспечивало бы интересы их и давало бы им возможность улучшить свое экономическое благосостояние и развивать свои духовные силы»²⁰⁹.

Однако работа Комитета вызвала сопротивление части правительственных и придворных кругов. 2 марта 1905 г. обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, не участвовавший в работе Комитета, в письме к императору указывал на возможные негативные последствия введения веротерпимости: «...Задумывается предоставление свободы мусульманской

²⁰⁷ Законодательные акты переходного времени. 1904-1908. СПб., 1909. С. 7.

²⁰⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М.; Минск, 2001. С. 203.

²⁰⁹ Волхонский М.Н. Национальный вопрос в Российской империи и правительственные круги. Указ от 12 декабря 1904 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. 2002. № 3. С. 68.

пропаганде. Это дело страшное. Ислам – громадная сила, ни на минуту не отпускающая своего оружия...»²¹⁰.

Однако 17 апреля 1905 г. вышел именной высочайший указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости». Основных его положений было несколько: «1. Признать, что отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежат преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий... 14. Признать, что во всякого рода учебных заведениях в случае преподавания в них закона божьего инославных исповеданий таковое ведется на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручено духовным лицам подлежащего исповедания и только при отсутствии их светским учителям того же исповедания. 15. Признать подлежащими пересмотру законоположения, касающиеся высочайших сторон религиозного быта магометанского исповедания»²¹¹.

Последующие события, произошедшие в Российской империи, подтвердили многие опасения, связанные, прежде всего, с мусульманством в стране. Уравнение прав ислама с православными привело не к стабилизации межрелигиозных отношений, а к росту напряженности и сепаратизма, резко возросла популярность идей панисламизма и пантюркизма в регионах с компактно проживающим мусульманским населением.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в отношениях между духовной исламской и светской властью в мусульманских регионах России существовали значительные трения. Российское правительство проводило политику ассимиляции нерусского населения. В отношении к исламу насильственное перекрещивание мусульман в православие не проводилось, но строго следили за нераспространением ислама на новые слои населения и пресекались всякие контакты с зарубежными мусульманами с

²¹⁰ Из черновых бумаг К.П. Победоносцева // Красный архив. 1926. Т. 5. С. 204.

²¹¹ ПСЗ-III. Т. 25. СПб., 1908. С. 257.

целью пресечения проникновения в Россию идей панисламизма и пантюркизма, так популярных в конце XIX – начале XX в. в Османской империи.

Однако контроль над внутренней жизнью мусульманских регионов России на уровне уездов и волостей практически отсутствовал, что приводило к росту влияния ислама на территориях совместного проживания мусульман и православных. Такая ситуация, в свою очередь, подогревались низшим мусульманским духовенством, видевшим в российских властях определенную сдерживающую силу для их влияния на свою паству. Простое мусульманское население опасалось лишь покушения на свое стабильное состояние, не претендуя на большее. Многие же представители мусульманского духовенства стремились расширить сферу своего влияния за счет, прежде всего, новокрещеных из бывших мусульман. Активную позицию занимала в этом вопросе Османская империя, которая через своих единоверцев в России, в основном из совершивших хадж, оказывала активное воздействие на умы местных приверженцев ислама. Именно в этом и состоял основной конфликт между властью и мусульманским духовенством в исламских регионах России второй половины XIX в. В таком состоянии подобное восприятие перешло в век XX, во многом обострившись и усиливая центробежные тенденции в мусульманских анклавах Российской империи.

Всю политику российского правительства в отношении католического и мусульманского населения империи с последней четверти XIX в. до 1905 г. можно охарактеризовать в целом как направленность на включение населения, исповедующего католичество и мусульманство, в социально-экономическую, правовую и политическую системы Российской империи. Наиболее действенным средством виделось проведение политики ассимиляции и русификации. Этот процесс рассчитывался на длительный период и должен был проводиться постепенно через принятие российскими католиками и мусульманами системы ценностей, разделяемых и поддерживаемых основным, православным населением России.

Однако данный процесс не осуществлялся насильно, и государственная власть не вмешивалась во внутреннюю жизнь российских католиков и мусульман, но строго следила за тем, чтобы они не распространяли свои учения на новые слои населения. Поэтому Российскую империю нельзя назвать и «тюрьмой народов».

Российские императоры этого периода Александр III и Николай II, несмотря на все различия в их политике, в отношении к неправославным конфессиям проявляли единство. Все они выступали за целостность государства и крайне негативно относились ко всем попыткам зародить элементы сепаратизма со стороны духовенства любой неправославной конфессии. Поэтому все действия со стороны римского престола, мусульманских государств с целью установить контроль в любом его виде над своими единоверцами в России жестко пресекались. Российская верховная власть стремилась создать собственные органы управления католиками и мусульманами в стране, которые были бы зависимы от российского императора. При этом только за православием оставлялось право на миссионерскую деятельность в стране. Одновременно российское правительство поощряло эмиграцию католиков и мусульман в другие страны и всячески помогало этому процессу. Прежде всего, это касалось тех представителей этих конфессий, которых не устраивала система взаимоотношений, предложенных российскими властями.

Исследуемый нами этап рассматривался властями Российской империи как период, где католики и мусульмане окончательно войдут в структуру российского общества как полноправные его члены. Однако, в силу целого ряда причин, ограничения в деятельности католической и мусульманской конфессий продолжали существовать до 1905 г. До этого времени не удалось окончательно включить католиков и мусульман в структуру российского общества как полноправных граждан.

Таким образом, преимущество православия в вопросах распространения веры на неправославное население связано,

прежде всего, с проблемой сохранения единства государства, которое в тех условиях должно было опираться на титульную народность и исповедуемую основной ее частью веру. Ограничения для основных неправославных религий рассматривались и принимались только в тех случаях, когда российская власть считала их носителей опасными для целостности государства. В условиях последней четверти XIX - начала XX в. - борьбы за жизненное пространство и отсюда за доминирование в мире - основное внимание ведущих государств было направлено на подчинение своему влиянию как можно больших сопредельных территорий. Поэтому основную опасность для российского правительства представляли регионы с компактным и преимущественным проживанием нетитульной народности (территория российской Польши, Кавказ, Средняя Азия и ряд районов Поволжья). Главными возмутителями спокойствия здесь являлось духовенство соответствующих конфессий. Если высшие его представители находились под контролем и были лояльны властям, то этого же нельзя сказать о низших уровнях, которые напрямую общались со своей паствой. Их проблему в местах компактного проживания неправославного населения российская верховная власть так и не смогла решить. В итоге они стали во главе многих смут и катаклизмов в Российской империи начала XX в.

ГЛАВА 7. «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ПРИАМУРЬЯ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА С ЛОКАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЗОНАХ (1870 - 1904 ГГ.)

В главе рассматривается тип взаимодействия государства и регионального сообщества, сложившийся на Приамурской окраине Российской империи в конце XIX – начале XX века. Определяются и описываются структуры, возникающие и развивающиеся помимо государства. Описываются стратегии организации взаимодействия между ними и государством. Наличие этих стратегий и стало основой для процветания региона в рассматриваемый период. Описываются конкретные формы этого процветания и причины его исчезновения.

Ключевые слова: регион, империя, сообщество, власть, неформальные отношения, взаимодействие.

Одним из наиболее привлекательных исследовательских объектов последних лет все более осознаются зоны, расположенные на периферии крупных политических пространств²¹². Здесь, в силу ослабления действия символического и властного центра, ощутимого воздействия иных центров силы, многие процессы обретают особенную остроту и явленность²¹³.

Не исключением выступают здесь и проблемы государственности, в том числе российской государственности. Относительная слабость государства на периферийных («осваиваемых», «колонизируемых») территориях приводит к тому, что здесь процесс взаимодействия государства и общества (локального сообщества) принимает наиболее зримые и подчас достаточно не типичные для остального политического

²¹² См. например: Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5.

²¹³ Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока России // *Полис*. 2004. № 5.

пространства данного государства формы²¹⁴. Часто именно здесь складываются формы, которые позже транслируются и на иные пространства. Не случайно ключевые политические формы Нового времени сложились не в Италии или германском «поясе городов», но в зоне власти периферийных династов (Британия, Франция). В иных зонах города оказывались слишком сильными, а конкуренция между ними слишком жесткой для того, чтобы возникло государство эпохи модерна.

Но здесь же, в периферийных зонах, часто формируются политические формы, которые хоть и не смогли по разным причинам стать господствующими, представляют собой значимую альтернативу победившему порядку, своего рода политические формы «впрок». Уникальный пример подобного формотворчества в политике и представляет собой взаимодействие локального сообщества и государства в конце XIX – начале XX века на Приамурской окраине России.

В жизни каждой территории есть период, к которому в трудный момент хочется вернуться. Время, когда что-то, не всегда понятно что, но было очень правильно. Так, как оно должно быть. Для Дальнего Востока таким «золотым веком» смело можно назвать последнюю треть XIX столетия. Золотой он потому, что именно тогда возник из небытия богатый регион с благоустроенными городами и богатыми селами, купцами-миллионщиками и железной дорогой, построенной по последнему слову техники. «Золотой» потому, что именно тогда на Дальнем Востоке началась «золотая лихорадка», давшая толчок хозяйству всего региона. Период, когда, совершенно неожиданно, прекратились мегапроекты государства, а в регионе вдруг началось свободное заселение незанятых земель. Началось естественное развитие.

Началось оно не от «хорошей жизни». Предшествующий период традиционно связывают с поражением в Крымской войне, трудным и унижительным Парижским миром. Поражение было страшным. Россия просто не смогла обеспечить

²¹⁴ Суслов Е.В. Политическая периферия как территория торжествующего авторитаризма // Политическая наука. 2011. № 4.

защитников Севастополя ни резервами, ни оружием, ни продовольствием²¹⁵.

Но трагедия Севастополя была лишь внешним проявлением бед, которые копились медленно, загонялись в подпол, но не решались²¹⁶. По существу, возникал некий аналог «экономики кредитов», когда нерентабельные, но «политически значимые» производства накачивались деньгами. Долг помещиков государству превышал три годовых бюджета страны. Столь же «рентабельными» оказывались и заводы, находящиеся в ведении кабинета Его Императорского Величества²¹⁷.

Государство выступало в роли скупщика таких «плохих» кредитов, сглаживая за счет бюджета нерентабельность производства. Но подобная ситуация не могла продолжаться бесконечно. Пузырь займов и залогов надувался и... наконец, лопнул. Денег, чтобы сгладить очередной виток залогов, не оказалось. Их не оказалось даже на то, чтобы снабдить необходимым воюющую армию. Их просто не было. Не от благих размышлений, но от острой нужды начинаются в стране реформы. Болезненные, неоднозначные.

Сказались они и на дальневосточной окраине. Сказались весьма своеобразно²¹⁸. Официально земли за Байкалом оказались «пустыми». Ведь большая часть заводов была «укомплектована» подневольными трудовыми ресурсами, которым рекрутская повинность была заменена «припиской» к заводу²¹⁹. Подневольное население и потекло вспять. Если в 40-50-е годы население дальневосточных уездов (пока еще входящих в Восточную Сибирь) достигало двухсот тысяч человек, то в 1861-м году оно не добиралось до пятидесяти²²⁰. Насильно переселенные крестьяне, приписанные к заводам и

²¹⁵ Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т. — М.-Л., 1944.

²¹⁶ Хромов П.А. Экономическая история СССР. — М., 1982. — С. 18-22.

²¹⁷ Миненко Н.А., Шалымов А.Ю. История России с древнейших времен до второй половины XIX века: курс лекций. Ч. 1 / под ред. академика Б.В. Личмана. — Екатеринбург, 1995. — С. 234 — 242.

²¹⁸ Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3/4.

²¹⁹ Гессен Ю. История горнорабочих в СССР. — М., 1929. Т. 2 — С. 203 — 205.

²²⁰ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII - начале XX в. (1640 — 1917). — М., 1985. — С. 125 — 134.

экспедициям, рекруты, чиновники побежали назад за Урал. Осталось «вольное», в основном крестьянское и казачье население, живущее с земли и промыслов и практически неподконтрольное государству²²¹. Это население достаточно плотно взаимодействовало с местными народностями, заимствовало их хозяйственные приемы, обогащало их русскими хозяйственными техниками охоты, торговли и войны²²².

Но именно в этот период в состав России входит Приамурье, которое нужно заселять. Кем? Конечно, крестьянами. Ведь в отличие от «пушного» и рудного Севера Приамурье – это миллионы десятин плодородной земли. Вольной, не тронутой. В отличие же от нашего времени переселять было кого и откуда.

В то время, когда Приамурье, да и Восточная Сибирь были пусты, европейская часть страны начинала явственно страдать от перенаселения. После освобождения крестьян средний крестьянский надел пахотной земли в Малороссии был около трех десятин. А семьи растут. В среднем на одну женщину детородного возраста в России того времени приходилось шесть-семь детей²²³. Дети для крестьянской семьи – это и работники, и обеспеченная старость. Семья, где есть трое-четверо взрослых сыновей, – уважаемая и обеспеченная семья. Вот и растет население страны не по дням, а по часам.

Нам, людям иной эпохи, когда едва ли не главная проблема, которую озвучивают самые высокие чины, это убыль населения, трудно представить, что перенаселенность – проблема не меньшая. Особенно в крестьянской стране. Дети растут. Им нужно выделять землю. Значит, еще более дробить участки. Начинается голод, обнищание крестьян. Освобожденные крестьяне бегут из перенаселенной западной части на вольные земли. Основная масса оседает в Западной Сибири. Но и до Дальнего Востока волна докатывается. Сначала

²²¹ Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. – М., 1980. – С. 67-71.

²²² Там же.

²²³ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. – М., 1956. – С. 69-71.

редкие переселенцы добирались до дальневосточной окраины. Потом все больше и больше людей оседает здесь²²⁴.

Условия переселения были самыми льготными. Ведь речь шла о самом существовании Российского государства на этих территориях²²⁵. Переселенцы освобождались от подушной подати. На 20 лет освобождались от рекрутской повинности. На домохозяйство выделялось до 100 десятин казенной земли в вечное пользование с правом выкупа. Но в тот период эта цифра совершенно условная. Тысячи и тысячи десятин лежит нетронутыми. Крестьяне брали столько земли, сколько были в состоянии обработать («захватное землепользование»)²²⁶. Кто сто, а кто и четыреста. Сколько сил хватало у хозяина, сколько работников в семье, столько и запахивает он целины. На Дальний Восток прибывали усталые и измученные люди. Но через несколько лет те, кто не ленился, работал, превращались в людей зажиточных. А слава о вольных землях шла, подталкивая новые потоки крестьян к переселению.

В заселении новых территорий было заинтересовано и государство. Ведь тем самым решались сразу две проблемы. Страдающее от безземелья и перенаселенности крестьянство европейской части страны получает землю, а страна получает новый, освоенный регион. Именно потому переселенцев не брали в рекруты, освобождали от налогов. Пока государство не очень интересовало, что именно будут делать новые дальневосточники. Важно, чтобы они там были. Поскольку же изъятия на тот момент были минимальными, крестьянство и казачество богатело. Начинается переселение в регион купцов из соседних сибирских губерний, возникновение местного купечества²²⁷.

Пожалуй, это был уникальный случай, когда интересы государства и интересы населения совпадали. Ну, или почти совпадали. Но в условиях, когда особых административных

²²⁴ Унтербергер П.Ф. Приамурский край, 1906–1910 гг. – СПб., 1912.

²²⁵ Кабузан В.М. Дальневосточный край...

²²⁶ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. М., - 1991. - С. 232 – 234.

²²⁷ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX века. – Томск, 1975. – С. 220-223.

ресурсов у власти на Дальнем Востоке не было, это расхождение не очень мешало. Скорее, помогало. Государству нужно строить крепости, наращивать гарнизоны. И, вправду, нужно. В 60-е годы в регионе было менее 9 тысяч военных. В 70-80-е годы начинается массовое переселение казачества, переводятся на новые места расквартирования регулярные части. Строится крепость Владивосток, выделенная в самостоятельное военное губернаторство²²⁸. Но военным нужно есть и пить, нужны лошади для перевозок, нужен лес для строительства. Значит, возникает рынок для крестьянской продукции. И не только крестьянской. Сплав и обработка древесины, вылов рыбы – все это становится доходным видом деятельности. По подсчетам историков, почти половина товарной продукции сельского хозяйства покупает военное ведомство²²⁹.

Постепенно отошедшее от шока реформ государство начинает поддерживать переселение не только законами и разрешениями. Переселенческое управление с 90-х годов XIX века становится едва ли не главным учреждением в регионе²³⁰. Оно приобретает излишки у крестьян, покупает лошадей и коров, семена на посевы. Все это дается или продается по льготной цене новым переселенцам. На общественные пожертвования создается Добровольный флот, который с 80-х годов осуществляет регулярные рейсы из Одессы во Владивосток. Не только товары, нужные переселенцам, везут корабли Доброфлота. Страдающие от малоземелья крестьяне Малороссии, так тогда называли Украину, все активнее едут в неизвестные страны. Совсем бедные едут «казеннокоштно», т.е. за государственный счет. Такие переселенцы селились близ городов и крепостей, там, где определяло начальство. Но и они получали свои «сто десятин» на семью. Правда, должны были отработать долг за переезд. Таких за двадцать лет набралось более семи тысяч семей. Но основная масса ехала своекоштно, т.е. за свой счет. Счет был не малый. Приходилось продавать все,

²²⁸ Дубинина Н.И. Генерал-губернаторская власть в Приамурском крае: ее особенности и эволюция // История и культура Приамурья. 2007. № 1.

²²⁹ История Дальнего Востока СССР. - С. 256-262.

²³⁰ Там же. С. 232.

что было. Но внеся залог в 600 рублей, крестьянин по приезду получал обратно не только землю. В счет этих средств ему выдавались семена и лошадь, сельскохозяйственные орудия и освобождение от налогов и рекрутской повинности²³¹.

Из таких переселенцев выходили не просто зажиточные крестьяне. Многие выбивались в купцы, промышленники. Такие купцы и заводчики из крестьян и казаков были совсем не редкостью²³². Скорее, редкостью были бедняки, бросавшие свои посеы, впадавшие в нищету, уходившие в отходники. В целом формирование приамурского предпринимательства представляет самостоятельный интерес. В отличие от «западных» регионов страны оно было более многочисленным и активным. В.К. Бражников, типичный для региона чиновник-исследователь, писал: «Имея некоторый запас денег, здесь каждый мечтает скоро сделаться миллионером, то начинает разыскивать золото, то бросается на лес, то делается торговцем»²³³.

Необычной была разнородность купеческого и предпринимательского сословия. Наряду с уже отмечавшимися каналами пополнения купеческого (предпринимательского) сословия путем переселения владельцев капитала и «выхода» в предприниматели бывших крестьян и казаков значительную часть составляли иностранцы, принявшие российское подданство. Именно таким образом возникает крупнейшая торгово-финансовая империя «Кунст и Альберс»²³⁴, некоторые другие крупнейшие состояния в регионе. Определенную роль играло китайское и аборигенное (особенно якутское и бурятское) купечество, чайная торговля в Кяхте²³⁵.

Если в 60-х годах XIX века в регионе проживало полсотни тысяч человек, то в конце 90-х уже почти полмиллиона. И не только крестьян. В 80-е годы переселялись казаки. Казачьи

²³¹ Там же. С. 226.

²³² Кабузан В.М. Дальневосточный край. – С. 209.

²³³ Цит. по: История Дальнего Востока СССР. – С. 282.

²³⁴ Молчанова Е.Г. Германский торговый капитализм на российском ДВ во второй половине XIX века - начале XX века // Вопросы истории ДВ. 2000. 2 вып.

²³⁵ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX века. – Томск, 1975. – С. 222.

станции протянулись по всему дальневосточному приграничью. Да и не только станции. Конные заводы и рыболовство, лес и зерно были традиционными сферами деятельности купечества из казаков.

В богатый регион и из соседней Сибири переселялись купцы. Мукомолы и винокуры прибывали на избыток зерна, на устойчивый рынок. Лесопилки и силикатные заводы росли как по волшебству. Мукомольный завод и дом купца Тифонтая до сих пор стоит в Хабаровске на пересечении улиц Советской и Тихоокеанской. Да и дом, где размещался магазин и контора винокуров братьев Пьянковых, мирно соседствует сегодня с новоделом, гостиницей «Саппоро»²³⁶.

С 80-х годов на Дальнем Востоке начинается «золотая лихорадка». В 70-е годы обнаруживаются новые богатые месторождения золота. К «золотишку» дальневосточные купцы и промышленники присматривались давно. Но разведанные месторождения находились в собственности кабинета Его Императорского Величества. Несмотря на то, что казенные службы наладить добычу не сумели, отдавать прииски в частные руки не торопились. А тут новые залежи. С помощью подкупа карту новых месторождений получает амурский купец и промышленник Харлампий Тетюков. Получает раньше, чем официальные инстанции. В результате кабинет просто не успел забрать под себя богатую жилу. Тут же, следом за геологами, организуется промышленная экспедиция, получают разрешения и начинается добыча. Поселок Керби (нынешний райцентр района им. Полины Осипенко), город Николаевск-на-Амуре, да и множество поселков между ними поднялись на активности Тетюкова и его наследников²³⁷. В золото вкладывались и другие дальневосточные богатеи. Основатель торговой фирмы-монополиста Иван Яковлевич Чурин, купцы

²³⁶ Гачечиладзе А. Общий обзор внешней торговли Дальнего Востока // Экономика Дальнего Востока. – М., 1926.

²³⁷ Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII - середины XIX в. Хабаровск, 1986.

Ельцов и Левашов, заводчик Озмидов и множество других бросились в новую и перспективную отрасль²³⁸.

Но поскольку золото было здесь, здесь нужно было договариваться о рабочих и транспорте, организовывать поселки и их снабжение, то золотопромышленники старались селиться поближе к приискам. Николаевск-на-Амуре стал подлинной столицей золотопромышленников. Но не только на золоте строилась экономика Дальнего Востока в тот уже далекий, но золотой период. В том же Николаевске «рыбная лихорадка» конца XIX века сыграла не меньшую роль, чем золотая. Да и лес с углем приносили немалый доход.

На рыбных промыслах сделали свои состояния владивостокский купец Яков Лазаревич Семенов, обрусевший шотландец Георгий Филиппович Демби, офицер российского флота граф Генрих Гугович Кейзерлинг. На лесе и добыче угля поднялась купеческая семья Скидельских. Причем, как правило, дальневосточные предприятия редко бывали специализированными. Складывать все яйца в одну корзину было опасно. Да и, несмотря на все природные богатства, на уголь и золото, лес и рыбу, основой экономики оставалось сельское хозяйство и переработка его продукции. Ведь даже на пике золотой лихорадки цена добытого в регионе за год золота была около 14 миллионов рублей. И это с невероятными издержками на доставку рабочих, организацию их питания, на бесконечные взятки инспекторам. В то время как товарное зерно давало более 12 миллионов рублей дохода. Уже «чистого». А ведь было еще молочное скотоводство, конные заводы и многое другое. Возникает достаточно жесткая стратификация буржуазии. Элиту составляли золотопромышленники, казенные подрядчики, крупнейшие рыбопромышленники, владельцы лесных угодий, судовладельцы и торговцы. Эта группа контролировала в целом менее 15% капитала в регионе. Но в силу своей малочисленности (30 – 50 семей) они оказывались крупнейшими предпринимателями не только в регионе, но и в

²³⁸ История Дальнего Востока СССР. – С. 258-259.

стране²³⁹. Гораздо более многочисленным был слой средних предпринимателей – владельцев лесопилок, молочных и мукомольных, винокуренных и силикатных заводов, торговцев пушниной и рыбой, сельскохозяйственной техникой. Здесь контролировалось свыше 40% регионального капитала²⁴⁰. Правда, численность этого слоя тоже была намного больше. И, вполне понятно, что самым многочисленным был слой мелких предпринимателей, нижние границы которого терялись в крестьянской толще. Торговля и сплав леса, охота и изготовление строительных материалов – все это кормило регион. Не случайно в следующую эпоху первый советский руководитель Дальневосточного края А.Н. Кубяк жаловался, что новой власти не на кого опереться в Приамурье. Нет ни беднейшего крестьянства, ни «сознательного пролетариата»²⁴¹.

Один из этнографов отмечал: «Крестьяне в Приамурье крайне редко занимаются промыслами. Целые деревни живут, не имея никаких ремесел, но все покупая в городах и у разъезжих торговцев»²⁴². Все правильно. Но стоит вспомнить, что промыслы на западе России процветали потому, что не хватало земли. От бедности. Ее-то здесь и не было.

Да, людей на Дальнем Востоке было мало. Именно поэтому небывалым для России оказывался уровень механизации крестьянского хозяйства. Крупные американские и немецкие фирмы уже с 70-х годов XIX столетия начинают поставлять в регион самую совершенную на тот момент сельскохозяйственную технику. Причем для покупки этой техники сами же продавцы выдавали кредиты, создавали потребительские кооперативы, выступающие формами институционализации крестьянских социальных сетей. В

²³⁹ Моисеева Л.А. Предпринимательство на Дальнем Востоке России: общие особенности развития в конце XIX – начале XX века // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX – начале XX века (Вторые Крушановские чтения, 2001 г.). - Владивосток, 2003. - С. 88.

²⁴⁰ Подсчитано автором на основании данных, приводимых в монографии «История Дальнего Востока СССР».

²⁴¹ Черная Е.В. Земское самоуправление на Дальнем Востоке в условиях революций и гражданской войны. – Владивосток, 2011.

²⁴² Цит. по: Азиатская Россия: люди и структуры империи. / отв. ред. А. Ремнёв. Омск, 2005. – С. 348.

Приамурье отнюдь не в годы Великого перелома «железный конь пришел на смену крестьянской лошадке».

Позже к этому бизнесу подключаются и русские предприниматели. На поставках немецкой техники приамурскому крестьянству сделал состояние один из известнейших в Хабаровске предпринимательских домов Плюсниных. В результате урожайность в Приамурье (не везде, но во многих районах) была не только выше, чем в среднем по России, но превосходила самые урожайные области страны. Богатое крестьянство, передовые формы торговли, гигантские запасы ресурсов и удобные порты – таким условиям можно было только позавидовать. Самое же главное, более или менее независимая от государева контроля хозяйственная жизнь. Попытки «отрегулировать» жизнь в Приамурской окраине, как правило, оканчивались ничем. Наиболее рьяного сторонника четкой упорядоченности генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера просто «подставили», добившись его отъезда из региона²⁴³. Более мелких чиновников просто «брали на жалованье», обеспечивающее им «плохое зрение». Представление о «суровом климате» в Приамурье, что мало соответствовало действительности (Якутия и Колыма в тот период в состав генерал-губернаторства не входили), позволяло перенаправить часть государственных средств на нужные для региона «колесные» пути, строительство и т.д. Государство, впрочем, тоже в тот период не было особенно пристрастно²⁴⁴. Ведь от богатства и заселенности региона зависел успех и стремления империи закрепиться на Тихоокеанском побережье и в Приамурье. Формировалось две взаимосвязанные, но не единые хозяйственные системы: государственная и частная. Государственная система состояла из субсидий и мероприятий по строительству железной дороги, возведению крепостей, военных портов, обеспечению гарнизонов. Причем подряды на выполнение государственных заказов получали, как правило,

²⁴³ Дубинина Н.И. Генерал-губернаторская власть в Приамурском крае: ее особенности и эволюция // История и культура Приамурья. 2007. №1.

²⁴⁴ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX века. — Омск, 1997. — С. 70 – 83.

местные предприниматели, а распоряжался ими приамурский генерал-губернатор (см. работу А.П. Ремнева).

Частная же хозяйственная система базировалась, прежде всего, на местном сельскохозяйственном производстве и переработке его товарной продукции, на использовании местного леса, морских и речных биоресурсов, добыче полезных ископаемых. Надо сказать, что официально в отчетах генерал-губернаторов фигурировала, конечно, государственная часть. На нее же ориентировалась создаваемая система дорог, государственных служб и финансовых учреждений²⁴⁵. От банковских кредитов была отделена не только мелкая, но и средняя буржуазия. Лишь золотопромышленники и крупнейшие подрядчики государственных проектов могли пользоваться услугами государственных банков. Но именно потому, что частная система «не замечалась», была «невидимой», государство не препятствовало тому, чтобы все эти структуры частная хозяйственная система организовывала себе самостоятельно. Так, для обслуживания среднего и малого бизнеса в регионе возникают при крупнейших торговых домах кредитные учреждения. Чуть позже, на рубеже веков, товарищества взаимного кредита, городские кредитные конторы и частные банки. При всем том, что поддержкой государства эти структуры не пользовались, их оборот был вполне сравним с государственными финансовыми институтами²⁴⁶.

Именно в этот период, на рубеже XIX и XX века, государство опять вспомнило про дальневосточную окраину. В высоких кабинетах рождается идея «поворота на восток»²⁴⁷. Дальневосточная окраина становится важной составной частью «Большой игры», в которую включается Российская империя²⁴⁸.

Приамурские и Приморские губернии объединяют с Квантунской областью в Дальневосточное наместничество.

²⁴⁵ Унтербергер П.Ф. Приамурский край, 1906-1910 гг. – СПб., 1912.

²⁴⁶ История Дальнего Востока СССР. С. 265 – 267.

²⁴⁷ Межуев Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес» (На примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века) // Полис. 1999. № 1.

²⁴⁸ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.

Огромные суммы выделяются из казны на... освоение Маньчжурии. Лихие деньги хлынули в регион. Крупнейшие торговые и промышленные дома переориентировались на их получение. Скидельские, Бабинцевы, Касьяновы, Левашовы и множество других крупных и крупнейших предпринимательских кланов изымают средства из экономики российской территории, вкладывая их в сопредельные земли, которые вот-вот станут российскими.

Предполагалось, что Транссиб станет одной из веточек сложной транспортно-логистической системы. Она соединит Китай, Японию, Корею с Европой. А во главе этой системы окажется Россия²⁴⁹. Потому и выделялись гигантские суммы на железнодорожное строительство, на постройку и реконструкцию портов. Впрочем, запас прочности здесь был такой, что образовавшиеся ниши тут же заполнялись новыми торговыми и промышленными домами. Более того, дрейф крупнейших капиталов динамизировал структуру, создал лакуны, в которые могли внедряться предприниматели следующего, нижестоящего уровня. Не случайно именно в этот период в крупнейших городах региона наблюдается резкий рост числа купцов-первогильдийцев.

Возникло нечто, напоминающее декларируемое, но такое редкое в истории государственно-частное партнерство. Государство строило дороги, выдавало льготные кредиты крестьянам и предпринимателям, организовывало переселение в регион новых переселенцев. Причем не гнало, а организовывало переезд для желающих, тех, кто хотел работать. А местные люди растили хлеб и скот, торговали мукой, водкой и пивом, рыбой и лесом, добывали золото и уголь, строили заводы и фабрики. В городах и деревнях открывались больницы и начальные школы. Появлялись и специализированные учебные заведения. В Хабаровске функционировал кадетский корпус и женские педагогические курсы, гимназии. Во Владивостоке существовали частные коммерческие учебные заведения, рабочие школы, мореходные школы и даже Восточный институт

²⁴⁹ Сибирь и трансазиатский железный путь. — СПб., 1891. — 37 с.

– первое высшее учебное заведение в регионе. Постепенно зарождалась местная наука и искусство. И хотя идеи Витте о повороте на восток полностью не реализовались, Желтороссия, как стали именовать дальневосточную окраину с примыкающей к ней Маньчжурией, оказалась одной из самых благополучных частей Российской империи²⁵⁰. Даже жесточайшее поражение в русско-японской войне не изменило этого положения. Раны, нанесенные поражением и утратой Порт-Артура, уже в первое десятилетие XX века вполне затянулись. Возросшие военные заказы стали новым стимулом для развития, которое прерывается только в начале 20-х годов. С победой советской власти. Здесь исчезает богатая Приамурская окраина с ее могущественным купечеством и вольным крестьянством и возникает суровый (в состав региона вошли Якутия и Колыма) и военно-тюремный Дальневосточный край²⁵¹. Но это уже совсем другая история.

Причина такого, никогда более не повторявшегося, расцвета отдаленной территории достаточно проста и не сводится только к общему хозяйственному подъему, охватившему Российскую империю в конце XIX – начале XX века. Причина состоит именно в неожиданном совпадении двух хозяйственных систем, которые на остальной территории страны продолжали оставаться антагонистическими: естественной (спонтанной) и навязанной (государственной). Низкая эффективность любых попыток экономических действий со стороны государства отмечалась уже множество раз²⁵². Собственно, спонтанная активность населения, как правило, и спасала государство от более или менее быстрого экономического краха. Однако сама эта деятельность чаще всего встречала прямое противодействие со стороны государства,

²⁵⁰ Штейнфельд Н.П. Русская торговля в Маньчжурии в характеристике местного купечества // Вестник Азии. Журнал Общества русских ориенталистов. 1910. № 3 (Харбин). С. 63-75.

²⁵¹ Кузин А.В. Военное строительство на Дальнем Востоке СССР: 1922–1941 гг.: дис. ... на соискание уч. степени д. ист. наук. – Иркутск, 2004.

²⁵² Скотт Дж. Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. – М., 2005.

вынуждена была скрываться от его агентов, выстраивать «защиты», отвлекая на это значительные ресурсы.

На отдаленной же территории условия оказались небывалыми. Причем не только в российской истории. Плотность населения здесь была столь невысока (чуть более миллиона человек по переписи 1916 года), а земельные и иные ресурсы столь велики, что контроль со стороны государства оказывался достаточно бессмысленным.

Более того, государство в силу необходимости кормить войска и строить военные объекты, экономически влиять на соседей было отчасти заинтересовано в успешности естественного порядка, позволяющего местным жителям не только обеспечивать себя, но и финансировать дальневосточный участок «Большой игры». Потому впервые в российской истории социальные сети спонтанной хозяйственной системы не только не изгонялись, но даже институционализировались через общественные собрания в городах, кооперативное движение в сельской местности. Симбиоз государства и общества принимал открытый и легальный характер. То, что эта система оказалась разрушенной в ходе гражданской войны и последующего «советского строительства», не говорит о ее слабой жизнеспособности. Напротив, частный бизнес на уже советском Дальнем Востоке удалось вытеснить только перед самой Второй мировой войной. Очень может быть, что в ближайшие годы именно эта модель вновь приобретет актуальность и сможет стать основой для нового расцвета государственности, которая сможет включить в себя естественный (спонтанный) порядок.

ГЛАВА 8. РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ОТ МОБИЛИЗАЦИИ ДО ФИНАЛА

(на примере двух полков 1-й бригады 55-й пехотной дивизии Русской армии)

В главе на основе рассмотрения основных событий и боевого пути двух полков Российской армии рассматриваются особенности функционирования российской государственности в период Первой мировой войны.

Основным выводом является положение о том, что в период Первой мировой войны российская государственность показала свою эффективность в деле мобилизации и организации военных действий, однако политический кризис и его распространение на военные формирования нивелировали эту эффективность и в итоге привели к распаду государства.

Ключевые слова: мобилизация, армия, государственность, военные технологии, военное управление.

Государства, к сожалению, часто конфликтуют между собой. Иногда такие конфликты приводят к военным столкновениям и масштабным военным действиям. Именно поэтому защита своего суверенитета, территории, государственных интересов и интересов граждан входит в основной набор функций любого государства.

Военная составляющая развития, таким образом, всегда была важной составной частью государственности, а иногда даже и предопределяла направления развития государств²⁵³.

Однако, на наш взгляд, развитие военных технологий далеко еще не все, чем характеризуется развитие государства. По мере усложнения военной сферы, увеличения масштабов военных конфликтов, выравнивания технологической составляющей военной силы все большее значение начинает

²⁵³ См.: Мак-Нилл У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М., 2008.

приобретать военно-организационная сфера деятельности государства и, прежде всего, система военной мобилизации, то есть перевода гражданской жизни на военный лад и эффективной концентрации необходимых для ведения войны ресурсов.

Отметим, что, безусловно, мобилизация и ее проблемы сами по себе предполагают, что в государстве существует гражданская, то есть общественная, жизнь, то есть в данном случае речь идет о так называемых государствах эпохи модерна, в которых уже произошло или начинает происходить выделение общества как отдельного от государства объекта.

Именно эта проблема – взаимоотношения общества и государства и лежит в центре проблемы мобилизации в модернистских государствах. Решается эта проблема по-разному и разными средствами. На помощь группе лиц, действующих от имени государства, приходят: а) развитые технологии принуждения и наказания, б) рационализированные управленческо-логистические процедуры и, конечно же, в) мощное идеологическое воздействие на общество.

Все это было уже в полной мере свойственно и государствам, вступившим 100 лет назад в один из самых масштабных вооружённых конфликтов в истории человечества - Первую мировую войну (1914 - 1918), ставшую одним из важнейших рубежей мировой истории. В этот довольно короткий по историческим меркам период произошли революционные изменения в экономике, технологии, средствах массовой коммуникации. Именно в период Первой мировой войны на политическую арену со всей мощью вырвались националистические движения, которые в дальнейшем играли огромную роль в политической жизни мира и продолжают играть сейчас. Причины этой войны весьма показательны и поучительны для дня сегодняшнего. В их основе – противоречия между ведущими европейскими державами, как территориальные, так и экономические. Однако эти противоречия, часто объективные, к сожалению, не удалось разрешить путём переговоров и достижения соглашений.

Во второй половине XIX века в Европе стали складываться новые политические реалии. Во-первых, завершился процесс объединения Германии. Канцлер Германии О. фон Бисмарк стал выразителем стремления к доминированию Германии в Европе. Во-вторых, в 1882 г. усилиями дипломатии Бисмарка был создан Тройственный союз, в который объединились Австро-Венгрия, Италия и Германия. Благодаря этому союзу к 1890 г. Германия вышла на первые роли в европейской дипломатии. В-третьих, создание Тройственного союза усилило напряжение в отношениях между Германией и другими европейскими странами. В итоге Россия была вынуждена заключить военную конвенцию с Францией. Данный договор задумывался как противовес Тройственному союзу, ожидалось, что в него вступит также и Великобритания, что чуть позже и произошло.

В Германии в эти годы усилились националистические настроения, всё это происходило на фоне роста военных расходов и наращивания мощи армии и военно-морского флота. В этой ситуации были быстро устранены противоречия между Россией, Францией и Великобританией, что привело к заключению в 1904 г. договора между Францией и Великобританией, получившего название «Сердечного согласия» (Entente Cordiale). А в 1907 г. было заключено англо-русское соглашение. Таким образом, Россия, Великобритания и Франция образовали союз «Тройственное согласие» (Triple Entente) в противовес Тройственному союзу. Раздел Европы на два вооружённых лагеря был оформлен. Самый первый шаг к войне был сделан. Вторым значительным шагом стало усиление националистических настроений во всех странах. Это во многом происходило потому, что правящие круги намеренно играли на националистических чувствах своих народов, продвигая при этом собственные интересы.

Правительство Франции вынашивало планы возвращения утраченных территорий Эльзаса и Лотарингии. Италия стремилась вернуть свои земли Трентино, Триест и Фиуме. Польша продолжала надеяться на то, что новая война даст ей возможность воссоздать государство, разрушенное

многочисленными разделами. Ослабленная Австро-Венгерская империя испытывала серьёзное давление со стороны стремившихся к национальной независимости народов. Германия видела свои интересы в ослаблении Франции и Великобритании вплоть до их военного разгрома, при этом Германия намеревалась стать лидером объединения стран Центральной Европы. В Великобритании видели мир будущего без сильной Германии. Российская позиция была направлена на ограничение германской экспансии, на защиту славян, проживавших в Австро-Венгрии, на расширение русского влияния на Балканах. Эти настроения и интересы в верхах поддерживались националистически ориентированным населением, для чего правительствам приходилось разогревать националистические движения при помощи массовой пропаганды и манипуляций. Тогда никто не думал и не понимал, к чему это может привести.

Общее напряжение ситуации обусловило третий шаг к войне, что выразилось в возникновении целого ряда военно-политических кризисов, каждый из которых вполне мог стать началом большой войны: франко-германское столкновение в Марокко в 1905-1906 гг.; аннексия австрийцами Боснии и Герцеговины в 1908-1909 гг.; Балканские войны 1912-1913 гг. Великобритания и Франция поддерживали интересы Италии в Северной Африке и тем самым настолько ослабили её приверженность Тройственному союзу, что Германия практически уже не могла рассчитывать на Италию как на союзника в будущей войне.

В результате к 1914 г. все условия для войны уже сложились, все шаги были сделаны, нужен был только повод, и он не замедлил себя ждать.

Как хорошо известно, поводом к войне послужило убийство 28.06.1914 г. австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда сербским террористом, студентом из Боснии Гаврилой Принципом, который являлся одним из членов террористической организации «Млада Босна», боровшейся за объединение всех южнославянских народов в одно государство.

«Снежный ком» ответов и санкций на это убийство привёл к военной эскалации и в итоге – к самой войне, получившей название Первой мировой.

Российское государство не могло остаться в стороне от мировых событий, что потребовало не только серьезной внешнеполитической работы на дипломатическом фронте, но и ускоренного развития военной сферы государства. С середины XIX века в стране был проведен ряд военных реформ, направленных на усиление армии. Военные реформы 1860-1870 гг., преобразования в вооруженных силах России под руководством военного министра Д. А. Милютина, имели своей основной целью модернизацию Российской армии, то есть создание массовой армии, ее осовременивание и ликвидация военной отсталости России, выявленной в ходе Крымской войны 1853-1856 гг. Основным содержанием этих реформ было: замена рекрутской повинности всеобщей воинской повинностью, создание обменного резервного запаса, образование военно-окружной системы управления (создание 15 военных округов); введение нового «Положения о полевом управлении войсками в военное время», перевооружение армии нарезным стрелковым оружием и артиллерией; реорганизация боевой подготовки войск (разработка и введение в войсках новых воинских уставов), а также системы подготовки офицерских кадров (замена кадетских корпусов военными гимназиями, учреждение военных и юнкерских училищ), что способствовало бы усилению Русской армии. Успех в войне 1877-1878 гг. показал правильность начатых преобразований, но как часто бывает, это вызывало некоторое успокоение в деле преобразования.

К началу XX века Россия располагала значительными людскими ресурсами, позволявшими иметь массовую армию. Однако начавшаяся русско-японская война 1904-1905 гг. вскрыла имеющиеся недостатки и упущения в военном деле. Одним из главных недостатков, напрямую связанным с темой данной главы, были неверные представления военного ведомства о масштабах и технологиях проведения мобилизации. В этот период российское государство не считало нужным проводить

всеобщую мобилизацию, видело в этом мероприятии существенные риски. Оно полагало возможным вести войну наличными силами и допустило крупные просчеты в определении соотношения сил не только в начале войны. Во время русско-японской войны в стране было проведено 9 частных мобилизаций, но эти мобилизации были растянуты по времени, резервы поступали малыми порциями, вследствие чего оказалось невозможным создать необходимое превосходство над противником.

Естественно, после поражения и окончания войны неминуемы были определенные выводы и трансформации в военной сфере. Опыт русско-японской войны показал, что даже проведение частных мобилизаций исчерпывает почти весь обученный запас личного состава. Требовалось осуществить ряд чрезвычайных мероприятий. В первую очередь необходимо было в корне изменить систему подготовки к военной службе, для чего необходимо было пропустить через армию как можно большее количество людей, что достигалось сокращением сроков действительной службы. Это было сделано уже в 1906 году, когда вышел специальный Указ от 07.03.1906 г., в соответствии с которым срока действительной службы был сокращен в пехоте и пешей артиллерии до 3 лет, а в остальных родах войск до 4 лет. Устанавливалось разделение запаса на два разряда: 1-й разряд – младшие возрасты запасных, которые предназначались для пополнения полевых частей, и 2-й разряд – запасные пожилых возрастов, которые предназначались для пополнения резервных и тыловых частей. Введение новых сроков службы позволило быстро восстановить численный состав войск до прежнего предвоенного уровня.

Одновременно в Военном министерстве в декабре 1906 г. был разработан доклад о возможном увеличении численности армии и необходимых мерах для повышения ее боеспособности, однако выяснилось, что Министерство финансов не может удовлетворить требования Военного министерства. Сложившаяся к началу 1909 г. расстановка сил в Европе и подготовка коалиций к войне указывали на то, что наличный

состав не обеспечивал возможности быстрого приведения армии в боевое состояние. Это было вызвано тем, что в рядах вооруженных сил состояло три вида пехоты (полевая, резервная и крепостная), резервная и крепостная не обладала необходимым уровнем боевой подготовки. Между тем содержание этих войск стоило немалых денег для казны. В 1910 г. военный министр представил «Программу по усилению армии», которая была одобрена Советом министров. Военное министерство провело реорганизацию, которая дала незначительное увеличение полевой пехоты за счет преобразования крепостной и резервной пехоты, усиления артиллерии и специальных войск. В марте 1913 г. военное ведомство представило программу увеличения армии, т.н. «Большую программу», которая была утверждена только накануне войны и не была осуществлена, однако мероприятия по усилению армии, проведенные в 1909-1913 гг., имели положительные результаты: 1) армия получила более стройную организацию. Введено единообразие высших соединений (корпусов и дивизий); в армейский корпус теперь входило две дивизии 2-бригадного состава, казачий полк, мортирный дивизион, телеграфная и прожекторная роты. В пехотную дивизию включались две пехотные бригады 2-полкового состава, артиллерийская бригада, казачья сотня и конвойная сотня; 2) увеличено число новых армейских корпусов за счет переформирования резервных и крепостных частей. Крепостная и резервная пехота были упразднены, что позволило сформировать 7 новых полевых дивизий, стрелковую бригаду и, кроме того, довести существующие бригады до 8-батальонного состава; 3) усилена артиллерия и инженерные части. В 1910 г. были упразднены инженерные бригады, все части получили батальонную организацию.

Важной мерой явился переход к территориальной системе комплектования, при которой места дислокации и формирования новых частей были максимально приближены к местам проживания призывников, а это привело к снижению времени подготовки частей.

В конце 1910 г. для сокращения срока обучения в войсках в школах вводится курс начальной военной подготовки. В гимназиях классы с курсом военной подготовки назывались «потешными войсками» в память «потешных» Петра Великого. Например, во Владимире подобные «потешные войска» были созданы при 9-м гренадерском Сибирском полку, в «потешном» полку был командир из числа опытных офицеров полка.

В период с 1906-1913 гг. большое внимание уделялось боевой подготовке личного состава армии. В задачу обучения входила подготовка войск для ведения боевых действий. С учетом опыта войны был выпущен ряд наставлений: «Наставление для самоокапывания пехоты» (1909), «Наставление для стрельбы из винтовки» (1914). Уделялось большое внимание физической подготовке солдат, для чего было выпущено «Наставление для обучению солдат гимнастике». С появлением нового вида оружия – пулеметов в 1912 г. был выпущен «Строевой устав пулеметных команд пехоты». Во время военной службы обучение солдат проходило в несколько этапов; 1) солдат проходил одиночное обучение, куда входили строевая и физическая подготовка и умение владеть оружием; 2) совместные действия солдат в составе отдельного взвода, роты и батальона; в это время решались задачи профессиональной подготовки по отдельным родам оружия; 3) завершалась боевая подготовка отработкой совместных действий нескольких родов оружия на учениях и маневрах.

С целью повышения грамотности среди солдат во всех частях Российской императорской армии были образованы начальные школы для обучения неграмотных солдат чтению, письму, арифметике. Грамотность солдата становилась одним из условий для дальнейшего продвижения по службе.

Подготовка унтер-офицерских кадров проводилась в полковых учебных командах, в которые отбирались наиболее смышленные и грамотные солдаты. Под руководством опытных офицеров, многие из которых имели опыт русско-японской войны, они проходили годичный курс обучения. Кроме этого

командование всячески старалось удержать опытные унтер-офицерские кадры на службе, для этого оставшимся на сверхсрочную службу было повышено денежное содержание.

Большое внимание уделялось подготовке офицерского корпуса. Первоначальная подготовка молодого человека была возложена на кадетские корпуса. Уровень подготовки в корпусах в общем отвечал требованиям времени. После окончания корпуса большинство выпускников поступали в средние военные и юнкерские училища. С целью выравнивания уровня подготовки офицерских кадров в 1911 г. все училища были переведены на 2-летнюю программу подготовки военных училищ.

В целом все эти мероприятия позволили Русской армии вступить в Первую мировую войну в достаточной степени подготовленной для выполнения возложенных на нее задач. Но изменения на этом не остановились и продолжались в течение всей войны.

В течение Первой мировой войны можно выделить, по крайней мере, три периода, во время которых происходили явные и масштабные изменения в деятельности российского государства в условиях войны.

Первый период (лето 1914-го – ноябрь 1914 года) – период мобилизации до первых серьезных боев. Характеризуется нарастанием патриотических настроений, верой среди гражданского населения и военных в скоротечный характер войны, с точки зрения военно-управленческой деятельности государства мобилизация и переброска войск к месту военных сражений показали отлаженный механизм военной машины, действующий по конкретному плану и без сверхнапряжения.

Второй период (ноябрь 1914-го – лето 1916-го) – самые тяжелые этапы войны, потери, отступления, перестройка государства и общества на ведение затяжной войны.

Третий период – осень 1916-го – середина 1918 года – связан с нарастающим политическим кризисом в стране и постепенным распадом государственности, в этот период происходит изменение отношений солдатских масс к своим

командирам, происходит переход от первых случаев неподчинения к массовому дезертирству и распаду армии.

Как все это происходило, мы попробуем проследить не на примере верхнего уровня государственного управления, а на примере военной жизни конкретных воинских подразделений Русской армии - двух полков 1-й бригады 55-й пехотной дивизии, которые были сформированы в г. Владимире.

Сведения и факты о том, что происходило в этих полках, были извлечены авторами из документов, хранящихся в Военно-историческом архиве России и никогда ранее не публиковавшихся.

Изучение документов указанных двух полков показывает, что российская государственность в целом справилась с организацией военной мобилизации и переходом к войне.

Формирование пехотных полков второй очереди в г. Владимире началось организованно и по плану с объявлением Высочайшего повеления от 17.07.1914 г. о всеобщей мобилизации. В летних лагерях 1-й бригады 3-й гренадерской дивизии на основе кадра 9-го гренадерского Сибирского полка из 25 офицеров, 3 военных чиновников и 210 нижних чинов формируется 217-й пехотный Ковровский полк. На биваке у полковых казарм на основе кадра 10-го гренадерского Малороссийского полка в составе 25 офицеров, 3 военных чиновников и 240 нижних чинов формируется 218-й пехотный Горбатовский полк. Командирами полков были назначены: 217-го пехотного Ковровского полка – старший штаб-офицер 9-го гренадерского Сибирского полка полковник Дмитрий Семенович Наумовский и 218-го пехотного Горбатовского полка – старший штаб-офицер 10-го гренадерского Малороссийского полка полковник Гавриил Николаевич Софронов.

Уже к исходу 20 июля 1914 г., то есть через три дня после объявления мобилизации, полки были полностью укомплектованы офицерским составом по штатам военного времени. В полки прибыло 59 прапорщиков запаса армейской пехоты, из которых 29 – поступили на формирование 217-го пехотного Ковровского полка и 30 – в 218-й пехотный

Горбатовский полк. Кадровый офицерский состав был назначен на должности помощников командира полка, командиров батальонов, рот и полковых команд, а офицеры, призванные из запаса, назначались на должности младших офицеров рот и команд. Комплектование полков нижними чинами происходило в порядке прибытия команд запасных нижних чинов: 217-й пехотный Ковровский полк комплектовался запасными нижними чинами, прибывшими от Владимирского, Ковровского, Судогодского, Муромского и Елатомского уездных воинских начальников; 218-й пехотный Горбатовский полк комплектовался запасными нижними чинами, прибывшими от Владимирского, Меленковского, Елатомского, Ардатовского и Горбатовского уездных воинских начальников.

Конский состав на укомплектование формируемых полков поставлен: от Владимирского и Ковровского уездных воинских начальников в 217-й пехотный Ковровский полк; от Владимирского, Горбатовского и Елатомского уездных воинских начальников – в 218-й пехотный Горбатовский полк.

К первому августа 1914 г. полки полностью закончили свое формирование, затратив на это две недели. В каждом полке имелись: штаб полка, состоящий из 7 офицеров, 3 военных чиновников и полкового священнослужителя; полковая команда связи в составе обер-офицера, 13 конных ординарцев, 21 телефониста и 4 самокатчиков; полковая пулеметная команда в составе 2 офицеров, 88 унтер-офицеров и нижних чинов (8 станковых пулеметов «Максим»); нестроевая рота в составе 240 нижних чинов при 2 офицерах; взвод дивизионного обоза численностью 47 нижних чинов при офицере; 1-й, 2-й, 3-й и 4-й батальоны, составленные из 16 рот численностью каждая в 240 нижних чинов при 2-3 офицерах.

217-й пехотный Ковровский и 218-й пехотный Горбатовский полки составили 1-ю бригаду 55-й Пехотной дивизии, развернутую из кадра 3-й Гренадерской дивизии XXV Армейского корпуса. Вновь сформированным полкам были выданы старые знамена, ранее хранившиеся в полковых церквях первоочередных полков.

31.07.1914 г. 217-й пехотный Ковровский и 218-й пехотный Горбатовский полки выступили из г. Владимира в поход и были перевезены в Красносельские летние лагеря под Петроградом, будучи назначенными в состав гарнизона крепости Кронштадт. Однако уже 13 августа полки были зачислены в состав гарнизона Морской крепости Императора Петра Великого. Прибыв 16.08.1914 г. в Ревель, полки перешли в местечко Кегель Эстляндской губернии, заняв квартирный район д. Росси, мыз Кегель, Охто и Эшенроде. Полки составили гарнизоны укреплений сухопутного фронта крепости для защиты от взятия открытой силой и нечаянного нападения на приморский фронт крепости от полуострова Суруп до полуострова Вимс.

Полки, сформированные по мобилизации 1914 г., по своему штатному составу, численности и вооружению практически полностью соответствовали кадровым полкам Русской армии, однако прослойка кадровых чинов была крайне небольшой и составляла от 4,6% - 217-й пехотный Ковровский полк до 7,2% в 218-м пехотном Горбатовском полку. Остальной личный состав полков составляли офицеры и нижние чины, состоящие на момент мобилизации в запасе армейской пехоты. Командный состав старался, чтобы полки, развернутые по мобилизации, в полной мере походили на кадровые полки, вплоть до внешнего вида солдат и организации быта в полку. Поэтому в Ревеле были закуплены музыкальные инструменты и созданы полковые музыкантские команды, организовывались швальни и сапожные мастерские, в ротах назначались цирюльники, дабы придать нижним чинам надлежащий воинский вид. Музыкантские команды образовывались на нештатной основе, состояли из 45 нижних чинов при военном чиновнике и находились под наблюдением полкового адъютанта. Стараниями кадрового офицерства в полках были образованы команды разведчиков (1 обер-офицер и 64 нижних чина), составленные из людей сильных, ловких, отличавшихся особой сметливостью, твердым и решительным характером.

Состоя в крепостном гарнизоне, полки служили источником пополнения и укомплектования воинских частей 1-й армии

Северо-Западного фронта, понесших значительные потери в летней Восточно-Прусской операции Северо-Западного фронта. Так, 09.09.1914 г. на восполнение потерь в 100-м пехотном Островском и 105-м пехотном Оренбургском полках было направлено два батальона общей численностью более 2 тыс. человек, 11.09.1914 г. – 5 взводов от полковых пулеметных команд с вооружением, материальной частью и конским составом на пополнение убыли в пулеметных командах 27-й пехотной дивизии. В течение 12 – 30 сентября в полках за счет ратников Государственного ополчения Виленского военного округа, маршевых рот 171-го (Красное Село) и 174-го (Вильно) запасных пехотных батальонов в полках были сформированы новые батальоны, а из наличных чинов полков, ранее обученных пулеметному делу, полковые пулеметные команды были приведены в штатную численность.

Восьмого ноября 1914 г. в связи с прорывом фронта на стыке 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта, осуществленным германскими войсками в ходе Лодзинской операции, полки в составе 55-й пехотной дивизии были перевезены в Скерневицы, а 10 октября походным порядком перешли в район г. Лович, где и произошло первое боевое столкновение двух полков с силами противника. В ходе тяжелых боев под Ловичем полки понесли большие безвозвратные потери и 17 ноября 2014 года были отведены в тыл для обустройства. О тяжести боев и величине потерь можно судить по тому факту, что на момент вывода полков с передовой позиции в строю состояло: в Ковровском полку – 3 офицера и 140 нижних чинов, в Горбатовском полку – 7 офицеров и 390 нижних чинов. Полки удалось доукомплектовать к концу ноября за счет присоединения к ним отдельных команд и нижних чинов, отбившихся от своих воинских частей, и за счет отчисления команд от полков 2-й бригады.

Таким образом, на этом первом этапе мобилизация была проведена эффективно и организованно, российская государственность вполне справилась с этой задачей, о каких-

либо серьезных возникших проблемах в ходе мобилизации в документах сведений не обнаружено.

К концу 1914 г. полки были развернуты в 3-батальонный состав, причем третьи батальоны состояли из 2 рот. В составе частей полкового подчинения числились команда связи, пулеметная команда и вновь сформированная нестроевая рота. Комплектование полков производилось за счет маршевых рот, прибывших из нескольких запасных пехотных батальонов (из г.г. Харьков, Владимир, Рига, Петровск, Камышин, Александров).

Одно из первых значительных боевых столкновений с участием обоих полков произошло в январе 1915 года во время наступательной операции VI Армейского корпуса, конечной целью которой являлось занятие фольварка Воля Шидловская. 17 января 1915 г., атакуя неприятельские позиции у винокуренного завода, полки были рассеяны пулеметным огнем и отброшены в исходное положение, понеся значительные потери. Так, после атаки 217-й пехотный Ковровский полк состоял только из 2 рот. Сразу же после окончания боя начинаются мероприятия по приведению полка в порядок. В феврале, получив необходимые укомплектования личным составом, полки были приведены в штатный 4-батальонный состав с необходимым количеством полковых команд. 218-й пехотный Горбатовский полк был развернут до штатного состава 05.02.1915 г., приняв маршевые роты 99-го (Пенза), 124-го (Пермь), 151-го (Камышин), 162-го (Пермь), 159-го (Аткарск), 197-го (Александров) запасных пехотных батальонов. Маршевыми ротами 93-го (Царицын), 107-го (Пермь), 173-го (Москва) запасных пехотных батальонов, 4-го (Сретенск) и 5-го (Березовка) запасных сибирских стрелковых батальонов 27.02.1915 г. был укомплектован до штатной численности 217-й пехотный Ковровский полк.

Так начался второй этап мировой войны, в течение которого Русская армия оказалась вовлечена в тяжелые полномасштабные бои; при этом нельзя сказать, что это испытание для российской государственности оказалось катастрофическим – организация военных действий,

обеспечения армии и тыла показывают, что вплоть до конца 1916 года у российского государства не возникало особых проблем.

Это хорошо видно и по полковым документам. С 03.03.1915 г. владимирские полки в составе 55-й пехотной дивизии занимали участок позиции, располагающийся по линии р. Равка, от д. Суха до д. Самица, участвуя в боях местного значения. В этот период в полках были сформированы особые военно-полицейские команды, в обязанности которых входило поддержание порядка в ближайших полковых тылах и в местах расположения резервов, несение заградительной службы, соблюдение нижними чинами уставных требований и распорядка. Руководство командой осуществлял обер-офицер, одновременно являющийся и полковым комендантом. В строевой состав команды входили ст. унтер-офицер, мл. унтер-офицер, 32 рядовых и денщик. Одновременно в течение марта – апреля 1915 г. полки получали маршевые пополнения из состава 93-го (Царицын), 149-го (Екатеринбург) и 215-го (Владимир) запасных пехотных батальонов.

К 30.05.1915 г. полки располагался на позициях в районе д. Воля Шидловская, где в полной мере испытали поражающее действие германских удушающих газов в боях 18 мая (217-й пехотный Ковровский полк) и 30 июня (218-й пехотный Горбатовский полк). Потери полков составили более половины личного состава, и 26.05.1915 г. полки были выведены в резерв командующего 4-й армией Северо-Западного фронта. Находясь в резерве, полки были пополнены маршевыми ротами 3-го (Петроград), 68-го (Ново-Александрия), 130-го (Бугуруслан) и 133-го (Бузулук) запасных батальонов, 613-й и 620-й пеших Томских дружин государственного ополчения. Характерно, что довольно быстро, то есть почти за две недели, к 09.06.1915 г. штатная численность полков была восстановлена.

27.05.1915 г. в полках сформированы учебные команды для подготовки унтер-офицеров. Приказ начальника дивизии определял, что учебная команда полка должна состоять под командой 2 офицеров, имеющих боевой опыт, и формироваться

из 4 унтер-офицеров, отчисленных от каждого батальона, и 6 (в Горбатовском полку) и 10 (в Ковровском полку) нижних чинов «хорошо грамотных, толковых и отличного поведения», откомандированных в команду от каждой строевой роты. Седьмого июня 1915 г. для устройства позиций и переправ, разрушения вражеских укреплений при помощи взрывчатых веществ, прокладки путей и обустройства стоянок в полках были образованы команды войсковых саперов, для составления которых от каждого батальона было назначено по одному унтер-офицеру и от каждой роты по 6 нижних чинов.

С 10.06.1915 г. полки, доведенные до штатной численности, заняли позиции в районе д. Воля Шидловская от высоты «45,8» до фольварка Могилы, которую обороняли до июня 1915 г. Начиная с 03.07.1915 г., исполняя общую директиву Верховного Главнокомандующего, полки отходили из Царства Польского в русские пределы. По мере стабилизации фронта полки, понесшие безвозвратные потери, были вновь доукомплектованы до штатной численности: 217-й пехотный Ковровский полк – маршевыми ротами 24-го (Полтава), 52-го (Псков), 60-го (Тамбов), 99-го (Пенза), 168-го (Ирбит), 186-го (Ярославль) запасных пехотных батальонов; 218-й пехотный Горбатовский полк – маршевыми ротами 3-го (Петроград), 37-го (Екатеринослав), 39-го (Тверь), 97-го (Симбирск), 155-го (Астрахань), 233-го (Полтава) запасных пехотных батальонов.

Позиционные формы войны, превалирующие в конце 1915 г., реанимировали забытую форму ведения боя ручными гранатами специально подготовленными солдатами. 05.10.1915 г. ввиду отсутствия достаточного количества винтовок (в 217-м пехотном Ковровском полку на вооружении числилось всего лишь 932 винтовки) была сформирована особая команда гренадеров (бомбометателей) в составе 2 обер-офицеров, ст. унтер-офицера, 3 мл. унтер-офицеров и 96 гренадеров. Гренадеры обучались особым действиям при штурме неприятельских позиций, метанию ручных гранат, ведению боя совместно с полковой командой войсковых саперов с целью проникновения в тыл противника и расширения проходов в

заграждениях из колючей проволоки. Опыт созданной команды оправдывал те цели, которые были возложены на нее, и позволил использовать безоружных нижних чинов в качестве бомбометателей, которых по недостатку винтовок имелось достаточное число в каждом полку дивизии. Так, 25.10.1915 г. в Ковровском и Горбатовском полках были образованы гренадерские команды, которые четвертыми взводами были включены в каждую строевую роту. Гренадерский взвод состоял из взводного унтер-офицера, 4 отделенных ефрейторов и 48 нижних чинов. Дивизионные документы того периода отмечают, что в течение ноября – декабря 1915 г. штабом дивизии уделяется пристальное внимание обучению и подготовке гренадерских взводов. В каждом батальоне назначался обер-офицер, который заведовал обучением гренадерских взводов. В гренадерские взводы избирались люди смелые и энергичные, вооруженные каждый 10 гранатами, удобно повешенными на поясе, и топорами произвольного образца, а также снабженные каждый лопатой, по возможности большой, и ручными ножницами для резки проволоки.

19.02.1916 г. полки походным порядком выступили в район д. Талут. В первой половине марта полки участвовали в безрезультатном наступлении 55-й пехотной дивизии. По окончании операции полки занимали позиции на юго-западном берегу озера Нарочь.

01.04.1916 г. в полках были сформированы команды конных разведчиков, прошедших специальную подготовку в части изучения технической стороны кавалерийского дела при 1-м запасном кавалерийском полку (Сызрань). Строевой состав команды конных разведчиков состоял из обер-офицера, ст. унтер-офицера, мл. унтер-офицера, 18 ефрейторов и 63 разведчиков. Шестого января 1917 г. был введен новый штат конно-разведческих команд пехотных полков, по которому команда под началом офицера составлялась из ст. унтер-офицера, 2 мл. унтер-офицеров, 5 ефрейторов и 42 нижних чинов. Недостаток строевых лошадей заставил 13.04.1917 г. скорректировать штаты команд, теперь вместо 42 конных

разведчиков состояло только 25. В этот же месяц находившиеся в команде связи самокаты (т.е. велосипеды) были заменены 3 мотоциклами.

28.04.1916 г. полки были сменены на позициях и отведены в г. Молодечно, в котором с 07.05.1916 г. числились в резерве командующего 4-й армией. В период нахождения в резерве в полки прибыли высочайше пожалованные собственные знамена и в период 19.05 – 21.05.1916 г. в полках состоялись церемонии освящения знамен, их прибития к древку и присяги знамени. Старые знамена полков, с которыми они вышли на войну в сопровождении полковых адъютантов, были отправлены во Владимир.

В период 20.06 – 28.08.1916 г. полки участвовали в Барановичской наступательной операции войск Западного фронта, а с 10.07.1917 г. вели бои, занимая позиции в районе д. Скробово. Именно у этого населенного пункта полки испытали мощь нового германского оружия – огнеметов, которые 27.10.1916 г. противник впервые применили на русско-германском фронте.

В период 1916 г. пополнения прибывали: в 217-й пехотный Ковровский полк – из 11-го (Житомир), 12-го (Киев), 37-го (Екатеринослав), 50-го (Усть-Двинск), 51-го (Вильно), 101-го (Саранск), 121-го (Москва), 136-го (Лида), 286-го (Калуга), 289-го (Калуга), 292-го (Калуга) запасных пехотных батальонов (полков); в 218-й пехотный Горбатовский полк – из 11-го (Житомир), 50-го (Усть-Двинск), 52-го (Псков), 136-го (Лида), 289-го (Калуга), 217-го (Зарайск) запасных пехотных батальонов (полков). Следует отметить, что наибольший процент маршевых укомплектований за период 1916 г. поступил из запасных частей, дислоцирующихся в украинских губерниях.

Структура пехотных полков продолжала насыщаться новыми частями полкового звена, усиливающими огневую мощь и боевую стойкость полка на позиции. Так, 02.07.1916 г. при полках были сформированы команды траншейных орудий, состоящие под командой подготовленных обер-офицеров и которые первоначально состояли из унтер-офицера, 4

ефрейторов и 33 нижних чинов каждая. На вооружении полковой команды траншейной артиллерии состояло 4 бомбомета «Г.Р.». Двенадцатого июля 1917 г. команда траншейных орудий была переформирована в два отделения – бомбометное и минометное. На вооружение последнего состояли 6 минометов Азена. Соответственно увеличился и штатный состав команды – 2 обер-офицера (начальник команды и мл. офицер), ст. унтер-офицер, 2 мл. унтер-офицера, 8 ефрейторов и 60 нижних чинов.

Третий этап войны, самый драматический для российской государственности, начинался так, что ничто не предвещало скорый финал этой драмы.

Российская армия продолжала внутренние изменения, отражавшиеся на конкретных воинских подразделениях: шло перевооружение, активное внедрение пулеметного оружия, минометов, средств защиты от газовых атак и т.д. Однако проблемы пришли не из сферы технологического обеспечения военных действий.

Восемнадцатого февраля 1917 г. полки заступили на позиции, располагавшиеся у д. Тарасовичи и у Вишневого озера. На этих позициях в полках узнали о происшедшей в Петрограде революции и переходе всей власти к Временному правительству. В середине марта полки были приведены к присяге Временному правительству, в связи с чем командиры своим распоряжениями отменили все дисциплинарные взыскания, наложенные ими до принятия присяги, как за опоздание из отпуска, так и за другие маловажные проступки. В период 16.04 – 25.04.1917 г. в полках прошли выборы в полковой комитет и ротные комитеты солдатских депутатов.

Необходимо отметить, что в этот период доверие солдат к офицерам еще не было подорвано, и, наверное, поэтому практически все комитеты полкового и ротного звена пропорционально поровну состояли из солдат и офицеров. С развитием демократических начал, объявленных «Декларацией прав солдата», в армейской среде стремительно стала падать воинская дисциплина, что повлекло нарушение всего воинского

уклада жизни полков. Комитеты выражали недоверие и смещали командиров, боевые приказы выносились на обсуждение всего личного состава полка, в полках то и дело проходили митинги по любому поводу. Участвовавшие случаи отказа от выполнения боевых приказов, а зачастую и открытое неповиновение солдат офицерам вынудили командование формировать «штурмовые части, численностью до батальона включительно, при каждом полку или дивизии из солдат, верных Присяге, не утративших чувства долга и самопожертвования во имя Родины». Боевыми задачами штурмовых частей являлись прорыв фронта и укрепленных позиций, захват и удержание отдельного участка позиции или тактически важного пункта, разрушение вражеских оборонительных сооружений и захват пленных. В начале июня 1917 г. в составе 217-го пехотного Ковровского и 218-го пехотного Горбатовского полков были сформированы штурмовые роты, для чего из каждого батальона полка на формирование отчислялась сводная полурота с пулеметом и инженерным имуществом. Формировались штурмовые роты полков в основном из добровольцев, по преимуществу опытных и старослужащих солдат и унтер-офицеров. К примеру, в 217-м пехотном Ковровском полку штурмовая рота составила в основном из офицеров и солдат, ранее состоявших в гренадерских взводах. Штурмовые роты полков были сформированы 11.06.1917 г. в следующих составах: штурмовая рота 217-го пехотного Ковровского полка – 4 обер-офицера, 4 ст. унтер-офицера, 8 мл. унтер-офицеров и 189 нижних чинов при 3 станковых и 2 ручных пулеметах; штурмовая рота 218-го пехотного Горбатовского полка – 2 обер-офицера, 4 ст. унтер-офицера, 8 мл. унтер-офицера и 126 нижних чинов при 3 станковых пулеметах. Седьмого июля в составе штурмовых рот были сформированы четвертые взводы в составе обер-офицера, 2 ст. унтер-офицера, 6 мл. унтер-офицера, 8 ефрейторов и 50 нижних чинов, а 12.08.1917 г. все штурмовые роты были отчислены от полков и непосредственно подчинены начальнику дивизии, образовав штурмовой батальон 55-й пехотной дивизии.

В целом надо отметить, что к середине 1917 г. пехотный полк Русской армии по своему составу (штаб, 3 батальона из 12 рот, нестроевая и штурмовая роты, саперная полурота, взвод дивизионного обоза, команда связи, команда конных разведчиков, 4 пулеметных команды, команда траншейной артиллерии, команда по борьбе с газами, военно-полицейская и учебная команды), системе комплектования (введение системы территориальной подготовки маршевых пополнений для каждой воинской части) и вооружению (28 станковых пулеметов типа «Максим», «Кольт» и «Гочкис», от 12 до 24 ручных пулеметов в ротах, 4 бомбомета и 6 минометов) в полной мере отвечали реалиям заключительного периода Первой мировой войны.

Чего нельзя сказать о дисциплине в полках, в которых появились агитаторы, пропагандирующие выход из войны. Характерно, что призывы о применении строгих мер к лицам, агитирующим против войны, призывы к исполнению приказов начальства, насыщение частей огневыми средствами и формирование штурмовых батальонов не смогли выправить положение. С сентября 1917 г. отмечаются случаи оставления позиций частями полков, отказы полков выходить на позицию и исполнять боевые приказы. Четвертого сентября по пустяковому поводу был избит командир Ковровского полка полковник И. Апин, в этот же месяц в 218-м пехотном Горбатовском полку начинаются массовые физические расправы над офицерами. С сентября 1917 г. с целью удержания частей 55-й пехотной дивизии в повиновении штаб армии был вынужден расположить в ее тыловом районе 2-ю Туркестанскую казачью дивизию. В это же время все военнослужащие-украинцы были отчислены в состав 137-й пехотной (украинизированной) дивизии.

В результате победы вооруженного восстания в Петрограде в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. пролетариат взял власть в свои руки, и партия большевиков в качестве правящей партии приступила к установлению диктатуры пролетариата. Вечером 26.10.1917 г. в г. Минске вся власть перешла в руки Минского Совета рабочих и крестьянских депутатов. В 3-й армии Западного фронта вся власть перешла к Военно-революционному комитету,

состоявшему из большевиков, который из кадров 217-го пехотного Ковровского и 218-го пехотного Горбатовского полков и ряда других частей начал формирование 2-й дивизии белорусской Народно-социалистической (Красной) армии.

На начало февраля 1918 г. полки были расквартированы в г. Москве, где оставшееся вооружение, боеприпасы и амуниция были сданы на склады Московского военного округа, а документы – в штаб Московского военного округа. Окончательно полки были расформированы 30.05.1918 г.

Таким образом, можно отметить, что в период Первой мировой войны, особенно в первые два этапа, российская государственность показала свою эффективность в деле мобилизации и организации военных действий, однако политический кризис и его распространение на военные формирования нивелировали эту эффективность и в итоге привели к распаду государства.

ГЛАВА 9. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ДОЛГОСРОЧНЫЕ И СИТУАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ КРУШЕНИЯ МОНАРХИИ В РОССИИ

В данной главе рассматривается Февральская революция 1917 года как результат каузального влияния долгосрочных и ситуативных факторов. Долгосрочным фактором считается хронический кризис легитимности режима принуждения, который сложился в начальный период становления Российской империи. Самодержавие пыталось преодолеть этот кризис путём идеологических заимствований (петровский и екатерининский камерализм XVIII века) и использования религии в качестве фактора легитимации – от формулы «православие, самодержавие, народность» до религиозного освящения личного авторитета царя при Александре III.

Непоследовательность при проведении реформ 1860-х годов и неспособность к длительной мобилизации во время затяжных военных столкновений определяли стратегическую уязвимость самодержавной власти. Первая мировая война стала переломным событием в судьбе самодержавия. Непредвиденное затягивание войны вызвало хаос управления, денежную инфляцию и дефицит продовольственного снабжения крупных промышленных городов. Наложение долгосрочных и ситуативных кризисных факторов привело к революционному взрыву – сначала в столице империи Петрограде, а затем к его быстрому распространению по всей территории России.

Ключевые слова: историческая социология, кризис легитимности, полицейское государство, революция, самодержавие.

I

Февральская революция 1917 года, эпохальное событие в истории России, долгое время оставалась в тени Октябрьского переворота. На протяжении советского периода считалось, что буржуазно-демократический Февраль – это лишь прелюдия

«великого» социалистического Октября, переходное событие. Этот взгляд опирался на марксистскую теорию революции, в которую одинаково верили российские социал-демократы начала XX века, большевики и меньшевики: революции социалистической неизбежно должна предшествовать революция буржуазная как предварительный исторический этап²⁵⁴. Поскольку в Российской империи буржуазная революция ещё не состоялась – революция 1905-1907 гг. окончилась поражением – Февраль и был из догматических соображений объявлен революцией буржуазной.

Именно в этом идеологическом ключе воспринимал февральские события их непосредственный участник меньшевик Николай Суханов. В русле этой теории он как член Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, учреждённого в Петрограде 27 февраля, вёл в ночь с 1 на 2 марта 1917 года в Таврическом дворце переговоры с членами Временного комитета Государственной думы о передаче власти²⁵⁵. Образованное по результатам этих переговоров Временное правительство как раз представлялось выразителем интересов якобы победивших буржуазных кругов. Советская историография, разумеется, не могла придавать решающего значения промежуточному событию. Однако уже формальное сравнение Февраля и Октября показывает, что именно Февраль по праву может считаться революцией в широком смысле, в то время как Октябрь в большей мере представлял собой спланированный политический переворот, успешно осуществлённый партией большевиков при поддержке левых эсеров.

Существует множество определений революции как переломного события. Узкие определения акцентируют в качестве необходимого и достаточного условия революции

²⁵⁴ В свою очередь это ожидание русских революционеров опиралось на марксистскую философию истории как смены общественно-экономических формаций под влиянием прогресса общества. При этом сама смена одной общественно-экономической формации другой мыслилась как скачкообразный процесс, как революция.

²⁵⁵ Суханов Н. Н. Записки о революции. М.: Издательство политической литературы, 1991. Т. 1. С. 50-51. Даты указаны по старому юлианскому календарю, действовавшему в России до конца января 1918 года.

смену формы государственной власти. Широкие определения непременно включают в объём понятия коренную трансформацию социальных структур общества. Ниже под революцией будут пониматься особые события в обществе. В ходе революции одновременно упраздняются старые и устанавливаются новые основы порядка. Упразднение старых и установление новых основ порядка – ключевая характеристика революций²⁵⁶.

С этой точки зрения в результате февральских событий 1917 года была упразднена монархия в России; были декларированы равные права всех граждан России независимо от пола, вероисповедания или национальной принадлежности; была провозглашена свобода слова, печати, союзов, собраний и забастовок; вводились выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; была ликвидирована царская полиция и учреждена народная милиция и т. д.²⁵⁷ Иными словами, коренным образом ликвидировался один порядок и устанавливался новый, прямо противоположный. Октябрьский переворот не имел, по сути, таких фундаментальных учредительных шагов и мер по упразднению основ прежнего, постфевральского порядка. В результате политического переворота было создано социалистическое правительство, состоящее из представителей партии большевиков и левых эсеров, которое на тот момент также было временным, поскольку не отменялась предпосылка о том, что вопрос о форме власти в России должно окончательно решить Учредительное собрание. Новое социалистическое правительство первыми своими действиями легализовало *фактическое* положение дел: декретом о мире оно узаконивало всеобщее нежелание общества продолжать войну, а декретом о земле уже во многом свершившийся в деревне насильственный передел крестьянами помещичьей земли.

²⁵⁶ О теории революции как абсолютных событиях см.: Филиппов А.Ф. Триггеры социальных событий // Логос. 2006. № 5 (56). С. 104-117.

²⁵⁷ Подробнее см.: Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. Т. 9 / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1994. С. 123-125.

Понимание революции как серии событий, упраздняющих и одновременно учреждающих новые основы порядка в обществе, располагает к тому, чтобы искать причины революции, по меньшей мере, в двух направлениях. С одной стороны, в реакциях общества на устройство старого порядка, а с другой – в тех движущих силах, которые способствовали ослаблению власти и сил поддержания порядка. Февральские события 1917 года обнаружили два взаимосвязанных обстоятельства – обострённую реакцию общества в форме резкой политизации сознания, вылившуюся в акции массового уличного протеста в столице Российской империи, и неспособность власти, располагавшей образцовыми полицейскими силами, поддержать порядок. Существует, по меньшей мере, три объяснительные концепции, при помощи которых исследователи пытались осмыслить невероятную легкость и стремительность падения монархии и характерного для неё полицейского порядка.

Прогрессисты рассматривали Февраль как закономерный итог форсированных модернизационных процессов. Революция по этой схеме должна была непременно случиться. Участие России в Первой мировой войне стало лишь катализатором неизбежного. Сторонники теории заговора видели причины Февраля в сети злонамеренных интриг, которые плелись вокруг императора Николая II в высших кругах российского общества, включая генералитет. Заговорщики использовали массовый протест для смены власти. Последователи теории случайности находили в Февральских событиях лишь ряд роковых решений, досадных ошибок и поспешностей, которых можно было бы избежать при ином обороте дел. Однако базовые аргументы к необходимости, заговору и случайности представляются чрезмерно редуccionистскими. Социальные события в обществе носят принципиально *контингентный* характер. С одной стороны, события открыты иным возможностям протекания, с другой – их вектор задаётся предшествующей логикой развития. Проект рефлексивной исторической социологии, которому и предлагается в дальнейшем следовать, учитывает эти

обстоятельства и концентрирует исследовательское внимание на взаимосвязях объективных и субъективных факторов исторического процесса²⁵⁸.

Взгляд на революцию как серию упраздняющих и учреждающих событий предполагает аналитическую деконструкцию существующего порядка. В ходе революции меняется порядок. Но что значит порядок? Это приводит нас к фундаментальному социологическому вопрошанию. С какой бы позиции ни рассматривать факторы, влияющие на видимую упорядоченность социальных действий, в производстве порядка в обществе можно аналитически вычленить принудительные, корыстные, рациональные, нормативные и интеграционные компоненты действий. Специфическая взаимосвязь этих факторов обуславливает ту социальную действительность, которая переживается в обществе в качестве данного здесь и сейчас порядка. Базовую проблему порядка создаёт то обстоятельство, что на определённых исторических интервалах времени в производстве порядка может доминировать один из перечисленных факторов.

Порядок в Российской империи, который рухнул в ходе Февральской революции, характеризовало *принуждение* как его доминирующая компонента. Российская империя со своего возникновения во второй половине XVII века выстраивалось как полицейское государство с выраженной принудительной структурой отношений правящего слоя к остальному населению. Это означало, что беспрекословное повиновение самодержавной власти являлось главной проблемой порядка в империи – проблемой удержания и замирения огромной территории. Таким образом, решающим обстоятельством, подводющим к установлению причин революции, выступают стратегии политической власти, самодержавия, обеспечивающие стабильность фундаментально неустойчивой системы отношений, построенной на принуждении как доминанте порядка. С другой стороны, важным фактором является обратная

²⁵⁸ О проекте исторической социологии см.: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. 1917–1922 гг. М.: Весь Мир, 1997. С. 18.

реакция общества на изменение стратегий политической власти в условиях социально-политических напряжений, вызванных в первую очередь внешними влияниями.

II

Проницательные мыслители всегда отводили факторам ослабления самодержавной власти в России решающую роль в провоцировании революционных событий. «Успех революции, как показывает весь исторический опыт, всегда зависит не столько от силы взрыва, сколько от слабости сопротивления. Это почти «социологический» закон. У революции 17-го года не было организованной реальной военной силы», констатировал участник февральских событий историк Сергей Мельгунов²⁵⁹. В чём же проявляется слабость политической власти? И более конкретно – в чём проявился кризис самодержавия, приведший к Февральской революции?

Устройство политической власти в обществе включает в себя *силовые* и *символические* компоненты. Силовая составляющая политической власти охватывает монополию на средства насилия в пределах подконтрольной территории и включает контроль над вооружёнными силами поддержания порядка. Символические аспекты связаны с процессами легитимации принимаемых властью решений и растворены в культурных представлениях общества, обеспечивающих согласие с решениями или, по меньшей мере, отсутствие им противодействия. Повседневное воспроизводство порядка в обществе держится на относительно непроблематичном прохождении решений, за что и отвечают символические аспекты. Однако если возникает сопротивление решениям, а это свидетельствует о недостаточности символических ресурсов политической власти, для проведения решений в жизнь уже задействуются силовые составляющие. Чем больше приходится прибегать к силовому ресурсу, тем сильнее кризис легитимности, указывающий на очаги несогласия и неприятия политических решений в обществе.

²⁵⁹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 11.

С представленной точки зрения самодержавная власть в Российской империи испытывала дефицит ресурсов легитимации, поскольку опиралась на принуждение как основу порядка. В то же время самодержавие было вынуждено компенсировать этот хронический дефицит путём заимствований символических ресурсов извне – из иных культур и сфер социальной жизни, прежде всего, религии. Сжатый исторический экскурс позволит проиллюстрировать эти принципиальные обстоятельства устройства и трансформации политической власти в имперской России.

Легализация крепостного права в Соборном Уложении 1649 года обозначила установление жёсткого режима принуждения во внутренней политике империи. При этом всё дальнейшее законотворчество в этом направлении, как отмечал историк Василий Ключевский, «разрабатывало не пределы и условия крепостного права как права, а только способы эксплуатации крепостного труда, и эксплуатации двусторонней: фискальной со стороны казны и хозяйственной со стороны землевладельца. В крепостном владении со времени Уложения являются не хозяева и сельские рабочие как юридические стороны, а порабощённые, повинные платить произвольно налагаемую контрибуцию господам и их вождям, составлявшим правительство. Поэтому правительство расширяет или допускает расширение полицейской власти помещика над крепостными, чтобы сделать его своим финансовым агентом, податным инспектором крепостного труда и блюстителем тишины и порядка в готовой разбежаться деревне, а помещик донимает своё дворянское правительство челобитьями о принятии более строгих мер для возврата своих беглых крепостных»²⁶⁰.

Жёсткий режим принуждения оказался враждебным любой критике со стороны. Соборное Уложение в этом отношении вводило суровые санкции за покушения на власть «державы царского величества». Преступления против чести и здоровья государя карались смертной казнью. Достаточно было выявить

²⁶⁰ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4 / под ред. В.И. Янина; послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимица. М.: Мысль, 1989. С. 93.

злой умысел и написать донос, чтобы возбудить разбирательство властей. Предлогом для доноса могло стать, например, выявление любых отношений с недругами «царского величества». Первая глава Соборного Уложения вводила тяжкие наказания богохульникам и церковным мятежникам. Это означало, что символическая основа власти зарождающегося самодержавия с опорой на религиозную легитимацию была довольно шаткой. Требовались строгие санкции, компенсировавшие отсутствие согласия с действиями авторитарной власти.

Во время правления Петра I критика его реформ достигла такого уровня, что пришлось создавать особый орган для пресечения оскорблений царя, членов его семьи и царских чиновников в новой столице империи Петербурге²⁶¹. Петр I учредил тайную полицию, в задачи которой стала входить «методическая деятельность по подавлению любых общественных проявлений, способных нанести ущерб престижу царской власти. Под репрессии попадали недоброжелательные высказывания в адрес царя, намеренные или ненамеренные искажения царского титула, надругательства над царскими изображениями и др.»²⁶². В то же время Петр I выдвигает в качестве одной из идеологических основ своего правления заимствованные им у немецкого философа Христиана фон Вольфа идеи «всеобщего блага» и «регулярного полицейского государства», известные как камерализм²⁶³. Петр I намеревался по западному образу создать в России правовой и политический порядок с опорой на нравственный закон. Указы царя насквозь были пронизаны морализаторским духом. Нравственный закон, как мыслилось, концентрируется в государстве и сверху вниз

²⁶¹ Во время правления Петра I изъятия у крестьян в форме налогов на проведение реформаторской политики и ведения войн возросли в 4 раза и ставили их на грань физического выживания (см.: Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: Изд. УГГУ, 2005. С. 143).

²⁶² Попов В. А. Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года // Социологическое обозрение. 2014. № 1. Т. 13. С. 74.

²⁶³ Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII-XVIII веков: Попытки сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 64.

распространяется в форме царских указов на всё общество, облагораживает и содействует его благополучию.

Камералистский пафос Петра I уже вскоре обнажил парадоксальное обстоятельство. С одной стороны, самодержавная власть апеллировала к нравственному чувству подданных, надеялась учредить добрые порядки. С другой стороны, усиленно проводилась политика закрепощения крестьян, лишения их элементарных прав и низведения до фактически рабского состояния. Политика закрепощения достигла высшего предела в период царствования Екатерины II, которая также на свой лад развивала идеи камерализма, однако уже на другом фоне крестьянских настроений. Во второй половине XVIII века произошли значительные изменения в реакции крестьянских низов на политику принуждения. Эти изменения выразились в серии крестьянских волнений и большой крестьянской войне под предводительством Е. Пугачёва (1773-1775). Если до времени правления Екатерины II крестьянские протесты мотивировались, главным образом, ненавистью к отдельным правителям, притеснявшим крестьян, то в екатерининскую эпоху крестьянские восстания уже мотивируются враждой против правящего сословия и навязанного им порядка. «Таким образом, – отмечает Ключевский, – крепостное право в том фазисе развития, какого оно достигло во второй половине XVIII в., прежде всего изменило настроение низших классов, их отношение к существующему порядку»²⁶⁴.

Угрозы порядку принуждения локализовались не только снизу, в крестьянских бунтах, но и сверху, в оппозиции самодержавию дворянства. После Отечественной войны 1812 года множество дворян, побывавших в ходе военного похода в европейских столицах, позитивно восприняли политические изменения в Европе после Французской революции 1789-1794 гг. Оппозиция дворянства формировалась в виде тайных обществ, в которых обсуждались проекты переустройства власти и порядка

²⁶⁴ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 4 / под ред. В. И. Янина; послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимица. М.: Мысль, 1989. С. 147.

в России. 14 декабря 1825 года в момент кризиса власти, вызванного неопределённостью в вопросе наследования императорского престола, произошло вооружённое восстание оппозиционно настроенного дворянства, декабристов. Политическая программа декабристов предполагала упразднение самодержавия и отмену крепостного права. Однако восстание было подавлено и со стороны самодержавия послужило поводом для идеологической и организационной перестройки власти.

За основу новой идеологии при Николае I принимается доктрина «официальной народности», которую отражала триединая уваровская формула «православие, самодержавие, народность». Если самодержавие XVIII века репрезентировало стремление к европейским идеалам, а в области практической политики – камералистскую концепцию общего блага, однако замыкалось в конечном итоге на дворянстве как ведущем сословии, то доктрина официальной народности опирается уже на самобытные и консервативные элементы народной жизни как залога общественного блага и спокойствия²⁶⁵. Согласно новой доктрине, «национальный дух выражает себя только в самодержавном государстве и в присущей русскому народу склонности к самодержавию. Пересмотр значения самодержавия исключал аналогию с западными моделями, служившую приёмом идеализации монарха, устраняя тем самым содержательное сходство с Западом. Возвышение и прославление монарха должно было происходить в терминах самого монарха; император имманентен нации, а нация имманентна самодержавию и императору. Следовательно, движение декабристов было уничтожено как случайная и чуждая примесь, которую следовало беспощадно изгнать из системы»²⁶⁶.

Организационная перестройка системы самодержавной власти привела к установлению жёсткого контроля над

²⁶⁵ Попов В.А. Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года // Социологическое обозрение. 2014. № 1. Т. 13. С. 81.

²⁶⁶ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 // От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. С. 362-363.

дворянством и к ограничению его влияния в управлении на местном уровне. Для этих целей была усилена тайная полиция, организовано Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии – орган политического сыска. В управлении империей Николай I сделал ставку на создание широкоразветвлённой бюрократической вертикали, крайне консервативной в своей основе. Тем не менее, несмотря на репозиционирование самодержавия как якобы монархии, опирающейся на самобытный народный дух, Николай I сохранил систему крепостного права, хотя и колебался в этом вопросе и имел благоприятные возможности её отменить²⁶⁷.

Крымская война (1853-1856) стала переломным пунктом, поставившим под сомнение жизнеспособность николаевского порядка. С одной стороны, вскрылось технологическое отставание от европейских стран в системе вооружения и подготовки армии, больно ударявшее по престижу царской власти как гаранта мира на европейском континенте. С другой стороны, затяжной характер войны, бремя которого ложилось главным образом на плечи крестьянства, необходимость широкой мобилизации подневольного населения, привели к напряжению сил, которое уже не могло оправдываться в рамках старой системы правовых отношений. Крестьяне в ответ на участие в войне ожидали освобождения от крепостной зависимости, однако в этом им отказывали. В итоге уже в начале Крымской войны резко увеличилось количество крестьянских протестов, а в 1855 году фактически началось массовое крестьянское восстание, жёстко подавленное лишь с помощью армейской гвардии²⁶⁸. Самодержавие попало в тиски, так как в купе с крестьянскими выступлениями возмутилась значительная часть дворянства, разочарованная поражением в

²⁶⁷ К середине 1840-х годов две трети дворянских имений находились в залоге у государственной казны. Законом от 8 ноября 1847 года крестьянам предоставлялось право откупа и выхода с землей из тех имений, которые продавались с аукциона из-за просроченных долгов. Однако эта возможность была без сопротивления со стороны Николая I заблокирована высшей бюрократией (подробнее см.: Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 4 / под ред. В. И. Янина; послесл. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зиминой. М.: Мысль, 1989. С. 256).

²⁶⁸ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. С. 64-65.

войне и неспособностью престола контролировать общественный порядок.

Реформы 1860-х годов – вынужденный шаг со стороны самодержавия. Однако сам проект реформ и практика их воплощения в жизнь несли в себе мощный конфликтный потенциал. Самодержавие декларировало уступки и демонстрировало готовность поделиться властью с дворянством (земская реформа), но как только дело доходило до конкретного перераспределения полномочий, престол включал обратный ход. В 1865 году земские собрания выдвинули инициативу учредить всероссийское дворянское представительство, которая была воспринята Александром II как попытка ввести конституцию и ограничить самодержавную власть. В ответ на этот почин Александр II в течение следующих лет провёл меры по ограничению прав и полномочий земств, выхолостив изначальную суть земской реформы²⁶⁹. Крестьянская реформа оказалась ещё более конфликтной и с самого начала не удовлетворяла ни одну из сторон отношений. Освобождение от крепостной зависимости обходилось крестьянам крайне высокими выкупными платежами и при этом они теряли часть земельных наделов. В то же время помещики были недовольны решениями столичной бюрократии, навязавшей им, по их мнению, невыгодную редакцию реформы.

Первый крупный кризис пореформенного порядка случился в ходе и результате русско-турецкой войны (1877-1878). Военная мобилизация крестьян спровоцировала в деревне слухи о «черном переделе». Крестьяне надеялись на компенсацию понесённых ими жертв в виде увеличения земельных наделов: якобы сверху выпущено на этот счёт «высочайшее повеление», но местные помещики и чиновники скрывают это неблагоприятное для них решение царя. Напряжённая атмосфера в деревне побудила радикально настроенных народовольцев к совершению террористических актов. Деревенские беспорядки и покушение в апреле 1879 года на Александра II стали поводом для введения в империи *de facto*

²⁶⁹ Литвак Б.Г. Реформы и революции в России // История СССР. 1991. № 2. С. 89.

чрезвычайного положения. Правительство Александра II видело причины случившегося кризиса главным образом в недостатке полицейских мер. Поэтому антикризисные меры включали учреждение постов временных генерал-губернаторов с исключительными правами и полицейскими полномочиями на подконтрольных им территориях империи²⁷⁰.

Террористический акт С. Халтурина в феврале 1880 года в Зимнем дворце шокировал правящую верхушку. В ответ на этот акт Александр II назначает военного диктатора генерала М. Лорис-Меликова, получившего единоличные полномочия по управлению всей карательной системой империи. В то же время принятые чрезвычайные меры свидетельствовали о том, что в повседневном управлении обычные законы отходили на второй план и не могли уже относительно беспроблемно обеспечивать сложившийся порядок. Таким образом, на рубеже 1870-1880-х годов произошёл очередной кризис легитимности режима принуждения, который олицетворяло самодержавие. Кроме того, выкристаллизовался образец запуска кризисных процессов, угрожавших самому существованию самодержавия: оно оказывалось достаточно уязвимым вследствие массовых военных мобилизаций, в то время как в мирные периоды полицейские силы справлялись с задачами поддержания режима принуждения.

III

Убийство Александра II 1 февраля 1881 года стало поворотным пунктом для новой идеологической и организационной перестройки самодержавной власти. Новая репрезентация самодержавия при Александре III включала в себя освящение личного авторитета царя как помазанника божьего и полный отказ от секуляризированных символов, характерных для камерализма XVIII столетия. Конституционализм как основа законов и политических

²⁷⁰ Полицейские полномочия временных генерал-губернаторов предусматривали в том числе «право задерживать и выселять лиц, заподозренных в политической неблагонадежности, закрывать общественные организации и приостанавливать выход газет» (подробнее см.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. М.: Издательство Московского университета, 1964. С. 86).

институтов подвергался осуждению. Православная церковь становилась выразительницей национальной идеи, которая противопоставляла народную традицию идеям просвещения и прогресса. Сословные институты, дворянство и крестьянская община утверждались в качестве социальной базы самодержавия²⁷¹. Организационно-правовую основу режима составило «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», принятое 14 августа 1881 года и названное впоследствии «фактической российской конституцией»²⁷². Положение принималось на трехгодичный срок, однако его юридическое действие продлевалось вплоть до 1917 года. В чем заключалась суть этого документа?

Положение наделяло министра внутренних дел диктаторскими полномочиями для восстановления государственного порядка в тех местностях империи, в которых возникали угрозы общественному спокойствию. В случае беспорядков в той или иной местности могло быть введено исключительное положение, расширявшее административные права полиции в зависимости от двух состояний исключительности – усиленной или чрезвычайной охраны. Усиленная охрана вводилась в том случае, когда выявлялись нарушения общественного спокойствия «преступными посягательствами против государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ, или подготовлением таковых, так что для охранения порядка применение действующих постоянных законов окажется недостаточным»²⁷³. Чрезвычайная охрана применялась в тех ситуациях, когда уже отмечалось «тревожное настроение населения, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка...»²⁷⁴.

²⁷¹ Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 121.

²⁷² Гессен В.М. Исключительное положение. Харьков, 2005. С. 96-98.

²⁷³ Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. 1. № 350, 1885. С. 262.

²⁷⁴ Там же. С. 262.

Нормы Положения давали широкий простор для толкования и определения ситуации по усмотрению должностных лиц – генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников и полицейских чинов. Так, например, режим усиленной охраны непрерывно действовал в Санкт-Петербурге и Москве вплоть до 1917 года.

Согласно Положению, высшие должностные лица наделялись полномочиями запрещать в режимах усиленной и чрезвычайной охраны любые общественные и частные собрания, закрывать торговые и промышленные заведения, высылать в административном порядке лиц, заподозренных в политической неблагонадежности, а также передавать в ведение военных судов дела, которые до введения усиленной охраны рассматривались обычными судами. Местные полицейские власти получали право арестовывать по подозрению в неблагонадежности лиц на срок до двух недель, производить в любое время и в любом помещении обыски, арестовывать имущество подозреваемых лиц (пункты 14-22 Положения). Таким образом, «усиленная охрана осуществлялась за счёт явных ущемлений индивидуальной свободы и прав неприкосновенности личности, а также приостановки гарантий свободы собраний и хозяйственной деятельности»²⁷⁵.

Положение 14 августа 1881 года *de facto* устанавливало полицейский произвол как норму управления. Недаром многие губернаторы стремились ввести усиленную охрану на подведомственных им территориях, так как этот режим предоставлял неограниченные возможности администрирования. В то же время полицейский произвол означал, что символические ресурсы достижения согласия между властью и обществом сокращались. Более того, именно полицейская реакция в годы правления Александра III способствовала популяризации альтернативной символики порядка – распространению либеральных и социалистических идей. Возникла парадоксальная ситуация: полицейская реакция

²⁷⁵ Попов В.А. Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года. С. 85.

была призвана укрепить порядок и сохранить *status quo* в обществе, однако как следствие эта реакция провоцировала запрос на альтернативный порядок. За внешним парадным фасадом полицейского государства закипала взрывоопасная смесь революционных настроений.

Триггером революционных событий 1905-1907 гг., взорвавшим полицейский порядок в империи, стали поражения России в русско-японской войне (1904-1905). Сработал уже типичный образец: имперский режим принуждения не выдержал мобилизации и издержек ширококомасштабной войны. Революционные события 1905-1907 гг. развивались в три потока и отражали всю глубину проникновения и усвоения революционных идей в обществе²⁷⁶. Флаг революционных выступлений подняли либералы, требовавшие созыва Учредительного собрания и принятия конституции. «Банкетная кампания» либералов осенью 1904 года вызвала замешательство в правительственных кругах, расколов столичную бюрократию на противников и сторонников требований земства. В дальнейшем земский почин подхватило более радикально настроенное движение городской интеллигенции и студенчества. Расстрел демонстрации рабочих 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге спровоцировал по всей империи массовые акции протеста и солидарности рабочих, принявшие особый размах на окраинах империи – в промышленных городах Польши и Прибалтики.

Правительство Николая II в условиях продолжающейся обременительной войны пошло на политические уступки. Однако подготовленный к лету проект учреждения законосовещательного, а не законодательного органа вызвал широкое возмущение либералов. Начались акции уличного протеста, к которым осенью стали присоединятся профсоюзы и организации рабочих. Пиком протестных действий стала стихийно возникшая в начале октября Всероссийская политическая стачка, в которой участвовало более 2 млн.

²⁷⁶ См.: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. 1917–1922 гг. М.: Весь Мир, 1997. С. 74-139.

человек. Забастовка железнодорожников парализовала промышленность. К стачке в скором времени присоединились рабочие других отраслей и студенчество. Как сообщал в своих воспоминаниях бывший председатель Комитета министров С. Витте, Николай II сначала искал силовой вариант подавления принявшего угрожающие масштабы революционного движения. Он предложил своему двоюродному дяде великому князю Николаю Николаевичу стать диктатором и расправиться с революционерами. Однако великий князь отказался от предложения, указав на недостаточность надёжных войск для этой цели. Только после полученного отказа Николай II согласился подписать Манифест 17 октября²⁷⁷.

Вопреки ожиданиям скорого общественного компромисса, которые Манифест 17 октября вызывал в правящей верхушке, в события непредсказуемо вмешался другой, более мощный фактор. В ноябре в центрально-черноземной России началось крестьянское восстание. По всей видимости, крестьяне восприняли массовый протест в городах как верный признак ослабления центральной власти и предприняли атаку на помещичьи хозяйства. Как указывал Т. Шанин, «в основе взрыва лежал, без сомнения, постоянный и усиливающийся кризис крестьянской экономики... Его главным компонентом был порочный круг: быстро уменьшающиеся земельные наделы, недостаточные доходы, как и инвестиции, давление долгов и налогов, взлёт арендных платежей и нехватка альтернативных или дополнительных источников занятости и доходов. Всё это вело к обнищанию крестьянства»²⁷⁸.

В декабре 1905 года положение самодержавия было критическим. В Москве проходило крупнейшее за всё время восстание рабочих, события в деревне практически не контролировались полицейскими властями. Ситуацию спасла переброска в Центральную Россию с Дальнего Востока лояльных частей армейской гвардии, которые были впоследствии

²⁷⁷ Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 2. М.: Скиф Алекс, 1994. С. 43.

²⁷⁸ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. 1917–1922 гг. М.: Весь Мир, 1997. С. 153-154.

использованы для подавления крестьянской революции и рабочего движения в городах. Перемещение регулярных войск стало возможным в результате спешного завершения русско-японской войны и подписания с Японией мирного договора в конце августа. В 1906 году правительство Николая II, которое 8 июля возглавил министр внутренних дел Пётр Столыпин, перехватило политическую инициативу и к середине 1907 года смогло восстановить порядок в империи. Однако основания этого порядка были уже другими. Самодержавию теперь приходилось мириться с существованием представительного органа – Государственной думы. В то же время крестьянство не могло уже выступать главной опорой режима. Это явственно показал разгон первых двух оппозиционных крестьянских Дум в 1906 и 1907 г.

Третьеиюньский переворот Столыпина в 1907 году, с одной стороны, обозначил курс форсированных реформ, жёстко управляемых сверху, а с другой – заложил основания шаткой политической конструкции. Проведение курса реформ в III и IV Государственных думах требовало от верховной власти лавирования между правоцентристским и левоцентристским большинством²⁷⁹. Одновременно удовлетворять запросы право- и левоцентристов, находить компромисс было неудобной задачей для самодержавия. В то же время любое объединение право- и левоцентристов на оппозиционной платформе подрывало устойчивость конструкции. Именно этот сценарий реализовался в 1915 году, когда в IV Государственной думе был образован Прогрессивный блок, в который вошли представители право- и левоцентристского большинства. Однако до начала Первой мировой войны эта конструкция оставалась относительно стабильной в силу инерции порядка, который самодержавие смогло навязать в результате третьеиюньского переворота Столыпина.

IV

Первая мировая война (1914-1918) стала переломным событием в истории крушения российского самодержавия.

²⁷⁹ Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. С. 3-4.

Затяжной, позиционный характер войны предъявил новые требования в организации тыла для повышения эффективности и размаха военных операций²⁸⁰. Кроме того, в этих условиях требовались дополнительные мобилизации населения на фронт. К этим требованиям армия и общество оказались неготовыми. Провал тылового обеспечения привел к крупным военным поражениям весны-лета 1915 года, вызвал серьёзное замешательство в обществе и обострил противоречия в политическом руководстве. Оказавшись перед угрозой общественной изоляции, Николай II пошёл на реорганизацию правительства и уволил летом 1915 года ряд непопулярных министров²⁸¹. Однако новый состав правительства стал искать главным образом поддержку своим действиям в Государственной думе, вызвав тем самым резкое отторжение этой политики в ближайшем окружении Николая II. Конфронтация царского окружения и правительства привела к так называемой «министерской забастовке» и, в конечном итоге, закончилась новой сменой состава правительства и верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, которого окружение царя подозревало в намерениях узурпации верховной власти.

Политический кризис осени 1915 года резко изменил внутривластную ситуацию. Ближайшее окружение Николая II монополизировало контроль над политикой кадровых назначений. С этого времени начинается определяющее влияние на решения Николая II его супруги Александры Федоровны и стоящего за ней Распутина. И именно с этого времени раскручивается дефляционная спираль кризиса власти, которая приводит к «министерской чехарде» и выходу из строя механизмов обычных методов управления, к полному отчуждению власти от общества и утрате остатков царского авторитета, восстановленного отчасти на волне православно-патриотической мобилизации в первые месяцы войны²⁸².

²⁸⁰ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 365-366.

²⁸¹ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука. 1989. С. 83.

²⁸² Там же. С. 174-175.

Организационный кризис, денежная инфляция, сбои в продовольственном снабжении городов создали крайне неблагоприятную общественную атмосферу, в которой стали широко распространяться делегитимирующие режим слухи о «безвольном самодержце», «темных силах» и влияниях и т.п.²⁸³.

Осенью 1916 года политическая ситуация серьёзно обострилась. Лидеры Прогрессивного блока в Государственной думе выступили с резкой критикой правительства. Попытка запретить распространение речей депутатов Милюкова, Керенского, Шульгина и др. привела к обратному эффекту: неожиданно возрос общественный интерес к парламенту, который на глазах превратился в выразителя чаяний народа. В общественном сознании образовался образ альтернативного центра власти, а царское правительство путем запретов только укрепляло популярность Думы среди петроградцев. Содержание речей видных думцев подтверждало всё то, во что на уровне слухов уже давно верили горожане.

Январь 1917 года оказался морозным и небывало снежным месяцем. Погодные условия чрезвычайно затруднили и без того слабое железнодорожное сообщение. Столичные предприятия военно-промышленного комплекса стали испытывать недостаток сырья, а в самом Петрограде нарастали слухи о скором наступлении голода из-за недостаточного снабжения хлебом. Возникли исключительные условия для наложения в общественном сознании различных стрессовых факторов: слухов о предательстве в верхах и общего разочарования властью, озлобления дороговизной и страхов перед коллапсом городской инфраструктуры. Все эти факторы поляризовали сознание горожан. Нужно было только событие-триггер, чтобы подорвать эту взрывоопасную смесь. В феврале военная администрация Путиловского завода объявила о массовом увольнении рабочих. Это, по сути, вынужденное решение и послужило детонатором революционного взрыва.

²⁸³ О влиянии слухов на делегитимацию власти Николая II во время Первой мировой войны см.: Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛО, 2010.

Цепная реакция солидарности петроградских рабочих и жителей столицы стала возможной потому, что широкой популярностью уже пользовалась альтернативная символика порядка, символика революционного подполья²⁸⁴. Песни протеста и красные флаги сыграли роль важнейших инструментов самоорганизации улицы. 27 февраля вспыхнуло восстание запасных батальонов столицы, которое и решило исход революции. Удержать порядок силами петроградской полиции и частью войск, ещё сохранявших лояльность режиму, в сложившихся условиях оказалось невозможным. Легкость, с которой в считанные дни самодержавие потерпело крах, говорила о глубочайшем кризисе легитимности режима принуждения и всей архаичной символики старого полицейского порядка. События конца февраля - начала марта 1917 года, по свидетельству очевидцев, переживались в Петрограде в необычайном религиозном воодушевлении, как «праздник пасхи», «праздник свободы»²⁸⁵. Фрейм самодержавия был окончательно сломан. На повестке Временного правительства стояли демократические преобразования России.

²⁸⁴ См.: Колоницкий Б.И. Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. С. 14-36.

²⁸⁵ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 43-44.

ГЛАВА 10. ПЕРЕЛОМНЫЕ ЭПОХИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОМАНИСТИКЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена раскрытию особенностей русской исторической романистики двух периодов: 1830-1840-х и 1870-1880-х годов. Тема переломных эпох российской государственности рассматривается в контексте становления жанра исторического романа в русской литературе, а также в связи с различными идейными течениями русской мысли XIX века. Автором выделен ряд исторических периодов, наиболее часто представленных в исторической романистике XIX века, а также отмечено художественное своеобразие интерпретации этих эпох применительно к русской литературе 1830-1840-х и 1870-1880-х гг. На материале произведений М. Н. Загоскина, Ф. В. Булгарина, К. П. Масальского, И. И. Лажечникова, Д. Л. Мордовцева, Г. П. Данилевского, Е. А. Салиаса, Вс. С. Соловьева представлены наиболее характерные черты «обычного» и «исторического» человека как героев исторического романа, а также рассмотрены различные представления о народности и патриотизме, связанные с авторскими творческими и идейными установками.

Ключевые слова: литература, беллетристика, исторический роман, история русской литературы XIX в., Г.П. Данилевский, М.Н. Загоскин, Д.Л. Мордовцев, А.С. Пушкин, К.П. Масальский, Вс. С. Соловьев, Л.Н. Толстой.

История и русская литература начала XIX века

Трагические периоды русской истории – времена смут и междоусобиц, иноземных вторжений и смен политических формаций - довольно часто становились предметом художественного отражения социально-политической реальности. В русской культуре переломные эпохи традиционно осмысливались как времена потрясений, затрагивающих все

стороны человеческого бытия. «Как в бурю листья на деревьях повертываются изнанкой, – писал историк В.О. Ключевский (1841-1911), – так смутные времена в народной жизни, ломая фасады, обнаруживают задворки»²⁸⁶.

И в древнерусской литературе, и в русской классической литературе XIX века исторические рубежи не только являлись источником поэтического вдохновения для создания описывающих героическое прошлое произведений, но и поводом для глубоких и зачастую критических размышлений о причинах и следствиях государственных сотрясений. «Ни в чьей судьбе историческое сознание не занимает того места, не является таким живым действующим орудием развития, как в судьбе России и всех славянских племен», – писал И.С. Аксаков (1823-1886) известному украинскому филологу и фольклористу М.О. Бодянскому (1808-1877).²⁸⁷

В таких произведениях, как посвященная событиям Куликовской битвы воинская песнь «Задонщина» (80-е годы XIV в)²⁸⁸, раскрывался, по словам Л.А. Дмитриева, страстный лирический отклик, пронизанный чувством глубокой любви к родине, к самой «Земле русской»²⁸⁹. Повествование же более позднего времени – о русской Смуте «История в память предыдущим родом» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына (? – ок. 1627) содержало в себе попытку анализа причин постигших страну несчастий²⁹⁰.

В русской литературе, пришедшей на смену литературе Древней Руси, к событиям прошлого литераторы обращались преимущественно в рамках специальных исторических жанров – исторического романа, исторической драмы, исторической

²⁸⁶ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х томах. Т. 2. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. С. 228.

²⁸⁷ Відділ рукописних фондів І текстології Інституту літератури ім. Т.Г Шевченка НАН України (далее – ИЛ). – Фонд. 99. – Од. зб. 99. – Арк. 146-147. – Письмо И.С. Аксакова М.О. Бодянскому. – Арк. 144 об.

²⁸⁸ Дмитриева Р. П. Задонщина // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2. С. 202.

²⁸⁹ Воинские повести Древней Руси / вступит. статья Л.А. Дмитриева; сост. Н.В. Поньрко. – Л.: Лениздат, 1985. С. 11.

²⁹⁰ Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. – М.: РГГУ, 2009. С. 37.

поэмы. Именно в этих рамках развивался характерный для современности интерес к прошлому во всем его неповторимом своеобразии²⁹¹, в уникальном историческом пути каждого народа, каждой нации²⁹².

В русской литературе XIX века исследователи наблюдают два периода, связанных с наибольшей популярностью жанра исторического романа, а именно – 1830-1840-е и 1870-1880-е годы²⁹³. Первый всплеск был обусловлен всеобщим интересом к истории, проникновением истории во все сферы жизни. «Само искусство теперь сделалось по преимуществу историческим: исторический роман и историческая драма интересуют теперь всех и каждого больше, чем произведения в том же роде, принадлежащие к сфере чистого вымысла», – отметил в 1842 году В.Г. Белинский значение исторических направлений для современной ему литературы²⁹⁴. Следующий взлет исторической романистики пришелся, по меткому выражению В.А. Недзвецкого, на «острополитический рубеж» 1870-1880-х годов²⁹⁵ и был тесно взаимосвязан с модернизационными процессами пореформенной России, для критической сверки результатов которых исторический опыт был жизненно необходим.

Можно выделить следующие переломные эпохи российской государственности, наиболее часто становившиеся объектами художественного осмысления в исторических романах: формирование Московского государства XV-XVI веков²⁹⁶, Смутное время начала XVII века²⁹⁷, период петровских

²⁹¹ Недзвецкий В.А. История русского романа. Неклассические формы. Курс лекций. – М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 25.

²⁹² Петров С.М. Русский исторический роман XIX века. Изд. 2-е. – М.: Художественная литература, 1984. С. 4.

²⁹³ Пенская Е.Н. Русский исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. монография в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. С. 422.

²⁹⁴ Белинский В.Г. Руководство к всеобщей истории. Сочинение Фридриха Лоренца. Часть I. Санкт-Петербург. 1841 // В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Том 6. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 90.

²⁹⁵ Недзвецкий В. А. История русского романа. Неклассические формы. С. 30.

²⁹⁶ «Басурман» И.И. Лажечникова (1838); «Князь Серебряный» А.К. Толстого (1862); «Господин Великий Новгород» Д.Л. Мордовцева (1882).

преобразований рубежа XVII-XVIII веков²⁹⁸, национальный подъем Отечественной войны 1812 года²⁹⁹. Анализ библиографических источников, проведенный Е.Н. Пенской³⁰⁰, подтверждает значимость отмеченных нами периодов и для всей исторической романистики в целом. Так, за период 1830-х годов удалось отметить 11 романов из истории формирования Московского государства, 10 – принадлежащих к периоду Смуты и избрания Михаила Романова, 13 – относящихся к петровским реформам и 18 – к войне 1812 года. В целом это составляет более половины (52 из 93) всех выявленных Е.Н. Пенской произведений.

Исторический роман как разновидность эпической прозы сформировался в первой трети XIX века. Значительное влияние на становление исторического направления в отечественной литературе оказал всплеск интереса к национальной истории в 1810-1820-х годах. События Отечественной войны 1812 г., обусловленные национально-освободительным общественным подъемом, по словам А.Н. Пыпина (1833-1904), затронули все русской общество «одним могущественным чувством»³⁰¹. Эта эпоха совпала и с периодом становления историко-литературного мышления³⁰², трансформацией всей русской словесности: поиском языка художественной литературы, обновлением системы жанров, преодолением рационалистической нормативности и условности классицизма³⁰³.

²⁹⁷ «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М.Н. Загоскина (1829); «Димитрий Самозванец» Ф.В. Булгарина (1830); «Дмитрий Самозванец» Д.Л. Мордовцева (1879); «Лжецаревич» Н.А. Алексеева (1899).

²⁹⁸ «Арап Петра Великого» А.С. Пушкина (1836); «Таинственный монах» Р.М. Зотова (1843); «Державный плотник» Д.Л. Мордовцева (1895); «Антихрист. Петр и Алексей» Д.С. Мережковского (1904).

²⁹⁹ «Рославлев, или Русские в 1812 году» М.Н. Загоскина (1830); «Война и мир» Л.Н. Толстого (1863-1869, 1873); «Сожженная Москва» Г.П. Данилевского (1885).

³⁰⁰ Пенская Е.Н. Русский исторический роман XIX века. С. 439.

³⁰¹ Пыпин А.Н. История русской литературы в 4 т. Т. 4. СПб. 1899. С. 238.

³⁰² Николаев П.А. и др. История русского литературоведения: учеб. пособие для филолог. спец. ун-тов и пед. ин-тов / П.А. Николаев, А.С. Курилов, А.Л. Гришунин; под ред. П.А. Николаева – М.: Высш. школа, 1980. С. 42.

³⁰³ Купреянова Е.Н. Введение // История русской литературы. В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. Т. 2. 1981. С. 10.

Художественное своеобразие романа виделось современниками как «поэзия истории»³⁰⁴, а само становление жанра романа проходило вместе с осмыслением феномена «прошлого». «История представляет происшествия в таком виде, в каком они *были*, – писал один из первых теоретиков исторического жанра в русской литературе Н.А. Мельгунов (1804-1867), – роман же – в каком они *быть могли*»³⁰⁵. «Русская история, русская старина не только могут быть источником поэтических созданий и романов Исторических, но может быть, их должно счесть одним из богатейших источников для поэта и романиста», – считал критик журнала «Московский телеграф»³⁰⁶.

Тема общественного кризиса, переломной эпохи в истории русской государственности для отечественной исторической романистики приобрела особое звучание. Для поэтики романтизма, под влиянием которой развивался русский исторический роман первой половины XIX века, характерно было стремление раскрыть личность героя в момент наивысшего напряжения: как индивидуального, так и социального. Вместе с этим, развитие русской общественной мысли в противопоставлении «западничества» и «славянофильства» требовало настойчивого поиска исторических оснований для тех или иных политических воззрений. Освещение борьбы прогрессивных и консервативных сил в русской истории с использованием аналогий различных историко-политических коллизий само по себе было достаточно привлекательным для читающей публики³⁰⁷.

События исторического кризиса как нельзя лучше подходили для изображения идеализированной личности как в романтическом смысле, так и в государственно-патриотическом. Кроме этого, понимание «лучшего человека» как патриота, – готового к самопожертвованию ради Отчизны героя, – само по

³⁰⁴ Махов А.Е. Журнал «Телескоп» и русская литература 1830-х годов: дис. ... к.ф.н. Специальность 10.01.01. М., 1985. С. 117.

³⁰⁵ Мельгунов Н.А. Выжигин и Рославлев // Телескоп. 1831. № 11. С. 366.

³⁰⁶ Московский телеграф. 1829. № 24. С. 463

³⁰⁷ Опульский А.Н. И жизнь, и перо на благо отечества. [О жизни и творчестве Лажечникова]. – М.: Московский рабочий, 1968. С. 88.

себе требовало от автора создания именно такой обстановки, именно такой коллизии, в рамках которых могли быть проявлены эти образцовые черты. Для русского человека первой трети XIX века такими эпохами были периоды Смутного времени и Отечественной войны 1812 года. Цифровая рифмовка только усиливала возможность исторического параллелизма. Так, события 1612 года журналом «Отечественные записки» в статье о романе «Юрий Милославский» были охарактеризованы как эпоха, в которую «любовь к родине Русского народа явилась во всем торжестве своем, когда из среды всех сословий встали герои, коим бы и Рим позавидовал»³⁰⁸. Отнюдь не случайно и оба первых романа М. Н. Загоскина (1789-1852) «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) и «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1830) тематически были связаны в своеобразную эпопею о становлении русской нации.

Развитие в русской литературе темы социально-политического кризиса в своем историко-художественном преломлении оказалось неразрывно связанным со становлением романтизма в противопоставлении с эстетикой классицизма и сентиментализма. Эта достаточно широкая тема затрагивала актуальные для своего времени аспекты национально-освободительного движения как ключевого исторического процесса, оформления «народа» как политической категории, а также эстетического восприятия понятия «народности».

Развитие исторических направлений в русской литературе проходило во многом под влиянием произведений английских романтиков – исторической прозы Вальтера Скотта (1771-1832), поэзии и драматургии Джорджа Гордона Байрона (1788-1824). И если своим творчеством шотландский писатель утверждал новый для своего времени подход к художественному произведению как историко-философскому исследованию³⁰⁹, то влияние Байрона распространялось на поэтизацию

³⁰⁸ Несколько общих слов о новом историческом романе Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М. Загоскина // Отечественные записки. 1830. № 117. Ч. 1 С. 168.

³⁰⁹ Реизов Б.Г. История и вымысел в романах Вальтера Скотта // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1971. – Т. XXX. Вып. 4. С. 311.

национально-освободительного движения³¹⁰, на соединение авторского, субъективного, начала с «панорамным» изображением народных масс³¹¹.

Значительную роль в формировании русского исторического романа сыграли и обобщающие труды отечественных историков – «История государства Российского» Н.М. Карамзина (1766-1826) и «История русского народа» Н.А. Полевого (1796-1846). Русская история представляла в этих многотомных произведениях как сложная и взаимосвязанная последовательность событий. При этом основным требованием к труду историка и Карамзин, и Полевой считали «правдивость» и «истинность». «Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю», – считал Карамзин³¹². В развитии этого стремления к «подлинности» в освоении истории Полевым было сформулировано и своеобразное кредо историка: «Историк обязан только показать нам Прошедшее, так, как оно *было*, оживить представителей его, заставить их действовать, думать, говорить, как они действовали, думали, говорили»³¹³. Границу между прошлым и настоящим Полевой устанавливал собственно в историческом произведении, в котором «мы будем зрителями как бы непреходящего, нескончаемого Настоящего»³¹⁴. Важнейшими моментами в представлении Полевым содержания исторической деятельности было разделение собственно историографии и художественного творчества, которое Полевым считал излишне искусственным. Высшим идеалом историк признавал «верность и истинность» мысли³¹⁵, а самому творцу следовало скрыться «в своем создании»³¹⁶. «Уроки Истории

³¹⁰ Елистратова А.А. Байрон. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 254.

³¹¹ Там же. С. 255.

³¹² [Карамзин Н. М.] История государства Российского, т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1818. С. XVIII.

³¹³ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. М. 1829. С. XXI. Ср. с «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Её задача — лишь показать, как все происходило на самом деле» (Ranke L. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber Leipzig/Berlin, 1824).

³¹⁴ Там же. С. XXII.

³¹⁵ Там же. С. XXII.

³¹⁶ Там же. С. XXIII.

хотим мы слышать, – рассуждал от имени читателя Полевой, – а не восклицания нашего собрата»³¹⁷.

Главным же отличием исторической философии Полевого от Карамзина, как считала А. Е. Шикло, стало представление последовательности событий не в качестве результата усилий отдельной личности, но в виде совокупности фактов, подготовленных «всем предшествующим ходом истории»³¹⁸. Вместе с этим Полевым понималась преемственность и собственного труда в отношении исторического наследия Карамзина. «Идя по следам его, мы со временем научимся избегать его погрешностей и недостатков», – подчеркнул Полевой в напечатанном журналом «Московский телеграф» разборе «Истории Государства Российского», впоследствии особо отмеченном В. Г. Белинским (1811-1848) за «беспристрастность» и «уважение к имени знаменитого писателя»³¹⁹. «Большой дар историка и наблюдателя» видел в авторе «Истории русского народа» Р. М. Зотов (1795-1871)³²⁰.

Самим появлением «Истории Русского народа» была не только обозначена проблема вариативности в оценках феноменов прошлого, но и проявилось различие творческих установок и подходов к описанию истории, исходящих из фундаментальных взглядов на истоки самого исторического времени и специфики в оценке общественных отношений. Идейный конфликт воззрений Карамзина и Полевого отразился в самих названиях трудов – истории «государства» оказалась противопоставлена история «народа». Важно и то, что с выходом работы Полевого окончательно оформилось разделение истории как науки и как части литературного процесса. А само историческое прошлое в отечественной литературе, по меткому выражению Н. Е. Носова, превратилось в поистине неиссякаемый источник тем и мотивов³²¹.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 100.

³¹⁹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 672.

³²⁰ Зотов Р.М. Театральные воспоминания. Автобиографические записки. – СПб., 1859. С. 112.

³²¹ Русская историческая повесть первой половины XIX века / сост. В.Т. Башкирова; вступ. ст. Н.Е. Носова. М.: Правда, 1986. С. 5.

«Обычный человек» как герой русского исторического романа 1830-1840-х гг.

Началом отечественной исторической романистики принято считать два произведения – М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) и Ф.В. Булгарина «Димитрий Самозванец» (1830). Сюжет обоих романов связан с событиями Смутного времени начала XVII века. Следует отметить, что к этому же историческому периоду относится и действие драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов», созданной в 1825 году и увидевшей свет только в конце 1830 года³²². «В этой трагедии изображена переходная эпоха, – отмечал в своих лекциях по истории русской литературы М.М. Бахтин, – когда жизнь неустойчива и отчетливей проступает ее изнанка»³²³. Примечательно, что жанровой особенностью «Бориса Годунова» явилось множество различных прозаических элементов, что само по себе было характерно для совершавшегося в «романную эпоху» перехода от драматургии к прозе³²⁴.

Собственное новаторство в создании исторических произведений ощущали и Фаддей Булгарин, и Михаил Загоскин. «Роман мой можно уподобить окну, в которое современник смотрит на Россию и Польшу при начале XVII века», – так понимал своеобразие своего произведения Булгарин, отмечая при этом, что стремился изобразить прямую речь своих героев, следуя исторической подлинности «самым строжайшим образом»³²⁵.

Роман Загоскина позволял органично совместить представления о *простонародном* и *национально-*

³²² Томашевский Б.В. Примечания // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979. Т. 5. С. 519.

³²³ Бахтин М.М. Дополнения к Записи лекций М.М. Бахтина по истории русской литературы. Записи Р.М. Миркиной // М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 418.

³²⁴ Тюпа В.И. «Борис Годунов» и жанровая природа трагедии // Новый филологический вестник. 2009. № 1. С. 6.

³²⁵ Булгарин Ф.В. Димитрий Самозванец. Исторический роман. – изд. 2-е, испр. Ч. 1-4. СПб, 1830. – Ч. 1. С. VIII, X.

патриотическом³²⁶. Произведение Булгарина обращалось к историософской схеме развития политических конфликтов как результату целенаправленной деятельности заинтересованных сил: «Явление Самозванца было следствием великаго замысла Иезуитскаго Ордена, сильно действовавшаго в то время в целой Европе к распространению Римско-Католической веры»³²⁷. И все события, связанные с сюжетом своего романа, Булгарин изобразил как личностный конфликт конкретных лиц, действующих ради своей собственной цели. Национальные же особенности русских и поляков автор использовал орнаментально, не только для создания вальтерскоттовского «колорита», но и для определенного идеологического подтекста: «Читатель должен помнить, что вся ученость тогдашних Русских состояла в том, чтобы знать наизусть Св. Писание»³²⁸.

Культурная и идеологическая позиция Загоскина позволяла его идейным оппонентам видеть в нем врага «всякого недовольства современным порядком в стране», а сам он считал себя борцом-одиночкой против «скептиков, европейцев, либералов, ненавистников России, апологистов всех неистовых страстей и поэтов сладострастия»³²⁹. Вместе с этим, четко вырисовывается и дуализм восприятия исторических романов Загоскина – с одной стороны, живой, непосредственный юмор, ясность и простота изложения, обилие легкоузнаваемых общенародных черт, поэтичность в описании пейзажей и быта, а с другой – фактически художественное оформление доктрины «православия, самодержавия, народности», отрицание любого инакомыслия и свободолюбия. Герой Загоскина – это типичный для беллетристики своего времени «простой» человек, от которого ничего не зависит, который ни на что не влияет, но всей своей личной историей демонстрирует идеал отношения к

³²⁶ Песков А.М. Михаил Николаевич Загоскин // М.Н. Загоскин. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Историческая проза / сост., вступит. статья, комментарии А.М. Пескова; – М.: Художественная литература, 1987. С. 19.

³²⁷ Булгарин. Димитрий Самозванец. С. VI.

³²⁸ Там же. С. XIII.

³²⁹ Загоскин М.Н. Письмо// Маяк современного просвещения и образованности. 1840. № 7. С. 103.

своему государству, имитируя тем самым «народные» черты³³⁰. Вместе с этим, формировался и образ внешнего врага, покушающегося на благополучие государства. «Основная идея, которая проходит через весь роман и составляет его пафос, заключается в борьбе русского народа против поляков и польской партии», – считал П. Н. Сакулин³³¹.

«Народность» исторического персонажа в целом служила укреплению государственной идеологии³³². Проблема самобытного развития России была настолько существенна для русского общества второй четверти XIX века, что данный период впоследствии воспринимался как период национального самоопределения³³³. Выступая как приверженец вновь создаваемой государственной идеологии, Загоскин все же не являлся радикальным консерватором. Даже критикуя идейных оппонентов, ему удавалось сохранять толерантность в отношении к «западникам». Так, в целом подвергнув резкой критике известную статью³³⁴ П. Я. Чаадаева (1794-1856), Загоскин, тем не менее, высказал позитивное отношение к просветительскому реформированию России: «Пусть возгордятся они своим, – писал он о будущих поколениях россиян, – а после отдадут справедливость и чужому, хваля достойное хвалы, отрицая достойное порицания, пусть будут они просвещенными, но просвещенными Россиянами»³³⁵.

В романах «Брынский лес» (1846) и «Русские в начале осьмнадцатого столетия» (1848) Загоскин обратился к эпохе петровских преобразований, к борьбе с главным, по мнению литератора, историческим врагом России – «безотчетной

³³⁰ Вершинина Н.Л. Русская беллетристика 1830-1840-х годов (проблемы жанра и стиля). Псков, 1997. С. 3-4.

³³¹ Сакулин П.Н. Русская литература после Пушкина. М., 1912. С. 138.

³³² «Системой официального мещанства» считал насаждаемую «сверху» мораль историк В.И. Иванов-Разумник (1878-1946). Согласно этой морали «прошлое России – изумительно, настоящее – более чем великолепно, а будущее превзойдет самые смелые ожидания» (Иванов-Разумник В.И. История русской общественной мысли. В 3 т. Т. 1. М.: Республика, ТЕРРА, 1997. С. 391).

³³³ Сакулин. Русская литература после Пушкина. С. 59.

³³⁴ [Чаадаев П.Я.] Философические письма к г-же***. Письмо первое. Телескоп. Часть XXXIV. № 15. 1836. С. 275-418.

³³⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 291. Ед. хр. 25. Загоскин М.Н. Статья без заглавия, направленная против "Философических писем" Чаадаева [1836]. Л. 2.

привязанностью русских ко всем древним обычаям и предрассудкам старины»³³⁶. Выказываясь в пользу благоразумного и критического подхода к проникновению на русскую почву всего чужеземного, европейского, Загоскину в своих произведениях удалось совместить реформы Петра с представлением о русских национальных интересах³³⁷.

Косность же и приверженность пережиткам прошлого, по мнению писателя, была в первую очередь присуща старообрядцам-«раскольникам», с проникновением в мир которых связаны приключения главного героя романа «Брынский лес» – Дмитрия Афанасьевича Левшина. «У каждого за поясом четки, у иных в руках книги и почти у всех за пазухой камня», – такими рисует читателю Загоскин старообрядцев при первой встрече с ними³³⁸. При этом Загоскин оставляет совершенно в стороне вопрос о том, откуда в России появились «раскольники». В нем без всяких уточнений виновны исключительно старообрядцы Аввакум и Никита³³⁹. По словам Загоскина, Россия в царствование Алексея Михайловича, «отдохнула и стала по-прежнему царством сильным, богатым и самобытным»³⁴⁰.

Сцена со знаменитым «спором о вере», представленная в романе «Брынский лес», едва ли не единственной своей целью ставит изобразить в финале действия десятилетнего царя Петра, «детским, но уже мощным голосом» остановившего пререкания и приказавшего арестовать «крамольников»³⁴¹. «Пока этот венец на главе моей и душа в теле, не поущу воевать святую церковь: и, как я сам нарицаю ее матерью и верю, что она есть правая и истинная, так и всем повелеваю верить!» – так незамысловато

³³⁶ Загоскин М.Н. Русские в начале восемнадцатого столетия. Рассказ из времен единодержавия Петра Великого. – М., 1902. С. 4.

³³⁷ Песков А.М. Михаил Николаевич Загоскин // М.Н. Загоскин. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Историческая проза / сост., вступит. статья, комментарии А.М. Пескова; – М.: Художественная литература, 1987. С. 28.

³³⁸ Загоскин М.Н. Брынский лес: Эпизод из первых годов царствования Петра Великого. – М., 1902. С. 43.

³³⁹ Никита Пустосвят - Никита Константинович Добрынин, суздальский священнослужитель. Участник знаменитого «Спора о вере». Казнен в июле 1682-го.

³⁴⁰ Загоскин М.Н. Брынский лес. С. 3.

³⁴¹ Там же. С. 47.

решен в романе конфликт между представителями «старой» и «новой» веры³⁴². Сами же «раскольники» представлены исключительно в негативном свете: «у некоторых лица выражали такое нечеловеческое зверство и остервенение, что страшно было на них взглянуть»³⁴³.

Загоскин разделил сторонников древнего благочестия на «хороших» старообрядцев и «плохих» «раскольников»: «Не старообрядец, батюшка, а раскольник, – продолжал купец, спохватясь. – Старообрядцы дело другое; их, чай, и в вашем полку довольно; они люди добрые и, почитай, такие же православные, как и мы; не жалуют только патриарха Никона да любят по старым книгам Богу молиться – вот и все!.. А эти отщепенцы хуже язычников: солидную церковь не признают, духовенство поносят»³⁴⁴.

Левшин, главный герой произведения, с одной стороны, совершенно аполитичен и увлекается в большей степени любовной интригой. С другой – он природный, естественный монархист, для которого и самого выбора не существует, кроме как служить царскому престолу, с его точки зрения, единственно возможной законной институции: «Левшин первый с обнаженной саблей кинулся в толпу, а за ним все те из стрельцов, которые не принадлежали к расколу. В несколько минут зачинщики были схвачены, и все их сообщники выгнаны из палаты». Таким образом, трагическое событие – знаменитый «спор о вере» 5 июля 1682 года, сам по себе явившийся этапом внутривластного кризиса «московской смуты» – «Хованщины»³⁴⁵ – оказывается благополучно разрешенным действиями двух лиц – юного царя Петра и молодого стрельца Левшина.

Отметим, что у самого Левшина, возможно, есть исторический прототип. В сборнике документов «Хованщины», изданном в 1976 году в издательстве «Наука», неоднократно упоминаются отец и сын Левшины – Афанасий Иванович и

³⁴² Там же.

³⁴³ Там же. С. 43.

³⁴⁴ Там же. С. 130.

³⁴⁵ Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М.: Наука, 1969. С. 222.

Демид Афанасьевич. Демид Левшин указан в числе тех, кто вместе с государями Иоанном Алексеевичем и Петром Алексеевичем 18 сентября 1682 года прибыл в Троице-Сергиев монастырь³⁴⁶, а полковник Афанасий Левшин был командиром одного из Смоленских полков, отправленных из Москвы на Украину³⁴⁷.

Современники отличали кропотливую работу Загоскина с документами в период подготовки своих исторических произведений. Получается, что, несмотря на обилие сведений, с которыми соприкасался автор в процессе создания романа «Брынский лес», сюжетные линии и характеры героев создавались им произвольно, без опоры на какие-либо исторические сведения. С другой стороны, это позволяло Загоскину более свободно обходиться с историческими интерпретациями и обобщениями. Таким образом, идейность главного персонажа – Дмитрия Левшина – в значительной степени явилась в большей степени результатом авторского произвола, нежели плодом социально-исторической реконструкции.

Тем не менее, такой подход несколько не расходится с представлением самого Загоскина о своеобразии исторической романистики. По его мнению, возможны два вида исторического романа: в первом главными героями являются преимущественно исторические лица, а во втором изображается эпоха в целом, а автор «старается характеризовать целый народ, его дух, обычаи и нравы», соответствующие этому историческому периоду³⁴⁸. Свои романы «Юрий Милославский» и «Рославлев» Загоскин причислял как раз ко второму типу³⁴⁹. К этому же типу явственно относится и роман «Брынский лес», в котором, по словам С. Т. Аксакова (1791-1859), положение государства, несмотря на важность самого исторического момента, составило лишь

³⁴⁶ Восстание в Москве 1682 года. Сб. документов. М.: Наука, 1976. С. 139-140.

³⁴⁷ Там же. С. 175.

³⁴⁸ Загоскин М. Н. – Жуковскому В. А. Письмо от 20 января 1830 // М. Н. Загоскин. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Комедии; проза, стихотворения, письма / сост., комментарии С. Панова и А. Пескова. – М.: Художественная литература, 1987. С. 722.

³⁴⁹ Там же.

незначительную часть введения в интригу, «по несчастью любовную»³⁵⁰.

Любовная интрига, по мнению Я. Е. Морозовой, и составляла цель введения в роман «исторических реалий» (дат, исторических персонажей, топонимики, этнографики)³⁵¹. Важно и то, что политический конфликт «раскольников» и «православных», составляющий одну из важнейших сюжетных «пружин», также заострен в преломлении взаимоотношений главного героя и его возлюбленной. А ироничный тон в адрес «раскольников» резонера – Гриши-юродивого – лишь подчеркивает негативное в целом отношение автора к староверию³⁵².

Иным типом отношения к историческому факту и его интерпретации в историческом романе отличается произведение К.П. Масальского «Стрельцы» (1832). В самом предисловии автор не только разделяет отношение к воссозданию событий прошлого со стороны историка, философа и литератора³⁵³, но и обозначил «нравственную цель» своего произведения, понимаемую им как необходимость «представить в верной картине ужасы мятежей и безначалия, вредные последствия насильственных переворотов в государстве, правосудие Провидения, не оставляющего без наказания виновников возмущений, и достойные подражания примеры преданности церкви, престолу и Отечеству»³⁵⁴.

Кроме этого, Масальским был указан ряд исторических сведений, почерпнутых им из сборников документов, таких как труды И.И. Голикова (1735-1799) «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (1788-1789), «Древняя Российская Вифлиофика» (1773-1775) Н. И. Новикова (1744-1818), а также «Деяния знаменитых полководцев и министров,

³⁵⁰ Аксаков С. Т. М. Н. Загоскин. Биографический очерк. – Спб.: [Б.и.], [Б.д.]. С. 51.

³⁵¹ Морозова Я. Е. Художественный образ истории и способы его репрезентации в романе М. Н. Загоскина "Брынский лес" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. Ч. 1. С. 119-120.

³⁵² Там же. С. 121.

³⁵³ Масальский К.П. Предисловие // К.П. Масальский. Стрельцы. В 4 ч. Ч. 1. М., 1861. С. 9.

³⁵⁴ Там же. С. 10.

служивших в царствование государя императора Петра Великого» (1821) Д.Н. Бантыш-Каменского (1788-1850).

Важной темой романа является борьба с расколом. Старообрядцы изображены как невежественные изуверы, готовые на все ради своего бессмысленного, с точки зрения автора, фанатизма. «На каждом шагу спотыкаются они, не понимая, в чем состоит истинная вера, которая предписывает нам братскую любовь и единомыслие, а не споры и расколы, всегда противные Богу»³⁵⁵. При этом положительные персонажи произведения больше похожи на средневековых рыцарей, чем на русских стрельцов XVII века. Они галантны, решительны, им присущи представления о воинской чести совершенно в средневековом духе: добропорядочность легко совмещается с крайней жестокостью и цинизмом.

Одна из сцен – спасение девушки из рук сжигающих себя «раскольников» – напоминает знаменитый фрагмент романа Вальтера Скотта «Айвенго»: спасение Ревекки из рук Бриана де Буагильбера. Не желающих покориться царской воле старообрядцев расстреливают, а тем, кому удалось скрыться, беспрепятственно оставляют погибать в огне³⁵⁶. В сущности, автора волнует судьба одной только девушки, похищенной «раскольниками». Примечателен диалог под стенами горящего здания. Стремясь спасти несчастную, офицер приказывает стрелять, даже несмотря на риск смертельно промахнуться: «Если же ее застрелишь, то все легче ей умереть от пули, нежели сгореть»³⁵⁷.

Царь Петр в романе – фигура в большей степени эпизодическая, что вполне соответствует канонам вальтерскоттовского романа. В отношении к будущему императору и определяются все положительные и отрицательные персонажи произведения. При этом простота и «народность» Петра подчеркивается «случайностью» его появлений в месте событий. «Прохожие останавливались,

³⁵⁵ Там же. Ч. 4. С. 140.

³⁵⁶ Там же. Ч. 4. С. 68-70.

³⁵⁷ Там же. Ч. 4. С. 71.

всадники слезали с лошадей и молились в землю, когда мимо их проходил священник. Царь Петр, случайно попавшийся ему навстречу, также слез с лошади, снял шляпу и присоединился к гражданам, окружавшим отца Павла. Вместе со всеми вошел он в хижину, где лежал Борисов»³⁵⁸. Здесь царь – один из многих, он действует «как все». Раскаявшийся «раскольник» Борисов в своем последнем слове обращается с молитвой о грядущем величии России: «Боже милосердый! Ты не отверг и разбойника раскаявшегося, не отвергни и меня!.. Услышь молитву мою: утверди и возвеличь царство русское и сохрани его»³⁵⁹. Таким образом, Масальский недвусмысленно дает понять: будущее за Петром, и только покаяние может позволить «раскольнику» – внутреннему врагу – расстаться с пагубными заблуждениями и разделить счастье быть представителем великой державы.

Мотив единства нации перед лицом врага – как внутреннего, так и внешнего – характерен и для романа И. И. Лажечникова «Басурман» (1838), в котором повествуется об эпохе царствования Ивана III Васильевича (1440-1505). При этом «московская» Русь изображена автором как абсолютная ценность, идеал государства. Все остальные «русские» территории – Новгород, Псков, Тверь, не говоря уже о «русской» Литве, – являются носителями чуждого духа, требующего не гармоничного восприятия, но исправления или отрешения. «Православный народ?.. Не тот ли, что ползал два века у ног татар и поклонялся их деревянным болванам, целовал руки у Новгорода, у Пскова, у Литвы, падал в прах перед первым встречным, кто на него только дубину взял!.. Я первый отрезвил его от поганого хмеля, поднял на ноги и сказал ему: "Встань, опомнись, ты русин!"»³⁶⁰. Таков идеал «русского народа» в представлении Ивана Васильевича: воспрянувший над всем чужеродным народ-победитель, утверждающий повсеместно православную веру. Лажечников дает обильные примеры национальной нетерпимости, присущие, с его точки зрения,

³⁵⁸ Там же. Ч. 4. С. 141-142.

³⁵⁹ Там же. Ч. 4. С. 143.

³⁶⁰ Лажечников И.И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания / сост., вступит. статья, примечания Н.Г. Ильинской. – М.: Советская Россия, 1989. С. 81.

нравам того времени. Формирование московского государства и происходило в преодолении этих различий, в кристаллизации «русского» перед лицом всего «басурманского». Вот мальчишки криками «Жида! Собаки! Христа распяли!» встречают иноземцев³⁶¹. Вот главный герой романа – итальянец Антон – боится прослыть «басурманом, латынщиком, нехристом», невзирая на то, что при этом можно быть и «самым лучшим христианином»³⁶². Сам же иноземец – словно герой из будущего, носитель иных, просвещенных ценностей, человек европейской культуры. Но из Европы в Россию проникает не только свет наук, но и чернокнижие каббалистики, которую распространяют «адепты жидовской ереси»³⁶³. В этих условиях противоборства православия как истинной веры и «жидовского» колдовства, борьбы Москвы с Новгородом и Тверью за власть над всеми русскими землями, столкновения культуры и невежества и происходило формирование России. А человеческие жестокость, коварство и подлость были, согласно авторской позиции, всего лишь отпечатком своего времени.

Герой, преодолевающий препятствия на пути к личному счастью и обретающий его вместе с победой «своих» над «чужими», – такова специфика в раскрытии темы переломной эпохи российской государственности в русском историческом романе 1830-1840-х годов. И если «свои» предельно конкретны – это представители русского государства, обладающие консолидирующей силой для всеобщего преодоления вражеских происков, то «чужие» представляют собой разнообразную массу враждебных России групп влияния. Это поляки («Юрий Милославский» Загоскина), католики-иезуиты («Мазепа» Булгарина), татары, литовцы («Басурман» Лажечникова), «раскольники» («Брынский лес» Загоскина, «Стрельцы» Масальского). Идеал «России» полностью сливается с представлением о государстве. Россия – это великая держава, вознесенная в своем величии над всеми врагами. Герой на

³⁶¹ Там же. С. 105.

³⁶² Там же. С. 114.

³⁶³ Там же. С. 260.

службе самодержавного абсолютизма, осененный православной верой и готовый к самопожертвованию, – таким утверждался положительный идеал в историческом романе этого периода. Любой же государственный кризис обязательно будет преодолен всеобщим единством, мобилизацией народа вокруг личности властителя. «Народ?.. Где он?.. Подай мне его, чтобы я мог услышать его ропот и задушить, как тебя душу. Где этот народ, говори?.. Отколь он взялся?.. Есть на свете русское государство, и все оно, божьею милостью, во мне одном...»³⁶⁴.

«Исторический человек» и реализм исторического романа 1860-1880-х гг.

Следующий этап развития русской исторической романистики, относящийся к 1870-1880-м годам, демонстрирует иное отношение к изображению кризисных периодов российской государственности. Прямолинейность в интерпретации событий прошлого уступала место новым, зачастую диаметрально противоположным, взглядам на историческое развитие. Существенный вклад в формирование новых представлений был внесен отечественными историками – трудами С.А. Соловьева «История России с древнейших времен» (1851-1879), Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (1858-1864), исследованиями Н.И. Костомарова в области средневековой истории «Мысли о федеративном начале Древней Руси», «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» (1868). Основным различием между историческим мировоззрением Костомарова и Соловьева являлся сам подход к государственному строительству будущей России. Если Соловьев видел единую нацию, венцом развития которой стала современная Российская империя, то для Костомарова русское государство представлялось объединением самодержавной властью ряда отдельных областей, обладавших своими уникальными культурно-историческими особенностями³⁶⁵. Такие трактовки исторического прошлого не

³⁶⁴ Там же. С. 81.

³⁶⁵ Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Арграф, 1998. С. 111.

могли не вызывать и различные подходы к освещению событий кризисов и переходных эпох, которые и есть суть государственное строительство.

Вслед за развитием исторической науки и становлением социологии изменялись и приоритеты в изображении феноменов прошлого. Несомненную роль в развитии отечественного исторического романа сыграло и общее движение всей русской литературы в целом. Обновлялись принципы типизации, углублялся подход к раскрытию личности человека, его внутреннего мира, психологических особенностей и идеологии, менялся образ народного героя, столь актуальный для исторического произведения³⁶⁶.

Реализм как основной творческий метод в литературе второй половины XIX века требовал переосмысления самого места искусства по отношению к действительности. «Онтологическая» топика согласовывалась с «социальной беллетристикой», в сумме составляя высочайший национальный и даже наднациональный потенциал всей русской классической литературы³⁶⁷.

Стремление к широкому масштабу в описании событий прошлого наиболее полно проявилось в целом ряде исторических романов, но, конечно, самым значительным достижением не только русской, но и мировой литературы этого периода стал роман Л. Н. Толстого «Война и мир». Несмотря на сложность в определении жанровой природы произведения, в литературоведении вполне допустимо считать «Войну и мир» историческим романом, что не противоречит сложившейся традиции³⁶⁸.

Отнюдь не случайно в своем творческом поиске писатель сначала от современности перешел к событиям 1825 года, а затем – еще дальше, к Отечественной войне 1812 года. Политически 1825 год был выступлением «честных» людей

³⁶⁶ Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л.: Наука, 1974. С. 4.

³⁶⁷ Недзвецкий В.А., Полтавец Е.Ю. Русская литература XIX века. 1840-1860-е годы: курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 195.

³⁶⁸ Гудзий Н.К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Худож. лит., 1960. С. 91.

против связанных в государство людей «порочных»³⁶⁹. Обращение же к «наполеоновским» годам позволило писателю затронуть глубочайшие, основополагающие вопросы, связанные с самой человеческой природой – как в социально-психологическом, так и в гуманитарном смысле. «Свобода, соединенная с катастрофой, великим кризисом, – писал о романе С. Г. Бочаров, – такова ситуация «Войны и мира»³⁷⁰. Государственное потрясение – сквозная тема третьего тома романа. Саму войну Толстой характеризовал как «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие»³⁷¹, в котором губительно для человека деформируются основополагающие представления о добре и зле, вынуждая совершать преступления такого масштаба, «которого в целые века не соберет летопись всех судов мира»³⁷².

Масштаб эпопеи едва ли позволяет сравнивать «Войну и мир» с другими произведениями об Отечественной войне 1812 года. Тогда как между собой они вполне сопоставимы. Разные подходы к исторической прозе демонстрируют произведения Д. Л. Мордовцева «Двенадцатый год» (1879) и Г. П. Данилевского «Сожженная Москва» (1886). В центре романа Мордовцева находится личность «кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой (1783-1866). Произведение носит определенные черты романа воспитания, вместе с этим обращено к характерной для народнической литературы теме женской эмансипации. «Обрезать косу в 1806 году для женщины, когда и сейчас стриженная женщина считается чуть ли не чудовищем, решиться на такое дело в 1806 году <...> – это был исторический подвиг»³⁷³. Вслед за Толстым, Мордовцев характеризовал «двенадцатый год» как «скорбный лист хронического безумия человечества»³⁷⁴. Роман подвергся крайне уничижительной критике обозревателя журнала «Дело» С. С. Шашкова (1841-

³⁶⁹ Бочаров С. Роман Л. Толстого «Война и мир». М.: Худож. лит., 1987. С. 14.

³⁷⁰ Там же. С. 12.

³⁷¹ Толстой Л.Н. Война и мир. Том 3 // Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений / под общей ред. В.Г. Черткова. Том 11. М.: Худож. лит., 1940. С. 3.

³⁷² Там же.

³⁷³ Мордовцев Д.Л. Двенадцатый год. Роман в 3 ч. Спб., 1885. Ч. 1. С. 11-12.

³⁷⁴ Там же. Ч. 3. С. 241.

1882), считавшего, что беллетристическая форма произведения послужила лишь «благовидному искажению истории»³⁷⁵. Самого писателя Шашков обвинил в отсутствии критического отношения к историческим источникам, назвав при этом «романистом-неудачником»³⁷⁶.

Верный себе в изображении истории народа, а не истории «царей и генералов», развивая стремление «увековечить» «внутреннюю историю русского народа»³⁷⁷, Мордовцев нарисовал трагические события наполеоновских войн с бесхитростным простодушием своих героев. «Покушав и помолившись на восток краткою, но выразительною, им самим сочиненною молитвою – "за хлеб-за-соль Богородицу-троерушницу, за хлеб-за-соль Миколу-угодника, за хлеб-за-соль Ягорья", – он припал к роднику прямо ртом, как овца, и удовлетворил свою жажду тем простым способом, каким пили его далекие предки, не знавшие еще ни ковша, ни ложки, как подобало дреговичам»³⁷⁸. Эпическое начало в романе «Двенадцатый год» восходит к простонародным сказаниям, в которых тесно смешано христианство и язычество. Именно с таким миром, а не с миром дворян и помещиков, сталкивается Наполеон, и именно такой мир исследовал Мордовцев в глобальном сотрясении «наполеоновской» войны. Писатель не стремился подняться до претендующих на мировое значение обобщений, но направил внимание читателя именно к этому «русскому миру» – миру крестьянского и казачьего Поволжья.

Не ушел Мордовцев и от присущих собственной исторической романистике историософских отступлений: «Порывы человечества – это его естественное творческое напряжение, без которого немислима жизнь, немислимо развитие. Только напряженное состояние факторов творчества – всякого творчества, и физического, и духовного, только потенциальность не только материи, но и духа – плодотворны:

³⁷⁵ С.С. [Шашков, С.С.] Историки-романисты и историки-журналисты // Дело. 1879. № 12. Отдел II. С. 253.

³⁷⁶ Там же. С. 254.

³⁷⁷ Мордовцев Д.Л. Русское крестьянство накануне воли // Дело. 1872. №7. С. 163.

³⁷⁸ Мордовцев. Двенадцатый год. Ч. 2. С. 35-36.

потенциальность и напряжение мускулов в физическом труде, потенциальность и напряжение мысли и фантазии в художественном творчестве, потенциальность и напряжение материи в процессе органической жизни – вот чем создается мир и все в нем видимое и действующее»³⁷⁹.

Роман Данилевского в значительной мере следовал в рамках «семейной хроники», повторяя при этом художественные приемы Л. Н. Толстого. Что, впрочем, современниками было воспринято в целом положительно – как расширение пути и формирование литературной школы, о чем писал в своих «Критических опытах» Е.М. Гаршин (1860-1931), определяя соотношение между писателями как «гений» Толстого и «талант» Данилевского³⁸⁰. Не лишен роман и развлекательной занимательности. Авантюренность позволяет держать читателя в напряжении до самого конца произведения. Вместе с этим, следует отметить «переакцентуацию» героико-трагической темы Отечественной войны, сказавшуюся на снижении художественного уровня воспроизведения и осмысления, что подспудно заставляет читателя возвращаться к произведению Л.Н. Толстого³⁸¹. Для создания образа Авроры Крамалиной Данилевским также были использованы записки Дуровой³⁸², тем не менее, по мнению критиков, общая характеристика героини оказалась «весьма далека от исторического портрета» своего прототипа³⁸³.

Противоречивость реформ 1860-х годов, двухсотлетие со дня рождения Петра Первого, ставшее резонансным событием 1872 года и отмеченное широкой журнальной дискуссией вокруг

³⁷⁹ Там же. Ч. 1. С. 44.

³⁸⁰ Гаршин Е.М. Критические опыты. СПб., 1888. С. 133-134.

³⁸¹ Проскурина Ю.М. Важнейшие этапы в осмыслении события 1812 года в русской литературе и литературной критике // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 260.

³⁸² Дурова Н.А. Записки Александрова (Дуровой). М., 1839. 362 с. Интересно, что перед изданием своих воспоминаний Дурова советовалась с Ф. В. Булгариным относительно их публикации и, судя по тексту письма, получила одобрение литератора. См. Российский Государственный Архив Литературы и Искусств (далее – РГАЛИ). Ф. 1231. Оп. 2. Е.х. 10. Письмо Дуровой надежды Андреевны к Булгарину Фаддею Венедиктовичу. Подписано «Александров». 27 ноября 1836. 1 л.

³⁸³ Данилевский Г.П. Сожженная Москва / Предисловие и примечания П.Г. Рындзюнского. М.: Художественная литература, 1939. С. 14.

личности первого российского императора³⁸⁴, сделали события петровских преобразований вновь актуальной темой исторических произведений.

Если для 1830-х годов был характерен идеалистический взгляд на Петра и его роль в формировании Российского государства, то с развитием свободомыслия в демократической среде стало преобладать критическое отношение к цивилизационному перелому, круто изменившему направление развития Руси на рубеже XVII-XVIII веков. Заметную роль в этом сыграла полемика между «славянофилами» и «западниками», по-разному относившихся к петровским преобразованиям. Позиция первых состояла преимущественно в том, что сами реформы заставили Россию свернуть с ее сложившегося пути развития. При этом в большей степени этот поворот обусловлен не исторической необходимостью, а исключительно особенностями личности царя-преобразователя. «В деле Петровом, – писал И.С. Аксаков, – есть настолько же, если не более, элементов случайности, зла, насилия, лжи, запечатленных его необыкновенной личностью»³⁸⁵. Не ставя под сомнение значительность петровских преобразований, тем не менее, характер изменений и в особенности методику их внедрения современники Аксакова могли охарактеризовать и как «террористические»: «Петровский террор был ужасен и в некоторых случаях излишен, может быть, даже вреден, – считал С.С. Шашков, – всеобщая регламентация мало достигала цели и ложилась тяжелым бременем на народ»³⁸⁶.

Более пристальное внимание историков привлекли и подробности церковного Раскола XVII века. С возвращением в русскую культуру фигур протопопа Аввакума (1620-1682), патриарха Никона (1605-1681) и боярыни Морозовой (1632-1675), чей личностный конфликт был сопряжен с глубочайшим социально-религиозным потрясением страны в период правления царя Алексея Михайловича (1629-1676), критический

³⁸⁴ Юбилейно-петровская литература // Дело. 1872. № 7. С. 41-48.

³⁸⁵ Аксаков И.С. Славянофильство и западничество // Сочинения И.С. Аксакова. Т. 2. Изд. 2-е. Спб., 1891. С. 69.

³⁸⁶ Шашков С.С. Всенародной памяти царя-работника // Дело. 1872. № 7. С. 310.

взгляд на содержание реформ Петра значительно расширился. Теперь уже становилось заметным не просто разделение страны по историческому принципу взаимоотношения старого и нового в аспекте развития, но по ряду других принципов – сословному, культурному, религиозному. Существенный вклад в этом направлении был внесен историком и социологом А.П. Щаповым (1831-1876), в своих работах о «расколе» поднявшим вопрос о социальной сущности старообрядческого движения, об отразившемся в «расколе» кризисе самих жизненных укладов и столкновении «земского» и «самодержавного» начал русской государственности³⁸⁷.

Взгляд на «расколотость» страны становился предметом историко-художественного исследования, коим и стал ряд исторических романов второй половины XIX века, предварив жанр «романа – художественной диссертации»³⁸⁸, характерного для исторической литературы 20-х годов XX века. К таким произведениям вполне можно отнести большую часть романов Мордовцева и Данилевского, а также романы «Пугачевцы» Евг.А. Салиаса (1840-1908), «Княгиню Острожскую» Вс.С. Соловьева (1849-1903) – в художественной форме воплотившего, по мнению Е. В. Никольского, научные взгляды своего отца, историка Сергея Соловьева³⁸⁹.

Сама «раскольная» тематика остро соприкасалась с такими понятиями, как «национальность» и «народность», отношение между которыми зачастую мыслилось как отношение между общим и частным. «Национальность в литературе обнимает всю совокупность духовных интересов народа, <...> народность выделяет из этого общего итога лишь то, что непосредственно относится до умственного и нравственного обихода народной массы», – писал В.Г. Всеенко (1842-1913) в 1874 году о проблематике изображения раскола в русской художественной

³⁸⁷ Щапов А.П. 1) Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань, 1859. 547 с.; 2) Земство и раскол. Ч. 1. 1862. 161 с.

³⁸⁸ Эйхенбаум Б. Творчество Ю. Тынянова // Эйхенбаум Б. О прозе: сб. ст. / сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. — Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 419.

³⁸⁹ Никольский Е. В. «Бунташный век» и галантное столетие в романах Всев. Соловьева (проблемы жанра, метода, аскиологии): моногр. – Минск: Изд. В. Хурсик, 2013. С. 53.

литературе³⁹⁰. Для публициста «раскол» был одним из источников представлений о «бесперспективности» самостоятельного, «народного» развития в отрыве от «цивилизованной» и «просвещенной» России: «Раскол служит лишь так сказать концентрированным выражением этой формы развития, несостоятельность которой перед двинувшейся вперед жизнью сказывается все сильнее и сильнее»³⁹¹.

Иначе смотрел на развитие старообрядчества Д.Л. Мордовцев, чей «раскольный цикл» – романы «Идеалисты и реалисты» (1878), «Великий раскол» (1880), «Сидение раскольников на Соловках» (1880), повесть «Социалист прошлого века» (1885) – составил значительный этап в истории русского исторического романа. Для писателя «раскол» был развитием народного свободолюбия, культурной формой протеста против присущей историческому развитию России чрезмерной, с его точки зрения, централизации власти.

Д.Л. Мордовцев к моменту начала работы над исторической романистикой был известен как исторический публицист и исследователь, автор чрезвычайно популярных в народнической среде монографий о «политических движениях русского народа» – периодах понизовой вольницы, пугачевщины, гайдамачины³⁹². Государственные кризисы Мордовцев исследовал в их «тлеющем» виде – виде народных протестов и социальных конфликтов, стремясь выявить своеобразие проявления общественных интересов народных масс³⁹³. Уже в молодости Мордовцев увидел прямую связь между народными выступлениями и преследованием старообрядчества. «Здесь боятся, что Ростовцев вынудит крестьян на резню», – писал он в Петербург своему другу В.И. Ламанскому (1833-1914) летом 1859 года³⁹⁴. «В Волжске на

³⁹⁰ А<всеенко> В.Г. Художественное изучение раскола // Русский вестник. 1874. №1. С. 353.

³⁹¹ Там же. С. 378.

³⁹² Попов М.Р. Записки землеводца. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. С. 211.

³⁹³ Захаров В.М. Саратовское историческое краеведение 50-60-х годов XIX века (Н.И. Костомаров и Д.Л. Мордовцев). – Саратов: Научная книга, 2011. С. 122.

³⁹⁴ ИЛ. – Ф. 24. Од. зб. 65. Мордовцев, Д.Л. Лист до Ламанского В.И. 23 июня [18]59. Фотокопия. – 3 арк.

днях запечатали староверческую церковь и всю обобрали <...>— все привезли в Саратов на 6 подводках, а народ прибывшую процессию [встретил] с книгами, криками, с земными поклонами, проклятьям и благословением. На площади было до 3600 народу. В Саратове народ встретил обоз очень шумно, хоть и хотели провести тайно. Бог знает, зачем это делают. А ведь все это было по Высоч[айшему] повелению»³⁹⁵.

Обратившись к теме петровских преобразований (Идеалисты и реалисты), Мордовцев в процессе работы с документами соответствующего исторического периода столкнулся с необходимостью понять тот отчаянный настрой, с которым распространялось старообрядчество в начале XVIII века, ту массовость, с которой «раскол» охватывал «низы» русского общества, и объяснить рождавшиеся в старообрядчестве культурно-религиозные доктрины. В поисках ответов на эти вопросы Мордовцев впервые в русской исторической романистике затронул события 1660-1680-х годов – реформу патриарха Никона и ее неприятие со стороны последователей протопопа Аввакума, а также открытое неповиновение светским и религиозным властям монахов Соловецкого монастыря – восстание 1667-1676 гг.³⁹⁶

Важнейшей особенностью этих произведений стало активное использование автором исторических материалов для художественной реконструкции событий и создания реалистически достоверных образов их участников. Практически все главные герои романов Мордовцева о «расколе» – исторические лица, судьбы которых могли быть достаточно подробно освещены благодаря сохранившимся документам. Таковы Василий (Варлаам) Левин (Идеалисты и реалисты)³⁹⁷, протопоп Аввакум и боярыня Морозова (Великий раскол)³⁹⁸,

³⁹⁵ Ил. – Ф. 24. Од. зб. 66. Мордовцев, Д.Л. Лист до Ламанского В.И. 26.VI.1859.Фотокопия. – 1 арк.

³⁹⁶ Чумичева О.В. Соловецкое восстание 1667-1676 годов. М.: ОГИ, 2009. 352 с.

³⁹⁷ Есипов Г.В. Варлаам Левин. Спб., 1861.

³⁹⁸ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб., 1862.

иеромонах Геронтий Соловецкий (Соловецкое сиденье)³⁹⁹, Евдоким Кравков (Социалист прошлого века)⁴⁰⁰.

Следуя в русле развития реалистической литературы, Мордовцев стремился к масштабному и всестороннему изображению государственного кризиса, охватывающего все стороны человеческой жизни, общества в целом. Писателю удавалось затронуть моральные, семейные, личностно-психологические, социально-политические, экономические и культурные аспекты распространения «раскола». Главнейшей особенностью этого художественно-исторического исследования становился поиск внутренних, а не внешних причин возникновения кризисных ситуаций. И если в интерпретации других писателей – как предшественников (Ф.В. Булгарина, М.Н. Загоскина), так и современников (Вс.С. Соловьева, Е.А. Салиаса), – причины российских политических катаклизмов происходили из внешнего, «враждебного», влияния, то для Мордовцева характерно сосредоточение внимания именно на порождающих социальные потрясения национальных особенностях. «Писателем, умеющим выражать сущность народной души»⁴⁰¹ назвал автора «Идеалистов и реалистов» С.А. Венгеров (1855-1920).

Иностранное же, как правило, изображалось Мордовцевым в качестве определения культурных границ между «своим» и «чужим». «Вот срам! – возмутился иноземный купец Каролус Каролусович при виде порвавшейся веревки во время казни защитников Соловецкого монастыря, – К нам, за море, отправляют лучшие веревки и пеньку, а казне оставляют брак, гниль... О, Московия!»⁴⁰² Европейский рационализм купца не в состоянии вместить многозначительность «оборванной веревки повешенного», тогда как для русского человека, тем более в момент такого высочайшего религиозного напряжения,

³⁹⁹ Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. Т. 1-9. – М.: Братство святого Петра Митрополита, 1874-1894. Т. 3. Ч. 3: Акты, относящиеся к истории соловецкого мятежа. – 1878. – [4], 458, IX с.

⁴⁰⁰ Ламанский В.И. Евдоким Михайлович Кравков, дворянин-старовер // День. 1862. № 28.

⁴⁰¹ Венгеров С.А. Русская беллетристика // Неделя. 1878. № 48.

⁴⁰² Мордовцев. Соловецкое сиденье. М., 1880. С. 213.

как казнь «за веру», могло стать поворотным моментом всей жизни: «И мы хотим венцов! Вешайте нас! – слышался ропот в толпе, и толпа хлынула к виселице»⁴⁰³.

Историософские поиски литератора зачастую наталкивались на грубые окрики со стороны политических противников. Историческую литературу незасорно было обозвать и «мордовщиной», высмеивая при этом писателя самым недостойным образом. Объяснение тому – острота современного политического момента. «Много чего не затронула еще наша художественная литература из современного и текущего, много совсем проглядела и страшно отстала, – писал Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя». – Даже и в исторический-то роман, может, потому ударилась, что смысл текущего потеряла»⁴⁰⁴. На нестроение исторических концепций и тем, интересовавших общество в конце 1870-х годов, указывал и Е.А. Салиас в письме к Б.Н. Чичерину (1828-1904), предлагая сотрудничество с редакцией журнала «Историческая библиотека»: «У нас на Руси таково горе! Кто бы должен бы писать много, молчит! А кому бы молчать – отличаются многоглаголаньем»⁴⁰⁵.

Как события «современной истории» трактовалась в романе Всеволода Крестовского «Кровавый пуф» (1869-1874) драма исторического перелома, связанная с реформой 1861 года. Отнюдь не случайно первая часть произведения отсчитывалась от дня 19 февраля, символичного для России тем, что это был «первый день своей всенародной свободы», и тем не менее автор имел все основания считать, что «в воздухе было что-то давящее, плавало что-то смутное, серое, неопределенное. На горизонте собирались какие-то зловещие, свинцовые тучи»⁴⁰⁶.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т. / Ф. М. Достоевский; [Редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.) и др.]. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 8.

⁴⁰⁵ Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 334. Картон №4. Е.х. 21. Салиас де-Турнемир, гр. Евгений Андреевич. Письмо к Чичерину Борису Николаевичу 1879 декабря 17. СПб. 1 п. 2 лл. – л. 2 об.

⁴⁰⁶ Крестовский Вс. В. Кровавый пуф // Собрание сочинений Вс. В. Крестовского. Т. 3. Спб., 1904. С. 1.

Как кризис высшей государственной власти были интерпретированы события династических конфликтов второй половины XVIII века в романах Г.П. Данилевского «Мирович» (1879) и «Княжна Тараканова» (1882). Как и Мордовцев, Данилевский в качестве документальной основы своих произведений использовал сведения из исторических документов. Сюжет романа «Мирович»⁴⁰⁷ был заимствован из бумаг украинского писателя Г.Ф. Квитки-Основьяненко (1778-1843), архивом которого занимался Данилевский в 1860-е годы⁴⁰⁸. Образ княжны Таракановой во многом основан на материалах исторического очерка П.И. Мельникова «Княжна Тараканова и Принцесса Владимирская»⁴⁰⁹. Романист долго вынашивал замысел произведения, изначально предполагая назвать его «Император Иоанн Антонович», о чем можно судить по письму Данилевского историку М.П. Погодину (1800-1875), в котором писатель просил о встрече с тем, чтобы иметь возможность побеседовать «как о плане романа, так и об источниках для него»⁴¹⁰.

В образе Мировича Данилевскому удалось воссоздать тип авантюриста-мечтателя русского XVIII века⁴¹¹. «Одним праведником, по пословице, спасается целый город. Идеалистами, с течением времени, спасались не раз целые поколения», – так, следуя в тональности Мордовцева, рассуждал о своем герое сам автор⁴¹². Исследователи творчества Данилевского считают, что писателю не верилось в социальное переустройство мира, а жертвы, на которые его современники

⁴⁰⁷ «Можно бы интересный составить исторический роман из горестной жизни несчастного принца, бывшего в России под именем императора Иоанна III Антоновича, - писал для памяти Г. Ф. Квитка о своих творческих задумках. (План романа из жизни Мировича и записки о нем Г.Ф. Квитки (Основьяненко) // Русский архив. Вып. 1. Ст. 160).

⁴⁰⁸ Данилевский Г.П. Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования. Харьков, 1866. 403 с.

⁴⁰⁹ Мельников П.И. Княжна Тараканова и Принцесса Владимирская // Русский вестник. 1867. №№ 69, 70.

⁴¹⁰ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Е.х. 139. Письмо Данилевского Григория Петровича Погодину Михаилу Петровичу [не позднее 1875]. Док. 1. Л. 1.

⁴¹¹ Кимова Л.Х. Исторический роман Г.П. Данилевского «Мирович». Нальчик: КБГУ, 1979. С. 54.

⁴¹² Данилевский Г.П. Предисловие к 6-му изданию (от автора) / Сочинения. Изд. 6-е. Спб., 1890. Т. 1. С. III.

шли во имя социальной справедливости, ему казались неоправданными и бессмысленными⁴¹³.

Революционный кризис конца 1870-х годов обернулся царевубийством 1 марта 1881 года. Чрезмерное вторжение идеологии в поиск исторических черт «народного характера», преследовавшее своей целью обосновать ту или иную политическую концепцию, столкнулось с необходимостью позитивных рецепций в области морали и общественной нравственности. Сделав шаг в сторону от социального рабства, русское общество оказалось не в состоянии справиться с бунтом свободы. Трагический парадокс Достоевского «все дозволено»⁴¹⁴ обернулся низвержением самой ценности человеческой жизни. Высшим проявлением гуманизма оказалось царевубийство, оправданное необходимостью предотвращения будущих жертв. «Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России», – в сотрясении устоев всей жизни не сомневались и сами народовольцы⁴¹⁵.

Исторический роман после 1881 года на долгие годы утратил возможность быть пространством политических экспериментов с прошлым⁴¹⁶. Проблемы русской истории надолго ушли в тень, оказавшись заслоненными проблемами уже общечеловеческими. Обращение русских писателей к сюжетам из всемирной истории, – а чаще всего, катастроф древнего мира, библейских и евангельских событий⁴¹⁷, – говорит именно о стремлении преодолеть духовный кризис русского общества после трагедии 1 марта. Одновременно появилось и значительное число авантюрно-развлекательных произведений,

⁴¹³ Кимова. С. 17.

⁴¹⁴ «Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено» (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Книги I-X. / Собрание сочинений в 30 т. Т. 14. Л.: Наука. С. 76.

⁴¹⁵ Письмо Исполнительного комитета к Александру III // «Народная воля» в документах и воспоминания. М. 1930. С. 102.

⁴¹⁶ «Падение и колебание спроса на идейную беллетристику, – писал Н. А. Рубакин (1862-1946), – находятся в прямой зависимости от преобладающих веяний, от господствующего течения, по которому командующие классы готовы плыть в какую угодно сторону, лишь бы это была сторона сытого благополучия» (Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике. Спб., 1895. 132 с.).

⁴¹⁷ Рубакин Н.А. Среди книг: опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. Т. 1. Языкознание, литература, искусство, публицистика, этика в связи с их историей / Н. А. Рубакин. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Книгоиздательство «Наука»: Тип. П. П. Рябушинского, 1911. С. 165-166.

в которых история являлась лишь декоративным фоном любовных интриг и полудетективных расследований⁴¹⁸.

Новая веха в истории русского исторического романа была открыта историософской трилогией Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» – романами «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1900), «Леонардо да Винчи» (1901) и «Антихрист. Петр и Алексей» (1904). Лишь в последнем романе Мережковский обратился к теме отечественной истории, избрав основой сюжета старообрядческие представления о воплощенном Антихристе⁴¹⁹, что позволило придать традиционной «петровской» теме общемировое, «космическое» звучание. Тень несчастного дворянина Варлаама Левина, уверовавшего в пришествие в мир сил зла, вновь колыхнулась на страницах русской исторической прозы.

Заключение

Отечественный исторический роман XIX века в освещении темы переломных эпох российской государственности стал частью общегражданской полемики относительно путей развития страны. Реконструируемые писателями исторические сюжеты становились предметом ожесточенных споров. Массовость жанра позволяла использовать его как инструмент политического воздействия на читателя, формировать представления о прошлом. Всеобщая востребованность исторического романа создавала условия как для поиска новых форм, так и для многочисленных подражаний выдающимся произведениям этого направления.

Два периода максимальной популярности и актуальности исторического романа – 1830-1840-е годы и 1870-1880-е годы – не только демонстрировали особенности в освещении

⁴¹⁸ Гейнце Н. Э. Людоедка (1898), Судные дни Великого Новгорода (1897); Машкин Н.П. Царь-колокол, или Антихрист XVII века (1892); Полежаев П. В. Лопухинское дело (1883), Царевич Алексей Петрович (1885), Фавор и опала (1887); Вс. С. Соловьев: Великий Розенкрейцер (1898), Жених царевны (1903) и т.п.

⁴¹⁹ «Учение об Антихристе <...> общехристианское и общеевропейское, – писал В.Г. Сенатов, – оно помогает человеку предохранить себя от многих частных, общественных и политических ошибок, охранить свою жизнь и свой дух от посторонних веяний, проникнуться собственными своими христианскими преданиями и подготовить путь к своему дальнейшему свободному развитию» (Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. Вып. 2. М., 1908. С. 32).

исторических событий периодов государственных потрясений, но и обозначили развитие начал, заложенных реалистической литературой первой трети XIX века. «Случайный» человек 1830-х годов сменился «историческим» человеком 1870-х. Стремление к воссозданию истории в ее объективной подлинности раскрылось в широком использовании документального обоснования тех или иных взглядов на события прошлых времен. Сам же исторический факт преподносился именно в контексте событий современности, являясь результатом художественно-исторического выражения политических взглядов конкретного автора.

Ярко выраженная идеологическая окраска исторической литературы 1870-1880-х годов является одной из знаковых черт исторического романа этого времени. Таких идеологических доктрин было несколько: либерально-народническая, отражавшая взгляды революционно-демократической среды на переустройство страны, и охранительно-консервативная, ядром которой была идея сплочения вокруг существующей власти.

Исторический роман, затрагивая тему переломных эпох российской государственности, становился своеобразным дискуссионным полем о путях развития страны. На примерах исторического прошлого художник, вооруженный тем или иным идеологическим представлением о будущем, стремился показать основания политических концепций настоящего.

Изображение переломной эпохи в историческом романе могло содержать в себе следующие представления о природе политического конфликта: 1) как результат деятельности враждебной группы внутренних либо иностранных злоумышленников; 2) как результат глубинных противоречий между действующими в собственных интересах социальными группами.

Изменение в освещении событий прошлого наглядно демонстрирует и изменение общественного восприятия истории, развитие подходов к проецированию истории на современность. И в этом смысле исторический роман XIX века в целом является не только важнейшей частью всей отечественной литературы, но

и полем столкновения характерных для своего времени общественно-политических идей. Будущие исследования могли бы более полно раскрыть взаимное проникновение исторической науки и художественного творчества в русской культуре XIX века, показать более четкую взаимосвязь общественной дискуссии с историческими произведениями своего времени – как публицистическими, так и художественными.

РАЗДЕЛ III. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПЕРИОДЫ ВОЙН, КРИЗИСОВ И РЕВОЛЮЦИЙ

ГЛАВА 11. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

В главе рассматриваются формы народовластия, развивавшиеся в Древней Руси и в России Нового времени, включая вечевые традиции древнерусского государства. На примере Новгородского княжества рассмотрены политические институты республиканского типа средневековой Руси.

При характеристике сословно-представительных органов в истории России сделан акцент на деятельности земских соборов, боярских дум, уложенных комиссий, органов сословного управления - дворянских собраний, а также местного управления – городских органов власти и земств.

Сделан вывод о том, что формирование представительных институтов в России происходило параллельно с европейскими странами, медленно эволюционируя в сторону большего вовлечения жителей в политико-управленческие процессы. Однако эти процессы сопровождались консолидированным противодействием со стороны доминирующих властных группировок, что в итоге и предопределило противоречивую судьбу взаимоотношений российской государственности и демократии.

Ключевые слова: народовластие, демократия, вече, вечевой строй, Новгородская республика, сословно-представительные органы.

1. Формы народовластия в Древней Руси. Вечевой строй

Древнерусское государство формировалось под влиянием институтов, возникших в догосударственную эпоху. Это был эволюционный процесс, так как институты возникали не по

причине завоевания другими народами русских земель, а под влиянием внутренних социальных процессов, которые привели к появлению Русского государства. При этом существенное влияние оказывал политический опыт античности и христианства. Однако и свой собственный опыт решающим образом влиял на становление институтов государства, которые, трансформируясь в государственные органы, приобретали новые черты, сохраняя древнерусские традиции.

В VIII – первой половине IX в. у восточных славян складывается общественное устройство, которое историки называют «военной демократией». Характерной особенностью этой формы управления стало возвышение князя и его дружины, которая становится привилегированной частью общества и мнением которой князь не может пренебрегать. На племенных собраниях – вече – избираются князья, воеводы и решаются важнейшие вопросы племенной жизни. Зародившиеся у истоков российской государственности традиции влияли на становление институтов и в дальнейшем.

Следует отметить, что народное собрание как орган догосударственной власти было известно всем славянским племенам. Но с образованием государств в Европе решающую роль в политической жизни стала играть феодальная аристократия, а народные собрания постепенно теряли свое политическое значение. На Руси же вечевые традиции оставались определяющими вплоть до XI-XII вв. «По своему происхождению вече, - пишет советский и российский историк И.Я. Фроянов, - архаический институт, уходящий своими корнями в недра первичной формации. С переменами, происходившими в социальной структуре восточнославянского общества, менялось и учреждение: племенное вече эпохи первобытного строя отличалось от волостного веча второй половины XI-XII веков»⁴²⁰. Вечевые практики, кроме всего прочего, означали умение договориться всем вместе, выработать взаимоприемлемое решение стоящих перед всеми задач в результате совместного обсуждения свободными людьми общих проблем.

⁴²⁰ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 184.

Известия летописей о вечевой жизни на Руси многочисленны и разнообразны, хотя подробные описания вечевых собраний, по свидетельству историков, достаточно редки. По утверждению российского историка – эмигранта С.Г. Пушкарева, «очень часто и само слово «вече» не упоминается летописцем, а говорится лишь, что «кияне», новгородцы, полочане, володимирцы и т.д. «сдумаша» то-то, или «послаша» к кому-либо, или «реша» то-то»⁴²¹. Во всех этих случаях, когда население города выступало самостоятельно и независимо от князя, может идти речь о предварительном совещании или совете, т.е. вече. В начале XI в. с усилением центральной власти в лице великого князя Киевского племенные собрания теряют свое политическое значение, и им на смену приходит влиятельное вече старших областных городов. «Старшие города, жители его, собранные на вече, - пишет знаменитый русский мыслитель С.М. Соловьев, - являются, таким образом, властью, и на чем они, старшие, положат, на том и пригороды станут»⁴²².

Власть веча, его состав и компетенция не определялись никакими юридическими нормами. Вече было открытым собранием, и все свободные люди могли принимать в нем участие. Фактически вече было собранием горожан главного города, так как жители малых городов хотя и имели право присутствовать на вече, но редко имели такую возможность. Решение вечевого собрания старшего города считалось обязательным для жителей пригородов и для всей волости. Тем не менее в некоторых малых городах и пригородах развивалась собственная вечевая жизнь, проходили свои собственные вечевые собрания, нередко приводившие к столкновениям с вече старшего города. Однако такие случаи с течением времени становились все реже.

В условиях формирования государственности вече как институт самоорганизации населения превращается в государственный орган, компетенции которого были не ограниченными никаким законом. Вечевое собрание могло

⁴²¹ Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М.: Наука, 1991. С. 49.

⁴²² Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 218-219.

обсуждать и решать любой вопрос: назначение и смещение должностных лиц, одобрение законодательных актов, распоряжение финансами, установление денежных сборов, объявление войны и заключение мира. Кроме того, вече выполняло некоторые судебные полномочия, принимало и направляло послов и т.п. Иногда даже народное ополчение, находясь в походе, устраивало вечевое собрание и решало вопрос о продолжении похода или о предстоящих военных действиях.

Однако самым главным предметом компетенции вечевых собраний было призвание князей и их изгнание в случае невыполнения ими обещаний, которые, как правило, были устными и письменно не регистрировались. Но иногда обе стороны заключали дополнительные условия в виде договора («ряда»). Правда, в полной мере система договоров народа с князем развивалась только в Новгороде. Призвание или принятие народом угодного ему князя, как и изгнание неугодных князей, как свидетельствует летопись, было обычным явлением в XI-XII вв. Факты смены князей по воле населения были в землях Полоцкой, Смоленской, Чернигово-Северской, Муромо-Рязанской и некоторых других. Таким образом, признание и перемена князей являлись не только политическими фактами, проистекавшими из реального соотношения сил, но были общепринятой практикой и правом населения, которое признавали и князя, и их дружины.

В дальнейшем по мере развития земельной собственности князя стали оседать в отдельных землях, передавая их по наследству. С XII века вместе с престолом потомкам князя стал переходить только один удел — великокняжеский. Князь, занимая великокняжеский престол, во временное владение получал и территорию великого княжества, но при этом сохранял за собой и свой удел. Такое оседание князей в отдельных волостях и послужило основой для феодальной раздробленности. Как справедливо замечает А.С. Автономов, «развивалась борьба монархического начала в лице князя,

опирающегося на свою дружину, и демократического — в лице народного собрания»⁴²³.

По-разному сложилась судьба этого института непосредственной демократии в различных частях страны. Так, на юго-западе и северо-западе Руси то разгорался, то угасал конфликт между князем и аристократией. И та и другая сторона стремилась для укрепления своих позиций заручиться поддержкой народного собрания, что влекло за собой усиление значимости последнего. На северо-востоке Руси, во Владимире, в результате активной политической деятельности князя Андрея Боголюбского роль вече была сведена к минимуму, что позволило русскому историку Василию Ключевскому с полным основанием отметить, что вся деятельность Андрея Боголюбского была направлена на то, чтобы превратить патриархальную власть великого князя во власть государственную. Именно на северо-востоке авторитет великокняжеской государственной власти начинает возвышаться над всеми остальными догосударственными политическими и патриархальными институтами. По всей видимости, данный тип политических отношений в целом лег в основу будущей московской великокняжеской власти и заложил свою традицию управления со многими ее плюсами и минусами⁴²⁴.

После убийства Андрея Боголюбского в 1174 году началась серьезная борьба за наследование его власти, в ходе которой победили прямые потомки князя Андрея, опиравшиеся, главным образом, на свою дружину. В результате роль вечевых городов Ростова, Суздаля стала уменьшаться.

Иным образом развивались отношения между обществом и князем в Великом Новгороде, что привело к созданию Новгородской республики, просуществовавшей с 1136 по 1478 г. Этот период характеризовался, по выражению С.М.Соловьева,

⁴²³ Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия / под ред. А.В. Иванченко. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 10.

⁴²⁴ См.: Евстифеев Р.В. Истоки российской государственности: Северо-Восточный вариант // Н.Н. Воронин. Андрей Боголюбский / под ред. Р.В. Евстифеева и А.К. Тихонова. Владимир, ВФ РАГС, Транзит-Х, 2011. С. 189-202.

«борьбой между северным единовластителем и Новгородом как представителем древнего двоевластия»⁴²⁵.

2. Новгородская республика

По мере ослабления власти киевских князей и развития политического сепаратизма Новгород стал проявлять все больше независимости от Киева. Так, в 1136 году князь Всеволод Мстиславович, после поражения новгородской рати в борьбе с суздальцами по приговору веча был заключен под стражу в архиепископском дворце, а через два месяца выслан из города с обвинением, что он «не блюдет смердов», т.е. не выражает интересов простых людей, а также плохо руководит войском и втягивает Новгород в межкняжескую борьбу. После этих событий к власти в Новгороде окончательно пришла городская аристократия – крупное боярство, богатое купечество, архиепископ, что привело к образованию своеобразной аристократической республики.

Следует отметить, что в это же время на территории прежней Римской империи возрождались республиканские традиции. В городах Северной Италии (Венеции, Флоренции, Генуе и др.) около 1100 г. возникли города-республики, где в работе органов власти принимали участие сначала высшие слои общества – знать, а затем и представители средних слоев – так называемый «средний класс».

Посредничество городов в торговле между Европой и Востоком (арабский мир, Индия, Китай), развитие мануфактур для производства тканей, одежды, обуви, оружия, предметов роскоши, судов для собственного потребления и на продажу за границу, совершенствование финансового дела (внедрение банков, ломбардов), кредитование знати и коронованных особ повышало социальный статус и усиливало политические позиции купцов и ремесленников, выходцев из простолюдинов – пополанов (populas – лат. народ), увеличивало их возможности в политической борьбе за демократизацию общества и политических институтов.

⁴²⁵ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 236-237.

Аналогичная ситуация складывалась на северо-западе Руси, где «Господин Великий Новгород» оказался на пути «из варяг в греки», предполагающей включенность в процесс торговли, который привел к возникновению влиятельных слоев населения – купцов, ремесленников, бояр, представителей церкви. Заинтересованность большинства слоев общества в создании выгодных условий для торговли и ее обеспечение объединяло различные слои новгородского общества, которое выступало единым фронтом против политического давления Киева и Ростово-Суздальского княжества.

В 1196 году съезд князей признал за Новгородом право самому приглашать себе князя при условии, что он будет из Рюриковичей. В Новгороде, отдельно от всякого вече, существовало большое вече, т.е. полное законное собрание, которое юридически являлось верховной властью. Право собрания большого вече не принадлежало только сановникам, облеченным властью или правительственной обязанностью, за исключением князя и посадника, которые будучи предводителями вынуждены были советоваться с народом. Созвать вече – значило представить какой-либо значимый вопрос на обсуждение народа, и поэтому всякий, кто считал себя вправе говорить перед народом, мог и созвать вече. Удар в вечевой колокол был требованием народного голоса.

Компетенция новгородского вече была всеобъемлющей. Вече устанавливало приговоры по управлению, договоры с князьями и с иностранными землями, объявляло войны, заключало мир, призывало князей, избирало владык; делало распоряжения о сборе войска и охране страны; уступало в собственность или в кормленье земли, определяло торговые права и качество монеты, иногда ставило миром церкви и монастыри, устанавливало правила и законы; регулировало область внешней политики и обороны государства. Таким образом, вече являлось законодательной властью, но также исполняло функции судебной власти, особенно в делах, касающихся нарушения общественных прав.

Цензов на участие в вече не существовало. Деятельными членами на вече могли быть все граждане Новгорода - как богатые, так и бедные, как бояре, так и черные люди. Новгородское население не было однородным: оно делилось на лучших и меньших людей. Причем меньшие не были таковыми по политическим правам, а только по экономическому положению и фактическому значению. Неравенство фактическое при полном равенстве юридическом стало причиной многочисленных новгородских бунтов. Кроме общего разделения на лучших и меньших, новгородское общество делилось на три класса: высший класс – бояре, средний – житьи люди, т.е. купцы и своеземцы, низший – черные люди.

Решения вече постановлялись единогласно; в случае несогласия вече разделялось на партии, и сильнейшая силой заставляла согласиться слабейшую. Иногда как результат распри созывалось два веча: одно на Торговой, другое – на Софийской стороне. Конфликт кончался тем, что оба вече сходились на волховском мосту и дрались, если вмешательство духовенства не предупреждало кровопролития.

На вече не было понятия кворума, которое никак не влияло на принятие решения. Все население города, присутствовавшее на вече, могло не принять закона, а сотая часть населения могла принять закон, который был выгоден только этой части. Результат голосования определялся не по количеству голосов, а по мощи глотки кричащих: за что громче кричали, то и считалось принятым.

Так как вече собиралось не регулярно, а только тогда, когда его созывали, то необходим был постоянный орган власти, который бы занимался управлением Новгородской республикой. Таким органом власти стал Совет господ. Он состоял из старых и степенных посадников, тысяцких, сотских, кончанских старост и архиепископа. Совет имел аристократический характер, число его членов в XV в. доходило до 50. Этот орган развился из древнего института власти – боярской думы князя с участием городских старейшин. В XII в. князь к себе на совет со своими боярами приглашал городских сотских и старост. По мере того

как князь терял органические связи с местным новгородским обществом, он с боярами был постепенно вытеснен из Совета. Его заменил местный владыка – архиепископ, который стал постоянным председателем Совета.

Совет господ готовил и вносил на вече законодательные вопросы, представлял готовые законопроекты, при этом он не имел собственного голоса в принятии законов. Также Совет осуществлял общее наблюдение за работой государственного аппарата и должностных лиц республики, контролируя, таким образом, деятельность исполнительной власти. Он же совместно с князем, посадником и тысяцким решал вопросы о созыве вече и впоследствии направлял всю его деятельность.

Совет господ имел огромное значение в политической жизни Новгорода. Он состоял из представителей высшего новгородского класса, имевшего могущественное экономическое влияние на весь город, этот подготовительный Совет часто и предрешал выносимые им на вече вопросы, проводя среди граждан подготовленные им самим ответы. Таким образом, вече очень часто становилось орудием для придания решениям Совета законности в глазах граждан.

Главой исполнительной власти в Новгороде был посадник. Посадник - это высшее выборное должностное лицо, являвшееся исполнительным органом вече, которому передавалось управление делами республики. Официально он избирался на вече из числа всех полноправных граждан Новгорода, но фактически посадник - из немногих наиболее знатных родов Новгородской республики. Срок посадничества не был ограничен, но фактически посадники занимали свою должность по одному-два года. Посадники, сложившие с себя полномочия, назывались «старыми посадниками».

Область деятельности посадников была очень обширной. Они направляли всю деятельность Новгородской республики, осуществляли контроль за работой всех категорий людей, проживавших на ее территории, совместно с князем ведали вопросами управления и суда, командовали войсками во время походов, наблюдали за строительством оборонительных

сооружений, вели дипломатические сношения с другими русскими княжествами и иностранными государствами, руководили заседаниями Совета господ и вечевыми собраниями. Посадник как представитель города охранял интересы Новгорода и всей Новгородской республики перед князем. Без него князь не мог судить новгородцев и раздавать новгородские волости. В отсутствие князя посадник управлял всем городом.

Еще одним носителем исполнительной власти в Новгородской республике был тысяцкий. Он занимался регулированием торговых отношений, торговым судом, созывом ополчения, обороной города и республики, имел полицейские функции. Тысяцкий так же, как и посадник, получал свои полномочия на неопределенный срок, имел в подчинении целый штат мелких агентов, которые исполняли различные судебные и административно-полицейские распоряжения, объявляли решения вече и призывали к суду, извещали суд о преступлении, производили обыски и т.д. Кроме этого тысяцкий занимался военным судом - судом над собранными ополченцами.

Также одной из важнейших выборных должностей в Новгородской республике был архиепископ. После отсоединения от Киевской Руси в 1156 г. епископ Новгородский стал избираться на вече, а затем утверждался митрополитом Киевским и всея Руси. Вече выбирало три кандидатуры на этот пост, и бумажки с этими кандидатурами клали на престол Софийского собора, а потом слепой или мальчик выбирал одну из бумажек. Претендент, имя которого было написано в этой бумажке, становился епископом Новгородским, а с 1156 г. - архиепископом Новгородским. Архиепископ Новгородский председательствовал на заседаниях Совета господ, осуществлял право церковного суда, наблюдал за торговыми мерами и весами, был хранителем государственной казны. К его голосу постоянно прислушивались высшие чины новгородской администрации. Архиепископ являлся крупнейшим феодалом Новгородской республики, владел обширными землями,

образовавшимися в основном из конфискованных владений князя.

Судебная власть в Новгороде не была отделена от исполнительно-административной. Судебными полномочиями обладали многие органы власти и управления: вече, архиепископ, князь, посадник, тысяцкий. При вступлении в должность выборные приносили присягу - «крестное целование». Суд не сосредоточивался в отдельном ведомстве, а был распределен между разными правительственными властями. Суд был очень доходным, что и служило причиной его раздробления между различными органами управления. Возникновение новых правительственных институтов вносило осложнения в существовавшую судебную систему.

Судопроизводство усложнялось еще комбинациями разных юрисдикций в смешанных делах, где встречались стороны различных подсудностей. В тяжбе церковного человека с мирянином городской судья судил вместе с владычным наместником или его тиуном (уполномоченным). Княжеского человека с новгородцем судила особая комиссия, состоявшая из двух бояр, княжеского и новгородского, и, если они не могли согласиться в решении, дело докладывалось самому князю, когда он приезжал в Новгород, в присутствии посадника. Тысяцкий судил преимущественно дела полицейского характера, а также торговые. Он был первым из трех старшин в купеческом совете, который с участием посадника разбирал дела между новгородцами и купцами немецкого двора в Новгороде.

Особенно интересно положение князя в Новгороде, сильно отличавшееся от положения князей в других русских областях. Князь являлся в Новгороде высшей судебной и военной властью, руководил и управлял судом, скреплял сделки и утверждал в правах. Он приглашался новгородским вече, но при этом был обязан подписать договор с Новгородом - ряд. Договоры определяли судебно-административные отношения князя к городу, финансовые отношения и отношение князя к новгородской торговле. По этим договорам определялась роль князя в управлении Новгородской республикой.

Смена князей на новгородском престоле происходила довольно часто. За первые сто лет существования республики – от изгнания Всеволода Мстиславовича до монгольского нашествия – княжеская власть сменилась в Новгороде 48 раз. Ослабление великокняжеской власти приводило к постепенному усилению роли посадников и расширению их функций. Они не только контролировали действия князей, но и становились главными магистратами республики, сосредоточившими в своих руках всю полноту исполнительной власти. Следует отметить, что в отдельные периоды власть князей усиливалась, и чаще всего это происходило во времена военной опасности. Так, например, в середине XIII века, когда с запада Новгороду угрожали немецкие рыцари - крестоносцы и шведы, а с юга татары. Однако с XIV века в Новгороде прекращается частая смена князей и вместе с тем изменяется характер политической жизни.

Резкое имущественное неравенство между гражданами – свободными людьми с равными политическими правами – обычное явление в больших торговых городах с республиканскими формами устройства. В Новгороде это имущественное неравенство при политическом равноправии, при демократических формах устройства, по выражению В.О. Ключевского, «чувствовалось особенно резко, производило раздражающее действие на низшие классы»⁴²⁶. Вследствие непримиримого антагонизма низших в имущественном отношении классов к новгородскому боярству, являвшемуся руководителем местной политической жизни вольного города, укоренились недостатки, подготовившие легкое падение его вольности во второй половине XIV века. Такими недостатками, по мнению знаменитого русского историка, были: снижение внутреннего общественного единения новгородского общества, недостаток земского единства и правительственной централизации в Новгородской области, экономическая зависимость от низовой княжеской Руси, откуда Новгород

⁴²⁶ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. Репринт. изд. М.: Прогресс-Пангея, 1992. С. 83.

получал хлеб, слабость военного устройства торгового города, ополчение которого не могло стоять против княжеских полков⁴²⁷.

Эти недостатки ускорили падение Новгорода, которое было предрешено более общей причиной: к середине XIV века образование великорусской народности уже завершилось и ей недоставало только политического единства. Центром объединения стало Московское княжество, выделившееся из Владимиро-Суздальского еще в XII в.

В течение XV в. московские великие князья из князей-вотчинников становились монархами централизованного государства. Усиление их власти происходило за счет сокращения власти удельных князей и татарских ханов. Формировалась самодержавная, т. е. политически независимая, власть. С идеологических позиций эта власть представлялась в качестве обязанности, общегосударственного, державного служения.

Ярким представителем «князей-собирателей» был Иван III. Он сравнительно скоро и успешно разрешил стоявшие перед ним задачи. Неудивительно, что позднее с именем Ивана связывалось представление о великих преобразованиях и огромных успехах Русского государства, за что он и был прозван Великим.

Иван III начал с покорения и присоединения Новгорода – «главы русских республик». Новгородская республика, в которой хозяйничала боярская аристократия, приходила в упадок одновременно с усилением Московского княжества и собиранием вокруг него земель, поэтому избежать присоединения Новгорода, которое произошло в 1478 г., к создававшемуся Русскому государству было невозможно.

С 13 по 15 января 1478 г. все жители Новгорода были приведены к присяге Ивану III. Новгородское вече прекратило свое существование, а вечевой колокол был отправлен в Москву.

Таким образом, было покончено с «главой русских республик» - Новгородом. Пал древний вечевой строй. Некогда он давал возможность народным массам бороться с боярской аристократией, но к XV веку вече превратилось в арену

⁴²⁷ Там же. С. 84.

деятельности олигархов. В силу этого новгородские низы поддержали Ивана, несмотря на то, что он уничтожил их вечевые порядки. Кроме того, сепаратизм бояр, их попытки отдать Новгород в компенсацию за сохранение собственного господства польско-литовскому королю и магистру ордена немецких рыцарей, их явная антинациональная и антинародная политика способствовали укреплению патриотического чувства новгородцев, стремившихся к слиянию с Москвой в единое Русское государство.

Также стоит отметить, что в то время, когда Новгородское государство с его республиканским устройством и слабой централизацией приходило в упадок по причине социальных противоречий, монархическая Москва собирала под свою руку земли и создала новое Русское государство: сильная государственная власть доказала свою целесообразность в России.

Кроме Новгорода также в Пскове продолжились и развились традиции управления с сильным народным собранием и приглашаемым на время князем. Псков перестал быть пригородом Новгорода по договору 1347 года. От Новгорода также отделился, превратившись в 1397 году в самостоятельную республику, город Хлынов, переименованный в конце XVIII века в Вятку.

Управление Новгородом и Псковом строилось в целом одинаково, хотя имелись и некоторые отличия. В Пскове также главенствующее положение сохранялось за вече. Оно избирало и увольняло всех должностных лиц, приглашало и изгоняло князя. В отличие от Новгорода псковское вече избирало двоих посадников, которые председательствовали на народном собрании, контролировали деятельность князя и других должностных лиц. Судебные функции князь осуществлял только в присутствии посадника. Избирался также тысяцкий, который в мирное время ведал торговлей и осуществлял суд по торговым делам, а в военное - командовал ополчением. Псковское вече избирало епископа (в Новгороде - архиепископа). Епископ председательствовал в Совете господ, называвшемся в Пскове

Оспода, хранил государственную казну, ведал архивом, осуществлял записи актов гражданского состояния. Оспода предварительно рассматривал вопросы, выносимые на рассмотрение вече, координировал деятельность различных должностных лиц. В состав Оспода входили действующий посадник, а также бывшие посадники, тысяцкий, сотские, кончанские и уличанские старосты. Псков делился на шесть концов. В каждом конце, на каждой улице созывалось свое вече, избирались соответственно кончанские и уличанские старосты. Пригороды также пользовались определенным самоуправлением.

В конце XV века утратил независимость Хлынов, а Псков вошел в состав Московского государства в 1510 году.

3. Сословно-представительные органы в истории России

В период создания сильного централизованного государства в средневековой Руси стали появляться новые институты государственной власти, которые характеризовали период сословно-представительной монархии (XVI-XVII вв.). Среди них были такие, которые основывались на оригинальных демократических практиках, например, земские соборы.

Земские соборы являлись высшими сословно-представительными учреждениями в России в середине XVI – конце XVII в., на которых рассматривались важнейшие общегосударственные вопросы. В их состав входили члены «освященного собора» (архиепископы, епископы во главе с митрополитом, а с 1589 г. – с патриархом), Боярской думы, «государева двора», выборные от провинциального дворянства, верхушки горожан, представители служилого и посадского классов (обычно около 300-400 человек). Принимая то или иное решение, члены собора обязывались быть ответственными исполнителями этого решения.

Целью созыва Иваном Грозным земского собора в 1549 году явилась необходимость противопоставления боярам мнения других социальных слоев для поддержки царской власти. Первый собор стал называться собором примирения, так как наряду с обличением злоупотреблений бояр Иван IV призвал

забыть старые обиды и начать совместную работу на пользу страны. По наказу собора был разработан новый свод законов – Судебник 1550 г. Это собор ознаменовал начало сословного представительства в России, когда монарх правит совместно с представителями сословий. Второй земский собор в 1566 году был созван для решения вопроса о том, следует ли мириться с королем польским и великим князем Литовским на предложенных им условиях.

В дальнейшем на земских соборах принимались важнейшие законы, а после прекращения династии Рюриковичей на русском престоле избирались цари: в 1598 году - Борис Годунов, в 1606 году - Василий Шуйский, в 1610 году московские бояре и служилые люди согласились принять на царство польского королевича Владислава, в 1613 году провозглашен царем Михаил Романов. Причем новый царь из династии Романовых, по мнению С.Г. Пушкарева, «удержался на престоле только благодаря поддержке земских соборов, которые в течение первых десяти лет его царствования заседали почти непрерывно»⁴²⁸. В 1648 году царь Алексей Михайлович инициировал приезд выборных людей на земский собор с наказами, заключающими в себе изложение тех пожеланий, которые должны были быть внесены в новый свод законов. Последним земским собором принято считать собрание, состоявшееся в 1683-1684 гг. по вопросу о «вечном мире» с Польшей.

Сословно-представительные учреждения представляли не граждан своей страны, а отдельные сословия и общины, получившие привилегии на такое представительство. Отсюда и формирование части подобных учреждений, как правило, верхней палаты по наследственно-должностному принципу. По полномочиям сословно-представительные учреждения не были официально законодательным органом. Монарх созывал их для совещания и формально не был связан их решениями. На российских земских соборах решения подавались царю в виде

⁴²⁸ Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М.: Наука, 1991. С. 192.

челобитных, которые монарх мог удовлетворить или проигнорировать.

Постепенно на соборах стали вводиться выборные представители. Сама по себе система представительства была довольно сложной и запутанной. Вместе с тем расширение выборного начала позволило В.О. Ключевскому сделать вывод: «Выборный народный челобитчик на земском соборе XVII века сменил собой правительственного агента XVI века; соборное челобитье стало нормой народного представительства, высшим порядком законодательного взаимодействия верховной власти и народа»⁴²⁹. При этом порядок избрания определялся на местах теми, кто избирал своего представителя. Для избранного лица готовился наказ, в котором излагалась позиция делегирующего его коллектива. Наряду с выборными лицами часть мест в соборе по-прежнему занимали должностные лица: члены Боярской думы и высшее духовенство.

Таким образом, значение и характер земских соборов в Московском государстве были различны в разные эпохи. Большинство соборов носило лишь совещательный и осведомительный характер; выборные люди излагали правительству свои нужды и предоставляли решение вопросов царю. Как писал В.О. Ключевский, в земском соборе видели «представительство государственной организации. То живое, конкретное содержание, которое жило и работало в рамках этой организации, управляемое общество или народ, рассматривалось не как политическая сила, способная говорить на соборе устами своих уполномоченных, не как гражданство, а как паства, о благе которой могут думать сообща только ее настоятели»⁴³⁰.

Соборы первых лет царствования Михаила Федоровича принимали решение о введении новых налогов для восстановления военной способности государства и административной организации. «Уложенный» собор 1648-1649 гг. имел законодательный характер. Наконец, избирательные

⁴²⁹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 2. М.: Мысль, 1993. С. 300.

⁴³⁰ Там же. С. 111-112.

соборы 1598-1613 гг. имели учредительный характер и олицетворяли верховную власть в государстве. В эпоху Смутного времени и после него деятельность земских соборов сыграла важную роль в деле восстановления российского самодержавия. С усилением государственной власти во второй половине XVII века, с ростом бюрократизации управления и с ослаблением земского самоуправления на местах земские соборы приходят в упадок.

Одной из форм представительства интересов в средневековой России являлась Боярская дума, которая представляла собой постоянный совет князя с ближайшим окружением - боярами. Боярство в XIV-XVII вв. было высшим рангом, которым государь жаловал своих ближайших помощников. По мере становления Боярской думы в ней происходило расслоение по чинам на бояр, к которым относились представители нескольких десятков знатных фамилий, преимущественно княжеских; окольничих, которые возглавляли приказы, полки, назначались в дипломатические миссии; думных дворян, которые также могли руководить приказами, назначаться воеводами в города - производились из думных дьяков, дворян и стольников. Число бояр и окольничьих было невелико и редко превышало 50 человек. Появление думных чинов связано с расширением социальной базы, служившей опорой царю. Наряду с родовитой знатью членами Боярской думы становились отдельные преданные самодержцу люди незнатного происхождения, что особенно усилилось в конце XVI – первой половине XVII в.

Права Боярской думы не были законодательно закреплены и держались скорее на сложившихся традициях. Законодательное значение думы было утверждено царским Судебником 1550 г. Нормотворческая функция думы заключалась в следующем: «Государь указал и бояре приговорили». Но такой порядок законодательства не был формально обязательным для государя. Иногда он решал дела и издавал распоряжения, имевшие характер законодательных постановлений, единолично. В общее собрание думы дела

поступали или по указу государя или по докладам из приказов. Согласно Уложению 1649 г., дума является высшей судебной инстанцией для тех дел, которые приказы решить не могут.

Поскольку состав Боярской думы неуклонно сокращался, а значительная часть родовой знати критически восприняла нововведения, то в конце XVII в. царь перестает созывать Боярскую думу, и этот сословно-представительный орган постепенно прекращает своё существование.

Одной из форм народного представительства являются Уложенные комиссии - временные коллегиальные органы, призванные кодифицировать российское законодательство. Всего было семь уложенных комиссий, среди них наибольшую известность получила сословно-представительная комиссия, созданная Екатериной II в 1767–1768 гг. На её рассмотрение она представила «Наказ» из 526 статей, который должен был носить законодательный характер.

В состав комиссии было избрано 564 депутата от различных сословий – дворян (30%), горожан (39%), казачества, нерусских народов Поволжья и Сибири (12%), сельских обывателей (14%), от правительственных учреждений (5%)⁴³¹. Несмотря на расширенное представительство, комиссия не охватывала своим составом всех слоев населения империи – не было депутатов от крепостных крестьян, от приходского духовенства, дворцовых крестьян и некоторых других слоев общества.

Самой важной новизной комиссии 1767 годы были указы, какими избиратели обязаны были снабдить своих депутатов, изложив в них общественные нужды. Всего в комиссию было подано 1,5 тыс. указов избирателей от всех сословий, которые стали предметом жарких дискуссий. В конечном итоге работа комиссии зашла в тупик и, не приняв никакого решения, в конце 1768 г. она была распущена. За полтора года законодательных работ Екатерина Вторая убедилась, что нельзя составить кодекс или свод законов путем рассуждений в многочисленном и неподготовленном к делу правительственном собрании. Для такого дела требуется организованная работа опытных юристов,

⁴³¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1993. С. 271.

которая может получить лишь общую оценку и утверждение со стороны народных представителей. Нельзя не согласиться с мнением известного историка А.Б. Каменского, специалиста по екатерининскому времени, о том, что «она явно переоценила своих подданных. Не имевшие опыта законодательной парламентской работы, в большинстве плохо образованные, они... в целом отражали общий низкий уровень политической культуры народа и не в состоянии были подняться над узкосословными интересами ради интересов общегосударственных»⁴³².

При Екатерине Второй начинают также законодательно регламентироваться сословные политические права дворян и горожан. Жалованные грамоты дворянству и городам были дарованы в 1785 году, в соответствии с которыми определялся порядок выборов органов городского самоуправления и юстиции, работа дворянских собраний и дворянских судов. Сам порядок устанавливался верховной властью, в прерогативы которой входила ликвидация выборных органов.

По грамоте 1785 года полноправный дворянин был освобожден от податей, рекрутской повинности и телесных наказаний, он мог быть судим только в дворянских судах лицами, равными ему по происхождению. Дворяне наделялись правом объединяться в губернские и уездные дворянские общества, созывать и участвовать в съездах, избирать судебных заседателей и предводителей дворянства. Дворянские собрания проводились один раз в три года в зимнее время с разрешения генерал-губернатора для производства выборов. Кандидаты в заседатели дворянских судов, выбранные собранием на тот же срок, утверждались также главой администрации. Их избирали местные дворяне уездов, составлявших округ соответствующего суда, из лиц, удовлетворявших цензу оседлости и добропорядочности, выраженной в отсутствии явного порока, а также имущественному (доход с деревень) – не ниже 100 руб., возрастному не моложе 25 лет и служебному не ниже обер-

⁴³² Цит. по: История России с древнейших времен до начала XXI века / под ред. А.Н. Сахарова. Т. 1. М., 2003. С. 792.

офицерского чина, если он не был получен лишь при отставке. Были установлены цензы для приобретения как активного, так и пассивного избирательного права. Как пишет профессор русской истории С.Ф. Платонов, «бесправное при Петре Великом шляхетство облегчило свои тяготы при императрице Анне, замкнулось в благородное сословие при Елизавете, было освобождено от обязательной службы при Петре III; теперь, при Екатерине II, оно было обращено в привилегированное сословие с широким сословным самоуправлением и с большими административными полномочиями»⁴³³.

Жалованная грамота городам установила новое «городовое положение», согласно которому городские обыватели составляли «градское общество», владеющее общим городским имуществом и обладающее правом собраний. На этих собраниях горожане избирают себе городского главу и должностных лиц (по городскому самоуправлению и в сословные суды); обсуждают свои дела и нужды и имеют право обращаться по своим делам к губернатору.

Городская дума являлась распорядительным органом, а городская управа под председательством городского головы - исполнительным. Выборы в городскую думу проводились по трем куриям на основе имущественного ценза. Первую курию составляли крупные налогоплательщики, вносящие треть городских налогов; вторую - более мелкие, уплачивавшие другую треть налогов; третью - все остальные. Каждая курия избирала равное число гласных в городскую думу. Имущественный ценз ограничивал число избирателей. В наиболее крупных городах они составляли в среднем 5,6% от населения.

В компетенцию городского самоуправления входили городское благоустройство, развитие торговли, устройство больниц, школ, противопожарные меры и городское налогообложение. Городские думы находились под контролем правительственных чиновников. Городской голова, избранный

⁴³³ Платонов С.Ф. Учебник русской истории. СПб.: Наука, 1993. С. 286.

думой, утверждался губернатором или министром внутренних дел. Они же могли приостанавливать решения городской думы.

Исполнительным органом городской думы сначала являлась «Шестигласная» дума, в которую входило по одному представителю от шести разрядов городских обывателей, затем в 1846 г. для Петербурга, а 1862 г. для Москвы она была заменена на всесословную Распорядительную думу, а в ходе городской реформы 1870 г. повсеместно – на городскую управу. По «Городовому положению 1870 года» все горожане, платящие налоги, получили право сообща избирать гласных и городскую думу, которая должна была ведать городским хозяйством, как земства ведали земским хозяйством. Дума собиралась по мере необходимости; управа же действовала как постоянный исполнительный орган думы. Срок выборных полномочий в городах устанавливался четырехлетний. За деятельностью городских дум и управ наблюдало губернское по городским делам присутствие под председательством губернатора.

Рост хозяйственной жизни государства благоприятно повлиял на развитие городов: из административных центров они стали превращаться в центры народнохозяйственной деятельности, о чем свидетельствует перепись населения 1897 года. Так, по сведениям энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона 1898 года из 126368827 общего числа российских жителей в городах проживало 16785212 человек, что составляло 13% населения (в 1860-х гг. в городах проживало 10,6% жителей)⁴³⁴.

В 1864 г. в результате земской реформы были созданы выборные органы местного самоуправления, получившие название земств. Земства, избиравшиеся на три года, были всесословными выборными учреждениями, выборы в которые проводились на основе имущественного ценза по куриям – землевладельческой, городской и сельских крестьянских общин – и были многостепенными.

Земские распорядительные органы – губернские или уездные земские собрания (председатель – губернатор или

⁴³⁴ Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 81-82.

уездный предводитель дворянства), состоящие из депутатов – «гласных». Собрания «гласных» выбирали исполнительные органы – губернские и земские управы в составе председателя и нескольких членов. Управа являлась постоянным учреждением: на основании закона и полномочий земского собрания она ведала всеми земскими делами своего уезда.

Собрания «гласных» происходили раз в год. В их компетенцию входило распределение государственных налогов, утверждение местных налогов, местное хозяйство, медицина, образование. Земство занималось также статистикой, оказанием агрономической помощи, земским страхованием имущества, земской почтой, дорожным делом, ветеринарией. Упор при этом делался на самоорганизацию активной части населения, поскольку властные полномочия земских органов были весьма ограничены. Земства действовали под контролем властей – министерство внутренних дел и губернаторы имели право отменять их решения. Являясь представительными учреждениями, земства внимательно относились к местным нуждам. Работа в земствах способствовала формированию гражданского сознания, развитию российской интеллигенции. Сословные интересы уступили место общеземским нуждам и проблемам. Самоуправление получило столь широкий характер, что многими было понято как переход к представительной форме правления. Поэтому со стороны правительства, вскоре после введения земских учреждений, стало заметно намерение удерживать деятельность земств в круге исключительно местных дел и препятствовать общению между собой земских корпораций различных губерний. Тем не менее, несмотря на запрет, служащие земств и часть дворянства составили земское движение, главным требованием которого было создание центрального земского учреждения.

К концу XIX века земское самоуправление было введено в 34 губерниях европейской России, а в остальных районах делами ведали правительственные органы. В 1914 г. земства были уже в 43 губерниях. После Февральской революции 1917 г. земства были введены еще в 19 губерниях и областях России, а также

созданы волостные земства – низшие органы местного самоуправления. В 1918 г. земства были ликвидированы декретом советского правительства.

Таким образом, российская государственность имела свою, довольно долгую историю взаимоотношений с демократией и с демократическими институтами. Более того, формирование средневековых представительных институтов и сословно-представительных органов в России Нового времени свидетельствует о том, что демократические процессы в России проходили параллельно с европейскими странами, однако со своей спецификой и серьезным консолидированным противодействием со стороны доминирующих властных группировок. Институты народовластия (демократии), развивавшиеся в России на протяжении столетий, в целом медленно эволюционировали в сторону большего вовлечения жителей в политико-управленческие процессы. Однако особенности исторического пути России, действия центральной власти, направленные на сдерживание любой ценой низовой инициативы, и неспособность органов власти эту инициативу эффективно использовать привели к катастрофическим для страны последствиям в начале XX века.

ГЛАВА 12. РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И РАЗВИТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В НАЧАЛЕ XX В. И НАЧАЛЕ XXI В.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В главе определены исторические условия и факторы становления парламентаризма в позднеимперской и постсоциалистической России. Раскрыта роль «импорта институтов» в формировании российской модели парламентаризма. Сравниваются проекты парламентаризма в активности политических партий, лидеров. Оценивается феномен мнимого конституционализма. Определена «тропа зависимости» (path-dependence) в институционализации российского парламента.

Освещается политическая борьба по вопросам выбора институционального дизайна парламента и процедур его деятельности. Выявлены последствия избирательных реформ, бикамерализма и взаимодействия палат как методов политической инженерии. Сравнивается повестка дня деятельности парламента в позднеимперской и современной России. Раскрываются позиционирование партийных фракций и коалиций, неформальные практики согласования политических интересов. Оценивается проблема представительства социально-групповых интересов в деятельности парламента. Установлен «политический вес» парламента в общественном мнении России.

Ключевые слова: парламентаризм, Российская империя, СССР, Российская Федерация, сравнительный анализ.

Сравнительный анализ стадий российского парламентаризма важен для корректного понимания условий и возможностей развития демократии в нашей стране. Вполне закономерно, что 100-летие созыва дореволюционной Государственной думы и 20-летие Федерального Собрания РФ вызвали бурную дискуссию историков и политологов. В центре

внимания, насколько можно судить по ключевым научным конференциям и статьям, находятся следующие актуальные вопросы.

1. Какова долгосрочная историческая специфика российского парламентаризма, определяющая динамику его трансформации, его взлётов и падений? Вносит ли парламентаризм вклад в закрепление институтов и отношений модернизированного типа в России или, напротив, блокирует усвоение и консолидацию демократии?

2. Насколько применимы к российскому политическому процессу пришедшие из западного политического контекста понятия «парламентаризм», «разделение властей», «плюрализм», «партия», «фракция»? Или же полезнее использовать национально-своеобразные категории для осмысления законодательной (представительной) власти?

3. Каковы сходства и различия парламентаризма в дореволюционной (1906–1917 гг.) и постсоветской (1993–2014 гг.) России? Существует ли преемственность политических институтов и практик парламентаризма в нашей стране более чем на 100-летнем интервале?

Историография темы весьма обширна. Достижением последнего двадцатилетия мы считаем диалог научных сообществ историков, политологов, социологов, государствоведов; взаимообогащение методик и категориального аппарата анализа. Это характерно для глубоких исследований историков А.Н. Медушевского⁴³⁵, В.А. Дёмина⁴³⁶, К.Ф. Шацилло⁴³⁷, В.В. Шелохаева⁴³⁸, К.А. Соловьёва⁴³⁹, Г.М. Кропоткина⁴⁴⁰. В особенности следует выделить серию книг и

⁴³⁵ Медушевский А.Н. Конституционные принципы 1993 года: формирование, итоги и перспективы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 30-44; Его же. Политическая теория российского конституционализма XX в. // Российская история. 2010. № 1. С. 45-64; Его же. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 30-46.

⁴³⁶ Дёмин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.

⁴³⁷ Шацилло К.Ф. Первая Государственная Дума // Отечественная история. 1996. № 4. С. 60-71.

⁴³⁸ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

⁴³⁹ Соловьёв К.А. Законотворческий процесс и представительный строй в 1906–1911 годах // Российская история. 2012. № 2. С. 37-51.

⁴⁴⁰ Кропоткин Г.М. Правящая бюрократия и «новый строй» российской государственности после Манифеста 17 октября 1905 года // Отечественная история. 2006. № 1. С. 24-42.

статей Ю.С. Пивоварова⁴⁴¹, который разработал концепцию «Русской власти» и переоценил на её основе опыт отечественного парламентаризма. А.Н. Медушевский создал модель «мнимого конституционализма» и верифицировал её на примере стран второй волны модернизации: Российской империи, Германии, Австро-Венгрии, Японии⁴⁴². Влияние партийной системы на деятельность Государственных дум 1906–1917 гг. выявлена усилиями С.В. Леонова⁴⁴³. Современный парламентаризм в России системно анализируется в монографиях политологов И.В. Гранкина⁴⁴⁴, И.И. Кузнецова⁴⁴⁵, статьях А.И. Соловьёва⁴⁴⁶, О.В. Гаман-Голутвиной⁴⁴⁷, З.М. Зотовой⁴⁴⁸ и др.

В данной главе мы попытаемся выявить сходства и различия позднеимперской и постсоциалистической парламентских систем России на основе сравнительного анализа политических институтов и практик парламентаризма. Сравнение будет происходить по следующему набору индикаторов: институциональному строению законодательного органа, его политическому влиянию, социально-групповому представительству интересов, партийному составу, избирательной системе.

⁴⁴¹ Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьёз. М., 2004; Его же. Русская власть и публичная политика: Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. 2006. № 1. С. 12-32; Его же. Между казачеством и кнутом (к столетию русской конституции и русского парламента) // Полис. 2006. № 2. С. 5-26.

⁴⁴² Медушевский А.Н. Мнимый конституционализм как явление мировой политической культуры // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 90-102.

⁴⁴³ Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11-12. С. 29-48.

⁴⁴⁴ Гранкин И.В. Парламент России. - 2-е изд., доп. М., 2001.

⁴⁴⁵ Кузнецов И.И. Политические механизмы разделения властей в современной России. Саратов, 2010.

⁴⁴⁶ Соловьёв А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития // Парламентаризм в России и Германии: История и современность. М., 2006. С. 281-293.

⁴⁴⁷ Гаман-Голутвина О.В. Государственная Дума 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава // Там же. С. 307-321.

⁴⁴⁸ Зотова З.М. Российские политические партии в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации // Там же. С. 389-398.

В основе методологии исследования лежит исторический неoinституционализм⁴⁴⁹. Данный подход предпочтителен и тем, что рассматривает политические практики парламентской деятельности, реальные отношения власти, выявляя социально-групповые мотивы парламентских решений, влияния лоббистских структур.

Парламентаризм трактуется в данной главе как государственный строй на основе принципов народного суверенитета, разделения властей и верховенства закона. Такой строй существует в обществах, где парламент наделен конституционно неотъемлемыми законодательными и представительными, контрольными полномочиями. Принцип народного суверенитета требует, чтобы парламент избирался всем народом, депутаты подвергались постоянному отчёту и контролю перед гражданами, а также заменялись на более достойных путём законных, конкурентных и регулярных выборов. Парламентаризм предполагает высокую степень признания в общественном мнении, демократическую культуру принятия властных решений.

Отметим, что российские переходы к парламентаризму в 1905–1907 гг. и в 1989–1993 гг. стали следствием кризиса старых систем власти и революций. Происходило имитационное приспособление (неорганичный импорт) западных институтов демократии к балансу групповых интересов внутри элит и допущенных в представительный орган (как выяснилось, ненадолго) представителей «революционных масс». Причём согласование правовых норм и политических практик совершалось поспешно, методом проб и ошибок, в остроконфликтных формах.

Евразийская концепция государства в России (А.С. Панарин и др.⁴⁵⁰, Б.С. Ерасов⁴⁵¹) и концепция «Русской власти» (Ю.С.

⁴⁴⁹ Патрушев С.В. Институциональная политология: Четверть века спустя // Политическая наука. 2009. № 3. С. 5-19.

⁴⁵⁰ Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996.

⁴⁵¹ Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М., 2002.

Пивоваров, А.И. Фурсов⁴⁵²) сходятся в том, что исходная политико-культурная матрица России – централизованное государство, контролирующее одновременно ресурсы власти и собственности. В такой системе парламент – способ корпоративного представительства интересов, «громоотвод» и советник правительства. Но он не является органом законодательной власти, равновесной и независимой от госаппарата. Со своей стороны, многие избранные на волне протестной политической мобилизации депутаты тоже проявляют нетерпимость. По сути, они – носители той же авторитарной культуры принятия решений.

Сравнительный анализ общегосударственных законодательных органов 1906–1917 и 1993–2014 гг. можно вести по таким ключевым показателям, как:

- избирательная система (принципы, тип, цензы, периодичность выборов);
- соотношение полномочий нижней и верхней палат (бикамерализм);
- статус партийных фракций и депутатских объединений в парламенте, идейное позиционирование данных субъектов политики;
- «система сдержек и противовесов» между ветвями власти, в т.ч. полномочия вето, роспуска представительных органов и импичмента;
- степень авторитета законодательных органов в массовом сознании граждан; обыденные представления о смысле парламента и опыте его работы;
- «траектория» краткосрочных политических процессов, менявших статус парламента и направленность его решений.

Прежде всего, следует учитывать качественные различия общественных систем России начала XX века и начала XXI века. Аграрное общество стало за 100 лет индустриальным, затем превратилось в «нефтегазового рантье». Религиозная культура сменилась секулярной. Несопоставимы уровни грамотности и

⁴⁵² Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 176-197.

социально-классовые структуры обеих эпох. Постсоветское общество вследствие трансформаций более восприимчиво к западным политическим институтам.

Сходство дореволюционной и постсоветской парламентских систем – в причинах и обстоятельствах зарождения. Государственные думы 1906 г. и 1993 г. созыва – плод революционного кризиса, закрепление легального баланса интересов конфликтующих сторон. В обоих случаях парламенты формировались в итоге вынужденного компромисса. Характерно постепенное урезание полномочий парламента по мере укрепления исполнительной власти.

Начнем со сравнения Манифеста императора Николая II от 17 октября 1905 г. и Основных законов Российской империи 1906 г. с, конституционными проектами 1990–1993 гг. и действующей российской конституции.

Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» является примером октроированного (т.е., дарованного абсолютистской властью) конституционализма. В документе устанавливалась норма, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий» властей⁴⁵³. Однако на деле императорский указ от 11 декабря 1905 г. закреплял косвенный и сословно неравный порядок выборов Государственной думы. 1 выборщик земледельческой курии (помещиков) избирался от 2 тыс. имевших право голосовать подданных; выборщик городской (буржуазной) – от 4 тыс. чел.; крестьянской – от 30 тыс. чел.; рабочей курии – от 90 тыс. чел.⁴⁵⁴ Данные неравенства были усилены при пересмотре избирательного закона в 1907 г., что имело целью гарантировать большинство депутатских мест за помещиками и крупными предпринимателями. Лишались права голоса также жители этнических окраин, «не доросших до

⁴⁵³ Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». 17 октября 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв. М., 1994. Т. 9. С. 41.

⁴⁵⁴ Шацилло К.Ф. Первая Государственная Дума // Отечественная история. 1996. № 4. С. 62-63.

состояния цивилизации» - Сибири, Дальнего Востока, отчасти – Северного Кавказа и Поволжья.

Новый статус представительных органов определен в манифесте 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного Совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы»⁴⁵⁵.

Согласно императорскому манифесту 20 февраля 1906 г., Государственный Совет – ранее совещательное собрание престарелых аристократов развивался в верхнюю палату парламента. Половина членов Госсовета избиралась косвенным корпоративным порядком, по квоте (от православной церкви, Академии наук и университетов, губернских земских собраний, дворянских обществ, биржевых комитетов, купеческих управ и т.д.), половина же назначалась императором. Председатель и вице-председатель Госсовета ежегодно назначались монархом.

Депутатам обеих палат предоставлялась неприкосновенность, Дума и Государственный Совет получили право инициировать изменения законов и обращаться с запросами к исполнительной власти, для принятия законопроекта необходимо его принятие в обеих палатах. В случае конфликта палат законопроект голосовался в согласительной комиссии, состоящей поровну из представителей палат. Палаты могли противостоять императору и Совету Министров в законотворчестве и бюджетном процессе.

Объективно сложной проблемой стала организация взаимодействия двух законодательных органов. Дело в том, что Государственный Совет существовал с другими функциями и порядком формирования с 1810 г. Идея превратить Госсовет в консервативный, аристократический противовес Госдуме впервые появилась на обсуждениях в Совете министров и на Петергофском совещании летом 1905 г. Окончательно же проект Утверждения Государственного Совета был утвержден императором 24 апреля 1906 г. Он подтвердил исходный замысел – уравновесить и сдержать влияние Думы. Так, избираемая половина членов Госсовета могла быть распущена

⁴⁵⁵ Государственная Дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 115-123.

императорским указом до истечения срока полномочий. Выборные сенаторы не были обязаны отчитываться перед избирателями. Действовали многочисленные недемократические цензы: возрастной (40 лет), гендерный, образовательный (среднее образование). Не получили представительства нехристианские конфессии. Председатель и вице-председатель Госсовета назначались монархом только из числа «присутствующей по назначению» половины членов Госсовета⁴⁵⁶. По расчетам А.П. Бородина, из 431 члена Госсовета (апрель 1906 г. – февраль 1917 г.) 370 были потомственными дворянами, 116 – владельцами промышленных предприятий. По профессии преобладали высокопоставленные чиновники.

Незавершенность и обратимость зарождения парламентаризма проявилась и в Своде Основных государственных законов Российской империи (в новой редакции 1906 г.)⁴⁵⁷. В политической системе 1906–1917 гг. сохранялся статус императора как самодержца с правом абсолютного вето на акты Государственной думы и Государственного Совета. Если одна из палат не утверждала закон, он мог вноситься на повторное рассмотрение той же сессии палаты императором. Характерно, что столыпинские аграрные реформы проводились посредством императорских указов, т.к. они не нашли поддержки в Государственной думе⁴⁵⁸. Вместо парламентской ответственности правительства установлено было лишь право депутатов обратиться к министрам за разъяснениями, причем последние вправе были не отвечать. Положение судов, прокуратуры было зависимо от исполнительной власти.

Статус законодательных органов не был закреплен раз и навсегда, он не рассматривался императором и высшим слоем государственных чиновников как незыблемый, как некая конституция. Скорее, статус Думы и Госсовета понимался как подвижный, в качестве текущего баланса политических сил.

⁴⁵⁶ Степанский А.Д. Реформа Государственного Совета в 1906 г. // Труды Моск. историко-архивного ин-та. 1965. Т. 20. С. 210.

⁴⁵⁷ Государственная Дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 141-160.

⁴⁵⁸ Дёмин В.А. П.А. Столыпин и законодательные палаты // Российская история. 2012. № 2. С. 54.

Например, 3 июня 1907 г. император изменил «Положение о выборах в Государственную думу», издав закон без голосования палат. В Положение оказались усилены сословность и неравноправие избирательных прав. Теперь голос 1 выборщика земледельческой курии равнялся 4 голосам крупных предпринимателей, 68 голосам мелких буржуа, 260 голосам крестьян и 543 голосам рабочих⁴⁵⁹. В 3 раза было уменьшено представительство Польши и Кавказа. Туркестан и Якутия вовсе лишены представительства. В итоге таких манипуляций удалось обеспечить резкое сокращение левых фракций в III Государственной думе, создать возможность блокирования проправительственных партий (октябристов, националистов, правых, в ряде случаев – кадетов) в гарантированное большинство. И.К. Кирьянов обращает внимание на парламентский кризис 12-14 марта 1911 г., когда председатель Совета министров П.А. Столыпин ультимативно настоял на исключении из Госсовета 2 лидеров правых партий, организовавших отклонение законопроекта о земстве в Западном крае (Белоруссии и Литве)⁴⁶⁰. Тем самым, правительство жестко показало депутатам пределы демократии и сорвало наметившийся спад конфронтации ветвей власти.

Несмотря на то, что Манифест 17 октября 1905 г. и Основные государственные законы Российской империи закрепили равенство палат, в реальности Госсовет стал верхней палатой. Его отрицательные голосования по законопроектам, инициированным Думой, приводили к блокированию последних. В то же время инициативы Совета министров и монарха находили, как правило, поддержку. Согласительные комиссии, работавшие при противоречии мнений палат, чаще всего занимали позицию Госсовета. Типичными были волокита, лоббирование сословных и политических интересов.

Кроме того, основные государственные законы в редакции 1906 г. предоставили исполнительной власти важнейшую

⁴⁵⁹ Российское законодательство X–XX вв. М., 1994. Т. 9. С. 58-64.

⁴⁶⁰ Кирьянов И.К. Провал премьеры либеральной пьесы: первый опыт российского транзита // Полис. 2005. № 5. С. 128.

процедурную «лазейку»: во время прекращения заседаний обеих палат законопроект мог проводиться императорским указом в случае «чрезвычайных обстоятельств». Правда, указной порядок законотворчества не распространялся на Основные законы, Учреждения (т.е. статусы) Государственной думы и Государственного Совета, положения о выборах в палаты.

Крайне неустойчивой была и партийная система 1905–1917 гг. (существовало до 150 зарегистрированных партий)⁴⁶¹, которая в большей мере служила каналом пропаганды идеологических программ, продвижения узкогрупповых интересов, а не поиска взаимовыгодных компромиссов. Основные российские партии, за исключением правых и октябристов, считали возникшую в 1906 г. парламентскую систему временной на пути к полноценной демократии (каждая партия понимала эту цель по-своему). Идеологические проекты основных партий оставались малореальными, копируя заимствованные на Западе либеральные или социалистические постулаты⁴⁶².

В России сохранялась глубокая институциональная проблема, связанная тем, что самодержавная власть отторгала любую партийность, «хотела сама быть» партией власти и поддерживала непартийные традиционалистские организации – Совет объединенного дворянства, Союз русского народа и т.д. В этом проявилась слабость системы власти. Закономерно, что в результате после Февральской революции 1917 г. в России не осталось сколько-нибудь влиятельной монархической партии.

Обрисованные качества российского парламентаризма проявлялись в исходе выборов в Государственную Думу, в идеологических проектах партий и их взаимном позиционировании в политическом пространстве. Так, выборы в I Государственную думу (февраль-март 1906 г.) проходили на стадии продолжавшейся революции, разгула белого и красного террора, роста крестьянского протеста и сепаратистских выступлений. Социально-профессиональный состав I Госдумы характерен преобладанием крестьян и бюрократии,

⁴⁶¹ История политических партий России / под ред. А.И. Зевелева. М., 1994. С. 36.

⁴⁶² Программы политических партий и организаций России конца XIX–XX века. Ростов н/Д, 1992.

интеллигенции. В итоге относительную победу одержали кадеты – леволиберальная партия (161 мандат из 511), весомо были представлены трудовики – легальное крыло террористической партии социалистов-революционеров (107 мест), автономисты – 70 мандатов, Прогрессивная партия, выражавшая интересы предпринимателей и интеллигенции – 60. В проигрыше оказался «Союз 17 Октября» - праволиберальная партия крупного бизнеса, чиновничества и помещиков, предлагавшая лишь поверхностные реформы самодержавия (13 мест). На распределение мест значительно повлиял бойкот выборов партией большевиков. К концу недолгой работы I Думы образовалась фракция социал-демократов (меньшевиков) из 10 депутатов. Характерно, что 100 думцев – почти 20% остались беспартийными⁴⁶³. В деятельности I Государственной думы господствовала непримиримая конфронтация с императором и Советом министров по важнейшим вопросам: крестьянскому, рабочему, конституционному, национальному. Исполнительная власть не ожидала столь протестного исхода учредительных выборов и не была готова к диалогу с депутатами.

Протестуя против роспуска законодательного органа, около 220 депутатов (120 кадетов, а также социал-демократы и трудовики) переехали в Выборг на территорию великого княжества Финляндского и выступили с воззванием к народу (его подписали 180 депутатов). Текст воззвания, составленный П.Н. Милюковым, призывал не признавать роспуска Государственной думы, а для давления на самодержавие – отказаться платить налоги и не посылать призывников в армию⁴⁶⁴. Но время для столь радикального протеста было упущено. Революция шла на спад, и общество требовало стабилизации.

Второй состав Государственной думы, созванной императором лишь через 7 месяцев после роспуска представительного органа, еще меньше устраивал правящую элиту и исполнительную власть. Надежды на консерватизм крестьянства – 80% населения страны в корне не оправдались.

⁴⁶³ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 16.

⁴⁶⁴ Государственная Дума Российской империи 1906–1917: энциклопедия. М., 2008. С. 113-114.

Основной силой стал блок трудовиков – 104 мандата из 517, выиграли также социал-демократы (64 места вместо 10) и впервые возникшая фракция эсеров – 37 мест. В союзе с народными социалистами (16 мандатов) и автономистами (76 мест) они составляли сильную оппозицию самодержавию, могли объединить до 45% депутатов. Серьезно проиграли кадеты, сохранив 114 мест. Им пришлось сделать свою программу и тактику значительно более умеренной, тем более, что многие их лидеры были лишены политических прав из-за участия в Выборгском воззвании. По сути, правительство могло прочно опираться только на «Союз 17 Октября» - 54 места⁴⁶⁵. Уменьшилось до 50 чел. число беспартийных депутатов. Неудивительно, что и II Государственная дума проработала лишь 3 с половиной месяца, будучи распущенной по императорскому указу.

Радикальные изменения состава Государственной думы в 3-м и 4-м созывах стали возможны, как мы отмечали выше, только вследствие значительного урезания избирательных прав по императорскому Манифесту 3 июня 1907 г. В итоге 1% населения стал избирать 2/3 выборщиков страны. Удельный вес привилегированных сословий среди депутатов Государственной думы вырос от первого к третьему созывам с 50 до 75%. В итоге III Дума стала единственной в истории Российской империи, проработавшей полный законный срок полномочий – 5 лет.

По фракциям депутаты III Думы перераспределились коренным образом: октябристы получили 154 мест, националисты (умеренно-правые) – 97, кадеты – 54, правые монархисты – 50, прогрессисты – 28, автономисты – 20, социал-демократы (в основном, меньшевики) – 19, трудовики – 14 чел., беспартийных – нет⁴⁶⁶. Таким образом, правительство получило значительную свободу маневра. Оно смогло создавать то блок октябристов и правых (около 300 депутатов), то – октябристов и кадетов (свыше 250) в зависимости от конъюнктуры. Удалось

⁴⁶⁵ Дёмин В.А. Фракции II Государственной Думы // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 25-41.

⁴⁶⁶ Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия / Гл. ред. В.Л. Янин. М., 1994. Т. 1. С. 612.

маргинализировать левые фракции. Для понимания стиля взаимодействия ветвей власти характерен эпизод, возникший 24 апреля 1908 г. Министр финансов В.Н. Коковцов с думской трибуны заявил: «У нас парламента, слава Богу, еще нет», имея в виду отсутствие законодательного контроля над правительством⁴⁶⁷. Реплика вызвала бурную дискуссию, вплоть до угроз председателя Совета министров П.А. Столыпина подать в отставку. Таким образом, само наличие парламента и конституции в России после 17 октября 1905 г. вовсе не было общепризнанным и политически гарантированным в восприятии современников. Вместе с тем Столыпин считал полезными представительные органы, в той мере как они упорядочивают отношения между властью и обществом, вовлекают в законотворчество достаточно широкие круги общественности. В частных беседах с лидером октябристов А.И. Гучковым он говорил: «Хотя бы ещё одну Думу, как третью, - тогда бы вопрос о народном представительстве был бы решен навсегда»⁴⁶⁸.

Четвертая и последняя в имперской России Государственная дума была избрана осенью 1912 г. и юридически прекратила существовать 6 (19) октября 1917 г., хотя не вела реальной работы после Февральской революции 1917 г. В числе её 442 депутатов октябристы составляли 96 чел., националисты и умеренные правые – 88, правые монархисты – 64, кадеты – 52, группа центра – 33, прогрессисты – 32, националисты окраин (поляки, мусульмане, литовцы и др.) – 21, социал-демократы – 14 (в т.ч. 6 большевиков и 8 меньшевиков), трудовики – 10⁴⁶⁹. Как видим, партийное влияние изменилось в сравнении с III Думой незначительно, сместившись формально к усилению правых партий. На деле же сложился блок октябристов и кадетов, требовавший создания «правительства народного доверия», ответственного перед нижней палатой. Особенно эти требования активизировались после создания 22 августа 1915 г.

⁴⁶⁷ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 105-106.

⁴⁶⁸ Партия «Союз 17 октября»: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК 1907–1915 гг. М., 2000. Т. 2. С. 335.

⁴⁶⁹ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь, 1995. С. 77.

Прогрессивного блока, объединившего 236 депутатов Думы: кадетов, октябристов, прогрессистов, группы центра, прогрессивных националистов. Не вступая в блок, поддержали его трудовики и меньшевики, а также часть членов Государственного Совета⁴⁷⁰. В условиях Первой мировой войны такая позиция означала подготовку изменения государственного строя. Со своей стороны, император и Госсовет в период войны блокировали многие законопроекты нижней палаты. Дума часто распускалась на каникулы. Основные правовые акты принимались посредством указов и манифестов императора, который в 1914–1917 гг. тяготился самим существованием Думы.

Итак, дореволюционный парламентаризм можно оценить как октроированный и неустойчивый. В России 1905–начала 1917 гг. сформировался дуалистический режим «мнимого» конституционализма, сочетавший элементы самодержавия и парламентской монархии. Причем вектор развития этой модели шел в русле сокращения потенциала полноценного парламентаризма, что особенно проявилось в период «третьеиюньской монархии» и последовавшей Первой мировой войны. «Тропа зависимости» (path-dependence) в институционализации российского парламента определялась базовыми параметрами общества: его аграрным и многоукладным состоянием (уровень урбанизации – 17%), низким уровнем общей и политической грамотности населения, элитарным характером групп, допущенных к пассивному и активному избирательному праву. Политическая культура парламентской деятельности, к сожалению, имела черты радикализма, популизма, нетерпимости. Это закономерно привело к краху имперского парламентаризма и его сравнительно лёгкому демонтажу в условиях революций 1917 г.

Социалистическая идеология, на десятилетия ставшая государственной, отвергала буржуазный парламентаризм и пыталась выстроить социалистическую демократию с системой советов. Это довольно интересный опыт, однако в рамках

⁴⁷⁰ Розенталь И.С. Масоны и попытка объединения политики оппозиции в России начала XX века // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 55-64.

данной главы и нашего интереса к политическим институтам в рамках российской государственности, его рассмотрение мы опустим и перейдем к проблемам постсоциалистического парламентаризма.

Здесь важно отметить, что подготовка к созданию парламента происходила в период так называемой «перестройки», когда шло разграничение функций КПСС и Советов народных депутатов, а затем – перераспределение реальной власти. Законы «Об изменениях и дополнениях к Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР» от 1 декабря 1988 г. ввели новую структуру законодательной власти. Весной 1989 г. были проведены первые конкурентные выборы всесоюзного представительного органа – Съезда народных депутатов СССР, избравшего, в свою очередь, Верховный Совет СССР в более узком составе.

Среди исключительных предметов ведения Съезда следует отметить принятие Конституции СССР и внесение поправок к ней; решения по вопросам национально-государственного устройства; утверждение изменений границ между союзными республиками⁴⁷¹. Съезд народных депутатов СССР избирался по смешанной системе из 2250 чел. территориальные округа давали 750 депутатов, по столько же – национально-территориальные округа и общесоюзные общественные организации. Съезд не делился на палаты⁴⁷².

Верховный Совет СССР избирался Съездом народных депутатов СССР на 5 лет из числа депутатов Съезда. Ежегодно переизбиралась 1/5 членов Верховного Совета. Полномочия ВС СССР были весьма весомыми. ВС СССР являлся высшим органом законодательной власти на время между Съездами народных депутатов. ВС СССР состоял из 2 палат – Совета Союза (271 чел. по территориальным округам) и Совета Национальностей (271 чел. от союзных республик и автономий)⁴⁷³.

⁴⁷¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 49. Ст. 727, 729.

⁴⁷² Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г.–декабрь 1991 г. М., 1995. С. 354-358.

⁴⁷³ Там же. С. 356-357.

Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР избирались ещё в условиях однопартийной системы. Но сразу же в них возникла оппозиционная «Межрегиональная депутатская группа», затем – многие другие. В марте 1990 г. отменена ст. 6 Конституции СССР об однопартийности, что легализовало партийные фракции и межпартийные объединения. В условиях быстро ослабевавшей власти КПСС представительные органы наращивали свою легитимность. Однако слабость опыта парламентаризма, как и в начале XX в., порождала радикальные и нереальные ожидания. Борьба партий и идейных течений ослабляла власть. Опасения утраты контроля над политическим процессом побудили М.С. Горбачёва инициировать введение института Президента СССР в марте 1990 г. Позже такова же была логика действий блока «Демократическая Россия» и Б.Н. Ельцина в РСФСР, добившихся проведения первых выборов Президента России 12 июня 1991 г.

В условиях нараставшего хаоса в государственном управлении, распада СССР и децентрализации Российской Федерации система Советов перестала отражать быстро менявшийся баланс политических сил общества. Она порождала острые институциональные конфликты между ветвями и территориальными уровнями власти, между государственными институтами и партиями, общественными объединениями. Показательно, что добившись победы в государственном перевороте 18-22 августа 1991 г. и запрета КПСС, Президент России и исполнительная власть в целом стали тяготиться широкими полномочиями Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. Они взяли курс на наращивание ресурсов исполнительной власти. Лидеры представительных органов власти также проявляли непримиримость. Многопартийная система формировалась стремительно, хаотично. Однако Съезд народных депутатов России установил осенью 1991 г. годичный мораторий на выборы органов власти всех уровне, затормозив тем самым, формирование конкурентной парламентской системы и её институтов.

Обновленная система Советов при всех недостатках создавала набор «сдержек и противовесов» в отношениях ветвей власти: двойное вето, парламентский контроль над формированием и отставкой правительства, парламентские расследования. При дальновидной и демократичной стратегии возможна была плавная конверсия системы 1989–1993 гг. в полноценное смешанное правление. Но традиции нетерпимости и единовластия имели слишком большую силу. Съезд народных депутатов РФ дважды, в апреле 1992 и марте 1993 г., пытался законно провести импичмент Президента и правительства. На стороне представительной власти выступили вице-президент РФ А.И. Руцкой и председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин. В ответ в мае 1992 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин заявил, что съезд народных депутатов «надо разогнать к чертовой матери»⁴⁷⁴.

В центре конфликта законодательной и исполнительной властей в 1992–1993 гг. были три важнейших вопроса: как принимать новую Конституцию России (на референдуме, съезде депутатов или в новом парламенте), какую форму правления избрать (парламентскую или президентскую республику), какой должна стать федерация. Проекты Конституции, выработанные сторонами конфликта, были взаимно исключаящими. Острый затяжной конфликт ветвей власти привел к конституционному кризису и роспуску Советов в итоге государственного переворота 21 сентября - 4 октября 1993 г.⁴⁷⁵ Победа Президента РФ над Верховным Советом РФ привела к превалированию исполнительной ветви в системе разделения властей. Шанс сформировать и закрепить в постсоциалистической России смешанную форму правления был упущен.

Вторая концепция парламентаризма наметилась в ряде Указов Президента РФ о роспуске Советов (октябрь–ноябрь 1993 г.), а приобрела законченные черты в новой Конституции России от 12 декабря 1993 г. Эти нормативные акты являли собой

⁴⁷⁴ Цит. по: Никулин Н.М. Курс современной политической истории России (1985–2004 гг.). М., 2006. Ч. 2. С. 67, 68.

⁴⁷⁵ Москва. Осень-1993. Хроника противостояния. М., 1994. С. 1-7, 24.

импорт институтов западной демократии: правового государства (ст. 1 Конституции), народовластия (ст. 2 п. 1), разделения властей (ст. 10), идеологического плюрализма (ст. 13 п. 1)⁴⁷⁶.

Постсоветская парламентская система отчасти сходна с имперской. При юридическом закреплении разделения властей и системы сдержек и противовесов в Конституции России 1993 г. на деле полномочия Президента РФ более весомы, чем Федерального Собрания. Президент стал не главой исполнительной власти, а высшим должностным лицом государства. Он по ст. 80 нового Основного Закона «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти», выступает гарантом Конституции, прав и свобод граждан. Президент получил право отлагательного вето на законодательные акты, принятые Федеральным Собранием РФ. Для преодоления вето каждая из палат при повторном голосовании должна проголосовать не менее чем 2/3 голосов за проект, что политически мало осуществимо. Президент вправе распустить Государственную Думу при троекратном отклонении ею кандидатуры Председателя Правительства, предложенного главой государства. Президент может на основании Конституции 1993 г. распустить Думу, если она дважды выразит недоверие Правительству или 1 раз отклонит просьбу Правительства о доверии. Формирование и отставка Правительства в целом, а также отдельных его членов – прерогатива Президента. Отсутствует зависимость формирования Правительства РФ от итогов парламентских выборов по партийным спискам (иначе в декабре 1993 г. премьер-министром страны стал бы В.В. Жириновский, а в 1995 и 1999 гг. – Г.А. Зюганов). Именно Президент, а не Государственная Дума, представляет для утверждения в Совете Федерации кандидатуры Генерального прокурора и членов высших судебных органов. Следовательно, стратегический курс политики России может проводиться Президентом даже без одобрения палат Федерального Собрания.

⁴⁷⁶ Конституция Российской Федерации. Официальный текст. М., 1993.

Законодательную власть осуществляет Федеральное Собрание из двух палат – Государственной думы и Совета Федерации. Нижняя палата, Государственная дума имеет в своём ведении (согласно ст. 103 Основного закона): согласие на назначение Председателя Правительства РФ; решение вопроса о доверии Правительству; назначение и освобождение от должности Председателя Центрального банка РФ, Председателя Счетной палаты и половины её аудиторов, Уполномоченного по правам человека; объявление амнистии; выдвижение обвинения против Президента РФ для отрешения его от должности. Государственная Дума принимает федеральные законы, которые для вступления в силу должны быть одобрены членами Совета Федерации и подписаны Президентом РФ. В случае конфликта палат может быть создана согласительная комиссия на паритетной основе из числа представителей Госдумы и Совета Федерации. Затем Дума повторно голосует данный законопроект, и для его принятия необходимо 2/3 состава депутатов Думы (ст. 105 Конституции).

Для понимания политического статуса Государственной думы необходимо проанализировать изменения порядка ее выборов за 1993–2014 гг. Анализ избирательных систем в постсоциалистических государствах, проведенный Р. Мозером, подтверждает гипотезу о том, что сильная президентская власть снижает мотивацию партий установить контроль над законодательной деятельностью⁴⁷⁷. С. Бирч учитывает на влияние институционального дизайна парламента, уровня партийной конкуренции⁴⁷⁸. В работе, посвященной эффектам влияния смешанных избирательных систем в Восточной Европе, она приходит к выводу, что смешанные системы оказывают модулирующее воздействие на эффективное число парламентских партий⁴⁷⁹.

Первоначально устанавливался срок полномочий депутатов Государственной думы РФ 4 года (в учредительном созыве 1993

⁴⁷⁷ Moser R.G. Electoral Systems and the Number of Parties in Post-Communist States // World Politics. Cambridge, 1999. № 51. P. 359-384.

⁴⁷⁸ Birch S. Electoral Systems and Party System Stability in Post-Communist States. Washington, 2001.

⁴⁷⁹ Birch S. The Effects of Mixed Electoral Systems in Eastern Europe. Budapest, 2000.

г. – 2 года), затем он был увеличен до 5 лет. В 1993–2006 гг. действовала смешанная система выборов. 225 депутатов из 450 избирались в одномандатных округах на мажоритарной основе, а 225 – по партийным спискам на пропорциональной основе. Смысл данного порядка – обеспечить равновесие между представительством политических партий и граждан. Но в декабре 2007 г. впервые внедрена пропорциональная система выборов всех 450 депутатов Государственной думы, причём списки кандидатов были закрытыми. Новая система применялась на выборах 2007 и 2011 гг. и привела к весоному отчуждению депутатов от интересов избирателей, ослабив общественный контроль над депутатами⁴⁸⁰. Тем более что голоса избирателей, отданные за партии-аутсайдеры, не преодолевшие заградительный барьер, перераспределяются в пользу парламентских партий. Важно также повышение заградительного барьера на выборах Государственной думы с 5 до 7%, запрет голосования «против всех», запрет создания межпартийных предвыборных блоков и депутатских объединений. Депутаты Государственной думы работают отныне по системе императивного мандата, не имея права менять свои партийные и идеологические ориентации в сравнении с заявленными на выборах. Незначительный интервал времени между парламентскими и президентскими выборами (3-4 месяца в 1999–2012 гг.) вносит лепту в повышение шансов правящих элит и лидеров, ослабляя ресурсную базу оппозиции. Можно рассмотреть проблему и с позиции общества. Технологии контроля граждан над депутатами крайне слабы. Не действует либо осложнен механизм отзыва депутатов. Отчеты депутата перед населением формальны.

За 1993–2014 гг. парламентская система Российской Федерации пережила стремительные трансформации. Это естественно для слабо институционализированной, неустойчивой системы. Тенденция к эксклюзивной моноцентрической модели подтверждается снижением

⁴⁸⁰ Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М., 2011. С. 543-572.

эффективного числа (ЭЧПП) парламентских партий. ЭЧПП рассчитывается по формуле Лааксо – Таагеперы: $ЭЧПП = 1 / \sum(p_i)^2$, где p – доля голосов, поданных за каждую партию в процентах (см. табл. 10). Сравнение партийной фрагментации депутатов Госдумы РФ за 1993–2011 гг. показывает резкое сокращение ЭЧПП (с 6,4 до 1,8), концентрацию голосов избирателей в поддержку партий, преодолевших заградительный барьер).

Таблица 1

**Статистика выборов по партийным спискам
в Государственную Думу РФ, 1993–2011 гг.**

Выборы, год	Количество зарегистрированных партий	Количество партий на выборах Государственной Думы	Партии, преодолевшие заградительный барьер	Эффективное число электоральных партий	Эффективное число парламентских партий	Индекс электоральной подвижности
1993	36	16	8	7,58	6,40	
1995	150	15	4	10,68	3,32	47,45
1999	139	27	6	7,0	4,55	49,27
2003	144	23	4	5,4	2,06	69,09
2007	15	11	4	2,3	1,90	34,29
2011	8	7	4	1,9	1,80	23,72

Источники: Сморгун Л.В. «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. 2010. № 4. С. 196; Официальный сайт Центризбиркома РФ. URL: <http://www.cikrf.ru> (для 2011 г. расчеты А.В. Баранова).

Первые выборы в Государственную думу (декабрь 1993 г.) увеличили радикализацию и расколы общества. Левосоциалистический тренд включал в себя поддержку КПРФ (12,3% голосов) и АПР (9,45%). Либеральный тренд – «Выбор России» (13,75%), «Яблоко» (7%), Демократическая партия

России (5,6%), Российское движение демократических реформ (3,6%). Национал-консервативная часть спектра представлена ЛДПР (24,2%). Центристские группы: «Женщины России» (8,4%), Партия российского единства и согласия (6,3%), Гражданский союз (2,1%) и т.д. Таким образом, левосоциалисты по стране набрали 21,75%, либералы – 29,95%, национал-консерваторы – 24,2%, центристы – 16,8%⁴⁸¹.

Думские выборы в декабре 1995 г. закрепили сложившиеся расколы голосований. Либеральные партии провалились (10,8% голосов в сравнении с 29,25% в 1993 г.). Из них лишь «Яблоко» преодолело ценз, набрав 6,9%. Левосоциалистические силы расширили влияние с 21,75% до 30,6% (КПРФ набрала 22,3%, АПР 3,8%, «Коммунисты – Трудовая Россия» 4,5%). Центристы подняли представленность с 16,8 до 21,9%, если к голосам «Нашего дома – России» (10,1%) добавить «Женщин России» (4,6%), Партию самоуправления трудящихся (4%) и мелкие группировки. Национал-консерваторы резко уменьшили влияние (с 24,2 до 18,2%). Обвал поддержки ЛДПР вдвое (11,2% в 1995 г.) отчасти возмещался голосами Конгресса русских общин (4,3%) и «Державы» (2,6%)⁴⁸².

Парламентские выборы в декабре 1999 г. качественно изменили представительство в Государственной думе. Противостояние либеральных и прокоммунистических сил отошло на второй план перед государственно-патриотическими, центристскими тенденциями. Этот вектор развития отражал консолидацию государственной власти, усталость избирателей от идеологизированных программ. Центристские силы набрали в совокупности 36,6% («Единство» – 23,3% и «Отечество – Вся Россия» – 13,3%), левосоциалисты – 26,5% (КПРФ – 24,2% и леворадикальные блоки). Либералы расширили влияние до 14,4% (СПС 8,5% + «Яблоко» 5,9%). Националистический «Блок

⁴⁸¹ Зубов А.Б., Колосов В.А. Что ищет Россия? Ценностные ориентации российских избирателей 12 декабря 1993 г. // Полис. 1994. № 1. С. 93-112.

⁴⁸² Любарев А.Е. Корреляционный анализ результатов парламентских выборов 1995 года // Полис. 1996. № 2. С. 123.

Жириновского» довольствовался 6,0%⁴⁸³. Проявился устойчивый рост голосования «против всех».

Выборы в Государственную думу РФ за 1999–2011 гг. проводились в условиях нарастающей консолидации политического режима и рецентрализации власти. Экономический рост в 2000–2007 гг. работал на успех правящих элит и их консолидацию. Значимые факторы успеха данного политического курса: немотивированность правящих элит в реальной конкуренции «по правилам» и желание уменьшить риски голосования, слабость норм демократии в массовом сознании.

Выборы Государственной думы 2003 г. стали последними проведёнными по смешанной системе. Они кардинально отличались от предыдущих и по политическим условиям, и по результатам. За полгода до выборов арестован руководитель концерна «ЮКОС» – богатейший человек страны М.Б. Ходорковский. Судебный процесс «ЮКОСа» подорвал частные каналы финансирования оппозиционных партий и доказал корпоративному бизнесу, что он будет соподчинен политико-административным элитам. Преодолеть 5% заградительный барьер смогли только 3 партии из 23: «Единая Россия» – 37,6%, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) – 12,6%; Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) – 11,45%; и блок «Родина (народно-патриотический союз)» – 9,0%⁴⁸⁴. До 1/4 голосов избирателей отданы за партии, не сумевшие преодолеть заградительный барьер.

Выборы Государственной думы 2007 г. впервые полностью проводились по пропорциональной системе. Заградительный барьер был повышен с 5% до 7%, убран нижний порог явки и возможность голосовать «против всех», отменена мажоритарная система по одномандатным округам, членам одной партии запрещено проходить по спискам другой, партиям запрещено объединяться в предвыборные блоки. Весной 2006 г. депутатам Госдумы было запрещено менять партийную принадлежность и

⁴⁸³ Выборы депутатов Государственной Думы 1999 г.: Электоральная статистика. М., 2000. С. 144.

⁴⁸⁴ Официальный сайт Центризбиркома РФ. URL: <http://www.cikrf.ru>.

фракцию, от которой они были избраны, в противном случае депутаты теряют мандат.

В выборах 2007 г. приняли участие только 11 партий (на предыдущих выборах – 23). За 4 партии, получившие места в Государственной думе, проголосовало 91,75% избирателей. «Единая Россия» набрала 64,3% голосов, КПРФ – 11,6%, ЛДПР – 8,1%, «Справедливая Россия» – 7,7%. В Госдуму прошли только эти партии. Единороссы получили 315 мест из 450, коммунисты – 57, ЛДПР – 40, «Справедливая Россия» – 38. Если агрегировать итоги выборов в Госдуму 2007 г., мы получим поддержку центристов 64,3% («Единая Россия»). Национал-консерваторы получили 8,1% (ЛДПР), к ним ещё можно добавить противоречивое (социал-патриотическое) голосование за «Справедливую Россию» и «Патриотов России» – в сумме 10%. КПРФ набрала 11,6%. Либералы (СПС, «Яблоко» и Демократическая партия России) провалились – совокупно 4%. Эффективное число парламентских партий как индикатор степени плюрализма за 1999–2007 гг. снизилось с 6,4 до 1,9⁴⁸⁵.

В последних выборах Государственной думы 4 декабря 2011 г. приняли участие 7 партий. Четыре партии, получившие места в Думе, набрали 93,42% голосов. По изменениям в законодательстве, партии, набравшие от 5% до 6%, имели возможность получить по 1 мандату в Госдуме, а набравшие от 6 до 7% – по 2 мандата. Но никто из аутсайдеров не смог воспользоваться новшеством (лучший результат партии «Яблоко» – 3,43%)⁴⁸⁶. Поддержка правящей партии «Единая Россия» на выборах 2011 г. в сравнении с 2007 г. снизилась с 64,3% до 49,3% проголосовавших. Голосование за КПРФ выросло с 11,6% до 19,2%; за партию «Справедливая Россия» – с 7,7% до 13,2%; за ЛДПР – с 8,1% до 11,7%; за Российскую демократическую партию «Яблоко» – с 1,6% до 3,4%.

Таким образом, в России сложилась система партийного участия в парламенте с затяжным доминированием партии

⁴⁸⁵ Сморгун Л.В. «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. 2010. № 4. С. 191-211; Официальный сайт Центризбиркома РФ. URL: <http://www.cikrf.ru>.

⁴⁸⁶ Официальный сайт Центризбиркома РФ. URL: <http://www.cikrf.ru>.

«Единая Россия». В 2013 г. фракция партии «Единая Россия» составляла 237 депутатов из 450, причем процент беспартийных думцев сократился с 25,82% в 1993 г. до 7% в новейшем составе⁴⁸⁷. Среди мотивов позиционирования депутатов идеологические размежевания отходят на второй план, уступая прагматике.

Итак, мало востребованной в российском парламентаризме начала XXI в. остается сменяемость власти, что способствует росту отчуждения граждан, выхолащиванию процедур подконтрольности и отчетности, принципа народовластия. Парламент слабо выполняет и функцию социально-группового представительства интересов. Точнее, это представительство весьма эффективно для крупного бизнеса и крайне неэффективно для массовых, но малоресурсных политических групп населения: рабочих, крестьян, интеллигенции, малого бизнеса.

Важно не только социально-классовый и профессиональный состав депутатов, но и институты их участия в защите интересов элит. С.П. Перегудов отмечает создание в Госдуме к 2000 г. межфракционной группы «Энергия России» (122 депутата), группы «Деловая Россия» (50 участников). Число межфракционных депутатских объединений на бизнес-основе превысило 30. Как резюмирует С.П. Перегудов, ряд крупнейших корпораций на выборах в Думу «стали фактически выступать в роли своего рода электоральных машин»⁴⁸⁸. Лоббирование посредством защиты интересов предпринимателей или их доверенных лиц отмечено и в работе Совета Федерации РФ⁴⁸⁹.

Формы политической коммуникации парламента и общества имеют с 2000 г. усиливающийся монологический характер. Это проявляется в отсутствии действенных процедур отзыва депутатов и их регулярного отчета перед избирателями; в

⁴⁸⁷ Гаман-Голутвина О.В. Парламентский корпус современной России // Политический класс в современном обществе. М., 2012. С. 137-138.

⁴⁸⁸ Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство. Эволюция отношений. М., 2003. С. 250-253.

⁴⁸⁹ Туранов С. Лучшие лоббисты России – второй квартал 2014 года // Независимая газета. 2014. 1 авг.

затрудненности проведения референдумов и прямых форм народного влияния на парламент (митингов, демонстраций, пикетов и т.д.)⁴⁹⁰. Значительная часть граждан по-прежнему слабо доверяет пропорциональной избирательной системе. Как и в 1990-е гг., так и сейчас в опросах общественного мнения россияне в соотношении примерно 2:1 высказываются за мажоритарную систему. Их предпочтение депутатам - «одномандатникам» в сравнении с партийцами понятно: партии малоавторитетны и воспринимаются как элитные группировки, а не объединение близких и понятных избирателю политиков. Поэтому больше веры тому депутату, который заключает прямой «электоральный контракт» с избирателем своего округа⁴⁹¹.

Осознавая риски данных процессов, правящая элита ведет с 2012 г. частичную «перезагрузку» парламентской системы с помощью созданных «Народного фронта за Россию» («Общероссийский народный фронт»), новых оппозиционных партий и некоторой либерализации избирательной системы по выборам Государственной Думы в 2012–2014 гг., включающей в себя снижение минимальной численности членов партии для регистрации с 50 тыс. до 500 чел., возврат к смешанной системе выборов Государственной Думы РФ, снижение заградительного барьера с 7% до 5%, восстановление права голосовать «против всех».

Для осмысления модели парламентаризма в России важны преобразования порядка формирования СФ. В 1993–1995 гг. Совет Федерации избирался на альтернативной основе, путем прямых выборов по региональным округам. С 1996 по 2000 гг. СФ формировался путем занятия мест сенаторов *ex officio* (в силу должности) председателем legislatury региона и главой региона (его президентом, губернатором либо главой города федерального подчинения). Этот порядок противоречил

⁴⁹⁰ Соколов А.В. Причины, факторы и тематика протестных акций в современной России // Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования. М., 2012. С. 149-161.

⁴⁹¹ Кинзерская И.Л. Избирательная система как инструмент формирования общественного выбора: теоретические подходы и российская практика // Политическая экспертиза. Политэкс. СПб., 2008. Т. 4. № 2. С. 137-150.

разделению властей, не позволяя главам «ветвей власти» регионов сосредоточиться на прямых обязанностях. Но в 1996–2000 гг. обеспечивалось представительство тех лидеров регионов, которые прошли до этого испытание выборами и получили мандат народного доверия. С 2001 г. до 2012 гг. действовал третий по счету порядок формирования СФ. Членом Совета Федерации становились путем косвенных выборов на срок полномочий представительных органов регионов (голосованием законодательного собрания, а также главы исполнительной власти региона). Действующие руководители представительного и исполнительного органов не могут с 2001 г. избираться членами СФ. Нынешний порядок восстановил стройность принципа разделения властей, но он наиболее элитарен и усиливает отрыв состава СФ от интересов граждан. Даже тогдашний председатель Совета Федерации С.М. Миронов признавал, что следует внести законопроект о всенародном альтернативном избрании членов СФ⁴⁹². Такой порядок прямых выборов дополняется цензом оседлости для кандидатов в «сенаторы». Следует поддержать соответствующие изменения в законодательстве, проведенные в 2014 г. Закон обязывает будущего сенатора прожить в регионе либо 5 лет, непосредственно предшествующих выдвижению, либо 20 лет в совокупности⁴⁹³. Члены Совета Федерации могут занимать только свою выборную должность, но не состоять на государственной службе или вести предпринимательскую деятельность.

Федеральные законы, принятые Госдумой, передаются на рассмотрение Совета Федерации (ст. 105). Закон считается одобренным, если за него проголосовало более 1/2 числа членов СФ или если в течение 14 дней СФ не рассматривал данный закон. В случае отклонения закона СФ обе палаты могут создать согласительную комиссию. После этого доработанный закон повторно рассматривается Госдумой и будет принят, если за него проголосовало не менее 2/3 общего числа депутатов

⁴⁹² Миронов С.М. Питеру трудно что-либо навязать / Интервью О. Тропкиной // Независимая газета. 2003. 24 сент.

⁴⁹³ Владимир Путин уточнил «ценз оседлости» для сенаторов. 30.06.2014. URL: www.regnum.ru/news/polit/1819884.html (дата обращения: 03.07.2014).

Госдумы. Для принятия федерального конституционного закона установлен повышенный барьер: одобрение не менее 2/3 общего числа депутатов Госдумы и 3/4 – Совета Федерации.

Основная часть принятых законопроектов инициируется и принимается в интересах исполнительной власти. Как указывает О.В. Гаман-Голутвина, в 1996–1997 гг. Государственная дума одобрила 35% внесенных Президентом законопроектов, в 1999 г. – 60%, а с 2000 г. – почти все. Что касается самой Госдумы, то принимались не более 20-30% внесенных ею законопроектов⁴⁹⁴. Даже утратив с 2012 г. квалифицированное большинство в Государственной Думе, правящая партия эффективно реализует свои интересы. Каналы прямой (непосредственной) демократии – референдумы, демонстрации, петиции, пикетирования и др. во многом ослаблены.

Различия имперской и постсоветской парламентских систем по выбранным параметрам таковы.

1. Избирательная система: косвенное, сословное, открытое голосование в 1906–1917 гг. против прямого, равного, тайного – в конце XX в. Имущественный, гендерный и этнорелигиозный цензы в дореволюционной России, юридически отсутствующие сейчас.

2. Бикамерализм. Характерна редкость совместных заседаний двух палат, акцентирование в начале XX в. разной правовой основы Государственной думы и Госсовета. В политическом аспекте Государственная дума всегда более оппозиционна, а Госсовет – более лоялен. Дореволюционная верхняя палата – институт сословного и профессионального представительства, современная – выражает интересы федеральных политических и бизнес-элит.

3. Статус партийных фракций и депутатских объединений по мировым критериям невысок: отсутствие императивного мандата, крайняя зыбкость и неустойчивость политических группировок (до 2004 г.), слабость практики партийного кабинета министров и вотума недоверия правительству.

⁴⁹⁴ Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе... С. 69; Россия в условиях трансформаций. Историко-методологический семинар. М., 2005. Вып. 1. С. 9.

5. Степень авторитета парламента в массовом сознании. В начале XX в. она была выше современной, соотносилась с радикальным сопротивлением самодержавию и с идеями прямого народовластия. Следует признать, что эффекты виртуализации общественных отношений и манипулятивные технологии делают маловероятным резкое повышение авторитета Федерального Собрания РФ. Ныне партии воспринимаются обыденным сознанием как инструмент идеологического воздействия на население, а также «бюро жалоб и предложений».

6. «Траектория» политических процессов. Из 4 дореволюционных Государственных дум лишь одна проработала полный законный срок полномочий. I и II Госдумы современной России (1993–1999 гг. полномочий) работали под постоянной угрозой роспуска, законного по Указу Президента РФ. В массовое сознание внедрялась идея второстепенности функций парламента, его «дороговизны» для страны. Исполнительная ветвь часто провоцировала в 1906–1917 и 1993–1999 гг. конфронтацию с нижней палатой парламента, выступала как основной инициатор законопроектов.

7. Вопросы федерализма. В начале XX в. Россия оставалась унитарной империей, предоставлявшей асимметричную автономию только немногим из этнических окраин. Основные законы Российской империи 1906 г. не нарушили эту конструкцию, и хаотичные скачки к федерализму начало только Временное правительство в 1917 г., доведя в короткий срок страну до распада. Конституция Российской Федерации 1993 г., напротив, принималась на фазе выхода из острейшего этнополитического кризиса. Она смягчила ряд черт постсоциалистического федерализма, закреплённых в Федеративном договоре 1992 г.: его асимметрию, децентрализацию, этнизированный характер. Вместе с тем, текст Конституции отразил сложный и подвижный баланс «торга» между центром и субъектами федерации. В 1994–1999 гг. применялись политические практики, которые зачастую выходили за рамки Конституции и вели к конфедерализму

(двусторонние договоры между РФ и её субъектами о разграничении полномочий и предметов ведения, налоговые преференции ряду республик, не говоря уже о постыдном Хасавюртовском договоре с сепаратистами Чечни). Цикл децентрализации власти, начатый осенью 1999 г., задал противоположный вектор, который тоже вышел за рамки медианы государственного строительства и заставил многих аналитиков говорить об «унитарном федерализме».

Таким образом, сравнительный анализ политических институтов и практик российского парламентаризма в указанные периоды развития российской государственности позволяет выявить краткосрочные черты парламентских систем, а также их долгосрочные параметры на основе социокультурных условий общества. На наш взгляд, России еще предстоит долгий и не гарантированный от провалов путь консолидации демократии. И имперский, и постсоциалистический опыт парламентаризма подтверждают циклический, а не прогрессирующий тип политического развития нашего общества и нашей государственности, переосмысление исходных западных демократических институтов в державном контексте российской политической культуры. Чтобы выйти из замкнутого цикла «незавершённые реформы – неудачные контрреформы – катастрофа – реформы», потребуется найти законный и эффективный баланс коллегиальной и персональной власти, гарантировать парламентскую ответственность президента и правительства, обеспечить прочное представительство интересов партий и иных институтов гражданского общества в парламенте, определить эффективную модель федерализма. Столь кардинальные преобразования потребуют последовательной политической воли и перспективного мышления, перехода от «культуры конфликта» к «культуре компромисса».

ГЛАВА 13. РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПЕРИОДЫ КРИЗИСОВ И РЕВОЛЮЦИЙ

Выборы играли значительную роль для российской государственности на протяжении всей ее истории. В главе предложен новый подход, в соответствии с которым выборы могут иметь как демократический, так и авторитарный эффект. Обосновывается тезис о том, что противоречие между автократической и олигархической тенденциями в России придает институту выборов соответствующую роль. Демократический эффект выборов часто оказывается вторичным от олигархического или даже автократического эффекта. Охарактеризованы основные функции института выборов в истории российской государственности. Применительно к известной типологии функций выборов в России институт выборов также выполняет две специфические функции - снятия напряжения и выражения общественного мнения.

Ключевые слова: выборы, электоральная политика, электоральное управление, электоральный менеджмент.

На современном этапе политического процесса институт выборов получил чрезвычайно широкое распространение и присутствует почти во всех странах мира. Третья волна демократизации привела к тому, что большинство недемократических стран стремятся хотя бы формально использовать некоторые демократические институты, в том числе институт выборов. Как следствие выборы существуют в тех условиях, которые некоторое время назад были немыслимы.

Проблема выборов в авторитарных странах получила освещение в современной науке. Очевидно, что в странах авторитаризма выборы имеют специфическое значение, совершенно отличающееся от ситуации в устойчивых

демократиях. Еще более сложной представляется ситуация со значением выборов в «гибридных» режимах. Для интерпретации выборов в постсоветском пространстве не подходят теории как демократических, так и авторитарных выборов.

Опыт выборов в истории российской государственности относится именно к числу сложных случаев в существовании электоральных институтов. Современный «гибридный» политический режим создает специфические условия для функционирования всех политических институтов. Политические институты в «гибридных» режимах как бы балансируют между демократической и авторитарной тенденцией, при этом принято считать, что демократическая тенденция выражается в большей степени формально, а авторитарная тенденция отражает сущность этих политических институтов. Значение института выборов в условиях «гибридного» режима меняется в течение времени, что отражает подвижность и изменчивость данного типа политической системы. Это дополнительно осложняет решение задачи корректного определения роли выборов при этой системе.

Но современный опыт выборов в недемократической политической системе возникает в истории России не впервые.

Особенностью стран с постсоветским «гибридным» режимом является наличие у них продолжительного исторического опыта и традиций выборов. В отличие от многих современных авторитарных стран, появление выборов в России не связано с третьей волной демократизации. Свой собственный опыт проведения выборов у России есть еще с эпохи средневековья. Чаще всего этот опыт не был вполне демократическим, особенно опыт проведения советских выборов. Но этот факт свидетельствует о том, что институт выборов в России постоянно использовался для решения тех или иных задач. Россия была также одной из первых стран при возникновении некоторых электоральных институтов (например, женского избирательного права).

В целом многовековой период существования выборов в России также отличается весьма специфичными условиями, весьма далекими от демократических стандартов.

Таким образом, бытующее даже в научной литературе мнение о том, что Россия имеет небогатый опыт проведения выборов, не вполне соответствует действительности. Если уточнить, что речь идет о выборах демократического типа, и об исполнении ими соответствующих функций, то эту точку зрения следует признать верной. Но если говорить об институте выборов вообще, то ситуация иная. На протяжении всей истории России институт выборов играл значительную роль и применялся почти при всех типах политических режимов. И если в плане опыта демократических выборов Россия, безусловно, уступает странам устойчивой демократии, то история России имеет оригинальный опыт использования выборов в условиях недемократических режимов. Данное обстоятельство подчеркивает важность института выборов и позволяет более полно раскрыть многие важные функции института выборов, которые не вписываются в рамки демократической парадигмы.

Изучение опыта выборов в условиях недемократических режимов имеет ценность для более глубокого понимания институциональной основы выборов. Оригинальные трансформации, которым подвергается выборы в «гибридных» странах, являются определенной проверкой для демократического потенциала отдельных электоральных институтов. Наука может получить новое знание относительно того, какие электоральные институты могут или не могут обеспечить демократичность выборов в условиях неблагоприятной среды.

Наличие выборов в современной России – неизбежность, с которой вынуждены считаться правящие группировки. У руководителей государства в постсоветский период не было свободы в вопросе о том, сохранять ли институт выборов. Выборы в России не учреждены постсоветской правящей элитой, но этот институт достался в наследство от прошлого. В этих конкретных исторических условиях институт выборов не мог

быть отменен даже гипотетически. После крушения Советского Союза и коммунистической идеологии институт выборов оказался важнейшим средством обеспечения легитимности. Именно свободные и конкурентные выборы составляли основу легитимности нового политического строя постсоветской России по сравнению с Советским Союзом.

Демократические ожидания общества 1990-х гг. обуславливали необходимость именно соответствующей демократической модели выборов. Согласно социологическим опросам, большинство населения России даже в настоящее время сохраняет либеральные ценности в вопросе о принципах организации выборов⁴⁹⁵. В связи с этим власти России заинтересованы не только в сохранении выборов, но также и в том, чтобы они воспринимались в общественном мнении относительно демократическими и честными. Таким образом, формально демократические выборы в России – это та форма, которая должна соответственно восприниматься как гражданами, так и внешними наблюдателями. Следовательно, демократические выборы в современной России – это необходимость, но одновременно и форма политической реальности, наполненная определенным специфическим содержанием. Являясь функциональным элементом политической системы, выборы играют важнейшую роль в процессах функционирования властного уровня этой системы. В этом состоит одна из особенностей «гибридного» политического режима.

Проблема демократического значения института выборов в России.

В современной мировой политической науке проблема значения выборов в недемократических странах свелась к обсуждению следующей дилеммы – способствуют ли такие выборы демократизации режима или, напротив, поддерживают авторитаризм? Такие исследователи, как С. Линдберг, М. Ховард, Ф. Рёсслер, А. Хадениус, Я. Теорелл исследуют демократический

⁴⁹⁵ Гришин Н.В. Публичные ценности российского избирательного процесса// Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3. С. 80 – 87.

эффект выборов в авторитарных странах⁴⁹⁶. В работах Дж. Броунли, Б. Мэгалони обосновывается противоположная идея о том, что выборы могут способствовать стабилизации и укреплению авторитарного режима⁴⁹⁷. В современных научных работах зачастую признается методологическая ограниченность рассмотрения роли недемократических выборов в рамках этой дилеммы, наметились попытки выйти за ее рамки.

Э. Ласт склоняется к идее, что институт выборов может иметь разнонаправленное действие и способствовать как демократическим тенденциям, так и авторитарной стабилизации⁴⁹⁸. М. Сееберг также предложила подход, который предусматривает, что выборы могут играть как первую, так и вторую роль⁴⁹⁹. К этому же направлению можно отнести современные работы С. Левицки, Л. Вэя, Р. Кайя⁵⁰⁰.

Идея разнонаправленного действия выборов на недемократический режим имеет особые перспективы в изучении политических процессов стран с «гибридным» политическим режимом, к числу которых относится и современная Россия. «Гибридный» режим по определению ориентирован на сложном симбиозе демократических и недемократических функций политических институтов.

Некоторые исследователи поднимают вопрос о том, что при отсутствии демократии в некоторых странах могут приводить к демократическому эффекту, в некоторых – к укреплению авторитарного режима. В рамках исследования этого вопроса некоторые ученые выделяют условия, при каких условиях

⁴⁹⁶ Lindberg S. "Democratization by Elections? A Mixed record", *Journal of Democracy*, 2009, 20(3):86-92; Howard M., Roessler P. "Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes", *American Journal of Political Science*, 2006, 50(2): 365-381.

⁴⁹⁷ Brownlee J. "Harbinger of Democracy: Competitive Elections before the End of Authoritarianism", *Democratization by Elections*, edited by S. I. Lindberg. Baltimore, 2009; Magaloni B. *Voting for Autocracy*, New York, 2006.

⁴⁹⁸ Lust E. *The Multiple Meanings of Elections in Non-Democratic Regimes: Breakdown, Response and Outcome in the Arab Uprisings*. Manuscript, 2012.

⁴⁹⁹ Seeberg M. B. "The Dynamics of Authoritarian Elections", 2012, Annual Meeting of the Danish Political Science Association.

⁵⁰⁰ Levitsky S., Way L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge, 2010; Kaya R., Bernhard M. "Are Elections Mechanisms of Authoritarian Stability or Democratization? Evidence from Postcommunist Eurasia", *Perspectives on Politics*, 2013, 11: 734-752.

выборы способствуют демократизации режима, и при каких – его стабилизации.

Можно отметить справедливость идей Р. Кайя и М. Сееберг в том контексте, что конкретные особенности российского политического процесса не позволяют выборам стать эффективным средством демократизации политического режима. Как отмечают названные авторы, нефтяная экономика обеспечивает правящим группировкам огромные возможности. В результате, гражданское общество и абсолютное большинство населения не имеют сопоставимых экономических ресурсов для того, чтобы конкурировать с правящими элитами. Действительно, постсоветская Россия демонстрирует пример, при котором институт выборов скорее помогает правящим группировкам, обеспечивая видимость демократии, что эффективно для сохранения и легитимации власти.

Наряду с этим исторический опыт России демонстрирует и еще один вариант решения вопроса о демократическом или авторитарном эффекте института выборов. По нашему мнению, выборы могут выполнять одновременно и демократический, и авторитарный эффект.

Мы предлагаем иное понимание разнонаправленного действия института выборов по сравнению с подходом Э. Ласт. Демократические и авторитарные тенденции в ходе развития института выборов могут проявляться не только на разных видах выборах, в разных ситуациях и в разные периоды (о чем пишет Э. Ласт), но в одно и то же время. В условиях «гибридного режима», институт выборов может одновременно выполнять функции консервации и демократизации режима.

Такая дуалистическая роль выборов в целом ряде стран – прямое следствие характерных черт «гибридного» политического режима. Внешнее проявление политических институтов в этих условиях должно быть демократическим, но их сущность требует отдельного рассмотрения. Граница между формой и содержанием постоянно смещается правящими группировками, и гражданское общество точно никогда не знает, насколько демократичны правила игры в данный конкретный

момент. Таким образом, политические акторы испытывают сложности с идентификацией степени демократичности (и честной конкуренции) на выборах. Такая неопределенность превращается в существенный принцип организации политического процесса и института выборов при «гибридном» режиме.

По нашему мнению, в условиях «гибридных» режимов было бы неправильно искать в институте выборов либо демократический, либо авторитарный эффект. Такая дилемма была бы оправдана, если бы противоречие между демократической и авторитарной тенденцией было бы структурообразующим противоречием политического процесса, и если бы противоречия между демократическим и авторитарным трендом образовывало бы «циклы политической истории». Но в истории России авторитарная и демократическая тенденции не были основными трендами политического процесса.

Для российского политического процесса структурообразующим противоречием является многовековое противоречие между автократической и олигархической тенденциями. Авторитарный тренд соответствует централизации политической системы, олигархический тренд – децентрализации политической системы в интересах нескольких элитных группировок. Какая из этих тенденций является более демократической? В российском обществе (в том числе в научном дискурсе) имеются разные варианты ответа на такой вопрос. Олигархическая тенденция зачастую расценивается как более демократическая, поскольку она приводит к децентрализации и по определению исключает единовластие. Но ситуация не настолько очевидна. Периоды олигархической децентрализации зачастую сопровождаются подавлением демократических институтов и форм политического участия населения. Авторитарная централизация, напротив, зачастую заинтересована в частичном развитии демократических институтов, но лишь настолько, насколько это противоречит

интересам олигархических элитных групп и способствует ослаблению их политических позиций.

Институт выборов в истории России зачастую оказывается вовлеченным в противоборство этих двух тенденций и подчинен их задачам. При этом институт выборов чаще всего имеет не демократический эффект, но служит задачам либо централизации, либо олигархизации политики.

В политической истории России существует немало ярких примеров, когда выборы выполняли одновременно автократический (централизаторский) и демократический эффект. В XVI в. при царе Иване IV Грозном в России были значительно расширены выборы на местном уровне (введены выборы земских старост, губных старост, губных целовальников и т.д.). Эту реформу часто называют демократической, но ее главная цель заключалась в ослаблении политических позиций чиновников и бояр, которые до этого полностью контролировали региональное управление. Таким образом, введение местных выборов способствовало централизации страны и установлению московского самодержавия. В XVIII веке Петр I учредил городское самоуправление и городские выборы, но при этом его политические реформы также служили задачам централизации и укреплению централизации.

Существуют и противоположные примеры, когда институт выборов служил задачам олигархии и имел одновременно олигархический и демократический эффект. В истории средневековой России это пример Новгорода, в котором институт выборов поддерживал власть боярской олигархии и ограничивал власть новгородского князя. В XVIII веке императрица Екатерина II учредила дворянские выборы на местном и провинциальном уровне, что имело одновременно олигархический и демократический эффект.

Таким образом, в истории России институт выборов использовался в интересах автократической и олигархической тенденций, демократический же эффект присутствовал, но имел второстепенный и подчиненный характер. Современный политический процесс России обнаруживает, что данная

ситуация сохраняется и сейчас. Очевидно, что в 1989-1990 гг. М.С. Горбачев провел беспрецедентную либерализацию выборов в СССР, в том числе и для того, чтобы ослабить власть советской олигархии – партийной номенклатуры – и получить еще больше возможностей для проведения своей политики. Демократический эффект от этих реформ был максимальным, но и в этих действиях можно усмотреть попытку использовать демократические институты для укрепления собственной власти и ослабления позиций партийной номенклатуры.

В постсоветской России в 1990-е гг. происходило развитие института выборов, и, как казалось, это знаменовало новый демократический тренд в политической истории России. Но в течение некоторого времени выяснилось, что постсоветские демократические выборы стали наиболее удобным инструментом новой олигархии для поддержания своего политического статуса (особенно за счет губернаторских и парламентских выборов). Демократические выборы стали рассматриваться некоторыми лицами как препятствие для централизации и укрепления страны.

В России в условиях противоборства двух основных трендов, автократического и олигархического, могут получить распространение некоторые элементы демократии – не только свобода слова, но и вплоть до возникновения механизмов участия общества в принятии решений и формировании органов власти. Зачастую это вызывает надежду на постепенное продвижение политической системы в направлении построения полноценной демократической системы (например, такие надежды были широко распространены в обществе в 1990-е гг.). Проблема заключается в том, что эти элементы остаются не более чем отдельными деталями политической системы и еще никогда не приводили к построению устойчивой российской демократии.

Таким образом, демократический эффект российских выборов никогда не оказывается главным результатом развития электоральных институтов и присутствует лишь в той мере, в какой это соответствует интересам автократического или

олигархического трендов. Например, в 1990-е гг. многие политики регионального уровня, которые твердо защищали демократические принципы на губернаторских и парламентских выборах, одновременно были противниками демократических выборов на местном уровне, поскольку это противоречило олигархическим интересам региональных элит.

Электоральные институты в России в 1990-е гг. не создали последовательной устойчивой демократической системы. Демократический эффект оказался второстепенным, главной же оказалась тенденция на олигархическую децентрализацию.

В этой связи электоральные контрреформы 2000-х гг. имели явно централизаторскую направленность. В.В. Путин оценил некоторые сложившиеся институты 1990-х гг. как барьеры для проведения задач по централизации страны. Проведенные в в 2000-е гг. преобразования, очевидно, способствовало централизации страны, и были восприняты многими россиянами как борьба с произволом олигархических кланов.

В результате политической централизации 2000-х гг. была достигнута относительная консолидация правящей элиты. На некоторое время противоречие между автократическим и олигархическим трендами в российской политике стихло. В.В. Путин добился согласования интересов правящей элиты и олигархических группировок, в том числе в их отношении к вопросу о выборах. Основа этого согласия – общность интересов элиты относительно природных ресурсов и способность Путина согласовывать и соблюдать экономические интересы элитных групп.

В этих условиях представители элитных групп научились использовать все преимущества существующей модели избирательной системы.

Функции выборов в России.

Выборы в условиях недемократического режима выполняют другие функции по сравнению со странами устойчивой демократии.

Некоторые функции в политической системе, которые выполняются институтом при эффективном политическом режиме, не выполняются при «гибридном» и иных недемократических режимах. В то же время институт выборов может выполнять некоторые иные функции, которые отсутствуют в условиях развитой демократии.

Охарактеризуем выполнение институтом выборов в России основных функций для политической системы.

Обеспечение ответственности органов власти.

Одна из важнейших целей выборов при демократии – обеспечить механизм подотчетности высших должностных лиц за свои действия. Вероятно, эта функция выполняется институтом выборов в России слабее всех остальных. Правящие группировки иногда корректируют свою политику в связи с предвыборной ситуацией, но это сложно назвать настоящей подотчетностью.

Парадоксально, но выборы в России скорее помогают правящим группировкам переложить ответственность за свои действия на само общество. СМИ постоянно транслируют идею, что общество не имеет морального права осуждать власть, поскольку она (власть) избрана самим же обществом. Следовательно, выборы помогают правящим группировкам оправдать свои действия и возложить ответственность на общество за непопулярные реформы или ошибки государственного управления.

Политическая социализация.

Функция политической социализации на выборах обеспечивалась в советский и постсоветский периоды. В эпоху Советского Союза участие населения в выборах играло большую символическую роль массового участия в политическом процессе. В постсоветский период выполнение этой функции столкнулось с большими сложностями. В частности, серьезной проблемой является абсентеизм молодежи. Низкое доверие к выборам приводит к сокращению явки избирателей. В 2012 г. впервые в истории России на выборах мэров городов-столиц нескольких субъектов Федерации явка составила менее 20%. В г. Астрахани спустя полгода после электорального кризиса и

голодовки группы О. Шеина явка на выборах депутата областной думы составила 8%. Сокращение явки на выборах существенно уменьшает выполнение институтом выборов функции политической социализации, а также свидетельствует о потенциальной возможности вовлечения населения в иные, менее формализованные и более радикальные формы политической активности.

Обеспечение легитимности.

Легитимация власти – одна из главных функций выборов. Признаки исполнения выборами этой функции можно увидеть даже в эпоху царского самодержавия. После прекращения династии Рюриковичей первые представители новых династий – Борис Годунов в 1598 г. и Михаил Романов в 1613 г. – получили престол при прохождении через процедуру «выборов» на земском соборе. В случае с Романовыми нужно подчеркнуть, что процедура выборов была применена и для легитимации статуса не только первого, но и второго царя из этой династии – Алексея Михайловича. Следовательно, даже в Московской Руси институт выборов помогал укреплению власти, но эта функция была востребована только в период слабости самодержавия. Конечно, выборы Бориса Годунова в 1598 г. и Алексея Михайловича в 1645 г. нельзя назвать настоящими выборами в строгом значении этого слова. Поскольку их результат был predetermined заранее, выборы использовались правящими группировками для формализации их права обладания властью.

Аналогичная картина наблюдалась на безальтернативных советских выборах. В СССР функция легитимации власти была выражена наиболее демонстративным образом. Советские выборы символизировали единство правящей элиты и народа.

На современном этапе функция легитимации власти вновь превращается в главную функцию института выборов. Однако деградация избирательного процесса и катастрофическое падение доверия к выборам препятствуют выполнению выборами этой функции.

С момента появления политической партии В.В. Путина в 1999 г. прослеживалась стратегия постоянного увеличения ее

электоральной поддержки. Супербольшинство на выборах помогало элитным группам обеспечивать и психологическое превосходство над своими противниками и деморализовало оппозиционный электорат. Но у этой стратегии, достигшей своего апогея на выборах 2007-2008 гг., после получения максимальной поддержки возникли определенные проблемы: дальнейшее наращивание электоральных результатов оказалось затруднительным. Элитные группы впервые столкнулись с проблемой сокращения электоральной поддержки. Это сокращение само по себе представляло для них опасность. Впервые «спираль молчания» была нарушена, и многие люди почувствовали новый тренд. Это вдохнуло энтузиазм в оппозицию и стало стрессом для правящего класса.

Консолидация элиты.

Начиная с 2000-х гг. федеральные выборы в России начинают выполнять функцию консолидации элиты. Поскольку некоторые политики и политические партии находятся в оппозиции к правящим группировкам, высокопоставленные фигуры должны доказать свою лояльность и благонадежность. В первую очередь, это касается верхнего уровня административной элиты и высокопоставленных представителей общественности. Лояльное поведение должностных лиц в период избирательных кампаний имеет существенное значение для их будущих карьерных перспектив. Многие представители культурной элиты также охотно демонстрируют свою лояльность на выборах, что укрепляет их позиции в социальной иерархии. Федеральные выборы стали «экзаменом на верность» для представителей верхних слоев населения.

Рекрутирование элит.

Недемократические выборы оказывают слабое воздействие на отбор правящих элит. Но на протяжении истории России эта функция менялась. В период СССР эта функция совершенно отсутствовала, вплоть до выборов народных депутатов СССР в 1989 г. Ни один из представителей советской правящей элиты не был обязан своей карьерой успеху на выборах.

В дореволюционный период выборы способствовали политическому возвышению отдельных крупных представителей политической элиты или исторических фигур. В частности, в 1611 г. земским старостой Нижнего Новгорода был избран Козьма Минин.

По нашему мнению, в истории России функция формирования политической элиты наиболее явно реализовывалась на выборах в период перестройки. Именно успешное участие в выборах стало основным «входом» в высшую политическую элиту 1990-х гг. В 1991 г. Президентом России был избран Б. Ельцин – единственный руководитель нашего государства, который занял этот пост в основном благодаря избирательному процессу. Парламентские же выборы в современной России не могут эффективно реализовать эту функцию вследствие исключительной слабости Государственной думы и особенностей избирательной системы.

Ситуация на субнациональном и местном уровнях несколько иная. Губернаторские выборы были эффективным механизмом рекрутирования элит и социального лифта вплоть до своей отмены в 2004 г. Выборы региональных представительных органов в большинстве субъектов Федерации являются главным механизмом рекрутирования региональной элиты. В настоящее время большинство популярных публичных политиков на субнациональном и местном уровнях обязаны своей политической карьерой институту выборов.

Выполнение данной функции на федеральном уровне в настоящее время затруднено. Большинство из списка самых влиятельных политиков России либо никогда не участвовали в выборах. Поскольку исполнительная ветвь власти господствует в системе управления, парламент не является источником пополнения правящих группировок. Административная элита остается ядром правящих группировок. Представители административной элиты не имеют опыта победы на выборах и никогда не были депутатами парламента. Но в настоящее время выборы не могут выполнять функцию обновления элит даже применительно к депутатам парламента. Электоральные

реформы 2000-х гг. лишили институт выборов способности создавать новых лидеров. Применение пропорциональной избирательной системы с закрытыми списками в 2007 и 2011 г. привело к катастрофическим последствиям для парламентских выборов как для социального лифта. Независимые политики, не имеющие поддержки сверху, лишены шансов на попадание в парламент.

Современные выборы играют значительную роль для действующих руководителей на субнациональном и местном уровнях. Высшие элиты благодаря выборам получают информацию об их политической перспективности, о степени их популярности или их способности тем или иным способом обеспечить нужный электоральный результат. Главы муниципалитетов и субъектов Федерации ответственны за результаты, которые получает «Единая Россия» на их территории даже на федеральных выборах. После парламентских выборов 2007 и 2011 г. несколько губернаторов были отстранены от должности за плохой электоральный результат партии власти в их субъектах Федерации. Напротив, те руководители, которые обеспечили «Единой России» хороший официальный результат (вне зависимости от скандалов и обвинений в фальсификациях), получили поощрение. Например, на парламентских выборах в 2011 г. среди всех крупных городов «Единая Россия» получила самый высокий официальный результат в г. Астрахани. Несмотря на громкий скандал и начавшийся в Астрахани электоральный кризис, мэр города С.А. Боженков вскоре был повышен в должности и стал губернатором Волгоградской области.

Известную типологию функций выборов мы предлагаем дополнить еще двумя функциями, которые выполняет институт выборов в российской политической системе.

Обеспечение связей между элитами.

По нашему мнению, институт выборов в России не обеспечивает решение проблем в отношениях между элитами. Взаимоотношения между элитными группами строятся без помощи института выборов. Представители правящих группировок никогда не конкурировали друг с другом на

выборах. Никто из первых 30 самых влиятельных политиков России (по списку «Независимой газеты») не выступал на выборах против «партии власти».

Почти все выборы высших должностных лиц в России не являются конкурентными. Даже институт «праймериз», в том виде, как он применяется в России, используется правящими группировками для того, чтобы снизить конкуренцию на выборах и заранее определить победителя.

Выборы депутатов являются конкурентными, но они не решают проблемы в отношениях между элитами. Поскольку представительная ветвь власти в России исключительно слаба, правящие группировки не зависят от этих выборов. Но высшие должностные лица весьма заинтересованы в символическом значении официальных результатов этих выборов.

Выборы депутатов в России являются полем соперничества тех политических акторов, которые не принадлежат к правящим группировкам. Но это не борьба за получение власти. Уровень политических претензий парламентских партий невелик. Политические партии заинтересованы в получении мест в парламенте и престижных результатов на выборах, но не имеют больших амбиций относительно своего участия в государственном управлении. Как обнаружило протестное движение 2011-2012 гг., эти партии не имеют амбиций даже относительно своего участия в общественной оппозиционной борьбе.

Снятие напряжения.

Это одна из важнейших функций, которую выполнял институт выборов в постсоветской России. В период 2000-х гг. реализация этой функции была неотъемлемой составляющей обеспечения политической стабильности и способствовала стабилизации политического режима. Данная функция является производной от функции легитимации государственной власти. В рамках этой функции актуализировались протестные настроения в обществе. Выборы играли роль громоотвода: они выводили энергию пассионариев и оппозиционные ожидания в русло борьбы, которая, однако, не была равной, что только

подтверждало предопределенность исхода. Данная функция основывается на уверенности основной массы населения в честность выборов и возможность успеха на выборах различных политических сил. Именно поэтому данная функция не была реализована на федеральных выборах 2001-2012 гг. Более того, эти выборы привели не к «снятию» напряжения, а к его резкому возрастанию в российском обществе.

Выражение общественного мнения.

Эту функцию нужно отличать от функции артикуляции общественных интересов. Функция артикуляции общественных интересов шире и сильнее – она предполагает влияние общественного мнения и настроений на политический процесс, в том числе прямое влияние на политический курс власти. Функция выражения общественного мнения – это более скромная и робкая надежда российского общества донести свое мнение до правящей власти в форме «рекомендации». Таким образом, это общественное мнение с правом не решающего, а совещательного голоса.

На наш взгляд, выражение общественного мнения посредством выборов – это основной мотив участия в выборах для многих российских избирателей. В условиях падения доверия к политическим институтам население приобретает специфическую мотивацию для посещения избирательных участков. Поскольку большинство населения не верит, что они реально избирают своих руководителей, для них акт голосования приобретает иное значение. Такие избиратели ходят на выборы, чтобы показать власти свою политическую позицию. Для таких скептических избирателей поставить «галочку» в бюллетене сродни участию в огромном социологическом опросе, на котором граждане выражают свою поддержку, например, советским или либеральным ценностям. И надеются на то, что это мнение будет учтено «правителями» при формировании государственной политики. Таким образом, это функция коммуникативная и касается взаимодействия власти и общества. По нашему мнению, электоральный кризис 2011-2012 гг. был во многом вызван тем, что из-за распространившейся информации

о фальсификациях выборы утратили доверие граждан, как инструмент донесения мнения населения до власти.

Обзор функций выборов в России подтверждает нашу гипотезу, что институт выборов в России имеет двойственное значение – одновременно, безусловно, несет в себе определенное демократическое содержание, но с другой стороны, способствует сохранению имеющейся характера распределения политической власти. Институт выборов поддерживает некоторую свободу слова, обсуждения и критики деятельности правительства, способствует общественным дискуссиям. В целом выборы поддерживают демократическую традицию в российском обществе. В то же время существующие выборы помогают элитным группам поддерживать формальные характеристики демократии и оттеснять на второй план неформальные недемократические практики.

ГЛАВА 14. МЕТАМОРФОЗЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ: ИМПЕРСКИЙ И СОВЕТСКИЙ ИНВАРИАНТЫ

В главе выявляются основные метаморфозы федерализма в России на широком историческом интервале до конца XX в.

Сравнение политических ситуаций начала XX в., 1917–1923 гг., 1987–1991 гг. позволяют аргументировать выводы о том, что развитие российского федерализма носит: а) циклический характер, б) «вынужденный» характер, в) адаптационный характер относительно повестки дня политического процесса.

Ключевые слова: федерализм, Россия, метаморфозы, инварианты, Российская империя, СССР, Российская Федерация.

Исторические традиции федерализма в России до 1917 г.

Россия как крупнейшее по территории государство мира всегда испытывала потребность в эффективной модели центр-периферийных отношений. Россия всегда являлась «сложносоставным» обществом⁵⁰¹, поэтому поиск такой модели был затруднен из-за наложения многих факторов: этнических и религиозных ареалов, зон хозяйственного тяготения, политико-культурных регионов, административных единиц управления. Объективные условия поощряли многоуровневое, децентрализованное правление на огромном пространстве. Но была ли эта традиция федералистской? Насколько можно говорить о преемственности федерализма на протяжении 1150-летнего развития нашей государственности?

Концептуальные подходы к осмыслению истории российского федерализма неразрывно связаны с мировоззрением исследователей.

1. Сторонники исконности федеративного начала в российском государстве (Н.И. Костомаров, Р.Г. Абдулатипов и др.)⁵⁰² полагали, что при всех революционных ломках

⁵⁰¹ Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. Политические исследования. 2001. № 5. С. 65-74.

⁵⁰² Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. В 2 т. М., 1990; Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. В 3 кн. М., 1992.

федерализм оставался императивом устройства страны при многообразии преходящих форм.

2. Поборники унитаризма и имперства России (И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев) считали, что федерализм – наносное и недолговечное состояние, плод неудачного копирования западных образцов⁵⁰³.

3. Странники советского федерализма (Д.Л. Златопольский, О.И. Чистяков) доказывали, что ленинская модель этнотерриториального строения и право наций на самоопределение адекватны для России. Имперская система оценивается резко негативно⁵⁰⁴.

4. Странники либерализма (В.Н. Лысенко, А.С. Макарычев, Л.В. Смирнягин, Н.В. Петров и др.) оценивают советский опыт как псевдофедерализм, создавший институциональную матрицу Российской Федерации⁵⁰⁵. Они предлагают коренные реформы политико-территориальной системы в русле децентрализации.

5. Странники либерально-консервативного обоснования «унитарного федерализма» призывают к синтезу российских традиций с «дозированной адаптацией» зарубежного опыта (С.И. Каспэ, Д.В. Доленко, С.С. Митрохин и др.)⁵⁰⁶.

По критериям концептуальной и институциональной зрелости можно выделить следующие основные этапы развития федерализма в России..:

1) элементы протофедерации в средневековой монархии (X–XVII вв.);

⁵⁰³ Ильин И.А. Наши задачи: историческая судьба и будущее России. В 2 т. М., 1992; Алексеев Н.Н. Советский федерализм // Мир России – Евразия. М., 1995. С. 154-175.

⁵⁰⁴ Златопольский Д.Л. Разрушение СССР. М., 1997. С. 14-25, 51-61; Чистяков О.И. Создание СССР // История отечественного государства и права / под ред. О.И. Чистякова. М., 1997. Ч. II. С. 151-174.

⁵⁰⁵ Лысенко В.Н. От Татарстана до Чечни (становление нового российского федерализма). М., 1995; Макарычев А.С. Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России // Полис. 2000. № 5. С. 81-97; Смирнягин Л.В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. М., 1998; Петров Н.В. Федерализм по-российски // Pro et Contra. 2000. № 1; Столяров М.В. Россия в пути: новая федерация и Западная Европа. Казань, 1998; Захаров А.А. «Спящий институт»: Федерализм в современной России и в мире. М., 2012. С. 103-124.

⁵⁰⁶ Каспэ С.И. Конструировать федерацию – *renovatio imperii* как метод социальной инженерии // Полис. 2000. № 5. С. 55-69; Доленко Д.В. Политика и территория. Саранск, 2000. С. 98-120; Митрохин С.С. Предпосылки и основные этапы децентрализации государственной власти в России // Центр – регионы – местное самоуправление. М.; СПб., 2001. Вып. 4. С. 47-87.

2) «форалистический» (очаговый) федерализм как элемент устройства Российской империи (XVIII – начало XX в.): статус Финляндии и Польши;

3) советский этнотерриториальный федерализм (1918–1991 гг.);

4) договорной и тяготеющий к дезинтеграции федерализм в постсоветской России (1992–1999 гг.);

5) современный «унитарный федерализм» (с 2000 г.).

Во второй половине IX – первой трети XII в. Русь была раннесредневековой монархией, типологически близкой государствам франков, готов в Европе. Изначально между киевским великим князем и вечем были договорные отношения («ряд»). Представители племенных союзов включались в совет знати при великом князе. Зависимость от центральной власти сводилась к выплате дани и выполнению княжеских законов. «Русская земля», под которой понималась вся страна в целом, состояла из 10-15 волостей – территориальных образований на основе бывших союзов племен, даваемых в удельное княжение представителям рода Рюриковичей. Во второй трети XII в. обособление волостей завершается. Они становятся самостоятельными удельными княжествами⁵⁰⁷.

Строй удельной раздробленности земель (XII – середина XV в.) усилил зачатки федерализма: княжеские съезды для принятия высших решений, складывание обособленных кодексов законодательства, финансовых и налоговых систем в удельных княжествах⁵⁰⁸.

Русское централизованное государство, сложившееся с 1470 по 1530 г., уничтожило независимость удельных княжеств. При этом сохранялись некоторые местные учреждения и нормы управления на окраинах. Это было платой за расширение границ, способом поддержания стабильности и лояльности новых частей страны (особенно с иной этнической либо религиозной идентичностью). Следует упомянуть расширенную автономию

⁵⁰⁷ Горский А.А. Русь в конце X – начале XII века: территориально-политическая структура («земли» и «волости») // Отечественная история. 1992. № 4. С. 154-161.

⁵⁰⁸ Коваленко В. Распад: Земли – княжества домонгольской Руси // Родина. 1999. № 8. С. 38-43.

казачьих войск, даннический статус Кабарды и калмыков с сохранением своих законов, системы управления, бюджета⁵⁰⁹.

Форалистический федерализм в унитарной империи (1721 – февраль 1917 г.). В итоге Северной войны государство получило статус Российской империи. Присоединенные к восточнославянскому православному «ядру» земли с другими этническими и религиозными идентичностями почти не подвергались насильственной унификации, исключая Польшу после 1831 г., земли северокавказских горцев⁵¹⁰. На окраинах сохранялись и даже культивировались имперской администрацией региональные традиции, правовые нормы, особый порядок участия в вооруженных силах (казаки, башкиры, калмыки, добровольческие формирования народов Кавказа)⁵¹¹. Российская империя являлась унитарным и абсолютистским государством. Но потребность в сохранении целостности страны, в поддержании жизнеобеспечения разнородных частей империи выражалась в использовании децентрализации, автономий.

Зачатки федерализма Нового времени (договор между политическими акторами, сохранение самостоятельности во внутренних делах, разграничение полномочий власти) прослеживаются в решениях Переяславской Рады 1654 г. Восточная Украина закрепила статус, который до 1680-1710-х гг. нельзя назвать унитаристским. Этот статус закреплялся голосованием полноправных сословий, т.е. демократично по меркам эпохи⁵¹².

В итоге Северной войны Россия включила в свой состав Лифляндскую и Эстляндскую губернии (нынешние Восточная

⁵⁰⁹ Трепавлов В.В. Этнокультурный фактор в развитии Московского государства и ранней Российской империи // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 79-101.

⁵¹⁰ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999; Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2007.

⁵¹¹ Миллер А.И. Этноконфессиональный фактор в развитии Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства... С. 102-150.

⁵¹² Зборовский Л.В. Переяславская рада и Московские соглашения 1654 года: проблемы исследования // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 39-50; Горобец В.Н. Украинско-российские отношения и политико-правовой статус Гетманщины // Там же. С. 77-88.

Латвия и Эстония), получившие особый статус. Сохранились городские самоуправления по магдебургскому праву, немецкий язык и экономическая система, особый статус сословий (привилегии немецкого дворянства в рамках его корпораций)⁵¹³.

Противоположная тенденция унитаризма преобладала в XVIII в. Губернские реформы Петра Великого и Екатерины II брали за основу принцип административного удобства, пренебрегая экономическими и этнорелигиозными интересами населения. В 1775 г. созданы генерал-губернаторства, руководители которых получили обширные полномочия и прямое подчинение императору. Но считать институт генерал-губернаторств шагом к федерализму нет причин. Он укрепил централизованную власть, способствовал подавлению прав регионов (Украины, казачьих областей, Прибалтики).

Значительные приращения территории России в итоге наполеоновских войн и Восточного вопроса (конец XVIII в. – 1820-е гг.) сделали необходимым более гибкий курс государства в отношении регионов. Павел I предлагал создать федеративное государство на Кавказе, зависящее от российского императора лишь присягой подданства⁵¹⁴. Автономии сохранялись в Прибалтике, Бессарабии (Молдавии), Закавказье. Наиболее высокий уровень автономии представлялся Великому княжеству Финляндскому и Царству Польскому. Ко времени включения в состав империи оба региона имели сложившиеся в соответствии с европейской традицией формы управления. Финляндия, находившаяся в составе России с 1809 по 1917 г., оформила статус в решениях Боргосского сейма 1809 г. – личную унию с российской монархией⁵¹⁵. Император стал одновременно великим князем Финляндским. Он получил исключительную компетенцию в вопросах обороны и внешней политики княжества, широкие права: созывать парламент, утверждать и изменять законы, вводить налоги и пошлины, пересматривать

⁵¹³ Национальная политика в имперской России: Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) / сост., ред. Ю.М. Семенов. М., 1997.

⁵¹⁴ Там же.

⁵¹⁵ Дусаев Р.Н. Становление государственной автономии Великого княжества Финляндского (1808–1809). Свердловск, 1983.

статус сословий, утверждать бюджет и т.д. Поступления от налогов и пошлин всецело использовались внутри Финляндии. Сохранялись обособленные полиция, системы связи и образования, валюта, официальный язык. Впервые Финляндия получила единый орган исполнительной власти – Правительственный совет, переименованный в Императорский Финляндский сенат. Он состоял из уроженцев страны, назначаемых на 3 года. Представителем имперской власти в княжестве был генерал-губернатор, он же – председатель Сената. Также связь с престолом осуществлял сословный орган – Комитет по делам Финляндии (с 1824 г. именуемый статс-секретариатом). В 1809 г. образован парламент – сейм из сословных палат. Он созывается с 1863 г. и стал ареной борьбы за расширение прав.

Царство Польское стало частью Российской империи по Венскому трактату 1815 г. Российский император стал королем Польши⁵¹⁶. Конституция 1815 г. закрепила квазигосударственный статус Польши. Декларировались разделение властей, права и свободы человека, соблюдение прав собственности. Законодательная власть, как и до русского сюзеренитета, отводилась двухпалатному Сейму. Его нижняя палата избиралась дворянами в региональных собраниях. Верхняя палата назначалась императором. Исполнительная власть принадлежала монарху, который назначал наместника из числа польских дворян. Его влияние уравновешивал Государственный совет во главе с русским комиссаром. Сохранялась польская армия под командованием брата русского императора. Действовали суды, полиция, системы образования и финансов, отдельные от имперской. Система управления была либеральной по меркам Российской империи.

Конституционную автономию имела с 1818 по 1828 г. Бессарабия (Молдавия). Она, а также многие монархические образования Закавказья вошли в состав России на правах

⁵¹⁶ Краткая история Польши / отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1993. С. 96-98.

широкой автономии, закрепленной договорами⁵¹⁷. Своеобразные формы устройства регионов приобрели в рамках Российской империи статус. Эти формы протофедерализма позволяли сдерживать на приемлемом уровне территориальные противоречия, обеспечивать необходимую гибкость государственной системы.

Европейские революции и восстания декабристов в России резко повернули развитие на путь централизации. Наиболее отчетливо это видно в Царстве Польском. После восстания 1830–1831 гг. Конституция заменяется на Органические статуты (административные акты), упразднены Сейм и Госсовет, распущена польская армия. Все функции управления перешли к наместнику, назначавшемуся из представителей династии Романовых. Польша потеряла федеративные права после краха восстания 1863-1864 гг. Вместо Царства Польского образуется Привислинский край на правах генерал-губернаторства (1874 г.).

Курс унификации стал способом выживания империи по мере отставания от Запада в XIX в. Национализм «снизу», пробуждавшийся в ходе модернизации общества, дополнен этнонационализмом «сверху»⁵¹⁸. Русификаторский курс вызвал к жизни более радикальные формы автономизма, а затем и сепаратизма окраинных регионов. Революция 1905–1907 гг. обнажила глубину центр-периферийных, этнополитических, религиозных противоречий, которые сплелись в единый узел⁵¹⁹. Партии России соревновались в демагогическом клеймени самодержавного унитаризма, но не предлагали продуманных концепций федерализма⁵²⁰. Общий вектор предложений – областная асимметричная автономия для окраин, прежде всего и в наибольшем объеме – для Польши, Финляндии, Украины.

⁵¹⁷ Гросул В.Я. Российский конституционализм за пределами России // Отечественная история. 1996. № 2. С. 174.

⁵¹⁸ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 54-95.

⁵¹⁹ Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29-45.

⁵²⁰ Саидкасымов С.С. Национальный вопрос в программах политических партий России // Кентавр. М., 1992. № 1-2. С. 109-120; Булдаков В.П. Указ. соч. С. 35.

Непродуманный курс самодержавия в сторону разжигал конфликты и не мог привести к их разрешению⁵²¹.

Неустойчивая политика Временного правительства не поспевала за быстро нараставшей волной децентрализации. Уже в марте 1917 г. Россия признала право Польши создать независимое государство, восстановила действие финской конституции. В июне 1917 г. Временное правительство согласилось с требованиями Центральной украинской рады, объявив её самозванные органы властью украинской нации. Создан опаснейший прецедент наделения общественных движений государственной властью, признания самозавлада части России сепаратистами, не выражавшими мнения большинства в своем регионе⁵²². При Временном правительстве 11 июля 1917 г. создано Особое совещание по областной реформе во главе с М.А. Славинским. Его руководитель видел цель в согласовании интересов государственного единства с потребностями областей в автономии.

Польша и Финляндия требовали независимости при сохранении военного и дипломатического союза. Летом-осенью 1917 г. заявили о федералистских намерениях Украина (в лице Центральной рады), казачьи области, Закавказье, Туркестан. В сентябре 1917 г. состоялся съезд народов и областей России в Киеве. Его делегаты предложили преобразовать Россию в демократическую федеративную республику. Съезд настаивал на введении учредительных собраний в пределах субъектов федерации, «краевых языков». Делегаты поддержали преобразование армии на этнической основе, признавали право Литвы на независимость, а Белоруссии, Латвии – на автономию. Съезд образовал Совет народов во главе с М.С. Грушевским, готовивший закон о федерации для принятия его Всероссийским учредительным собранием. Наряду с преобладавшим компромиссным курсом на съезде обозначились тенденции

⁵²¹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11-12. С. 39-53; Куяла А. Россия и Финляндия в 1907-1914 годах: планы введения военного положения // Отечественная история. 1998. № 2. С. 65-73.

⁵²² Царинный А. Украинское движение // Украинский сепаратизм в России: идеология национального раскола. М., 1998. С. 181-192.

сепаратизма⁵²³. Славинский выступил в пользу федерации, предлагал ввести ее до Учредительного собрания⁵²⁴.

Проект Основных законов Государства Российского, разработанный Особой комиссией при Временном правительстве в октябре 1917 г., безнадежно запоздал. Он содержал юридически точные формулировки о единстве и неделимости России, о союзном статусе Финляндии⁵²⁵. Однако реальный политический процесс пошел по пути дробления страны, провозглашения более чем 100 обособленных государств с октября 1917 по 1920 г.

Как показал обзор территориального управления в России X – начала XX в., государство применяло различные формы децентрализованной власти и отдельные элементы федерализма. Но целостная система федерализма не закрепились, и прорыв к федерации произошел именно в момент распада всей общественной системы в 1917-1918 гг. И сторонники, и противники федерализма в России понимали его поверхностно: как наделение народов властью, что сформировало стереотипы восприятия.

Политические институты, нормы, политическая культура советского государства (1917 - 1991 гг.) подчинялись идеологии большевизма – варианту марксизма. Для В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.И. Бухарина и других основателей советского федерализма форма государственного устройства была соподчиненным элементом «диктатуры пролетариата», должна была служить интеграции наибольшего пространства для победы «мировой пролетарской революции».

Еще в 1913 году В.И. Ленин скептически оценивал федерализм⁵²⁶. Именно эта установка вызвала решительный

⁵²³ Политические деятели России 1917: биограф. словарь / гл. ред. П.В. Волобуев. М., 1993. С. 382-383.

⁵²⁴ Политические деятели России... С. 294, 382; Революционное движение в России в 1917 г.: Общественно-политический кризис. М., 1961. С. 527-528.

⁵²⁵ Зубов А.Б. Унитаризм или федерализм: К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. 2000. №5. С. 38-39; Овчинников А.П. Политическая регионалистика. Самара, 2002. С. 48.

⁵²⁶ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 143-144.

отказ большевиков от программы культурно-национальной автономии, разработанной австрийскими социал-демократами О. Бауэром и К. Реннером. Летом 1913 г. В.И. Ленин неожиданно для других большевиков поддержал принцип права наций на самоопределение⁵²⁷. Тактически лидер большевиков использовал антиимперские движения народов России для взятия власти, стратегия же оставалась прежней – овладение максимально крупной территорией, слияние народов и государств⁵²⁸. Весной 1917 г. Ленин избрал лозунг федерации народов, доказывая, что общее государство должно состояться «по добровольному согласию каждого отдельного народа». По утверждению Ленина, великороссы должны предоставить право всем народам «без изъятия решить вполне свободно, хотят ли они жить в отдельном государстве или в союзном государстве с кем угодно»⁵²⁹.

Становление политических институтов федерализма в Советской России (октябрь 1917–1921 гг.) началось с того, что уже через 8 дней после захвата власти Совет народных комиссаров принял 2 (15) ноября 1917 г. «Декларацию прав народов России», провозгласившую принципы равенства и суверенности народов, их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмену всех национальных и религиозных ограничений и привилегий, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп⁵³⁰. 5 (18) января 1918 г. Россия стала федерацией. III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», включенную 10 июля 1918 г. в Конституцию РСФСР. Декларация объявляла, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных

⁵²⁷ Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 314.

⁵²⁸ Ленин В.И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 68.

⁵²⁹ Ленин В.И. Наказ выбираемым по заводам и полкам депутатов в Совет рабочих и солдатских депутатов // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 40-41.

⁵³⁰ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 141-142.

республик». Каждой «нации» давалось право самостоятельно решить вопросы о вхождении в состав России и об условиях участия в федерации⁵³¹. Вместе с тем данные акты нельзя рассматривать вне контекста Гражданской войны и формирования диктатуры. Провозглашение федерации совпало с разгоном Всероссийского учредительного собрания, что лишило большевистское правление легитимности.

Одновременно нарастал распад России. 6 (19) декабря 1917 г. независимость провозгласила Финляндия, 11 (24) декабря – Литва. 8 (22) января 1918 г. Центральная рада объявила о независимости Украины. 27 февраля (9 марта) провозглашена независимость Белоруссии, 24 апреля – Эстонии, 22 апреля – Закавказской федеративной демократической республики (через месяц распавшейся на Грузию, Азербайджан и Армению). Сепаратизм пустил корни и внутри этнического ядра страны. К лету 1918 г. под контролем Советского правительства оставалась только центральная часть Европейской России. Но даже управляемые большевиками регионы проявляли чрезмерную самостоятельность, что вело к анархии.

III Всероссийский съезд Советов образовал Конституционную комиссию ВЦИК, представившую на обсуждение два основных проекта – проф. М.А. Рейснера и И.В. Сталина. Первый из них отвергал этнический и политико-территориальный подход. М.А. Рейснер полагал: «Территориальная организация и территориальный федерализм совершенно не могут служить основанием для решения государственных вопросов в социалистической республике. Ибо наш федерализм есть не союз территориальных государств или штатов, а федерация социально-хозяйственных организаций»⁵³². Рейснер категорично отвергал национальное районирование, т.к. оно даст преимущество «коренным» народам.

Но победил проект народного комиссара РСФСР по делам национальностей И.В. Сталина. Проект был основан на

⁵³¹ Там же. С. 350-351; История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1956. С. 102-104. (Полное название «Российская Социалистическая Федеративная Советская республика», РСФСР впервые встречается в декрете ВЦИК от 28 января 1918 г.).

⁵³² Цит. по: Каспэ С.И. Указ соч. С. 57.

этнокультурном составе впервые выделяемых субъектов федерации, но не отличался от предложений Рейснера в цели – «будущем социалистическом унитаризме»⁵³³. Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г., объявила Россию федерацией советских национальных республик (ст. 2). Области «с особым бытом и национальным составом» могли создавать автономные областные союзы – субъекты федерации (ст. 11)⁵³⁴.

С точки зрения политических наук принципиально важны две черты советского федерализма. Во-первых, это федерализм декларативный. Если бы реальная власть в Советском государстве строилась строго в соответствии с Конституцией и законами РСФСР, то большевики не смогли управлять и месяца. Показной федерализм необходим для того, чтобы переманить на свою сторону этносепаратистские движения в Гражданской войне, а затем создать централизованную власть. Реальные рычаги управления принадлежали жёстко централизованной Коммунистической партии, а не декоративным Советам. Во-вторых, нормы законов 1917–1918 гг. сконструированы «на вырост», поскольку легитимной сети субъектов федерации не было. Её только предстояло создать.

В 1918–1919 гг. началось образование автономных республик с некоторыми признаками субъектов федерации. Они имели конституции, норму участия в общегосударственных органах: во Всероссийском съезде Советов, Всероссийском центральном исполнительном комитете Советов и др. Весной 1919 г. впервые появляется термин «Автономная советская социалистическая республика» (применительно к Башкирии). Позже образовались многочисленные АССР, автономные области национальные округа, «трудовые коммуны» (Карельская, немцев Поволжья). Их набор неустойчив, как и полномочия, и границы в условиях Гражданской войны. Уже в 1918–1919 гг. проявился феномен «многоуровневой» федерации. По ходу расширения контролируемого пространства

⁵³³ Сталин И.В. Организация Российской Федеративной Республики // И.В. Сталин. Соч. Т. 4. С. 66-73.

⁵³⁴ Цит. по: Великий Октябрь: Атлас / пред. редкол. И.И. Минц. М., 1987. С. 138-139.

оформлялись советские республики: Украинская, Литовско-Белорусская, Эстонская, Латышская. В 1920 г. советские войска заняли Хивинское ханство и Бухарский эмират, Азербайджан и Армению, а в 1921 г. – Грузию. С 1920 по 1922 г. существовала «буферная» Дальневосточная республика, в которой сохранялись элементы демократического строя. Юридически их отношения с РСФСР, скорее, конфедеративны⁵³⁵. После взятия Владивостока (октябрь 1922 г.) ДВР включена в состав Советской России в качестве нескольких губерний и краев⁵³⁶.

Задача конституционного закрепления Союза стала злободневной после завершения Гражданской войны. В 1920–1921 гг. заключены двусторонние Союзные договоры между РСФСР, с одной стороны, и республиками – Украиной, Белоруссией, Грузией, Азербайджаном, Арменией. Формально эти акты признавали независимость сторон⁵³⁷. Но на деле складывалось государство с единой партийной системой, идеологией, валютным и таможенным пространством, внешней и военной политикой.

Столкнувшись с конфликтами, большевистская элита до поры до времени учитывала интересы республик. Так, по просьбе украинских властей 11 мая 1922 г. создана комиссия ЦК РКП(б) для урегулирования отношений между РСФСР и УССР. 11 августа 1922 г. образуется комиссия ЦК по «взаимоотношениям РСФСР и независимых республик» для разработки Конституции будущего Союза. Комиссию возглавил И.В. Сталин, а в её составе доминировали поборники централизма⁵³⁸.

Вопрос о смысле Союза разделил партийно-государственную элиту на сторонников «автономизации», а в противовес им – защитников федерации равноправных народов. Проект «автономизации», обоснованный председателем конституционной комиссии и народным комиссаром РСФСР по делам национальностей И.В. Сталиным, означал создание

⁵³⁵ Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2012. С. 33-58.

⁵³⁶ КПСС в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 105.

⁵³⁷ История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978. М., 1979. Т. 1. С. 240.

⁵³⁸ История национально-государственного строительства в СССР... Т. 1. С. 273; Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191.

унитарного государства. Бывшие суверенные республики должны были войти в состав РСФСР на правах автономий. 22 сентября 1922 г. Сталин в письме Ленину объясняет свою позицию тем, что «национальная» стихия на окраинах разрушает единство республик, «формальная независимость благоприятствует этой работе...». За годы войны «мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев»⁵³⁹. Тезисы Сталина не получили одобрения в Грузии, Украине и Белоруссии. Но Сталин в нарушение партийного устава добился принятия своих тезисов на заседании комиссии ЦК РКП(б) 23-24 сентября (против ключевого пункта голосовал представитель Грузии П.Г. Мдивани, представители Украины и Азербайджана воздержались).

Относительно слабые республики «добровольно» делегировали часть полномочий в пользу РСФСР. Сопротивление централизации оказали лидеры Украины и Грузии: Х.Г. Раковский, В.П. Затонский, Н.А. Скрыпник, П.Г. Мдивани и др.⁵⁴⁰

Компромиссный вариант союза предлагал В.И. Ленин, шедший на уступки позиции руководителей Украины – Х.Г. Раковского и Г.И. Петровского, Грузии – П.Г. Мдивани. Равноправную федерацию народов предлагали Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин. 26 сентября 1922 г. Ленин добился от Сталина уступки: вместо поглощения республик пойти на их равноправное объединение в союз. Ленин писал: «Важно, чтобы мы не давали пищи «независимцам»: не уничтожили их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик»⁵⁴¹. В соответствии с доктриной мировой революции ленинский Союз Советских Республик Европы и Азии задумывался как будущий союз социалистических стран, открытый для принятия Германии, Италии,

⁵³⁹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 198-200.

⁵⁴⁰ Одиннадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1922. С. 64-66.

⁵⁴¹ Ленин В.И. Об образовании СССР: Письмо Л.Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 212.

Великобритании и т.д., вплоть до планетарных размеров⁵⁴². Поэтому принцип этнического равноправия для Ленина выше проблем российского уровня.

Ленинский вариант федерализма никогда на деле не преобладал в СССР. Применение этого замысла развалило бы Советский Союз гораздо раньше, чем псевдофедерализм по-сталински. 6 октября 1922 г. члены Политбюро ЦК РКП(б) одобрили «Основные пункты Конституции СССР», на основе которых комиссия ЦК разработала проекты Декларации и Договора об образовании Союза⁵⁴³. Съезды Советов Закавказской Федерации, Украины, Белоруссии и РСФСР одобрили создание СССР. Юридически решение оформил I Всесоюзный съезд Советов, 30 декабря 1922 г., утвердивший Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Субъектами и учредителями федерации стали РСФСР, Украина, Белоруссия, Закавказская СФСР (в составе Грузии⁵⁴⁴, Армении и Азербайджана). Договор 30 декабря 1922 г. установил, что советские республики объединяются в союзное государство⁵⁴⁵. Ведению СССР в лице его верховных органов – Всесоюзного съезда Советов и Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежали широчайшие полномочия.

Окончательно политико-территориальный строй СССР определен в ходе борьбы вокруг принятия союзной Конституции (1923-й – январь 1924 г.) Сторонники децентрализованной федерации (Х.Г. Раковский, Н.А. Скрыпник, П.Г. Мдивани и др.) предлагали ограничиться Союзным договором и не принимать Конституцию СССР, перераспределить полномочия власти в пользу республик⁵⁴⁶. Но для победы децентрализованного федерализма не было условий. Окончательный поворот к унитаризму произошел на четвертом совещании ЦК РКП(б) с

⁵⁴² Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия. СПб., 1997. С. 80-120.

⁵⁴³ Гросул В.Я. Указ. соч. С. 91-108.

⁵⁴⁴ В составе Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики особый статус имела Абхазия, подписавшая союзный договор с Грузией на равноправной основе.

⁵⁴⁵ Образование СССР: Сборник документов. М., 1972. С. 379-388.

⁵⁴⁶ Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1923. С. 533-534; Волковинский В.М., Кульчицкий С.В. Христиан Раковский: політичний портрет. Київ, 1990. С. 197-199.

ответственными работниками национальных республик и областей в июле 1923 г. Накануне форума арестован лидер большевиков Татарстана М.Х. Султан-Галиев, а главной угрозой объявлен «национал-уклонизм» республик⁵⁴⁷.

Совместная комиссия ЦИК союзных республик, комиссия ЦК РКП(б) состояли в большинстве из сторонников централизаторского курса. Эти комиссии в итоге дискуссий разработали проект Конституции СССР, отражавший точку зрения сталинского большинства. Пленум ЦК РКП(б) одобрил 27 июня 1923 г. проект Конституции, 6 июля 1923 г. Основной закон одобрен на II Всесоюзном съезде Советов в январе 1924 г.

Конституция 1924 г. определила основы системы федеральных органов власти. Законодательные функции отводились Съезду Советов СССР, который из делегатов избирал открытым голосованием ЦИК СССР. Он, в свою очередь, состоял из Союзного Совета (414 чел. пропорционально населению союзных республик) и Совета Национальностей (130 чел., по 5 чел. от союзных и автономных республик, по 1 – от автономных областей РСФСР). Исполнительные функции принадлежали Президиуму ЦИК СССР и Совету народных комиссаров СССР.

Реальная власть в СССР принадлежала партийно-государственной элите. Бесконтрольный механизм принятия политических решений обеспечивали высшие органы Коммунистической партии – Политбюро ЦК, Секретариат ЦК, Генеральный Секретарь ЦК, а также органы госбезопасности⁵⁴⁸. Все реальные институты верховной власти унитарны, в отличие от декларируемого федерализма. Уже в основании СССР заложены глубокие противоречия между унитарностью и федерализмом, между формальной демократией и реальной диктатурой. Политическая система СССР могла оставаться стабильной только в пределах тоталитарного либо жестко авторитарного режимов. И, напротив, попытка

⁵⁴⁷ Он же. Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Там же. 1992. № 2. С. 3-23; Тайны национальной политики ЦК РКП. М., 1992.

⁵⁴⁸ Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000; Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20-30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С. 49-66.

демократизировать советскую систему в 1987–1991 гг. привела к развалу СССР.

Конституция 1924 г. впервые в мире закрепила за союзными республиками право самоопределения в форме выхода из состава СССР. Территория союзных республик не могла быть изменена без их согласия. Пересмотр права свободного выхода республики из Союза мог происходить только с единодушного согласия всех субъектов СССР. Но на деле диктаторская система правления не позволяла возникнуть легальной инициативе отделения.

Высший коллегиальный орган власти – Президиум ЦИК СССР формировался на заседании Центрального Исполнительного Комитета Союза пропорционально населению республик. В таком способе формирования можно усмотреть отход от федерализма. Хотя первоначально назначались 4 равноправных сопредседателя Президиума ЦИК (по 1 от союзных республик), постепенно сложилась практика единоличного председательства⁵⁴⁹.

Сущность СССР и Российской СФСР внутри Союза различалась. СССР – договорная федерация союзных республик с симметричными правами. РСФСР, напротив, сначала объявлена федерацией, а затем стала создавать внутри своей территории субъекты федерации в местах традиционного проживания народов. Возник феномен «империи наизуоборот», в которой численно и культурно преобладавший русский народ не получил своей государственности хотя бы на уровне субъектов РСФСР (областей, краев и проч.)⁵⁵⁰. Факты позволяют отнести РСФСР к централизованным образованиям, предоставившим автономию части своей территории.

Действовавшая до 1989–1991 гг. институциональная система российского федерализма определялась Конституцией СССР 1936 г. и Конституцией РСФСР 1937 г. Законодательная

⁵⁴⁹ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г.–декабрь 1991 г. М., 1994. С. 109-122, 204-212.

⁵⁵⁰ Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 21-28.

власть, по Конституции 1936 г., олицетворялась в Верховном Совете СССР из 2 палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Обе палаты избирались на 4 года, но Совет Союза – всем населением СССР по округам с равной численностью избирателей, а Совет Национальностей – только этнотерриториальными образованиями. Палаты считались равноправными. Конституция 1936 г. расширила компетенцию союзных органов⁵⁵¹. Союзные республики передали СССР исключительные права издавать кодексы законов, акты о суде и административно-территориальном устройстве. Верховный Совет СССР получил право назначать следственные и ревизионные комиссии по делам республик. Отмерла практика назначения в республики и автономии уполномоченных союзных ведомств.

Конституция СССР 1977 г. и союзных республик – 1978 г. не содержали четкого разграничения полномочий между СССР и союзными республиками, в отличие от предыдущих Основных законов. Новые термины «историческая общность – советский народ» и «форма государственного единства» отражали крен в сторону унитаризма.

Реформы советского федерализма в годы «перестройки». Советский территориальный строй оставался достаточно устойчивым, пока власть действовала авторитарными методами и сохранялась плановая экономика. Демократизация, начатая в условиях кризиса, неизбежно обнажала противоречия территориального строя. Элиты союзных республик, а позже и автономий использовали курс лидеров КПСС и СССР во главе с М.С. Горбачевым на «возрождение ленинской национальной политики» для оправдания претензий на власть. Этнический федерализм стал удобнейшей формой и аргументом в конфликте союзных республик и автономных образований с «центром». Черты советской модели – этнотерриториальное строение государства, наделение правосубъектностью «титულных» народов в субъектах федерации, право народов на самоопределение облегчили развал СССР.

⁵⁵¹ Коржихина Т.П. Указ. соч. С. 207-208.

Реформы федерализма 1985–1991 гг. представляли запоздалую попытку группировки М.С. Горбачева в правящей элите спасти Союз, сделав советскую модель приемлемой для децентрализованного баланса власти страны и союзных республик. Но по мере ослабления системы власти реформы федерализма становились методом расшатывания СССР.

Демократизация быстро оживила подспудные межэтнические и территориальные противоречия. Националистические выступления в Якутске и Алма-Ате (1986 г.), требования крымских татар воссоздать свою автономию (1987 г.), конфликт в Нагорном Карабахе (с 1988 г.) были первыми локальными признаками надвигающегося кризиса. Сначала партийно-государственная элита избрала охранительный курс. И только после того, как ситуация вышла из-под контроля и конфликты приобрели формы межреспубликанских притязаний, КПСС с запозданием начала демократизацию территориального строя страны.

Законы «Об изменениях и дополнениях к Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР» от 1 декабря 1988 г. ввели новую структуру законодательной власти. Высшим представительным органом стал Съезд народных депутатов СССР, избиравший Верховный Совет СССР в более узком составе депутатов⁵⁵². Представительство субъектов федерации и автономий неравное. Съезд не делился на палаты⁵⁵³. Верховный Совет СССР избирался Съездом народных депутатов СССР на 5 лет из числа депутатов. Ежегодно переизбиралась 1/5 членов Верховного Совета. Полномочия ВС СССР весьма весомы. ВС СССР являлся высшим органом законодательной власти на время между Съездами народных депутатов. ВС СССР состоял из 2 палат – Совета Союза (271 чел. по территориальным округам) и Совета Национальностей (271 чел. от национальных образований). Каждая союзная республика представлена 11 членами ВС,

⁵⁵² Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 49, ст. 727, 729.

⁵⁵³ Пименов В.В. Нужна государственная всесоюзная этнографическая служба // Политическое образование. 1989. № 7. С. 26.

автономные республики – по 4 чел., автономные области – по 2 чел., автономные округа – по 1 чел⁵⁵⁴.

Уже в 1988–1989 гг., т.е. до начала конституционной реформы, возникли и стали ведущей политической силой массовые националистические движения в республиках Прибалтики и Закавказья. Они постепенно перешли от осторожных предложений «республиканского хозрасчета» и «восстановления ленинской национальной политики» к сепаратизму⁵⁵⁵. Этнический принцип строения СССР значительно облегчил и легитимировал центробежные движения. Путь возрождения ленинской модели федерализма поощрял территориальные притязания. Некоторые аналитики предостерегали о пагубности этнофедерализма, предлагали иной путь – создание административно-территориальной федерации и придание этническим статусам экстерриториальности. Но их предложения всерьез не обсуждались⁵⁵⁶.

Конкурентные парламентские выборы в союзных республиках (весна 1990 г.) привели сепаратистов к власти в Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии, Грузии, Армении. Эти субъекты федерации формировали новые системы власти, приняли Декларации о суверенитете и государственной независимости. Создан прецедент сецессии. Демократические движения России в борьбе за власть использовали проблему статуса РСФСР в союзном государстве. Они выдвинули внешне привлекательные, но разрушительные лозунги суверенитета и приоритета республиканских законов над союзными. А.Д. Сахаров выдвинул проект «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии», предлагая сделать автономии РСФСР равноправными субъектами обновленного Союза. Пагубность замысла – в дроблении России (53 национально-

⁵⁵⁴ Там же.

⁵⁵⁵ Союз «нерушимых»? / Публ. Г.А. Бордюгов и др. // Независимая газета. 2001. 29 апр.; Симонян Р.Х. Страны Балтии и распад СССР (о некоторых мифах и стереотипах массового сознания) // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 27-39.

⁵⁵⁶ Зубов А.Б., Салмин А.М. Оптимизация национально-государственных отношений в условиях национального возрождения в СССР // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 3. С. 62-84; Зубов А.Б. Советский Союз: из империи в ничто? // Полис. 1992. № 1-2. С. 56-74.

территориальных субъекта Союза вместо бывших 15), в предложении провозгласить независимость всех субъектов Союза.

I съезд народных депутатов РСФСР принял 12 июня 1990 г. Декларацию «О государственном суверенитете РСФСР». Ядро Союза разрушалось изнутри, поскольку некоторые нормы Декларации противоречили федеративному строю СССР. Так, устанавливалось верховенство Конституции и законов РСФСР на всей её территории, право «приостанавливать действие актов Союза ССР... вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР»⁵⁵⁷. Декларация установила полноту власти РСФСР при решении всех вопросов, за исключением добровольно переданных республикой в ведение СССР. Декларация признавала статус РСФСР как союзной республики в составе СССР и предлагала заключить новый Союзный договор на равноправной основе. Но положения акта означали конфедеративный характер отношений между РСФСР и СССР. Политические решения после Декларации 12 июня 1990 г. развивали сепаратистскую тенденцию. 14 июля 1990 г. принят российский закон «О собственности на территории РСФСР», передавший природные ресурсы в исключительное владение союзной республики. 24 октября 1990 г. установлена ратификация союзных актов законодательными органами РСФСР. Съезд депутатов РСФСР отменил уплату союзных налогов, декларировал доленое владение золотым запасом, валютным и алмазным фондами СССР со стороны союзных республик.

Союзные и республиканские органы власти «соревновались» в раздаче обещаний автономиям, перетягивая их на свою сторону в борьбе за власть⁵⁵⁸. Быстро терявшие влияние союзные органы власти стремились заручиться поддержкой автономий России, чтобы «убить двух зайцев»: ослабить оппозиционный КПСС Верховный Совет РСФСР, противопоставить бывшие автономии союзным республикам. 20 июня 1990 г. на встрече представителей республик по подготовке

⁵⁵⁷ Известия. 1990. 13 июня.

⁵⁵⁸ Там же.

нового Союзного договора докладчик от Верховного Совета СССР Р.Н. Нишанов признал разнообразные формы межреспубликанских связей: от договорно-федеративных до конфедеративных. 25 декабря 1990 г. Съезд народных депутатов СССР включил в состав комитета по подготовке нового Союзного договора лидеров автономий наравне с высшими должностными лицами союзных республик и федеральных органов власти. 12 мая 1991 г. Президент СССР и Председатель Верховного Совета РСФСР на встрече с главами автономных республик подтвердили, что автономии подписывают Союзный договор равноправно⁵⁵⁹.

Российские власти в этот период поощряли принятие деклараций о государственном суверенитете автономий РСФСР. Первой такой акт приняла Северо-Осетинская АССР 20 июня 1990 г. За ней последовали остальные автономные республики и автономные области, кроме Еврейской. Автономные округа заявили о прямом вхождении в состав РСФСР, отменив подчинение краям или областям. Декларации автономий (Чувашии, Чечено-Ингушетии, Татарстана, Тувы и др.) нарушали принцип верховенства российского законодательства. Некоторые республики заявили о возможности выхода из состава РСФСР (Коми, Татарстан) либо провозгласили себя суверенными государствами (Удмуртия, Калмыкия). Две республики – Татарстан и Чечено-Ингушетия не употребили в декларациях слова «в составе Российской Федерации»⁵⁶⁰.

Самые опасные формы сепаратизма принял в Чечено-Ингушетии. Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН) в ноябре 1990 г. провозгласил независимую республику. 27 ноября 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете принял и Верховный Совет Чечено-Ингушской республики. В марте 1991 г. ЧИР отказалась участвовать в референдуме о введении поста Президента РСФСР, а в июле 1991 г. ОКЧН провозгласил независимость Чечни от СССР и РСФСР. Эти

⁵⁵⁹ История отечественного государства и права... Ч. II. С. 433-434; Калатошвили Д. Разрушение империи // Независимая газета. 1998, 28 июля.

⁵⁶⁰ Васильева И. Конституционный конфликт// Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликтов к поиску согласия. М., 1997. С. 54.

действия разворачивались на фоне массовых преследований русского населения республики⁵⁶¹.

Мирная форма наращивания суверенитета вплоть до конфедеративных отношений с РСФСР предлагалась властями Татарстана. 18 апреля 1991 г. Верховный Совет Татарстана изъясил из Конституции республики положения об участии в РСФСР и верховенстве российских законов. 12 июня 1991 г. проведены на безальтернативной основе выборы Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева. 16 августа 1991 г. президент Татарстана перевел в собственность республики союзные и общероссийские предприятия в пределах РТ.

Контурсы нового федерализма в дискуссиях вокруг Союзного договора. Инициатива обновления Союзного договора принадлежала делегациям республик Прибалтики в Верховном Совете СССР. Она высказана на заседаниях комиссии ВС по распределению прав и полномочий между центром и республиками⁵⁶². Но время для разработки и подписания договора, который бы укрепил Союз, а не развалил его, упущено. Только после провозглашения независимости Литвы (11 марта 1990 г.) и Латвии (20 мая 1990 г.) союзные органы власти начали переговоры о разработке Союзного договора.

А.М. Салмин сравнил 5 редакций проекта договора (ноябрь 1990-го – ноябрь 1991 г.) и выявил крен к признанию равноправия союзных и автономных республик, к росту этнонациональных обоснований государственности⁵⁶³. Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» (1990 г.) устанавливал обязательный референдум об отделении, 5-летний переходный срок для введения независимости, одобрение не менее 2/3 голосов граждан отделяющейся республики. Прибалтийские республики провели не референдумы, а опросы о независимости, т.к. их решения не могли получить легитимного

⁵⁶¹ Литвинова Т.Н. Институты власти на Северном Кавказе: опыт и уроки политической трансформации (1989–2008 гг.). Краснодар, 2009. С. 43-51.

⁵⁶² Симонян Р.Х. Указ. соч. С. 34, 38-39.

⁵⁶³ Салмин А.М. Союз после Союза // Полис. 1992. № 1-2. С. 43.

одобрения 2/3 граждан⁵⁶⁴. Поэтому 6 отделившихся к весне 1991 г. республик (Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Грузия и Армения) бойкотировали союзный референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 г. Его итоги показали, что большинство граждан поддержало сохранение СССР «как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности». Из 185,6 млн. чел., имевших право голосования, приняли участие в референдуме 80%. 113,5 млн. избирателей СССР (75,4% участников голосования) поддержали сохранение Союза. В РСФСР явка граждан на референдум составила 75,4%. Из них 71,3% поддержали сохранение Союза⁵⁶⁵. Вопрос референдума сформулирован противоречиво и расплывчато, что дало противникам союза доводы для оспаривания итогов.

Девять союзных республик из 15 (РСФСР, Украина, Белоруссия, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан) в лице лидеров подписали с Президентом СССР «Заявление 9+1» от 23 апреля 1991 г. о контурах нового Договора. Предполагалось ввести приоритет межреспубликанских отношений вместо центр-периферийных. Подписание опубликованного проекта «Ново-Огаревского» договора назначено на 20 августа 1991 г. и сорвано попыткой государственного переворота 18-22 августа. Провал действий ГКЧП СССР по восстановлению приоритета союзного законодательства привел к обвальному распаду страны. Союзные республики с 20 августа по 1 декабря 1991 г. объявили о полной независимости. Последнюю точку в развале СССР поставил референдум о независимости Украины.

Юридически ликвидация СССР оформлена на Беловежской встрече глав России, Украины и Белоруссии 8 декабря 1991 г. Б.Н. Ельцин, Л.М. Кравчук и С.И. Шушкевич приняли заявление. В нем отмечалось, что переговоры о подготовке союзного договора

⁵⁶⁴ Михайлов В.А. Как и почему развалился Советский Союз? / Интервью взял С. Земляной // Независ. газета. 2001. 12 апр.

⁵⁶⁵ Известия. 1991. 23 марта.

зашли в тупик и идет «объективный процесс выхода республик из состава Союза ССР», образуются независимые государства⁵⁶⁶. Попытка Президента СССР М.С. Горбачева созвать съезд народных депутатов СССР и провести референдум о будущем Союза не имела поддержки в обществе и элите. 12 декабря 1991 г. Верховный Совет России ратифицировал Беловежские соглашения и денонсировал Союзный договор 1922 г. Одиннадцать республик СССР подписали в Алма-Ате 21 декабря 1991 г. Декларацию и протокол о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). С его образованием, как сказано в Алма-Атинской декларации, СССР прекратил существование. Текст декларации не даёт иллюзий о сохранении федерации либо конфедерации: СНГ «не является ни государством, ни надгосударственным образованием»⁵⁶⁷. 25 декабря 1991 г. Президент СССР М.С. Горбачев объявил об отставке на основании упразднения союзного государства.

Советский период становления и развития федеративного государства был окончен. Но взаимоотношения между российской государственностью и федерализмом на этом не завершились.

⁵⁶⁶ Российская газета. 1991. 10 дек.

⁵⁶⁷ Известия. 1991. 21 дек.

ГЛАВА 15. МЕТАМОРФОЗЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ: ПОСТСОВЕТСКИЙ ИНВАРИАНТ

В главе выявляются основные характеристики постсоветского периода развития федерализма в России, интерпретируются федеративные проекты в российской государственной политике, критикуется этнический федерализм и предлагаются альтернативы ему.

Определены основные измерения российского федерализма: степень централизации власти, порядок легитимации, симметричность/асимметричность статусов субъектов Федерации, баланс этнического и административно-территориального принципов. Исследуются формальные и неформальные институты федерализма, практики согласования интересов центра и регионов.

Ключевые слова: федерализм, Россия, метаморфозы, инварианты, Российская империя, СССР, Российская Федерация.

Становление институциональной системы федерализма в России 1990-х гг. События, описанные в заключительной части предыдущей главы, распад СССР, ставший для Российской Федерации «родовой травмой», ускорили пересмотр основ политической системы России. Предстояло в условиях нарастающего сепаратизма регионов создать жизнеспособную систему федерализма. Переходный период занял 1992–1993 гг. и завершился принятием на референдуме 12 декабря 1993 г. Конституции РФ.

Участники обсуждения конституционных реформ выразили противоречащие друг другу предложения о будущем федерализма в России:

- сохранить советскую систему, несколько расширив права этнических автономий (проект КПРФ);
- ввести договорную симметричную федерацию (проект С.М. Шахрая);

- принять унитарный строй с экстерриториальной автономией народов (В.В. Жириновский);
- создать договорную асимметричную федерацию, преемственную советской (возобладавший проект Б.Н. Ельцина)⁵⁶⁸.

Накануне ликвидации СССР (в ноябре 1991 г.) V съезд народных депутатов России начал обсуждение проекта Конституции страны. Проект предполагал создание в РФ «национально-государственных образований» (19-20 республик) и «региональных образований» (20 земель на основе укрупнения 66 краев, областей, автономных округов). Процесс создания земель рассчитывался на переходный период – 3 года. В верхней палате парламента создавался бы паритет двух типов субъектов федерации.

Проект 1991 г. не устраивал республики РФ, отвергавшие равенство статуса с областями и краями. Поэтому потребовался компромисс центра и двух групп регионов. 20 января 1992 г. Президиум Верховного Совета РФ принял постановление о разграничении полномочий между центральным и региональным уровнями власти. 20 республик получили право принять конституции и создать систему законодательных органов. 55 краев и областей, 1 автономная область и 10 автономных округов оставались не субъектами федерации, а территориальными образованиями, характерными для унитарных систем. В ответ недовольные края и области попытались повысить статус путем провозглашения республик (Уральской, Донской, Вологодской и т.д.)⁵⁶⁹.

В Чечне сепаратистский режим, захвативший власть 6 сентября 1991 г., провел незаконные выборы президента независимой республики 27 октября 1991 г. К лету 1992 г. федеральные войска выведены из Чечни после провала попытки

⁵⁶⁸ Варламова Н.В. Конституционный процесс в России (1990–1993 гг.). М., 1998; Конституционное совещание: Стенограммы. Материалы. Документы: 29 апреля-10 ноября 1993 г. / Под общ. ред. С.А. Филатова и др. М., 1995. В 4 т.; Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России. М., 1994.

⁵⁶⁹ Солник С. «Торг» между Москвой и субъектами федерации о структуре нового российского государства: 1990–1995 гг. // Полис. 1995. № 6. С. 95-108.

восстановить российский суверенитет. Конституция Чечни 1992 г. провозглашала независимое государство в произвольных границах.

Компромисс между центром и регионами достигнут в форме заключения Федеративного договора 31 марта 1992 г., включённого в состав Конституции РФ. Договор подписали 87 субъектов РФ, кроме де-факто независимой Чечни и Татарстана (настаивавшего на конфедеративной связи).

Федеративный договор представлял собой 3 группы договоров о разграничении предметов ведения и полномочий: 1) «суверенных республик в составе РФ»; 2) краев, областей и городов Москвы и Санкт-Петербурга; 3) автономной области и автономных округов⁵⁷⁰. Закреплены три типа субъектов: национально-государственный, административно-территориальный и национально-территориальный. Федеративный договор узаконил асимметричное строение РФ. Существенные элементы разностатусности, установленные этим договором:

1. Договор признал суверенитет республик: «республики (государства) в составе Российской Федерации обладают всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые переданы (отнесены) в ведение федеральных органов государственной власти РФ в соответствии с настоящим договором». Это серьезная уступка конфедерализму.

2. Россия признана создаваемой путем реализации права народов на самоопределение, что усилило этнический фактор государственности.

3. Только народы, «титulyные» в республиках, объявлялись собственниками земель, недр и других природных ресурсов.

4. Республики получали право иметь конституции, принимать законы и самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти.

⁵⁷⁰ Федеративный договор: Документы. Комментарий / рук. редкол., предисл. Р.Г. Абдулатипова. М., 1992.

Федеративный договор 1992 г. стал временным и противоречивым компромиссом. Сторонники договорных начал и децентрализации добились конституционного закрепления своего статуса суверенных государств в составе РФ. Однако оставался неясным статус Чечни и Татарстана, игнорировавших заключение ФД. Факт подписания договора с областями, краями и городами означал признание их нового статуса субъектов федерации, оставались неопределенными важные вопросы: соотношение статусов разных типов субъектов федерации; механизм взаимодействия уровней власти в области совместного ведения; сущность и принципы строения РФ. Федеративный договор замедлил и смягчил волну сепаратизма, но не мог переломить вектор децентрализации.

Конфедеративная тенденция ярче всего проявилась в Татарстане. 21 марта 1992 г. республика провела референдум о признании статуса «суверенного государства, субъекта международного права, строящего свои отношения с РФ и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров». Данный статус одобрили 50,2% включенных в списки избирателей (61,4% из числа 81,7% явившихся на участки)⁵⁷¹. В ряде соглашений с РФ Татарстан закрепил привилегированный режим налоговой и таможенной политики, фиксированные квоты на транспортировку нефти через нефтепроводы РФ. Принятая 6 ноября 1992 г. Конституция Татарстана определяла в ст. 61 республику как «суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения»⁵⁷².

На этапе зарождения новой российской государственности многие субъекты федерации оформляли конфедеративный тип отношений с РФ. Конституции Башкортостана, Тывы, Саха-Якутии, Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии определяли их статус как суверенных государств в составе РФ⁵⁷³. Конституции Тывы,

⁵⁷¹ Михайлов В.В. Республика Татарстан: демократия или суверенитет? М., 2004. С. 139.

⁵⁷² Там же. С. 142-143.

⁵⁷³ Столяров М.В. Россия в пути. Казань, 1998. С. 32-33.

Карелии, Бурятии и Дагестана допускали изменение государственно-правового статуса лишь на основе референдума в республиках. Ряд республик и автономных округов, областей дал верховенство своим конституциям (уставам) над Конституцией РФ. Такие основные законы приняли Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Башкортостан, Татарстан, Тыва, Кабардино-Балкария, Ханты-Мансийский АО, Иркутская область.

Кризис федерализма достиг высшей точки с осени 1992 по лето 1993 гг. под влиянием борьбы за верховную власть между Президентом и Верховным Советом РФ. Два ярчайших проявления – вооруженный конфликт между Ингушетией и Северной Осетией, а также провозглашение республик в ряде областей и краев во время работы Конституционного совещания. Экономический кризис подталкивал регионы к обособлению. За 1992–1993 гг. 30 субъектов РФ отказались вносить долю в российский бюджет и требовали особого налогового режима, новых субсидий. Доля федеральных расходов во всех снизилась с 65% до 35% за 1992–1994 гг.⁵⁷⁴. По подсчетам О. Дмитриевой, 10% федеральных субсидий регионам направлялось в депрессивные территории. Львиная доля доставалась тем, кто и без субсидий богаче соседей, – Татарстану, Башкортостану, Якутии и т.п.⁵⁷⁵. Итак, Россия, возникшая на руинах СССР, вынуждена была определить основы политико-территориального строя в условиях сепаратизма и дефицита легитимности: Россия шла «по лезвию ножа» непредсказуемого распада.

Ожесточенная борьба за государственную власть завершилась 21 сентября - 4 октября 1993 г. роспуском Верховного Совета РФ и введением президентского правления. Всенародный референдум 12 декабря 1993 г. дал 58,4% голосов за принятие президентского проекта Конституции РФ. В 22 регионах из 89 референдум признан несостоявшимся ввиду

⁵⁷⁴ Сегодня. 1995. 7 июня; Солник С. Указ. соч. С. 101.

⁵⁷⁵ Дмитриева О. Политические игры вокруг бюджета // Моск. новости. 1993. № 28. С. 9.

низкой явки граждан, 17 регионов проголосовали против проекта⁵⁷⁶. Конституция признана принятой.

Центр-региональная конкуренция после принятия Конституции РФ нашла выражение в «договорном процессе» 1994–1999 гг. Российская Федерация заключала договоры о разграничении предметов ведения и полномочий с отдельными субъектами РФ. Эта мера отчасти восполнила дефицит легитимности Конституции страны, смягчила противоречия между Федеративным договором и Конституцией. Она отразила политическую и экономическую слабость центра, но стала и попыткой центра расколоть единый «фронт» регионов путем ранжирования уступок.

Первый договор РФ подписала с Татарстаном 15 февраля 1994 г. Ряд его положений носил конфедеративный характер. Таковы республиканское гражданство наряду с общероссийским, участие Татарстана в международных отношениях путем межгосударственных соглашений, установление системы государственных органов РТ, самостоятельная внешнеэкономическая деятельность, использование налогов, пошлин и прибыли от объектов собственности республики⁵⁷⁷. По расчетам Н.П. Медведева и А.П. Овчинникова, с 1994 по 1999 г. заключено 50 договоров и 260 соглашений по их конкретизации, что усилило межрегиональное неравенство⁵⁷⁸. Анализ последовательности заключения договоров и сравнение их условий показывает, что раньше других подписывались договоры РФ с республиками. Среди административно-территориальных субъектов первенство отдано Свердловской области – «вотчине» Б.Н. Ельцина, пограничным регионам. Объем делегированных субъектам РФ полномочий неравен. Договор с Татарстаном перечислял 17 предметов совместного ведения, с Северной Осетией – 14, с Башкортостаном, Якутией,

⁵⁷⁶ Бюллетень Центральной избирательной комиссии РФ. 1994. № 1 (12).

⁵⁷⁷ Российская газета. 1994. 18 февр.

⁵⁷⁸ Медведев Н.П. Политическая регионалистика и проблемы российского федерализма в условиях политического транзита // Политическая регионалистика: теория и практика... С. 29; Овчинников А.П. Политическая регионалистика. Самара, 2002. С. 59 (Хронологический перечень договоров см.: Столяров М.В. Указ. соч. С. 40).

Удмуртией и Калининградской областью – 11, с Кабардино-Балкарией и Свердловской областью – по 8, с Бурятией – 3. Чаще всего перечень предметов ведения расширителен в сравнении с Конституцией РФ⁵⁷⁹.

Сторонники договорной практики – С.М. Шахрай, Р.С. Хакимов, М.В. Столяров считали, что договоры между РФ и регионами полезны, т.к. они обеспечили единство страны в условиях «правового вакуума» и базируются на Федеративном договоре 1992 г.⁵⁸⁰ Президент Татарстана М.Ш. Шаймиев предлагал концепцию разграничения полномочий, основанную на договорах (речь на заседании президиума Госсовета РФ в феврале 2001 г.)⁵⁸¹.

Противоположную позицию занимают С.С. Митрохин, И.А. Умнова, В.Н. Лысенко, Н.П. Медведев и др.⁵⁸². Договор между государствами или государственными образованиями в мировой практике, как подчеркивает Н.П. Медведев, служит лишь учредительным документом для федерирования. Применение договорных отношений внутри сложившегося государства – исключительный и частный случай. Под влиянием советской традиции этничности, неравноправия субъектов РФ договорная практика часто выходила за рамки Конституции РФ, служила рычагом конфедерализации⁵⁸³. В.Н. Лысенко отмечает, что разграничение предметов ведения не имело серьезной научной основы, не опиралось на российский и зарубежный опыт. Это ситуативный «политический торг». В обстановке слабости центра все полномочия, которые становились спорными либо те, которые ни одна из сторон не хотела отдавать другой,

⁵⁷⁹ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 112.

⁵⁸⁰ Шахрай С.М. О перспективах развития договорной практики как института укрепления российского федерализма. М., 1996. С. 1-2; Хакимов Р.С. Асимметричность Российской Федерации: Взгляд из Татарстана // Регионология. Саранск, 1997. № 2. С. 30-31; Столяров М.В. Указ. соч. С. 40-41.

⁵⁸¹ Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма. СПб., 2002. С. 119.

⁵⁸² Митрохин С.С. Указ. соч. С. 73-76; Умнова И.А. Указ. соч. С. 112; Лысенко В.Н. Какую федерацию мы построили // Независ. газета. 1997. 28 марта; Медведев Н.П. Политическая регионалистика и проблемы российского федерализма... С. 28-29; Марченко М.Н. Российская Федерация на современном этапе // Федерализм: теория и история развития. М., 2000. С. 334-336; Овчинников А.П. Указ. соч. С. 58-60.

⁵⁸³ Медведев Н.П. Указ. соч. С. 28-30.

«сбрасывались» в корзину, называемую «совместными предметами ведения»⁵⁸⁴. Предметы ведения определены расплывчато, что позволило подменять Конституцию РФ и федеральные законы «договорным» правом.

Двусторонние соглашения были полезны как первый шаг реинтеграции в российскую политическую систему нескольких регионов, претендовавших на конфедеративный статус. Эти договоры оправданы в той мере, в какой они не посягали на сферу исключительных полномочий федерации. Но договорной процесс, охвативший 50 регионов, создал малоуправляемую ситуацию, усилил асимметрию региональных прав. Башкортостан по договору признавался суверенным государством в составе РФ. Договор с Кабардино-Балкарией перенес некоторые предметы совместного ведения (установление системы органов власти, обеспечение законности, налоги и сборы) в исключительное ведение республики. В договорном процессе слабо участвовала законодательная ветвь власти и федерального, и регионального уровня⁵⁸⁵.

Опасность и бесперспективность договорного пути выявилась во время экономического кризиса 1998–1999 гг. Органы власти ряда регионов использовали кризис для закрепления децентрализации. Президент Саха-Якутии М.Е. Николаев принял указ об изменении порядка перечисления добываемого золота в Госхран РФ, действовавший несколько месяцев. Президент Калмыкии К.Н. Илюмжинов заявил о возможности ввести ассоциированную связь республики с РФ и перестать платить федеральные налоги. Совет Федерации РФ неоднократно превращался в лоббиста солидарных интересов регионов⁵⁸⁶. В ответ на готовность парламента Югославии присоединиться к российско-белорусскому союзу (апрель 1999 г.) главы Татарстана и Башкортостана потребовали для своих регионов статуса, равноценного белорусскому. Тенденция «полураспада» федеративной модели осмысливалась и за

⁵⁸⁴ Лысенко В.Н. Указ. соч.

⁵⁸⁵ Столяров М.В. Указ. соч. С. 63-64.

⁵⁸⁶ Орачева О.И. Плюсы и минусы российского федерализма // Федерализм и региональная политика в полиэтнических государствах. М., 2001. С. 44-45.

рубежом. Так, влиятельные американские политологи С. Нанн и А. Сталберг писали в журнале «Foreign Affairs» в начале 2000 г.: «Российский федеральный центр теряет возможность формулировать и осуществлять надежную политику... Вашингтону не следует отныне думать о едином, контролируемом из центра российском правительстве... Скорее, стратегические расчеты Вашингтона должны учитывать всех независимых игроков в России»⁵⁸⁷.

Децентрализация усилилась во время второго срока полномочий Президента РФ Б.Н. Ельцина (1996–1999 гг.), когда центральная власть признала формирование Совета Федерации *ex officio*, расширила практику договоров РФ с субъектами федерации и признала независимость Чечни (сентябрь 1996 г.). Укреплялись черты конфедерации: превалирование региональных (подчас этнических) интересов над общегосударственными; ограничения рядом субъектов РФ свободы передвижения товаров и ресурсов производства; укрепление кланового и этнического принципов формирования власти в ряде регионов⁵⁸⁸. Сходный вывод делал Председатель Совета Федерации РФ Е.С. Строев: у нас – не подлинное федеративное государство, а «пародия на него». Федеративное государство подменено договорным, где «одному субъекту России даётся столько полномочий, сколько он проглотит, а другим – фактически ничего. В итоге получили очень рыхлое государственное устройство»⁵⁸⁹.

Следует отметить, что потребность в реформах федерализма назревала давно. Первые импульсы усиления роли центральной власти в федеративных отношениях проявились еще в 1997–1998 гг. «Укрепление вертикали власти» имело предпосылки: как законодательные акты, так и рекомендации аналитиков. Весной 1997 г. комиссия Госдумы РФ создала законопроект «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти

⁵⁸⁷ Nunn S., Stulberg A. The Many Faces of Modern Russia // Foreign Affairs. N.Y., 2000. №2. P. 45-62.

⁵⁸⁸ Валентей С.Д. Российский федерализм: иллюзии и реальность // Независ. газета. 1998. 26 марта.

⁵⁸⁹ Строев Е.С. Горжусь моей Родиной. М., 1999. С. 502-503.

РФ и органами государственной власти субъектов РФ». Этот акт впервые утвердил верховенство Конституции РФ и федеральных законов над двусторонними договорами. Соглашения, заключенные центром с регионами в нарушение Конституции РФ и данного закона, должны были приводиться в соответствие с новыми актами⁵⁹⁰. Однако Совет Федерации и Президент РФ заблокировали Закон. Он подписан Президентом лишь 24 июня 1999 г., т.е. 5 лет спустя начала разработки. Данный закон закрепил принцип конституционности, по которому предметы ведения РФ и предметы совместного ведения не могут перераспределяться никакими правовыми актами⁵⁹¹.

Идеи укрепления вертикали исполнительной власти выдвигались председателем Правительства РФ Е.М. Примаковым. На Всероссийском совещании по вопросам развития федеративных отношений 26 января 1999 г.⁵⁹² Примаков предложил меры оздоровления федерации: 1) внутригосударственная интеграция и невозможность создания межрегиональных границ и претензий; 2) равенство субъектов РФ при создании наилучших условий для самобытности народов; 3) «реальная» вертикаль исполнительной власти; 4) ужесточение правовой экспертизы договоров между центром и регионами; 5) оптимизация управления собственностью; 6) пересмотр трансфертов федерального бюджета регионам в сторону их «прозрачности»; 7) развитие горизонтальных связей и в будущем укрупнение субъектов РФ на основе межрегиональных ассоциаций. Однако предложения Примакова не нашли поддержки большинства регионов.

Модель федерализма в России 1990-х гг. обеспечила тактические задачи выживания государства после распада СССР, но оставалась подверженной обособлению регионов. Итак, в 1998–1999 гг. Россия подошла к точке выбора пути развития между конфедерализмом и федерацией, исключаящей этнократию и сепаратизм. Постсоветская модель федерализма в

⁵⁹⁰ Лысенко В.Н. Обещанного три года ждут // Российская газета. 1997. 20 мая.

⁵⁹¹ Цит. по: Медведев Н.П. Политическая регионалистика... С. 136-141.

⁵⁹² Примаков Е.М. Российский федерализм: новое в политике Центра? // Российский региональный бюллетень. 1999. Т. 1. №2. С. 3.

России имеет устойчивую специфику, вызванную сочетанием исторических и краткосрочных факторов. Эту систему можно считать институциональным гибридом. Формальные демократические институты, «импортированные» из стран Запада и неформальные авторитарные институты интегрировались в прочную систему. Под влиянием российской политической культуры и неформальных практик приоритетными стали задачи эффективного территориального управления, согласования интересов между центром и регионами.

Российский федерализм выражает противоречия: между конституционным и договорным типом формирования государства, между симметрией и асимметрией статусов субъектов федерации, между административными и этнонациональными принципам субъектного состава, между предметами федерация и полномочиями уровней власти в Российской Федерации. Эти противоречия при слабости гражданского общества и ценностей демократии привели к закреплению этнократических режимов в ряде республик и автономий, к опасной дезинтеграции государства.

Политические реформы федерализма в России (1999–2014 гг.): развитие, итоги и перспективы. Сформулируем факторы развития федеративных отношений в России.

1. Экономический. Асимметрия уровней развития регионов и одновременно – их высокая зависимость от федерального бюджета и централизованной инфраструктуры (банков, бирж, транспортных и информационных сетей). Создание крупными корпорациями своих межрегиональных опорных анклавов, что чревато дроблением страны. Например, доля федеральной финансовой помощи в доходах республик составляет: в Ингушетии и Тыве – до 90 %, в Дагестане – 80%. Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии – более 70%⁵⁹³. С одной стороны, дотационность ослабляет сепаратизм, с другой – не создает стимулы саморазвития.

⁵⁹³ Туровский Р.Ф. Период полураспада // Политбюро. 2003. 17 марта.

2. Социальный. Диспропорции уровня жизни, качественное различие типов стратификации (от патриархально-корпоративных сообществ Северного Кавказа и народов Сибири до постиндустриальных мегаполисов). Контрасты демографической и миграционной ситуации, их политизация (например, повышение этнокультурной однородности в республиках Северного Кавказа за счет выезда славян).

3. Этнический. Подъем этнического самосознания в условиях краха СССР создал феномен «политизированной этничности», среди его проявлений – притязания на монопольную власть в своем субъекте РФ либо утопический лозунг «сколько народов – столько автономий», равно разрушительные русофобия и имперский унитаризм. Увы, оставшаяся от СССР конструкция территориального строя усиливает потенциал конфликтности. По переписи 2002 г. «титульные» этнические группы составляли 43,5% жителей республик и автономий РФ, а русские – 40,0%. Из 32 «национальных» субъектов федерации «титульные» народы составляли более 50% жителей в 9 (Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Дагестан, Северная Осетия, Тыва, Чувашия, Татарстан, Агинский Бурятский АО)⁵⁹⁴. Практика совмещения национальной политики с федерализмом породила этнократию.

4. Международный. Глобализация усиливает «слоистость» российского пространства, поощряет участие регионов в международных отношениях, интернационализирует внутренние проблемы.

5. Политическая культура. Российское пространство крайне разнородно: сосуществуют ареалы гражданской, патерналистской и патриархальной культур. Принципы федерализма еще не осознаются в массовом сознании как позитивная и общепринятая ценность. Общество расколото в отношении к федерализму⁵⁹⁵.

⁵⁹⁴ Подсчет по: Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // URL: www.perepis2002.ru/index.html?id=17.

⁵⁹⁵ Подробнее см.: Иванов В.Н., Назаров М.М. Политико-идеологические и социально-экономические аспекты российского федерализма // Социс. 2001. № 1. С. 24-25; Галкин А.А. и др. Эволюция российского федерализма // Полис. 2002. № 3. С. 120-124.

6. Правовые и политические институты сочетают в себе элементы унитарного, федеративного и конфедеративного строя. Повседневные практики взаимодействия политических акторов характеризуются патрон-клиентарными и клановыми отношениями. Институциональный строй РФ унаследован от советского государства и не реформирован до сих пор коренным образом по мотивам сохранения политической стабильности.

Чрезмерная регионализация к осени 1999 г. сплотила разнородные группы правящих элит вокруг курса централизации власти. Среди сторонников реформ доминировали «управленцы», т.е. носители советского стиля политики⁵⁹⁶. С другой стороны, региональные элиты имели мало общего. Каждый из глав регионов заинтересован в индивидуальном решении проблем «наедине с Кремлём». Кардинально различаются интересы регионов – «доноров» и дотационных; национально-государственных и административно-территориальных субъектов РФ. Эффективность совместных лоббистских институтов (Совета Федерации, межрегиональных ассоциаций экономического сотрудничества) оставалась невысокой. Только элиты регионов – «доноров» и крупных привилегированных республик могли позволить себе открытую конфронтацию с центром и последовательность своих лидеров. Остальные легко меняли свои взгляды.

В.Я. Гельман подчеркивает, что рецентрализация 2000-х гг. была частью более масштабных реформ. Они включали в себя важные аспекты: консолидацию государства, восстановление его потенциала, утверждение моноцентрического режима, спад фрагментации элит, формирование «навязанного консенсуса» между центром и соподчиненными региональными акторами⁵⁹⁷. Отмечается цикличность централизации и рецентрализации, его вектор обусловлен параметрами акторов политики: степенью консолидации акторов; их ресурсной базой; их политическими ориентациями и стилем управления.

⁵⁹⁶ Там же. С. 96.

⁵⁹⁷ Гельман В.Я. Возвращение Левиафана: Политика рецентрализации в современной России // Полис. 2006. № 2. С. 92-93.

В обществе вызрела коалиция интересов в пользу рецентрализации. Крупный бизнес (глобальные и российские корпорации) использовали дефолт для захвата региональных рынков, нуждаясь в единых и предсказуемых «правилах игры»⁵⁹⁸. Фрагментация федеральных элит привела в 1999 г. к складыванию двух коалиций: централизаторской (вокруг премьер-министра РФ В.В. Путина и блока «Единство») и регионалистской (во главе с экс-премьером Е.М. Примаковым, мэром столицы Ю.М. Лужковым и лидерами высокоресурсных регионов). В пользу рецентрализации действовал консервативно-этактистский тренд массового сознания.

К осени 1999 г. накопилась «критическая масса» противоречий. 6 октября 1999 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти РФ»⁵⁹⁹. Для укрепления единства федеративного государства важны новшества закона:

- закрепление принципов разделения властей, «сдержек и противовесов» в системе региональной власти;
- повышение самостоятельности и контрольных функций региональных legislatures;
- запрет избираться на пост высшего должностного лица субъекта РФ свыше 2 сроков полномочий;
- выработка действенных процедур права Президента РФ приостанавливать действие актов региональной исполнительной власти;
- наделение Президента РФ правом давать представление legislature региона о приведении конституции (устава) субъекта РФ в соответствие с Конституцией страны;
- воссоздание единства структуры органов власти федерального и регионального уровней.

⁵⁹⁸ Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. М., 2005; Лапина Н.Ю. Отношения центра и регионов: столкновение концепций // Россия и совр. мир. 2006. № 4 (53). С. 71.

⁵⁹⁹ Собр. законодательства РФ. 1999. №42. Ст. 5005; Митрохин С.С. Указ. соч. С. 81-82.

Преобразования федерализма приобрели системный и последовательный характер после избрания Президентом РФ В.В. Путина. Мотивы реформ аргументированы в послании Президента Федеральному Собранию 2000 г.: федеративные отношения в России не достроены, «у нас еще нет полноценного федеративного государства... создано децентрализованное государство»⁶⁰⁰. Цели преобразований обозначены в телеобращении к гражданам России 19 мая 2000 г., в послании парламенту. Это – укрепление единого государства, обеспечение «диктатуры закона», усиление власти, восстановление в стране «работающей властной вертикали»⁶⁰¹.

Основные приоритеты реформы федерализма с осени 1999 г. по настоящее время можно выделить таким образом:

- обеспечение полного и прямого действия Конституции РФ на всей территории страны в равной мере;
- приведение конституций (уставов) регионов и прочих нормативных актов субъектов РФ в соответствие Конституции РФ;
- создание единой «вертикали» государственной власти в России;
- уничтожение очагов сепаратизма;
- пересмотр разграничения полномочий и предметов ведения между РФ и регионами в духе централизации власти.

Главные преобразования ради выполнения данных приоритетов – Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. о создании федеральных округов, законопроекты от 19 мая 2000 г., принятые вскоре Федеральным собранием РФ.

Закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» резко уменьшил возможности региональных элит легально лоббировать свои интересы в верхней палате парламента. 1 из 2 представителей региона избирается на заседании его законодательного собрания (на время полномочий легислатуры). 1 представитель назначается главой региона (президентом, главой администрации) и может быть забаллотирован депутатами законодательного собрания

⁶⁰⁰ Путин В.В. Какую Россию мы строим? // Российская газета. 2000. 11 июля.

⁶⁰¹ Путин В.В. Власть должна быть работающей! // Российская газета. 2000. 19 мая.

(2/3 состава). Закон о формировании нового Совета Федерации вступил в силу с 1 февраля 2001 г.⁶⁰².

Закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» ставил целью создание механизма федерального вмешательства. Закон ввел новации⁶⁰³:

- право Президента РФ распускать региональные законодательные органы и отрешать от должности глав субъектов РФ за неисполнение решений суда в случае, если оно повлекло препятствия деятельности органов власти, нарушения прав человека или интересов юридических лиц;

- право Президента РФ по мотивированному представлению Генерального прокурора временно (до решения суда) отстранять от должности глав регионов в случае предъявления им обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Права Президента не являются произвольными. Они определены в ч. 2 ст. 85 Конституции РФ. Президент полномочен приостанавливать действие актов органов исполнительной власти (включая глав субъектов РФ, избранных населением) в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и международным обязательствам России. Конституционный суд РФ подтвердил в постановлении от 27 января 1999 г. право Президента издавать указы об организации и деятельности органов государственной власти на всей территории России, в т.ч. указы об изменениях в системе этих органов⁶⁰⁴. После того, как законопроект вступил в силу, парламент России получил право принять закон о роспуске региональной легислатуры.

Важным институтом преобразований стал Конституционный суд РФ. 7 июня 2000 г. суд отменил положения Конституции Республики Алтай в части, закрепляющей её суверенитет, статус субъекта международного права,

⁶⁰² Российская газета. 2000. 9 июня.

⁶⁰³ Собрание законодательства РФ. 2000. № 31, ст. 3205.

⁶⁰⁴ Конституция РФ в решениях Конституционного Суда России / рук. авт. кол. Л.В. Лазарев, Т.Г. Моршакова, Б.А. Страшун и др. М., 2005.

верховенство региональных законов над федеральными, право собственности региона на природные ресурсы. 27 июня 2000 г. Конституционный суд вынес такие же решения об основных законах республик: Татарстана, Башкортостана, Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Адыгеи, Коми⁶⁰⁵. Конституционный суд объявил недействительными положения Федеративного договора 1992 г., предусматривавшие суверенитет республик и позволявшие обосновывать ограничения суверенитета РФ. По толкованию Конституционного суда, использование понятия «государство» применительно к республикам не отражает, в отличие от Федеративного договора от 31 марта 1992 г., признание государственного суверенитета субъектов РФ, а лишь отражает особенности их конституционно-правового статуса, связанного с факторами исторического, национального и иного характера. После определений Конституционного суда начался затяжной и конфликтный процесс изменений основных законов, комплекса нормативных актов регионов. Опыт реформ напоминает борьбу с гидрой, у которой отрастали отрубленные головы. В 1999 г. региональных законов, противоречащих федеральным актам, выявлено 4600; в 2000 г. – 3700; в 2001 г. – более 4000⁶⁰⁶. Половина региональных правовых актов, исследованных Министерством юстиции РФ, противоречила Конституции страны. Создание единого политического пространства усложнялось тем, что не менее 7 субъектов федерации имели собственные судебные системы, не подчиненные федеральным инстанциям⁶⁰⁷. Часто региональные власти игнорируют решения центра.

Создание Государственного Совета РФ (сентябрь 2000 г.) – «утешительный приз» для региональных лидеров, лишенных права быть представленными в Совете Федерации. По Указу Президента РФ Госсовет состоит из глав администрации и президентов регионов, представителей федеральной исполнительной власти. Госсовет избирает из своего состава

⁶⁰⁵ Российская газета. 2000. 25 июля.

⁶⁰⁶ Федерализм и публичная сфера в России и Канаде. М., 2002. С. 82.

⁶⁰⁷ Степан А. Российский федерализм в сравнительной перспективе: реф. // Политическая наука. 2003. № 3. С. 229-230.

президиум в числе глав регионов (по одному от каждого федерального округа). Президиум имеет срок полномочий 6 месяцев, обновляется по ротационному принципу. Полномочия Госсовета не закреплены Конституцией РФ. По сути, это – совещательный лоббистский канал влияния региональных элит.

Экономическую основу для создания централизованной федерации дала реформа межбюджетных отношений. Новый Налоговый кодекс и единый налог на добычу природных ресурсов позволили увеличить долю налоговых отчислений в федеральный бюджет с 52,7% в 2000 г. до 66,0% в 2005 г.⁶⁰⁸. Пострадали от перераспределения регионы с былыми привилегиями – Татарстан, Башкортостан, Коми, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский округа и проч. В этом видится политический замысел – переход к более симметричной федерации⁶⁰⁹. Острая борьба между центром и регионами шла вокруг замысла Президента РФ перевести в единую государственную собственность недра и их ресурсы, находившиеся в совместном ведении⁶¹⁰. В 2001 г. создана межведомственная комиссия по разграничению полномочий между федеральными, региональными и местными органами власти. Работа комиссии далеко еще не исчерпана.

Преобразования федерализма с 2000 г. не идеальны, отражают динамику соотношения сил и текущей политической ситуации, а не идеальные правовые принципы. В научном и политическом сообществах часто высказываются мнения о «выхолащивании» и даже упразднении федерализма в 2000–2014 гг., предсказывается торжество унитарного государства⁶¹¹. Полагаем, для подобных оценок характерна подмена понятий. М.Г. Миронюк полагает, что достигнутый при В.В. Путине

⁶⁰⁸ Дело. СПб., 2005. 14 ноябр.

⁶⁰⁹ Добрынин Н.Н. Неизбежность системной реконструкции российского федерализма // Федерализм. 2006. № 2. С. 89-104.

⁶¹⁰ Романова Л. Губернаторы не хотят отдавать контроль над недрами // Независ. газета. 2002. 27 февраля; Агламишьян В. «Золотой ключик» от недр останется в руках федеральной власти // Там же. 2002. 11 июля.

⁶¹¹ Таштамышев В.П. Российские автономии: между федерацией и унитаризмом // Независ. газета. 2002. 11 сентября; Костюков А. Унитаристы готовят Россию к распаду // Там же; Гельман В.Я. Возвращение Левиафана: Политика рецентрализации в современной России // Полис. 2006. № 2. С. 90-109.

порядок заслуживает безусловной поддержки, т.к. он обеспечивает межконфессиональный и межэтнический мир⁶¹². Преобразования стали реакцией на неэффективность модели федерализма 1990-х гг., сепаратистские и конфедеративные тенденции. Но противоречия федеративных отношений сохраняются⁶¹³. Среди них – неравенство статусов субъектов РФ и региональных режимов, «матрешечная» структура государства, диспропорции социально-экономического и территориального потенциалов регионов, консервация авторитарных режимов в ряде регионов. Проведенные меры устранили вопиющие проявления конфедерализма, но не провели коренное преобразование институциональной системы РФ.

Оценка преобразований федерализма противоречива. Большинство исследователей сходится на том, что цель путинских новаций – не коренное переустройство федерализма, а восстановление управляемости РФ и подчинение региональных элит центру⁶¹⁴. Одновременно решалась задача уменьшения угроз сепаратизма и конфедерализма. Аналитики приходят к выводу о том, что первый натиск на политический статус регионов отбит. Власть региональных элит в основном осталась нетронутой. Полномочные представители Президента РФ в федеральных округах не имеют необходимых полномочий для контроля над главами субъектов федерации и даже становятся иногда лоббистами регионов. Федеральные власти вынуждены обменять лояльность региональных лидеров на уступку – право глав субъектов РФ избираться на третий и даже четвертый срок (действовала с 2001 по 2004 г.).

28 июля 2002 г. утратили силу все договоры РФ с субъектами федерации о разграничении полномочий и предметов ведения, если они не проведены в соответствии с обновленным федеральным законодательством. Многие регионы (прежде всего – области и города федерального значения) сами отказывались от договоров. Но полностью

⁶¹² Миронюк М.Г. Человеческое измерение федерализма // Полис. 2003. № 3. С. 107.

⁶¹³ Там же. С. 104-107.

⁶¹⁴ Галкин А.А. и др. Эволюция российского федерализма // Полис. 2002. № 3. С. 125.

преодолеть договорные начала не удалось, т.к. они закреплены Конституцией РФ (ст. 11 и 72). Более того, вновь заключен договор с Чечней по весьма децентрализованной схеме, что диктуется исключительными условиями. Весной 2007 г. обсуждался проект аналогичного договора РФ с Татарстаном. Чечня получила после подавления вооруженного сепаратизма асимметрично широкие полномочия.

А.А. Галкин, П.А. Федосов, С.Д. Валентей, В.Д. Соловей отмечают: нехватка политических средств влияния и промежуточный характер достижений подтолкнули центр к тактике постепенного ограничения экономических, административных и информационных ресурсов региональных элит⁶¹⁵. Трансрегиональные финансово-промышленные группы, скрепляя хозяйственное пространство страны, помогают рецентрализации. Вместе с тем, центр готов делегировать региональному и местному уровням многие экономико-социальные функции управления на основе субсидиарности.

П.А. Федосов высказывает резонное мнение: федеральные округа не получили конституционно-правового оформления и не стали макрорегионами (укрупненными субъектами федерации)⁶¹⁶. Согласно ст. 78 п. 1 Конституции РФ, федеральные органы исполнительной власти могут создавать территориальные органы и назначать в них должностных лиц. Конституция не уточняет пространственные пределы полномочий и названия этих регионов. Но ст. 110 Конституции не упоминает президентскую администрацию, которой подчинены полпреды, в качестве органа исполнительной власти. Это сужает шаткий статус полномочных представителей. Наблюдается разноречивой политической практикой полпредов, персонализация их курса, что заставляет осторожно оценивать возможности развития этого института.

Еще одна проблема – резкое ослабление после 1999 г. горизонтальной межрегиональной интеграции. Добровольные

⁶¹⁵ Там же.

⁶¹⁶ Федосов П.А. и др. Перспективы российского федерализма: федеральные округа; региональные политические режимы; муниципалитеты // Полис. 2002. №4. С. 161, 165.

ассоциации экономического взаимодействия заменены на Совет Президента РФ по экономическим вопросам. Это бюрократизирует управление, как подметил В.Н. Лысенко⁶¹⁷.

В-третьих, нуждаются в усилении полномочия региональных собраний – как в аспекте их влияния на федеральный центр, так и «горизонтально» – для демократизации региональных режимов. С. Пушкарев подсчитал, что в 2001 г. 70-90% законопроектов legislatures субъектов РФ оставались невостребованными Государственной думой⁶¹⁸.

В-четвертых, надо упразднить бюджетные и налоговые привилегии республик в соответствии с концепцией симметричной федерации. Впредь преимущества должны даваться только с согласия палат Федерального собрания путем принятия конституционного закона. Прокуратура, Счетная палата и суды РФ должны иметь равные права деятельности во всех субъектах федерации.

Целесообразно уменьшить расплывчатый перечень предметов совместного ведения центра и регионов в Конституции страны, дать конкретную регламентацию полномочий и процедур их применения. Эта работа с 2001 г. велась комиссией при Президенте РФ. Необходима, как предлагает А.В. Саленко, поправка к Конституции РФ, которая определит исчерпывающий перечень условий, при которых федерация может производить законодательное регулирование в области совместной компетенции⁶¹⁹.

Следует развивать институт конституционных (уставных) судов субъектов РФ, что значительно облегчит процесс приведения нормативных актов в соответствие с Конституцией РФ и основными законами самих регионов. Учитывая несформированность конституционных (уставных) судов во мно-

⁶¹⁷ Лысенко В.Н. Современные тенденции и перспективы федеративных отношений в России // Политическая регионалистика: теория и практика... С. 39-40.

⁶¹⁸ Пушкарев С. Центр и регионы: принципы взаимоотношений будут пересмотрены // Российский региональный бюллетень. 2001. Т.3. №17. С. 4.

⁶¹⁹ Саленко А.В. Унитарный федерализм // Российская государственность: уровни власти. Ижевск, 2001. С. 29, 32.

гих регионах, считаем шагом назад постановление Конституционного суда РФ от 18 июля 2003 г., лишившее суды общей юрисдикции права устанавливать соответствие Конституций (Уставов) регионов Основному Закону страны и федеральным законам⁶²⁰. Это может осложнить и без того половинчатый процесс создания единой правовой системы России.

Институт полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах опирается на ст. 78 п. 1 и ст. 80 п. 2 Конституции РФ. По ст. 78 п. 1 федеральные органы исполнительной власти могут создавать свои территориальные органы и назначать для руководства ими должностных лиц. Ст. 80 п. 2 Конституции РФ указывает среди задач Президента РФ охрану суверенитета, независимости и государственной целостности, обеспечение согласования, функционирования и взаимодействия органов власти.

Полпреды организационно подчинены Администрации Президента РФ. Среди их реальных политических полномочий – согласование интересов федеральных и региональных органов власти, контроль за исполнением политических решений, информационно-аналитическая деятельность, прием жалоб и апелляций на действия региональных органов власти. Причем полпреды являются «рукой центра» в регионах, а не лоббистами региональных властных элит. Характерно, что полпреды назначаются по решению Президента РФ без формального участия глав субъектов федерации.

Но политический статус полпредов и федеральных округов остается несистемным, противоречивым. А.Н. Медушевский указывает на то, что федеральные округа имеют смысл как новый территориальный уровень власти. Надо создавать в округах представительные органы (зародыш – парламентские ассоциации), отраслевые органы исполнительной власти, окружные информационные и судебные, правоохранительные структуры. Полномочия полпредов сформулированы излишне расплывчато в федеральном законодательстве. Границы

⁶²⁰ Российская газета. 2003. 19 июля.

федеральных округов не соответствуют историко-культурным, экономическим и природным границам. Округа чрезмерно велики по размерам и ресурсам. Подчас они выполняют функции, параллельные центральным и региональным институтам власти⁶²¹.

Статус полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе необходимо конкретизировать путем принятия федерального конституционного закона. Следует регламентировать взаимодействия полпредств с законодательными и исполнительными органами субъектов федерации.

На деле курс рецентрализации обеспечивался выборочным применением правовых норм, широким использованием неформальных практик регуляции отношений «центр-регионы». Как отмечает В. Прибыловский⁶²², федеральная власть поощряла лояльных губернаторов, разрешая им баллотироваться на третий и четвертый срок полномочий. Когда установить полный контроль над регионом было трудно, проводился «индивидуальный торг». Либо смена элит откладывалась в обмен на желаемый результат выборов в регионе, либо нелояльный губернатор получал престижную федеральную должность в обмен на смену элит в своем субъекте РФ.

Многие аналитики (Г.В. Голосов, А.Ю. Глубоцкий, А.В. Кынев, П.В.Панов)⁶²³ отмечают роль партийной и избирательной реформ в федеративных отношениях. Закон «О политических партиях» (июль 2001 г.) открыл путь поглощения региональных «партий власти» федеральной. Внедрение на выборах региональных парламентов смешанной системы повысило роль фракций всероссийских партий.

⁶²¹ Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002. С. 368.

⁶²² Прибыловский В. Триумфальное шествие башкирской избирательной технологии // А. Верховский. Россия Путина: пристрастный взгляд. М., 2003. С. 164-168.

⁶²³ Глубоцкий А.Ю. Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов / А.Ю. Глубоцкий, А.В. Кынев // Полис. 2003. № 6. С. 71-87; Панов П.В. Реформа региональных избирательных систем и развитие политических партий в регионах России // Полис. 2005. № 5. С. 102-117.

Централизация ресурсов создает острое противоречие: финансы концентрируются в руках федерального центра, а полномочия и ответственность отчасти передаются «вниз», – муниципалитетам и регионам, не имеющим экономических ресурсов в должном объеме. Бюджетный федерализм должен иметь разумный баланс централизации и децентрализма. По официальной статистике, в 2003 г. 17 регионов являлись донорами российского бюджета, а 72 были дотационными. Централизация бюджетных и налоговых потоков в лучшем случае приведет к тому, что донорами станут 30 регионов⁶²⁴.

В итоге второй этап федеративной реформы (2002–2004 гг.) привел к частичному успеху. Общественный консенсус поддержки «вертикали власти» ослабел. В этой обстановке переход к назначению глав регионов позволил придать новый импульс реформе.

Президент РФ В.В. Путин в выступлении 13 сентября 2004 г. вследствие трагедии в Беслане выдвинул инициативы: назначение высших должностных лиц регионов, пропорциональную систему выборов в Госдуму РФ, создание Общественной палаты. Аргументация назначения губернаторов состояла в том, что ради борьбы с терроризмом должно быть обеспечено «единство действий по всей вертикали исполнительной власти»⁶²⁵. Переход к фактическому назначению губернаторов аргументировался тем, что надо повысить эффективность государственного управления, преодолеть безответственность и произвол региональных элит, пресечь возможности победы на выборах некомпетентных либо криминальных кандидатов.

По новой системе, введенной Федеральным законом от 11 декабря 2004 года, региональные законодательные собрания могли одобрить или отвергнуть кандидатуру губернатора, предложенную Президентом РФ на срок 5 лет. Если региональный парламент дважды не одобрит кандидата, выдвинутого Президентом РФ, то Президент вправе назначить

⁶²⁴ Гельман В.Я. Возвращение Левиафана... С. 101.

⁶²⁵ Саква Р. Указ. соч. С. 179; Российская газета. 2004, 14 сент.

действующего главу региона на срок до 6 месяцев и распустить легислатуру. В этом случае новые выборы должны быть проведены в течение 120 дней с момента вступления указа в силу⁶²⁶. Кандидатуры на согласование Президенту представляют полпреды, а с 2007 г. – и политические партии, получившие большинство на региональных выборах.

Региональные элиты отреагировали на инициативу Президента РФ 13 сентября 2004 г. противоречиво. Подавляющее большинство губернаторов поддержало В.В. Путина, многие из них поспешили пройти процедуру назначения по собственной просьбе. С другой стороны, депутаты региональных парламентов критиковали назначаемость. Аргументы критики назначаемости: противоречие новшеств Конституции РФ и демократическим принципам; новый порядок делает губернаторов неподконтрольными со стороны населения региона. Особую критику вызвали: право Президента РФ распускать региональные собрания; безальтернативность предложенных Президентом кандидатов; невозможность отзыва губернатора без санкции Президента РФ.

В законе от 11 декабря 2004 г. не определены четкие критерии, предъявляемые к кандидатам на должность главы региона: стаж государственной службы, ценз проживания в регионе и т.д. Чётко не определена и процедура выдвижения кандидатов. Это ставит под сомнения гарантии компетентности глав регионов. Процедура назначения губернаторов потеряла черты публичности. Граждане утратили возможность влиять на выбор кандидатур и участвовать в их обсуждении.

Переход от прямых выборов глав регионов к выборам косвенным не противоречил общему курсу российской политики 1999–2004 гг., а логически его продолжал. В ресурсном аспекте смысл реформ – ослабление региональных акторов политики, уменьшение их властного потенциала. Назначения губернаторов усилили роль «Единой России» в регионах, облегчили федеральным элитам влияние на исход выборов.

⁶²⁶ Российская газета. 2004. 15 дек.

Рецентрализация диктовалась не только текущими (предвыборными и персональными) интересами элит. Долгосрочные факторы – усиление роли природных ресурсов в российской экономике и политике, что стимулирует интерес элит централизовать все прибыли в своих руках⁶²⁷. Курс рецентрализации не решает проблему эффективности управления; затрудняет получение центром объективной информации о регионах, а следовательно, и принятие эффективных решений. Это подталкивает федеральную власть создавать всё новые и новые контролирующие инстанции. Проблема не в векторе централизма, а в политической культуре управления и алгоритме реформ. Методы и модель рецентрализации обусловлены идеалами и представлениями элит страны, контролем исполнительной власти над разработкой и принятием решений⁶²⁸. Рецентрализация должна иметь сдержки и противовесы, не выходя за рамки федерализма.

В 2012 г. введены изменения выборов высших должностных лиц субъектов РФ. Законодательные собрания субъектов федерации получили право самостоятельно определять порядок выборов: прямой либо косвенный⁶²⁹. Как правило, преимущество отдаётся прямым выборам. Исключение составляют некоторые республики Северного Кавказа, переживающие насильственные этнополитические конфликты (Дагестан, Чечня). В них высшие должностные лица по-прежнему избираются голосованием депутатов законодательных органов республик. Прямые выборы глав регионов состоялись в октябре 2012 г. в 5 областях, в 2013 г. – в 8 регионах. На 14 сентября 2014 г. назначены прямые выборы губернаторов в 13 субъектах федерации. Но переход к прямым выборам глав всех регионов завершится только осенью 2017 г.

Анализ опыта прямых губернаторских выборов 2012–2013 гг. позволяет полагать, что легитимность и подконтрольность высших должностных лиц несколько выросла. Муниципальный

⁶²⁷ Гельман В.Я. Возвращение Левиафана?...С. 103-104.

⁶²⁸ Гельман В.Я. Указ. соч. С. 106.

⁶²⁹ Путин: большинство губернаторов будут избираться прямым голосованием. 15.05.2013. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/592945/> (дата обращения: 03.07.2014).

фильтр поставил кандидатов в губернаторы перед необходимостью договариваться с местными элитами, формулировать предвыборные программы, учитывающие конкретные запросы избирателей региона. Повысилась конкурентность выборов, т.к. возросло число партий, выдвигавших своих кандидатов. Внедрены процедуры отзыва высшего должностного лица по федеральному и региональным законам. Вместе с тем реформа остается ограниченной⁶³⁰. Во всех 13 проведенных избирательных кампаниях победили кандидаты партии «Единая Россия» либо лояльные к ней. Не допущено участие в выборах «самовыдвиженцев». Губернаторы, находящиеся у власти свыше двух сроков полномочий подряд, вправе участвовать в новых выборах. Тем самым возврат прямых выборов реализует расчет на постепенное и контролируемое «сверху» обновление состава губернаторского корпуса, активизирующее ротацию элит по каналам парламентских партий и местного самоуправления.

В нашей стране преобладают проявления неформального согласования групповых интересов как по вертикали – между федерацией и её субъектами, так и по горизонтали – между регионами. Главное противоречие федерализма по-российски – между традиционными политическими отношениями и современными институциональными формами.

Модель баланса политических отношений «центр-регионы» в РФ может быть оценена как «ограниченный федерализм» (по Р.Ф. Туровскому)⁶³¹. Её федеративный тип состоит в распределении экономических ресурсов, в способе разграничения полномочий центра и регионов. Ограниченность же – в существенном смещении баланса власти в пользу центра, особенно с 2005 г. Произошло снижение регионального влияния в Государственной думе РФ, т.к. пропорциональная система голосования (с 2007 г.) повысила роль федеральной части списков и общероссийских партий. В 2013 г. проведено

⁶³⁰ Прямые выборы губернаторов и система сбора муниципальных подписей в 2012 г.: влияние на развитие политической системы и направления совершенствования. Аналитический доклад Фонда «Институт социально-экономических и политических исследований». М., 2012. С. 36-43.

⁶³¹ Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2007. С. 326-328.

восстановление смешанной избирательной системы при формировании Государственной думы РФ, но на практике она еще не применена.

Преобразования территориального строя России в начале XXI в. призваны создать из рыхлой федерации с конфедеративными интенциями федерацию централизованную. Важнейшими направлениями процесса «собирания земель» были: наделение Президента РФ обширными полномочиями по роспуску региональных парламентов и отрешению от должностей избранных глав субъектов федерации; изменения порядка формирования верхней палаты парламента РФ; введение федеральных округов как межрегиональных координационных и контрольных структур.

Предстоит затяжное становление российского федерализма, соответствующего общественной среде. Такой федерализм будет иметь переходные, несовершенные черты и даст крен к «государству с автономиями». Но это несравненно лучше, чем хаос и полураспад России 1990-х гг.

Abstracts

CHAPTER 1. INTRODUCTION. RUSSIAN STATEHOOD: PAST PATH DEPENDENCY AND (OR) SET OF ALTERNATIVE.

The Chapter is devoted to the explanation of the purposes and tasks of scientific project of research of the Russian statehood, of the methodology and the theoretical approaches of the given monography, of the basic conclusions received by a group of authors.

Keywords: statehood, Past Path Dependency, alternatives. Political institutions.

CHAPTER 2. WHETHER DOES “RUSSIAN CIVILIZATION” EXIST? THE CRITICAL ANALYSIS OF THE CIVILIZATIONS’ APPROACHES.

The chapter is devoted to analysis of conception of “Russian civilization” in philosophical discussions of last 200 years on the base of the review of civilization theories including Russian thinkers of XIX century (Nikolay Karamzin, Nikolay Danilevsky, etc.) and some Western and contemporary Russian authors (Samuel Huntington, Oswald Spengler, Vadim Tsymburskiy, etc.).

Analyzing civilization theories and circumstances of their appearance the author comes to the conclusion that the concept of “Russian civilization” is rather an instrument of ideological fight than of academic and philosophical studies. First of all many states of civilization approach seems to be very controversial and unobvious (for example the criterion of arrangement of different societies as separate civilizations). The next point is that theories of “Russian civilization” usually appeared as a result of reaction to some political or geopolitical events – in situations when Russia felt military or political threat from the West or vice versa achieved close cooperation with Europe trying to adopt its institutions. Basing on these and some other arguments we can consider conception of “Russian civilization” underproductive for social studies.

Keywords: Civilization, Russia, progress, conservatism, Slavophiles, Nikolay Danilevsky, Samuel Huntington.

CHAPTER 3. FEATURES OF STATEHOOD AND SOCIAL ORDER IN THE XXI-ST CENTURY: “THE INGENIOUS POWER” OF THE KREMLIN.

Chapter overviews the social and political order of post-Soviet Russia from the point of view of social institutionalism. Given the fact that the carrier of social institutions links with social identities, special attention paid to the political identities of the society. Chapter argues that Russia currently is not identically homogeneous, which means that the “ruling strata” imposes its dominance preserving significant socio-cultural separation from the other people. Chapter discusses the mechanism of preserving this separation, and how the existence of such a separation affects the macro-stratification of society and the structure of the dominance in it.

Chapter argues that the social and political order of post-Soviet Russia is of type "top down", so that in terms of control over Russian social institutions, the principle of "Will of Sovereign" prevails over the principle of "Common Good". It discusses the introduced forming principle of "Will of Sovereign", the features of the social institutions in the country, including those that provide the turnover of administrative rents in the society. Chapter shows the significant place, which mitigating techniques for the risk of "color revolution" take in the politics of the “ruling strata” of post-Soviet Russia.

Keywords: Russia, Social Institutions, Social Identity, Political Hegemony, Political Order, Social Order, Elite.

CHAPTER 4. “RASKOL” AND THE ORIGINALITY OF THE RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL MODERNIZATION.

The Chapter is devoted to the social role of religious Schism («Raskol») in modernization of the Russian social system in 17th

century in comparison with the social role of European Reformation. The specifics of Russian Modernity is explained by a special type of individualism and stagnation of the society on paternalistic level of political culture, determined by the catastrophe of Raskol. That was the main cause of incomplete nation state transformation and partial modernization of Russian political system in the course of Secularization.

Keywords: Raskol, political modernization, individualism, secularization, nation state, political culture.

CHAPTER 5. “THE UNSOVEREIGN TSARDOM”: THE TIME OF TROUBLES AGE IN HISTORICAL RETROSPECTIVE AND CONTEMPORARY POLITICAL CONJUNCTURE.

The topic under consideration in this chapter is an evolution of political practices in Russia during the Time of Troubles against the background of 10th anniversary of the Unity Day establishment in the contemporary Russia.

The usual model of political culture of medieval Russia has undergone a major transformation in the middle 16th – early 17th century, thanks to the growth of autocratic tendencies on the one hand, and on the other — the development of “conciliarism” concept in relations between the supreme authority and subjects. Active involvement of the masses into the political process in a highly unstable situation of the Time of Troubles and lack of real support to the throne in the hands of tsar Feodor’s successors — all this not only led to a deep crisis of legitimacy and the statehood as a whole, but also gave rise to such new (for the country) phenomena such as imposture and zemstvo movement, and contributed to the formation of national identity as well, albeit only in its embryonic form.

Keywords: the Time of Troubles, legitimacy, Autocracy, zemstvo movement, imposture.

CHAPTER 6. RUSSIAN STATEMENT AND NONORTHODOX POPULATION OF RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF XIX TO THE BEGINNING OF XX CENTURIES.

This article devotes to the system of the organization between the government and nonorthodox population in Russian empire at the end of XIX to the beginning of XX centuries. The author looks at the example of the large to the religious people – the Catholics and the Moslems. In this article demonstrates all the system of this attitude to the period before the law about latitudinarian 17 April 1905 years. The author analyses what do and not do the Russian government to that time and how the religious factor pressures to the next political development of Russian empire.

Keywords: Russian empire, orthodox population, the Catholics, the Moslems, the mosque, latitudinarian, the laws.

CHAPTER 7. "GOLDEN AGE" OF THE TERRITORY ALONG AMUR-RIVER ("PRIAMURIE"): THE EXPERIENCE OF THE INTERRELATIONS OF THE STATE AND LOCAL SOCIETY ON PERIPHERY (1870 - 1904 гг.).

The Chapter discusses the type of interaction between the state and the regional community, formed on the outskirts of the Amur the Russian Empire in the late XIX - early XX centuries. Identifies and describes the structure of emerging and developing in addition to the state. Describes the strategy of the organization of interaction between them and the state. The presence of these strategies and it became the basis for the prosperity of the region in the period under review. Describes the specific form of the prosperity and the reasons for his disappearance.

Keywords: region, empire, community, power, informal relationships, interaction.

CHAPTER 8. RUSSIAN STATEHOOD AND THE WORLD WAR I: FROM MOBILIZATION TO THE END.

The Chapter is devoted to features of functioning of the Russian statehood in the First World War on the basis of consideration of the main events and a war path of two regiments of the Russian army.

The main conclusion of this Chapter is the proposition that in the period of World War I, the Russian state has proven its effectiveness in the mobilization and organization of the army, but the political crisis and its spread to the military units leveled the efficiency and ultimately led to the disintegration of the state.

Keywords: Mobilization, army, statehood, army technology, army management.

CHAPTER 9. FEBRUARY REVOLUTION OF 1917: LONG-TERM AND SITUATIONAL FACTORS OF WRECK OF A MONARCHY IN RUSSIA.

In this chapter, the February Revolution of 1917 is seen as the result of the causal impact of long-term and situational factors. Long-term factor is considered as a chronic crisis of legitimacy of the regime of coercion which was formed during the initial period of the Russian Empire. Autocracy tried to overcome this crisis by borrowing ideological (Petrine and Catherine cameralism of the XVIII century) and the use of religion as a factor of legitimation - the formula «Orthodoxy, Autocracy, Nationality» to religious consecration of the personal authority of the tsar under Alexander III. Inconsistency in the implementation of reforms of the 1860s and the inability to prolonged mobilization during protracted military conflicts determined strategic vulnerability of autocratic rule. First World War was a watershed event in the destiny of the autocracy. Unexpected prolongation of the war caused chaos control, monetary inflation and shortage of food supply of large industrial cities. Imposition of long-term and situational crisis factors led to a revolutionary

explosion - first in the imperial capital Petrograd and then to its rapid spread throughout Russia.

Keywords: historical sociology, legitimacy crisis, police state, revolution, autocracy.

CHAPTER 10. CRITICAL EPOCHS OF THE RUSSIAN STATEHOOD IN RUSSIAN HISTORICAL NOVELS OF A XIX-TH CENTURY.

The article examines the characteristics of Russian historical literature of two periods: 1830-1840 and 1870-1880 years. Subject crisis eras of Russian statehood is considered in the context of the formation of the genre of the historical novel in Russian literature, and also due to the different ideological directions of Russian philosophy. The author has identified a number of different historical periods, most often encountered in historical Romance of the 19th century. For example, the works of M. Zagorskine, T. Boulgarin, C. Masalsky, I. Lazhetchnikov, D. Mordovcev, G. Danilevsky, E. Salias, Vs. Soloviev presents the most characteristic features of the ordinary and historical heroes as two types of characters in the historical novel. The article examines the concept of nationality and patriotism expressed in historical Romance and related writers ideological attitudes.

Keywords: Literature, fiction, historical novel, history of Russian literature XIX century, Grigory Danilevsky, Michael Zaghoskin, Daniel Mordovcev, Alexander Pushkin, Constantine Masalsky, Vsevolod Soloviov, Leon Tolstoy.

CHAPTER 11. DEMOCRATIC INSTITUTIONS AND THE RUSSIAN STATEHOOD.

The chapter is devoted to the forms of democracy in Early Russia and in Russia of New time, including traditions of “veche” of the medieval Russian state. On an example of the Novgorod principedom political institutes of republican type of medieval Russia are considered.

The emphasis is placed in the characteristics of the development of the representative bodies in the history of Russia on the levels of central and local authorities.

The basic conclusion of the Chapter consists that that formation of representative institutes in Russia occurred in parallel to the European countries, slowly evolving into more active involving of inhabitants in politiko-administrative processes. However these processes were accompanied by the consolidated activity of the dominating power groups that has predetermined contradictions of the relations of the Russian statehood and democracy.

Keywords: democracy, “veche”, the Novgorod republic, representations bodies.

CHAPTER 12. THE RUSSIAN STATEHOOD AND PARLIAMENTARISM DEVELOPMENT IN THE BEGINNING XX AND THE BEGINNING OF XXI CENTURIES: THE COMPARATIVE ANALYSIS.

The Chapter is devoted to the historical conditions and factors of formation of parliamentarism in late imperial and post-communist Russia.

The role of import of institutions in the formation of the Russian model of parliamentarism is established. Compared projects of parliamentarism in activity of political parties and leaders. Ranked phenomenon of sham constitutionalism. Defined “path dependence” in the institutionalization of the Russian parliament.

Highlights the political struggle on the choice of the institutional design of the parliament and the procedures for its activities. Revealed the effects of electoral reforms, bicameralism and interaction between chambers as methods of political engineering. Compared agenda of activities of Parliament in late imperial and modern Russia. Disclosed positioning of party factions and coalitions, informal practices of political interests’ reconciliation. Ranked problem of representation of social and group interests in

the activities of Parliament. Set “political weight” of Parliament in Russian public opinion.

Keywords: parliamentarism, the Russian Empire, the Soviet Union, the Russian Federation, the comparative analysis.

CHAPTER 13. RUSSIAN STATEHOOD AND INSTITUTE OF POLITICAL ELECTIONS: TRANSFORMATION OF ELECTORAL INSTITUTIONS IN THE TIMES OF CRISES AND REVOLUTIONS.

Elections have been playing a significant role for the Russian state throughout its history. The author expresses his own approach, seeing both democratic and sustaining effect of elections in Russia. Further, he proposes a new thesis that contradiction between autocratic and oligarchic trends frequently attaches the elections the corresponding value. Democratic effect of elections frequently turns out to secondary one with respect to the oligarchic or even autocratic outcomes. In present-day conditions the prospective of fair democratic elections conflicts the interests of both autocracy and oligarchy. This research examines the evolution of functions of elections in Post-Soviet Russia. Author suggests two new functions - stress relieving and expression of public opinion - additionally to the generally accepted typology of functions of elections in Russia.

Keywords: election, electoral policy, electoral governance, electoral management.

CHAPTER 14. FEDERALISM METAMORPHOSES IN RUSSIA: IMPERIAL AND SOVIET INVARIANT.

The Chapter is devoted to the evolution of the federalism in Russia in the broad historical interval from the beginning of Russian state to the end of the XX century.

Comparison of political situations of beginning XX century, 1917-1923, 1987-1991 allow to give reason for conclusions that development of the Russian federalism has a) the cyclic character, b)

the "compelled" character, c) adaptable character to the agenda of political process.

Keywords: federalism, Russia, metamorphosis, invariants, Russian Empire, the Soviet Union, the Russian Federation.

CHAPTER 15. FEDERALISM METAMORPHOSES IN RUSSIA: POST-SOVIET INVARIANT.

The Chapter is devoted on the metamorphosis of federalism in Russia in the postsoviet period on the basis of the interpretations of federal projects in the Russian state policy, investigations of the formal and informal institutions of federalism, practices of reconciling interests of the center and the regions.

The following main dimensions of Russian federalism are established: the degree of centralization of power, the order of legitimation, symmetry/asymmetry, status of subjects of federation, balance of the administrative-territorial and ethnic principles of structure.

Keywords: federalism, Russia, metamorphosis, invariants, Russian Empire, the Soviet Union, the Russian Federation.

**РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
В ПЕРИОДЫ КРИЗИСОВ, ВОЙН
И РЕВОЛЮЦИЙ: ВЛАСТЬ,
ЦЕННОСТИ, ИНСТИТУТЫ**
(к 100-летию начала Первой мировой войны)

под редакцией Евстифеева Р.В.

**THE RUSSIAN STATEHOOD DURING
THE PERIODS OF CRISES, WARS
AND REVOLUTIONS:
THE POWER, VALUES, INSTITUTES**
(To the 100 anniversary of the beginning
of the First World War)

Сдано в набор 10.09.14 г.
Подписано в печать 29.09.14 г.
Формат 60x84/32 Бумага офсетная.
Гарнитура Calibri.
Усл.печ. л. 20 Авт.л. 19,51. Тираж 500 экз.
Заказ № 264/14.

Отпечатано во Владимирском филиале федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
"Российская академия народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации"

Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59а,
контактный телефон (4922) 52-27-89